
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 2

Выходит 4 раза в год

2011

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 2

Issued 4 times a year

2011

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Баранников А.В. – член-корреспондент РАО, д.п.н., проф. (*председатель совета*)
Чернобай Е.В. – к.п.н., доц., и.о. проректора по научной работе МГОУ (*зам. председателя совета*)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Дембицкий С.Г. – д.э.н., проф. МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГОУ
Хроменков П.Н. – к.фил.н., доц., и.о. проректора по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

A.V. Barannikov – Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor (*Chairman of the Council*)
E.V. Chernobay – Ph. D. in Pedagogics, Associate Professor, Acting Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
S.G. Dembitsky – Doctor of Economics, Professor of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor
P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Acting Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Uxhan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукус А.Н. – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к.полит. н., доц.;
Дж. Гонзалес, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия); **Могильницкий Б.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов);
Наталици М. – доктор наук (университет Сиена, Италия)

Editor-in-chief:
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor; **V.N. Zakharov**, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy)

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2011. – № 2. – М.: Изд-во МГОУ. – 254 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2011. – № 2. – М.: MSRU Publishing house. – 254 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Безобразова О.С.</i> Род Безобразовых: опыт историографического изучения	7
<i>Цветков В.С.</i> Источники о финансовом состоянии московского дворянского самоуправления во второй половине XIX века	12
<i>Лебедев Е.Н.</i> Славянофилы: консерваторы или либералы? (К истории изучения)	17
<i>Клишина О.С.</i> Кросс-культурный подход к исследованию внешности персонажа художественной литературы: индивидуальное и этноспецифическое (на примере творчества А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова)	22
<i>Гранков Д.А.</i> Закат усадебного мира (по воспоминаниям русских эмигрантов)	25
<i>Волобуев О.В., Волобуева Т.О.</i> Сводки по письмам и заявлениям на имя И.В. Сталина. 1946–1952 годы: обзор архивных материалов	31

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

<i>Никитина А.Д.</i> Древневосточное право как иллюстрация формирования государственных структур на Древнем Востоке. К вопросу о периодизации истории Южной Месопотамии (XXII – XVIII вв. до н. э.)	36
<i>Сафронов А.В.</i> Новый памятник времени правления фараона Сетнахта	42
<i>Наумов А.В.</i> Формирование идеи организации нового крестового похода против Османской империи под руководством Карла VIII в период подготовки вторжения в Италию (1490-1494)	49

Новая и Новейшая история

<i>Филатова О.И.</i> Чешские музыканты в первом театральном агентстве для России и за границы Е.Н. Разсохиной	54
<i>Мельникова К.Г.</i> История возникновения Балтийского вопроса в международных отношениях	60
<i>Старкин С.В.</i> Специфика аналитического сопровождения внешнеполитического процесса США со стороны разведывательного сообщества в 1950-е гг.	64
<i>Реутов П.П.</i> Внешнеполитические взгляды американских неоконсерваторов и их критика в работах П.Дж. Бьюкенена	70
<i>Качан Г.Г.</i> Эволюция взглядов китайского руководства на характер военных угроз (1949-1985 гг.)	75
<i>Базаркина Д.Ю.</i> Трудности информационного противостояния террористической угрозе: опыт ФРГ	79
<i>Базанова Е.А.</i> Стратегия «мягкой силы» КНР по сотрудничеству с арабскими странами Ближнего Востока в области образования 1990-2010 гг.	85
<i>Лавриненко Н.А.</i> Расширение НАТО на Восток Европы и позиция России	91

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А.</i> Новые материалы к истории населения начала бронзового века лесостепного Поволжья	96
<i>Лушников А.А.</i> Состояние восточнославянского язычества в конце X в. (по миниатюрам Радзивилловской летописи)	111
<i>Поспелова Ю.А.</i> Динамика и баланс внешней торговли России на Азово-Черноморском направлении в конце XVIII в.	115
<i>Ковылин Д.А.</i> Промысловая кооперация в казачьих станицах Дона во второй половине XIX – начале XX века	123
<i>Семенова Е.Ю.</i> Влияние мобилизаций периода Первой мировой войны на настроения городского населения Поволжья	131

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Баранова Н.С. Организационное оформление и структура Верхнеудинской биржи труда в 20-е гг. XX в. ...	137
Ефремов С.И. Трудовая деятельность бывших дворян в СССР (1920-е - 1930-е гг.)	141
Колемасов В.Н. Организация работы советской судебной системы в 1920-е годы	146
Меркулова А.М. Пути преодоления кризиса университетского образования в МГУ имени М.В. Ломоносова в 1930-х гг.	151
Самсоненко Т.А. Социальные учреждения южно-российской деревни как фактор «колхозного строительства»	158
Бочан С.А. «Боевые подруги»: гендерные аспекты оборонного движения в коллективизированной деревне СССР в 1930-х гг. (на материалах Дона и Кубани)	165
Глухарев Н.Н. К вопросу о деятельности А.В. Луначарского на должности председателя ученого комитета ЦИК СССР (1929-1933)	171
Поляков А.Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви: от легальности к подполью	176
Сергеев С.Л. Из истории подготовки специалистов народного хозяйства СССР в 1930-50-х гг. (на примере развития инфраструктуры Чувашского сельскохозяйственного института)	180
Панкратова Е.В. Развитие школьной сети Среднего Поволжья в 1930-начале 1940-х гг.	184
Володина Н.А., Панкратова Е.В. Восстановление и развитие народного образования в 1945-1953 гг. (на материалах Среднего Поволжья)	188
Волосов Е.Н. К вопросу о материальном стимулировании хозяйственных руководителей Ангаро-Енисейского региона в середине 60-х – начале 90-х годов XX века	192
Невзоров Д.А. Принципы государственного управления наукой в Советском Союзе (1960-1980-е гг.) ...	199
Сандалов И.А. Становление и развитие боевого знамени внутренних войск России в советский период	203
Фоменков А.А. Дело В.К. Смирнова-Осташвили и крах общества «Память» в СССР в эпоху перестройки	209
Шевцова А.А. Народная медицина в среде армянских мигрантов в республике Мордовия: традиционные представления и их трансформация (к проблеме истории повседневности)	214

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Модель государственной политики в сфере свободы совести в современной России	220
Джантуева Ф.Р. Доступ к информации – лучший индикатор развития гражданского общества («электронное правительство КБР»)	226
Кудрявцев М.М. Место молодежных политических движений в системе военно-патриотического воспитания граждан	230
Орлинская О.М. Бельгийский и швейцарский опыт строительства федеративных отношений: сравнительный анализ	234
Сидорова Г.М. Проблема конфликтов в Центральной Африке в контексте борьбы за природные ресурсы (на примере Демократической республики Конго – ДРК)	239
Танайлов С.В. Геополитика и энергетическая безопасность	245
НАШИ АВТОРЫ	252

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

O. Bezobrazova. The Bezobrazov family: historiographical experience	7
V. Tsvetkov. On financial condition of late 19 th century Moscow nobility self-government	12
E. Lebedev. Slavophiles: conservatives or liberals? (To the history of study)	17
O. Klishina. Cross-cultural approach to the investigation of the Russian classics (the works by A.N. Ostrovsky, N.S. Leskov and A.P. Chehov): individual and ethnic specific	22
D. Grankov. The decline of the manor world (by Russian emigrants' memoirs)	25
O. Volobuyev, T. Volobuyeva. Reports on letters and applications addressed to I. Stalin in 1946-1952: review of archives	31

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

A. Nikitina. Ancient oriental law an illustration of state structures in the Ancient East. On the periodization of the history of Southern Mesopotamia (XXII-XVIII centuries B.C.)	36
A. Safronov. The new monument from the reign of the Pharaoh Sethnakhte	42
A. Naumov. On the idea of organizing a new crusade against the Ottoman Empire under the leadership of Charles VIII while preparing an invasion of Italy (1490-1494)	49

Contemporary history

O. Filatova. The Czech musicians in the first theatre agency for Russia and abroad by Mrs. Elizabeth Rassohina	54
K. Melnikova. The origin of the term "Baltic issue" in the international relations	60
S. Starkin. Specificity of U.S. Foreign policy analytical support by intelligence community in 1950s	64
P. Reutov. Foreign policy views of American neocons and their critique in the works of P. Buchanan	70
G. Kachan. Development of the Chinese leadership's view on the nuclear threat in 1950s	75
D. Bazarkina. Difficulties of Informational Counter-Terrorist Struggle: German Experience	79
E. Bazanova. China's soft power strategy in the cooperation with Arab countries of Middle East in educational field in 1990-2010	85
N. Lavrinenko. NATO East European expansion and Russian attitude	91

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

P. Kuznetsov, O. Mochalov, A. Khokhlov. New sources for historical study of populating the forest-steppe Volga region at the Early Bronze Age	96
A. Lushnikov. Paganism of Eastern Slavs in late 10 th century (after miniatures of the Radziwiłł chronicle)	111
Ya. Pospelova. Dynamics and balance of Russian foreign trade through the ports of the Black and Azov seas in late 18 th century	115
D. Kovylin. Small producers' cooperation in the Cossack villages of Don in late 19 th – early 20 th centuries	123
Ye. Semenova. The influence of World War I mobilization on the urban population of the Volga region	131

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

N. Baranova. Verkhneudinsk labor exchange in 1920s. Structure and organisation	137
S. Yefremov. Former noblemen's labour activity in the USSR (1920–1930)	141
V. Kolesnikov. Soviet judicial system in 1920s: the beginning	146
A. Merkulova. Ways of overcoming university education crisis at the Lomonosov Moscow State University in 1930s	151
T. Samsonenko. Social institutions of the South Russian villages as a factor of "collective farming"	158

S. Bochan. "Battle girlfriend": gender aspects of defense movement in the Soviet collectivized village in 1930s (on the materials of the Don and Kuban region)	165
N. Glukharev. On A.V. Lunacharskiy's activity in the office of the chairman of the USSR cec scientific committee (1929-1933)	171
A. Polyakov. Bishop victor's movement in Russian Orthodox Church: from legality to underground	176
S. Sergeev. The infrastructure of national economy high school institution in 1930s – 1950s (based on the Chuvash State Agricultural Institute)	180
Y. Pankratova. Development of school system in the Volga region in 1930-s – early 1940-s	184
N. Volodina, Y. Pankratova. Restoration and development of national education in 1945-1953 (based on the Volga region materials)	188
E. Volosov. About material incentives of business leaders in the Angara-Yenisei region in mid-1960-s – early 1990-s	192
D. Nevzorov. Principals of state administration of science in the USSR (1960-1980)	199
I. Sandalov. Foundation and development of the battle banner of the Russian interior forces in the Soviet period	203
A. Fomenkov. V.K. Smirnov-Ostashvili case and the failure of "Pamyat" society in the years of perestroika	209
A. Shevtsova. Ethnic medicine with the Armenian immigrants in the Republic of Mordovia: traditional representation and its transformation	214

SECTION V. POLITOLOGY

R. Mukhametzyanova-Duggal. The model of Russian state policy in the sphere of freedom of conscience	220
F. Dzhan TUYEVA. Access to information is the best indicator of civil society development (e-government of KBR)	226
M. Kudryavtsev. The place of youth political movements in the patriotic military education	230
O. Orlinskaya. Belgian and Swiss relations building experience: comparative analyses	234
G. Sidorova. Conflicts in Central Africa in the context of the fight for natural resources (by the example of the Democratic Republic of Congo)	239
S. Tanaylov. Geopolitics and energy security	245
OUR AUTHORS	252

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94 (470)

Безобразова О.С.

Московский государственный областной университет

РОД БЕЗОБРАЗОВЫХ: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

O. Bezobrazova

Moscow State Regional University

THE BEZOBRAZOV FAMILY: HISTORIOGRAPHICAL EXPERIENCE

Аннотация. В статье анализируются основные работы, в которых освещалась история рода Безобразовых, принадлежавшего к категории древнего русского дворянства. Автор установил, что изучение генеалогии семьи началось в середине XIX в., дал характеристику исследованиям рода Безобразовых в русской (труды П.Н. Петрова, П.В. Долгорукова, Л.М. Савелова и др.), эмигрантской (труды Н.Ф. Иконникова, Н.Д. Плешко) и современной (труды Н.В. Фролова, И.Ж. Рындина, Г.А. Двоеносовой и др.) историографии. Изучение рода Безобразовых рассматривается в широком контексте развития отечественной генеалогии и исторической науки в XIX – начале XXI в. Выделены наиболее актуальные проблемы исследования родословия семьи, среди которых особое значение имеют противоречия в сведениях источников XV – XVI вв. о первых поколениях, не позволяющие соединить несколько древних родов Безобразовых, имеющих, возможно, общего предка.

Ключевые слова: генеалогия, Безобразовы, семья, дворянство, историография, родоначальник, справочники.

Abstract. The article is concerned with a detailed analysis of the main sources studying the history of the Bezobrazovs who belonged to old Russian noble families. The author has established that the genealogical study of the family dates back to the middle of the 19th century and proceeds with a detailed characterization of researches made on the Bezobrazovs in pre-revolutionary (works by P.N. Petrov, P.V. Dolgorukov, L.M. Savyolov and others), emigrant (works by N.F. Ikonnikov and N.D. Pleshko) and modern Russian (works by N.V. Frolov, I.J. Ryndin, G.A. Dvoynosova and others) historiography. The Bezobrazov family is studied on a broad scale of national genealogy and historical science development in the 19th - early 21st centuries. The most acute problems of the genealogical research of the family have been pointed out, which include contradicting data in the 15th -16th century sources concerning the first generations of the Bezobrazovs and preventing the explorer from finding a common ancestor for some of the family branches.

Key words: genealogy, the Bezobrazovs, family, nobility, historiography, ancestor, reference books.

В последние годы в современной российской генеалогии активно формируется историографический раздел, причем изучается не только процесс развития генеалогической мысли в целом, но и литература, касающаяся конкретных родов. Обзоры литературы часто присутствуют в работах, посвященных истории отдельных семей. В последнем случае историографический экскурс помогает лучше и более объективно оценить масштабы предпринятого

исследования, показать его место в системе отечественного генеалогического знания.

Род Безобразовых принадлежит к древним российским родам. Согласно родовой легенде, он происходит от Христофора (в крещении Михаила) Безобраза, выехавшего «из Пруссии» на службу к московским князьям в конце XIV в. Род был многочисленным и был причислен к дворянским корпорациям многих губерний – Владимирской, Казанской, Калужской, Московской, Пензенской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и др. За последние два века был накоплен значительный фонд специальной литературы, посвященной генеалогии Безобразовых.

Впервые попытку опубликовать родословие семьи предпринял князь Петр Владимирович Долгоруков, автор первого в отечественной историографии генеалогического справочника «Российская родословная книга», который издавался в 1850-х гг. Характерной особенностью генеалогии Безобразовых является высокая степень хронологических противоречий, поэтому исследователь не смог составить связного родословия семьи, а фактически ограничился биографическими сведениями о некоторых представителях рода, живших в XVI – XVII вв. [4].

Запутанность сведений о первых поколениях Безобразовых была обусловлена объективно – состоянием источников – и возникла еще в конце XVII в., когда после отмены местничества дворяне стали подавать свои родословия в Палату родословных дел для включения в новые родословные книги. Василий Тимофеевич Безобразов подал родословие в марте 1686 г., приложив к нему несколько актов второй половины XVI – начала XVII в. [1, 87-89]. В него не была вписана старшая ветвь рода, что вызвало протест со стороны ее представителей. После изучения документов обе ветви были официально признаны родственными, но оба родословия остались несоединенными, что в дальнейшем приобрело характер историографической традиции, переместившись из сферы практической генеалогии в научное знание.

Много сделал для изучения генеалогии Безобразовых Петр Николаевич Петров. Он опубликовал родословие Безобразовых в виде очерка; первоначально – в качестве статьи в популярном журнале «Всемирная иллюстрация», затем отдельным оттиском, а впоследствии текст вошел в книгу «История родов русского дворянства», перепечатанную в 1991 г. [6; 7; 8].

П.Н. Петров впервые перечислил те трудности, с которыми сталкивается исследователь при изучении генеалогии Безобразовых. «Разбор колен их представляет запутанности и трудности, которые не преодолеваются упорным трудом и усилиями преданного делу и знающего предмет исследователя», – справедливо отмечал автор [8, 193]. К числу трудностей изучения рода он отнес, во-первых, параллельное бытование христианских и мирских имен представителей рода; во-вторых, противоречивость поданной в 1686 г. в Палату родословных дел росписи, в которой есть разрыв в начальных поколениях. Особенно П.Н. Петров подчеркивал запутанность родословия средней ветви Безобразовых, приведя случай с несомненно принадлежащим к ней Иваном Андреевичем Безобразовым, внесенным во вторую часть дворянской родословной книги Костромской губернии, то есть не признанным в древнем дворянстве.

П.Н. Петров попытался также разрешить некоторые противоречия, связанные с родоначальником семьи. Он выдвинул версию, что у Христофора-Михаила Безобраза был не один сын, как показано в родословии, а два. Второй, причем старший (поскольку его потомство упоминается в более ранних документах), – Александр, у которого был сын Иван. Василий Безобразов, который показан в родословных сыном Христофора-Михаила, по мнению П.Н. Петрова, на самом деле являлся его внуком [8, 194].

Заслугой П.Н. Петрова является также то, что он, опираясь на документы Департамента Герольдии Правительствующего Сената, предпринял попытку структурировать род, выделить в нем территориально и генеало-

гически обособленные ветви. Исследователь не смог свести ветви в единое родословие, но предложенный им перечень помог ориентироваться в именах, что фактически заложило основы научного изучения рода.

Отрывочные сведения о роде Безобразовых содержались также в книге крупнейшего русского генеалога Л.М. Савелова «Родословные записи» [12]. Это был новый тип генеалогического справочника, автор его не преследовал цель дать связное родословие отдельной семьи, а считал важным ввести в научный оборот некую совокупность достоверной информации, извлеченной из источников за период до 1700 г. Сведения о Безобразовых у Л.М. Савелова представляют собой отрывочные факты по истории, генеалогии и землевладению рода, а также не связанные между собой родословные таблицы. Вся информация касается XVI – XVII вв.

В конце XIX – XX в. изменился тип генеалогического справочника, если раньше они охватывали все дворянское сословие Российской империи, то теперь стали территориально ориентированными. На основании архивных материалов губернских дворянских собраний изучалась дворянская корпорация какой-либо губернии. Секретарем тверского дворянства Михаилом Петровичем Чернявским была опубликована родословная таблица тверской ветви Безобразовых, мало что дающая для изучения рода и очень скудная в биографическом отношении [14]. Родословие тульских Безобразовых было опубликовано известным специалистом по средневековой генеалогии Николаем Васильевичем Мятлевым в фундаментальном справочнике Виктора Ильича Чернопятава о местном дворянстве [15, 7-9]. Однако и в данном случае родословие разделено на две ветви: одна из них возводится к Христофору-Михаилу Безобразу, включает 19 человек и доводится до 1870-х гг., другую автор смог связать с одной из таблиц, опубликованных Л.М. Савеловым, поэтому она начинается с жившего на рубеже XVI – XVII в. Семена Васильевича Безобразова и доведена до конца XVIII в. Фактически Н.В. Мятлеву удалось соединить

две семьи в общую схему, содержащую 12 человек. К категории исследований по истории регионального дворянства следует отнести и небольшую заметку о Безобразовых, написанную М.Н. Бережковым на основании материалов владимирских архивов [2, 7-9].

В СССР генеалогия не принадлежала к числу приоритетных направлений исторического поиска, что, в известной степени, компенсировалось ее развитием в условиях эмиграции. Крупнейшим событием этого периода в развитии дисциплины стало издание на французском языке справочника Николая Флегонтовича Иконникова, выходявшего двумя изданиями: в 1930-е – 1940-е и 1950-е – 1960-е гг. В одном из томов было помещено и родословие Безобразовых. Поскольку автору не были доступны архивные источники, находившиеся в СССР, то опубликованные им росписи представляют собой компиляцию из тех родословий, которые были изданы до 1917 г. с незначительными дополнениями из справочной литературы и публикаций источников [16].

Интересную попытку уточнить раннюю историю рода Безобразовых предпринял известный эмигрантский генеалог Николай Дмитриевич Плешко [9, 13-15]. Сопоставив традиционную версию родословия с опубликованными источниками, он пришел к двум важным выводам. Во-первых, Н.Д. Плешко установил, что современником Христофора-Михаила Безобраза являлся Александр Безобразов, у которого было три сына – Иван, имевший сына Алексея, Белица, умерший до 1515 г., и Черница, упоминаемый в 1495 г. Таким образом, исследователь не согласился с точкой зрения П.Н. Петрова, старавшегося соединить государева дьяка Алексея Ивановича с Христором-Михаилом Безобразом. Второй вывод Н.Д. Плешко был еще более важным. Он обратил внимание на идентичность имен в поколенной росписи Безобразовых 1686 г. и в потомстве Семена Мелика, боярина и воеводы, служившего князю Дмитрию Донскому. В росписи потомков Семена Мелика упомянут Василий Михайлович Безобраз, который не назван бездетным, но и дети его не показаны.

Генеалог был склонен идентифицировать его с Василием Михайловичем Безобразовым, считающимся сыном родоначальника изучаемой семьи Христофора-Михаила.

В 1990-е гг. резко возросло количество работ по отечественной генеалогии. Появилось несколько работ и по родословию Безобразовых. Прежде всего, в контексте создания новой информационно-справочной системы было издано несколько справочников, посвященных дворянским корпорациям различных регионов России. В них было опубликовано три поколенных росписи Безобразовых, уточняющих и исправляющих материалы дореволюционных изданий.

Краевед Николай Владимирович Фролов включил в свой справочник поколенную роспись владимирской ветви рода, начинающейся с ее родоначальника Ивана Романовича Безобразова, которому в 1620 г. было пожаловано в вотчину село Осовец Владимирского уезда. Он принадлежал к потомству Христофора-Михаила Безобразова. Родословие доведено до 1917 г. и вводит в оборот значительный новый материал, извлеченный преимущественно из Государственного архива Владимирской области [13, 39-43].

В 2001 г. был издан справочник по казанскому дворянству, составленный Галиной Александровной Двоеносовой [5, 81-82]. Трудность в изучении привилегированного сословия данного региона состоит в том, что архивный фонд местного дворянского собрания сохранился крайне плохо, поэтому и биографические справки в поколенных росписях, в том числе и Безобразовых, оказались отрывочными и довольно скудными в информационном отношении. В книге опубликована родословная семьи, внесенной в шестую часть дворянской книги Смоленской губернии, а в 1823 г. – причисленной к казанскому дворянству, но в древнем дворянстве не признанной и пополнившей третью часть. В поколенной всего пять поколений, охватывающих период со второй половины XVIII в. до второй половины XIX в.

Последняя по времени публикаций поколенная роспись Безобразовых содержится в

справочнике о дворянстве Рязанской губернии, издающемся Иваном Жановичем Рындиным. Основным источником сведений для автора стали материалы Рязанского дворянского собрания, но он не ограничился только ими, а интегрировал имевшиеся в его распоряжении данные в опубликованные ранее поколенные родословные. Вследствие такого подхода получилось, что в книге помещено 6 небольших поколенных росписей Безобразовых, причем нельзя согласиться с тем, что И.Ж. Рындин трактует их как ветви одного рода, хотя никаких доказательств генеалогической связи между ними не приводит [11, 176-179].

Наиболее существенные дополнения сделаны по той семье Безобразовых, которая была ошибочно внесена в третью и вторую части Рязанской родословной книги, но известна была еще с 1620-х гг., то есть имела безусловное право на причисление к древнему дворянству. Ее родословие прослежено до середины 1880-х гг. Родословие двух других семей состояло каждое из одного человека – подполковника Григория Ивановича Безобразова, причисленного к рязанской дворянской корпорации в 1832 г., и подпоручика Ивана Сергеевича Безобразова, записанного по Рязанской губернии в 1835 г. Остальные три поколенных росписи содержат краткие и отрывочные сведения.

Изучение генеалогии древних дворян Безобразовых в значительной степени затрудняется большим количеством однофамильных родов, внесенных в родословные книги многих губерний. Возможно, что некоторые из них фактически являлись ветвями древних семей, но установить их происхождение не всегда представляется возможным. Так, во вторую часть родословной книги Московской губернии записан был Федор Львович Безобразов, показанный из обер-офицерских детей, что не исключает его старинного происхождения [10, 102].

На волне интереса 1990-х гг. к генеалогии русского дворянства снова предпринимались попытки разобраться в генеалогии ранних поколений Безобразовых. В 1991 г. Е.С.

Герасимова сопоставила информацию из поколенной росписи конца XVII в. с актовыми материалами конца XV – XVII вв., однако никаких существенных выводов сделано не было и связь между различными семьями не установлена [3, 60-61].

Таким образом, Безобразовы изучены пока недостаточно, критически выверенное их родословие отсутствует. Основной задачей изучения генеалогии Безобразовых на настоящий момент является установление родственных связей между древними семьями, которые могут иметь общее происхождение, а также разделение однофамильных родов. Решить эту исследовательскую задачу возможно только на основании критического, всестороннего и полного выявления и анализа источников XV – XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. 414 с.
2. Бережков М.Н. К истории владимирских дворян Безобразовых // Труды Владимирской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 9. Отд. 2. С. 7-9.
3. Герасимова Е.С. К истории рода Безобразовых (по данным родословных росписей 1687 г. и актовых материалов конца XV – XVII вв.) // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 60-61.
4. Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. 482 с.
5. Казанское дворянство 1785 – 1917 гг.: Генеалогический словарь / Сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. 639 с.
6. Петров П.Н. Безобразовы (дворяне). СПб., 1875. 24с.
7. Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. 400 с.
8. Петров П.Н. История родов русского дворянства. М., 1991. Т. 2. 320 с.
9. Плешко Н.Д. Очередная задача русских генеалогов // Новик. 1954. Отд. 1. С. 11-17.
10. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1: Дворянство жалованное и выслуженное (А – И). М., [1914]. 686 с.
11. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Рязань, 2006. Вып. 1. 520 с.
12. Савелов Л.М. Родословные записи: Опыт родословного словаря русского древнего дворянства. М., 1906. Вып. 1. 270 с.
13. Фролов Н.В. Владимирский родословец. Ковров, 1996. Вып. 1. 166 с.
14. Чернявский М.П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г. [Тверь, 1871]. 219 с.
15. Чернопятаев В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула; М., 1909. Т. 3 (12). Ч. 6. 784 с.
16. Ikonnikov N.F. Noblesse de Russie. Paris, 1963. V. X. 202 с.

УДК 929.7.035

Цветков В.С.

Московский государственный областной университет

**ИСТОЧНИКИ О ФИНАНСОВОМ СОСТОЯНИИ
МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

V. Tsvetkov

Moscow State Regional University

**ON FINANCIAL CONDITION OF LATE 19TH CENTURY
MOSCOW NOBILITY SELF-GOVERNMENT**

Аннотация. До настоящего времени не проводилось широкого исследования финансовой документации дворянских самоуправлений. В данной статье раскрываются проблемы исследования источников по финансовой деятельности московского дворянского сословного самоуправления во второй половине XIX в. Основным источником являются финансовые книги приходно-расходного характера Московского дворянского депутатского собрания. При многочисленности видов приходно-расходных книг необходимо выделить те книги, которые в полной мере раскрывают развитие экономической деятельности дворянского самоуправления Москвы. Благодаря методу сопоставления материала различных видов приходно-расходных книг, можно сказать, что источником, широко раскрывающим финансовое состояние московского дворянского самоуправления, можно считать два вида финансовых документов: приходно-расходные книги дворянской суммы и кассовые книги дворянства.

Ключевые слова: дворянство, Московское дворянское депутатское собрание, капитал дворянства, приходно-расходная книга, дворянская сумма, кассовая книга, книга специальных счетов.

Abstract. This article explores the sources of data on financial activity of Moscow nobility self-government in the second half of the 19th century. The account books of Deputies' Assembly of Moscow Nobility are the most reliable source for such investigation. With a great number of account books of different kinds it is necessary to detach books that can give a full account of the development of Moscow nobility self-government's economic activity. Having compared the data from different account-books the author can clearly state that the most complete and reliable sources are two kinds of financial books: account books of nobility's amount and cash-book of nobility.

Key words: nobility, Deputies' Assembly of Moscow Nobility, capital of nobility, account book, amount of nobility, cash-book, book of special accounts.

До настоящего времени не было полноценных исследований финансового положения дворянского самоуправления Московской губернии в один из самых сложных для этого условия периодов российской истории – второй половины XIX в. когда под нарастающими капиталистическими изменениями в обществе ломались многовековые устои «благородного сословия». По финансовой деятельности дворянского самоуправления можно судить об общем состоянии сословия, социальных и экономических изменениях, коснувшихся его.

Каждое дворянское общество Российской империи имело в своём распоряжении определённый капитал, которым от его лица распоряжалось дворянское сословное самоуправле-

ние. Законом регламентировались источники этих средств, их назначение и источники пополнения. Денежные средства пополнялись из двух основных источников: из обязательного сбора на частные дворянские повинности и добровольных сборов дворян губернии в общую казну. Собранию принадлежало право самим определять сметы доходов и расходов и производить распределение средств, не выходя за пределы установленных законом размеров обложения и видов облагаемых имуществ [1, 154]. Основными дворянскими капиталами распоряжалась канцелярия Дворянского депутатского собрания, но данный орган только хранил и вёл учёт денежных средств. Распределение средств происходило по решению Собрания предводителей и депутатов дворянства.

Существует несколько исторических источников, раскрывающих финансовую деятельность московского дворянского самоуправления. В первую очередь, это различные приходно-расходные, кассовые книги и книги специальных счетов, куда записывались основные суммы, связанные с финансовой деятельностью дворянства. В качестве источника можно также указать доклады Губернским дворянским собраниям «о приходе, расходе и остатке денежных сумм дворянской казны»¹, но доклады не передают всей полноты финансовой деятельности дворянства, т. к., в отличие от приходно-расходных книг, содержат в себе лишь основные цифры и показатели, не прослеживая развития капиталов, не затрагивая видов их хранения (наличными деньгами и ценными бумагами), а также многих других аспектов финансовой деятельности.

Приходно-расходные книги Московского дворянского депутатского собрания не являются постоянным источником, они меняли своё оформление, разновидности финансовых записей в них и названия. Можно выделить три этапа развития книг финансовой отчётности на протяжении второй половины XIX в. Объединение в группы происходит по

схожей структуре, оформлению приходно-расходных записей, характерному для финансовой отчётности Московского дворянского депутатского собрания того или иного периода.

Первый этап (1850-1864 гг.) можно назвать дореформенным, он характеризуется относительно небольшими расходами дворянства. Во **второй этап** – пореформенный (1867-1877 гг.), произошло расширение деятельности дворянства в сфере ценных бумаг, с появлением выкупных платежей. Во время **третьего этапа** (1878-1903 гг.) происходит увеличение расходов в благотворительной сфере, возникновение крупных благотворительных капиталов, увеличение доли ценных бумаг в собственности дворянства. Каждый из представленных периодов является отражением не столько периода развития финансовой документации, сколько временного этапа финансовой деятельности московского дворянства, т. к. эта деятельность напрямую влияла на составление бумаг приходно-расходного характера.

За вторую половину XIX в. финансы дворянства не были едины, они были разбиты на несколько отдельных капиталов, по каждому из которых велась собственная приходно-расходная книга. Число таких капиталов колебалось, они упразднялись, вливались в другие отчётные книги, но всегда основной приходно-расходной книгой было книга по дворянской сумме (с 1878 г. кассовая книга), другие книги можно считать сопутствующими. Дворянская сумма – те денежные средства, которые находились в прямом распоряжении Московского дворянского депутатского собрания. Сопутствующие книги – это приходно-расходные книги, отражающие состояние отдельных капиталов: на благотворительные цели, на строительство дворянской собственности или её содержание, книги, в которые вносилась сумма по дворянскому сбору. Позже, в третий период, все сопутствующие книги были объединены в книгу специальных капиталов.

У московского дворянства не было финансового документа, полностью отражавшего

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 4. Оп. 3. Д. 69.

его экономическое положение. Даже книги по дворянской сумме (кассовые книги) лишь приблизительно отражают ситуацию. В разные годы в книги по дворянской сумме записывались различные показатели прихода и расхода. Несмотря на это, на данные книги можно опираться в качестве источника информации о финансовой деятельности московского дворянства за вторую половину XIX в., т. к. их можно считать наиболее стабильными и постоянно существующими среди всей финансово-отчётной документации дворянства.

Приходно-расходные книги первого периода отличаются простотой. В них было немного записей. Оформление книг строилось следующим образом: в левый лист разворота записывался приход, в правый расход. Листы прихода и расхода делились на столбцы, в которых указывались дата и номер записи, сама запись о получении или расходе средств, а также сумма в серебре. Каждый новый год заводилась новая приходно-расходная книга. Первой записью в ней была сумма, оставшаяся с предыдущего года с разделением её на наличные деньги и ценные бумаги. Благодаря этой записи можно судить об общем финансовом состоянии дворянства за те годы, приходно-расходные книги которых не сохранились. В конце каждого месяца подсчитывался остаток серебром и ценными бумагами, под ним подписывались губернский предводитель дворянства и казначей. В конце года подводился аналогичный подсчёт, но уже за весь истёкший год. На последнем листе книги ставилась сургучная печать Московского дворянского депутатского собрания и подпись губернского контролёра.

Книги первого периода имеют характерные особенности, которые повторялись и в подобных книгах последующих периодов. Основная из них заключалась в том, что денежные средства дворянства были разделены на две значительные части: средства, находящиеся в наличных (серебром), и в ценных бумагах (в первый период билетах Московской сохранной казны). Ценные бумаги преобладали над наличными, в среднем около

60-70% от общей суммы¹, процент в каждый отдельный год был различен.

Приходно-расходные книги дворянской суммы с 1867 по 1877 годы, как уже было сказано, образуют вторую группу финансово-отчётной документации Московского дворянского депутатского собрания. Её появление связано с изменившейся экономической ситуацией. Началась так называемая эпоха Великих реформ, характеризовавшаяся усилением в экономике Российской империи капиталистических тенденций. Особенностью данной группы приходно-расходных книг является активизация использования дворянством ценных бумаг. Исчезают билеты Московской сохранной казны, но взамен появляются новые виды ценных бумаг (выкупные свидетельства, расчетные книжки Государственного банка, билеты внутреннего пятипроцентного займа). Следует отметить, что структура и оформление приходно-расходных книг второго периода практически не изменились. Только с 1876 г. в приходно-расходных книгах под влиянием новой финансовой ситуации появились отдельные столбцы для наличных денег, процентных бумаг и для расчётных счетов.

Со второй половины 1870-х гг. упраздняются приходно-расходные книги дворянской суммы. С 1878 г. изменились принципы ведения финансовой отчётности в московском Дворянском депутатском собрании, по сравнению с двумя предыдущими периодами они значительно усложнились. Были выделены две основные книги: кассовая книга и книга специальных счетов. Третий этап длился 25 лет, и его книги сильно отличаются от книг двух предыдущих периодов. В силу того, что третий период является позднейшим, материал по нему сохранился лучше, чем по предыдущим.

Книги специальных счетов собрали в себя сопутствующие книги и в соответствии с этим были разделены на несколько частей, не связанных друг с другом, и по каждой из которых подводились итоги за год. Фактически эти части представляют собой со-

¹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 107.

путствующие приходно-расходные книги по дворянским капиталам. В 1878 г. на момент создания книг подобного рода это были: дворянский капитал, капитал военных воспитанников, капитал частных повинностей, стипендиатный капитал, капитал для улучшения библиотеки пансион-приюта (Долгоруковский капитал), капитал хозяйственного совета Российского благородного собрания, капитал санитарного отряда, Иохемзинский капитал, капитал благотворительной суммы¹. Со временем их число менялось, одни капиталы ликвидировались, когда задачи, для которых они были созданы, были решены; учреждались новые. В 1879 г. учреждается капитал Митрино². В 1881 г. к ним прибавились капитал на учреждение пенсионного капитала дворянского пансион-приюта, капитал 10 февраля 1880 г. и капитал на пособия раненым офицерам³. В 1882 г. – капитал сиротской вспомогательной кассы московского дворянства⁴. В 1883 г. был учреждён капитал на сооружение памятника императору Александру II и на образ Св. Алексея Митрополита⁵. В 1888 г. был создан целый ряд новых капиталов: капитал выморочных имуществ, капитал на учреждение института для благородных девиц имени императрицы Екатерины II, капитал дохода с дома Озеровых и капитал дохода с дома Казакова⁶. В книге специальных счетов за 1895 г. появляются: капитал Филатьевского убежища в Москве, капитал г-жи Николевой, капитал Запасного дворцового дома, капитал 2-х стипендий графа С.Д. и графини Е.П. Шереметевых, капитал стипендии имени князя В.А. Долгорукова и капитал г-жи Тулубьевой⁷. К 1899 г. (после этого года книги специальных счетов перестали вестись) к дворянским капиталам прибавились: капитал

сбора на содержание дворянских учреждений, основной капитал Дворянского института, строительный капитал Дворянского института и стипендиатный капитал Дворянского института⁸, благотворительный капитал М.Ф. Оболенской, основной капитал богадельни Оболенской, ремонтный капитал богадельни Оболенской, капитал оставшийся от разных опекунов, капитал для призрения неимущих, капитал на воспитание детей мужского пола, капитал приюта для малолетних, капитал А.С. Воейковой, Сбор % на уплату по займам, сбор на уплату займа по коронации, касса для вспомоществования недостаточным дворянам, капитал на возмещение убытков по конверсии 5% бумаг⁹.

Данные капиталы создавались для определённых целей. По этим целям их можно разделить на доходные – т. е. получаемые с дохода от собственности или от дворянских сборов, и на не доходные – созданные для платы за обучение дворянских детей из «недостаточных» семей или на создание памятника. Можно отметить, что большинство созданных капиталов относятся к благотворительной сфере. К началу XX в. сфера применения и вследствие этого количество капиталов многократно возросло. Были созданы такие капиталы, как: ремонтный капитал богадельни Оболенской, капитал, оставшийся от разных опекунов, капитал на возмещение убытков по конверсии 5% бумаг¹⁰.

Книги специальных счетов интересны тем, что содержат в себе полный перечень и финансовое состояние всех дворянских капиталов, по которым можно судить о направлениях общей финансовой политики московского дворянства в конце XIX в.

В кассовой книге третьего периода дублировались основные записи из книги специальных счетов. Например, сбор на частные повинности с поместий уезда суммируется, и затем записывается единой суммой в кассовой книге. Таким образом, можно утверждать

¹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 280.

² ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 281. Л. 256.

³ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 283. ЛЛ. 125, 146, 208.

⁴ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 284. Л. 316.

⁵ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 286. Л. 260.

⁶ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 298. ЛЛ. 254, 276, 391, 410.

⁷ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 322. ЛЛ. 128, 143, 158, 174, 189, 206.

⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 334. ЛЛ. 27, 231, 272, 280.

⁹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 335. ЛЛ. 130, 146, 171, 183, 199, 210, 225, 234, 266, 282.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 335.

дать, что кассовые книги Дворянского депутатского собрания, как и книга дворянской суммы предыдущих периодов, являются наиболее достоверным отражением финансового состояния московского дворянства на данном этапе. В кассовые книги, в отличие от книг специальных счетов, записывались только суммы в наличных деньгах. Хотя, с упразднением книг специальных счетов, в кассовые книги стали записываться наряду с наличными суммами и ценные бумаги, для этих целей в них появляется столбец для записи сумм по ценным бумагам¹.

Кассовые книги начали вести с 1883 г., до этого их роль выполняли записи капитала дворянской суммы, являющиеся частью книги специальных счетов². Позже, после введения кассовых книг, записи капитала дворянской суммы остались, но в них записывали лишь те суммы, которые были непосредственно у Дворянского депутатского собрания, их итоговая сумма за год не превышала 3.602 руб.³

Существует около ста восьмидесяти книг приходно-расходного характера, связанных с финансовой деятельностью московского дворянства. Нельзя составить полной картины развития капиталов дворянства за каждый год во второй половине XIX в., т. к. финансовые книги за некоторые годы не сохранились. Пропуски составляют от одного (1880, 1884, 1887 гг.), до двух (1856-57, 1855-56, 1894-95, 1898-99, 1901-02 гг.) и трёх (1871-73 гг.) лет. Всего за вторую половину XIX – первые годы XX вв. отсутствует пятнадцать приходно-расходных книг по

дворянской сумме и кассовых книг. Несмотря на это, сохранившихся книг достаточно, чтобы составить верные выводы об экономическом состоянии дворянства Москвы.

Финансовые книги Дворянского депутатского собрания являются источником по экономической деятельности московского дворянства. Полученный в результате их исследования материал может быть использован в работах, посвящённых социально-экономическому развитию и общественной деятельности дворянства Московской губернии, т. к. экономическая активность дворянства напрямую была связана с изменениями в его социальной структуре и ролью в обществе.

Не существует единого исторического источника по данной теме. На протяжении всей второй половины XIX в. одновременно существовало несколько книг финансового характера, отражавших различные аспекты экономической активности дворянского сословного самоуправления. На протяжении рассматриваемого периода, несмотря на изменения способов ведения финансовых книг, можно выделить единый источник, исследование которого может дать широкую информацию о развитии капиталов, не прибегая к другим документам. Этим источником являются приходно-расходные книги дворянской суммы, позже кассовые книги московского дворянства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861-1904 гг. М.: Наука, 1979. 420 с.

¹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 339.

² ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 280.

³ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 298.

УДК 94 (47)

Лебедев Е.Н.

Российский государственный университет туризма и сервиса (г. Москва)

СЛАВЯНОФИЛЫ: КОНСЕРВАТОРЫ ИЛИ ЛИБЕРАЛЫ? (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)

E. Lebedev

Russian State University Of Tourism And Service, Moscow

SLAVOPHILES: CONSERVATIVES OR LIBERALS? (TO THE HISTORY OF STUDY)

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок и трактовок славянофильства, прежде всего, в советской историографии. Особое внимание уделено монистической и дуалистической тенденциям в изучении славянофильства в рамках классового подхода к нему. В первом случае рассматривается трактовка славянофильства как однозначно консервативного либо либерального течения. Во втором – анализируется трактовка славянофильства как консервативного и либерального движения одновременно. По мнению автора, дуалистическая трактовка лучше отражает внутреннюю противоречивость славянофильства.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, либерализм, дуализм.

Abstract. The article is concerned with the analysis of estimations and treatments of slavophilism, primarily in the soviet historiography. Special attention is paid to monistic and dualistic tendencies in studying slavophilism within the framework of the class approach. According to the first tendency slavophilism is regarded either as purely conservative or liberal movement. According to the second tendency both conservative and liberal features of slavophilism are treated simultaneously. The author suggests the dualistic treatment better reflecting the internal discrepancy of slavophilism.

Key word: slavophilism, conservative, liberal, dualism.

Славянофильство как первая в истории России попытка проявления национального самосознания стало ответом на вызов, выраженный в «философическом письме» П.Я. Чаадаева. Оно зародилось в условиях идеологического вакуума постдекабристкой Николаевской эпохи. Идеологический вакуум присутствует и сегодня. Вековой спор славянофилов и западников возродился ныне, проявляясь как противоборство, сложное взаимодействие традиционализма и модернизации. В чем истоки, сущность славянофильства? Как трактовали это течение русской общественной мысли XIX в. советские историки? Разрешению этих и других вопросов посвящена данная статья.

Русские историки о славянофильстве

В отечественной историографии проблема славянофильства занимает особое место. Еще в 70-х гг. XX в. число специальных работ по славянофильству измерялось единицами. В основном исследователи сосредоточивали внимание на каком-либо одном аспекте движения. Причем в оценках его нередко присутствовали пристрастность, субъективность, обусловленные влиянием той или иной идеологии. В этом плане типична, например, революционно-демократическая традиция в оценке деятельности славянофилов. Начало ей положили А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский.

Одной из первых объективных оценок классического славянофильства представляется речь русского историка Н.И. Костомарова «О значении критических трудов К. Аксакова по русской истории» (1861). Автор назвал «школу» славянофилов оригинальной, отметил позитивные и негативные стороны исторической схемы К.С. Аксакова. К первым, по убеждению Н. И. Костомарова, относятся внимание к древнему, общинному, вечевому началу, «разработка народной жизни» вместо подражания западным теориям, «двойственность земли и государства в русской истории», критика теории родового быта. Из отрицательных черт славянофильства историк выделяет «идеализм», «московский патриотизм», насильственное осветление периода допетровской Руси [4, 366].

Несколько основополагающих мыслей о сущности славянофильства принадлежит В.О. Ключевскому. По его мнению, борьба греческого (церковного) и западного (государственного) влияний, разгоревшаяся во второй половине XVII в., породила славянофильство и западничество [6, 245].

Уже в исследованиях историков второй половины XIX в. проявились консервативное и либеральное истолкование славянофильства. Петербургский историк К.Н. Бестужев-Рюмин в статье «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе» (1862) выделял в движении, прежде всего, патриархально-консервативные черты. А А.Н. Пыпин, напротив, относил славянофилов к либералам [7, 3].

Позднее П. Линицкий в своей книге «Славянофильство и либерализм. Опыт систематического обозрения того и другого» (1882) безоговорочно относил славянофилов к консерваторам. По мнению же видного философа и историка начала XX в. М.О. Гершензона, из славянофильства выросла вся российская правая идеология [7; 3-4].

Классовый подход к идейному наследству славянофилов

После Октября 1917 г. славянофильство стало изучаться в контексте его классовой

природы, системы экономических воззрений. Г.В. Плеханов впервые в отечественной историографии попытался выявить классовые корни славянофильства. По его суждению, теория славянофилов насквозь пронизана страхом перед классовой борьбой, революцией. Мыслитель также подчеркнул консервативную природу славянофильства, приравняв его к охранительной идеологии. Согласно Г.В. Плеханову, «славянофильство и теория «официальной народности» представляют собою по существу одно и то же учение» [8, 96], а мировоззрение славянофилов является «чисто дворянским». Итак, Г.В. Плеханов определил славянофильство как сугубо консервативное явление.

Некоторые положения П.Н. Милюкова, концепции В.О. Ключевского и особенно Г.В. Плеханова оказали большое влияние на советских исследователей. Одни из них принимали плехановскую концепцию славянофильства, другие критиковали ее и развивали свои идеи. Исходным материалом рассуждений исследователей в обоих случаях была теоретическая схема мыслителя. Таким образом, в советской историографии сложились два взгляда на славянофильство. Сторонники монистической трактовки определяли движение как однозначно консервативное, а позже – чисто либеральное. А их оппоненты утверждали дуалистическую природу славянофильства: консервативно-реакционную и в то же время либерально-прогрессивную, то есть помещичье-буржуазную в классовом отношении. Так или иначе, исследование проблемы производилось с точки зрения классового подхода.

На рубеже 1920-1930-х гг. вследствие травли «классовых врагов на историческом фронте» были утрачены целые пласты исторической мысли. Как утверждал Г.В. Вернадский, «возобладала школа М.Н. Покровского с ее девизом “история есть политика, отброшенная в прошлое”» [1, 221]. Тогда о славянофильстве вспоминали редко. Специальных работ по его истории, за исключением статьи Н.Л. Рубинштейна «Историческая теория славянофилов и ее классовые корни», не было вовсе.

Мировоззрение славянофилов в первой трети XX в. рассматривалось как идеология помещиков. Такого взгляда придерживался, как уже говорилось, Плеханов. Ему возражал историк-марксист Н.Л. Рубинштейн. Обратившись к классовым основам славянофильства, он сделал вывод о наличии в нем дворянских и буржуазных черт. Ближайшими предшественниками славянофилов были, по его словам, представители «официальной народности». Их литературная деятельность протекала в основном в 30-х гг. XIX столетия. Историк признавал близость славянофильства и теории «официальной народности» как двух охранительных школ. Но в первой из них, в отличие от второй, он находил и прогрессивные элементы [9, 55].

Историческая теория славянофилов, по Н.Л. Рубинштейну, была противоречивой. Самобытность русского исторического процесса уживалась в ней с заимствованиями от Запада [9, 116]. Итак, исследователь впервые в советской историографии высказал мысль о двуединстве классовой природы славянофильства, наличии в нем дворянских и буржуазных элементов, прогрессивных и реакционных черт.

Конкретно-исторический подход к проблеме славянофильства

В предвоенные годы в связи с изменением международной обстановки классовый подход в марксистской историографии утратил гипертрофированные формы. Хотя монистическая трактовка славянофильства как консервативного течения сохранялась. Н.М. Мещеряков, в частности, считал, вслед за М.П. Погодиным, славянофилов охранителями [3, 15]. Но возникли и новые подходы к проблеме славянофильства.

Этапным по научной значимости в изучение проблемы стал доклад С.С. Дмитриева в Институте истории Академии наук СССР и написанная на его основе статья «Славянофилы и славянофильство». В ней историк отмечает недостаточную степень изученности славянофильства как направления. Причина

была в том, что славянофильством больше занимались философы, историки литературы, критики, а не историки. Так, в науке распространился расширительный подход в применении терминов. Подход, по мнению исследователя, должен быть «конкретно-историческим». Понятия «славянофильство» и «западничество» нужно применять лишь относительно эпохи 1840 – 1880 гг. [2, 85]. Определяющим моментом тех лет была реформа 1861 г.

О славянофильстве в историографии высказываются противоречивые суждения. Его называют либо крепостнической помещичьей идеологией, либо реакционным националистическим либерально-буржуазным течением, либо панславистским движением. Дмитриев определяет славянофильство как помещичью идеологию с элементами буржуазности [2; 86, 93].

По мнению исследователя, внутреннюю противоречивость концепции славянофилов обусловило большое число разнообразных влияний. В ней имеют место быть относительно прогрессивные для того времени взгляды и реакционные воззрения. К первым принадлежат социально-политические взгляды славянофилов. Славянофильство возникло в эпоху кризиса крепостнического строя. Как направление оно было враждебно крепостничеству. Славянофилы ратовали за освобождение крестьян с землей, а также за сохранение общинного землевладения [2, 90, 91, 93].

Славянофилы были монархистами, но выступали за создание Земского собора, за свободу слова и др. Позитивными были и экономические взгляды славянофилов: замена крепостного труда «свободным» трудом наемного работника, превращение России из страны «земледельческой» в страну «промышленно-земледельческую» [2, 96]. Как и Рубинштейн, С.С. Дмитриев отметил наличие буржуазного содержания в славянофильстве.

Несмотря на идейное размежевание славянофилов и западников, историк подчеркнул их внутреннюю близость, принадлеж-

ность тех и других к либеральному лагерю. Но и Дмитриев не избежал конъюнктурных моментов в оценке славянофильства. Так, обвинения славянофилов в поповствующем идеализме, антиреволюционности носят идеологический характер. Ныне эти аспекты мировоззрения славянофилов не выглядят как однозначно реакционные.

Отмечая консервативный характер славянофильства, историк утверждал наличие в нем прогрессивных и реакционных сторон. Статья Дмитриева придала новый импульс исследованию проблемы славянофильства. Позднее исследователь пришел к выводу, что славянофильская идеология не только внутренне противоречива, но и дуалистична: содержит консервативные и либеральные элементы.

Монистическая и дуалистическая трактовки славянофильства

После войны 1941-1945 гг. проблема западничества и славянофильства оказалась в тени. В исторической науке продолжали существовать консервативная и либеральная трактовки славянофильства. В.М. Штейн в работе «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX – XX веков» (1948) оценивал славянофильство как прогрессивное явление. А А.Г. Дементьев в книге «Очерки по истории русской журналистики 1840-1850 гг.» (1951), как и Плеханов, отождествлял славянофилов с представителями «официальной народности» [3, 16].

О выходе монографических работ по проблеме славянофильства длительное время не могло быть и речи. Лишь в середине 1950-х гг. появились специальные труды по славянофильству. К ним относится книга Н.А. Цаголова «Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права» (1956). В ней дан анализ главных течений русской дворянской и буржуазной мысли середины XIX в. на основе конкретного обзора экономических сочинений. Автор оппонирует С.С. Дмитриеву, отрицая прогрессивность славянофильства.

В 1960-е гг. произошло смещение акцентов в оценке славянофильства в сторону его либеральной трактовки. В поддержку последней выступили историки Ш.М. Левин («Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX века», 1958) и Н.Г. Сладкевич («Очерки истории общественной мысли в России в конце 50 – начале 60-х годов XIX века», 1962). Консервативное направление в изучении славянофильства в 1960-1970-е гг. представляли А.Г. Дементьев, В.И. Кулешов, Ю.З. Янковский, А.Л. Янов и др.

Начало новому этапу в изучении славянофильства положила дискуссия 1969 г. в журнале «Вопросы литературы». Она стимулировала рост интереса к славянофильству, появление монографических исследований, посвященных движению. Взгляды ленинградских исследователей развили в 1980-е гг. Е.Д. Дудзинская, Н.И. Цимбаев. Первой принадлежит монография о деятельности славянофилов в канун крестьянской реформы. В ней дан историографический обзор литературы по славянофильству. По мнению историка, еще в 1941 г. С.С. Дмитриевым была представлена программа исследований, не реализованная и по сегодняшний день [3, 16].

В 1980-е гг. в исторической науке, согласно Дудзинской, утвердилось мнение о буржуазно-либеральном характере идей славянофилов. Это выяснилось в итоге изучения идейно-теоретических позиций славянофилов в комплексе с экономическими, политическими взглядами, а также с их хозяйственно-предпринимательской практикой. Итак, славянофильство и западничество – две разновидности буржуазно-помещичьего либерализма. Двухединное определение классовой природы славянофильства, порожденное переломной эпохой в истории страны, получило признание научной исторической общественности. Это отразилось в работе «Развитие советской исторической науки в 1970 – 1974 гг.», подготовленной к XIV Международному конгрессу исторических наук [3, 8]. Но Е. Дудзинская не дает должной оценки консервативным воззрениям славянофилов, ярко проявившимся в 30-50-х гг. XIX в. То есть ее следует отнес-

ти к сторонникам монистической трактовки славянофильства как либерального течения общественной мысли XIX в.

К выводу о буржуазно-либеральной природе славянофильства пришел Н.И. Цимбаев. Ему принадлежат работы по истории славянофильства и труды об И.С. Аксакове, С.М. Соловьеве. Согласно Н. Цимбаеву, термин «славянофил» возник в начале XIX в., в разгоревшейся полемике о «старом» и «новом» слоге русского языка [10, 6].

По Цимбаеву, славянофильство стало своеобразным итогом эволюции либерализма декабристского периода. Оно отразило взгляды представителей левого фланга раннего либерализма, либералов первого в условиях николаевской реакции поколения [10, 71]. Историк отмечает неоднородность славянофильства: старшим славянофилам, в отличие от младших их соратников, не был присущ панславизм. К тому же после крестьянской реформы и восстания 1863 г. в Польше в движении произошел раскол.

Н.И. Цимбаев считает, что «славянофильство изжило себя к середине 1870-х гг., когда завершился в основном переход к капитализму и новые общественные отношения стали играть определенную роль в развитии России».

Историк В.А. Китаев характеризует социально-политические взгляды славянофилов как близкие к либеральным. Но, в отличие от Дудзинской и Цимбаева, не относит славянофилов безоговорочно к либералам. По его словам, более предпочтительной выглядит позиция о наличии в славянофильстве либеральной и консервативно-утопической линий [5, 143].

Итак, в советской исторической науке проблема славянофильства изучалась в ос-

новном с точки зрения классового подхода. Образовались две тенденции в оценке славянофильства: монистическая и дуалистическая. В первом случае движение рассматривалось как консервативное, реакционное, либо, напротив, – как либерально-прогрессивное явление. Во втором – как консервативное и либеральное течение, сочетающее реакционные и прогрессивные черты. Это истолкование в наибольшей степени выражает внутренне противоречивый характер славянофильства. Основным в либерально-консервативной ориентации славянофилов являлось желание примирить все сословия русского общества, стремление к согласию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.
2. Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85-97.
3. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.
4. Каплин А.Д. Мировоззрение славянофилов. История и будущее России. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 448 с.
5. Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 139-149.
6. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т.3. Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. 415 с.
7. См.: Немцев И.А. Славянофильство в истории русского консерватизма XVIII – начала XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. 24 с.
8. Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: ГИЗ, 1926. Т.23. 459 с.
9. Рубинштейн Н.Л. Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. статей в 2 т. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. Т. 1. С. 52-118.
10. Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: МГУ, 1986. 269 (2) с.

УДК 39.572.9

Клишина О.С.

Московская финансово-юридическая академия

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ВНЕШНОСТИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОЕ (НА ПРИМЕРЕ
ТВОРЧЕСТВА А.Н. ОСТРОВСКОГО, Н.С. ЛЕСКОВА И А.П. ЧЕХОВА)**

O. Klishina

Moscow Academy of Law and Finance

**CROSS-CULTURAL APPROACH TO THE INVESTIGATION OF THE
RUSSIAN CLASSICS (THE WORKS BY A.N. OSTROVSKY, N.S. LESKOV
AND A.P. CHEHOV): INDIVIDUAL AND ETHNIC SPECIFIC**

Аннотация. В статье анализируется внешность персонажей в творчестве А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова как представителей различных российских этносов и выделяются их индивидуальные и этноспецифические характеристики. Внешность персонажа литературного произведения содержит в себе гендерные идеалы, стереотипы и предпочтения описываемой эпохи. Общество не только подтверждает, но и закрепляет природную дихотомию социально-культурными символами. При описании антропологических особенностей иноэтничных персонажей отмечаются их уникальные, отличительные черты. Телесно-символическая компонента героя раскрывается через гендерные идеалы, стереотипы и предпочтения описываемой эпохи. Общество не только подтверждает, но и закрепляет природную дихотомию социально-культурными символами. Оценка и интерпретация черт внешности часто выражает не только действительные свойства взаимодействующих групп, но и отношения между ними.

Ключевые слова: внешность персонажа художественной литературы, этническое сознание и самосознание, социологические методы в исследовании художественного текста.

Abstract. The article analyzes the appearance of characters in the works by Alexander Ostrovsky, Nikolai Leskov and Anton Chekhov as representatives of different Russian ethnic groups and highlights their individual and ethnic specific characteristics. Bodily-symbolic component of the character is revealed through gender ideals, attitudes and preferences of the described period. Society does not only confirm but also establishes a natural dichotomy between social and cultural symbols. Evaluation and interpretation of the exterior features do not often express mere properties of interacting groups, but also relations between them.

Key words: cross-cultural method in the investigation of fiction; the outward of a fictional character; ethnic consciousness.

Исторически проблемой того, что принято понимать под словом «менталитет» – характером, стереотипами, системой представлений, ценностей и норм индивида, занималась психология. Сегодня к исследованиям подобного рода все чаще тяготеют и специалисты других, смежных отраслей гуманитарного знания. Вследствие сложности данного феномена налицо необходимость комплексного его изучения при помощи не только методов, но и сведений и данных из самых разных наук: философии, филологии, этнологии (социальной антропо-

логии), истории, политологии. Такой подход отвечает требованиям времени и делает изучение проблем ментальности перспективным и актуальным для самого широкого круга специалистов-гуманитариев. Интересным будет опыт компаративного исследования внешности персонажей художественной классической литературы как носителей этничности, проведенное автором статьи на материале творчества известных русских писателей XIX в. – А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова. Изображение внешнего вида человека для раскрытия его духовного облика – устойчивый и традиционный литературный прием, через который раскрывается *телесно-символическая* составляющая образа героя. Хотя восприятие внешности человека включает в себя оценку морфологических и физиологических особенностей тела, манеры поведения, стиль одежды [8, 3], но в данном случае следует ограничиться рассмотрением только телесного выражения внешности, т. е. портрета.

Внешность героев Островского имеет важное значение в его пьесах, но, чаще всего, драматург воспроизводит общественные стереотипы в восприятии внешности, нежели отражает свое отношение к ней. Первостепенное значение внешность имеет для девушек-невест: молодость и женственность повышает ее «цену» на «рынке» невест. Для мужчины привлекательная внешность имеет двойственное значение. Молодость, красота, наличие неординарной, романтической профессии и богемный облик больше ценятся девушками, но не дают больших шансов для карьерного роста и выгодного брака. Родители и влиятельные родственники предполагаемой невесты ценят в первую очередь материальную обеспеченность и моральную устойчивость жениха. Важную роль во внешней привлекательности играет и одежда. В пьесах Островского нашло отражение как увлечение европейской модой в отношении прически и одежды, так и стремление сохранить традиционный внешний облик русского человека. Традиционалистские взгляды на внешность в наибольшей степени присущи

купечеству. Наконец, важную роль оценка внешности получает в отношении к внутренними качествам человека. В пьесах Островского внешняя красота – далеко не всегда отражение красоты внутренней, особенно в описании мужчины, однако имеется твердая связь между описанием внешности и брачными ожиданиями героев.

В произведениях Н.С. Лескова мы находим как гендерный идеал, так и описания конкретных женщин. В понимании крестьян, по свидетельству изучаемого источника, красота выражается в дородности и здоровье. Стереотипные вкусы и моды были присущи также дворянскому обществу, где важную роль в оценке внешности часто играла одежда. Особенность лесковского портрета «полнота воплощения духовного в физическом» [5, 141], черта, которая роднит портретные описания Лескова с древнерусской литературой. Многие характерные черты героев отражены в их внешнем облике (см. например [2, 99; 2, 114]). Другая типичная черта в лесковских описаниях внешности – апелляция к историко-культурной традиции: сравнение Флягина с Ильей Муромцем, Голована – с Петром 1. В облике этих героев указаны черты, направленные к этноисторической памяти, запечатлевшей наиболее существенные черты в стереотипах фольклорных или исторических деятелей. Наконец, в произведениях Лескова дано описание внешних данных иноэтнических персонажей. В описании внешности представителей народов, близких к традиционному образу жизни или сохранивших существенные черты специфической патриархальности, часто включаются сравнения с элементами флоры и фауны. Следовательно, у Лескова, при характеристике иноэтнических персонажей «...этнический образ соотносится с мнением о типичном носителе этноса...В нем территория с ее физическими особенностями, ландшафтом как бы сливается с типом человека...» [6, 60-61].

Чехов был не только писателем, но и врачом, и имел достаточно полное понятие не только о душевном, но и о телесном в человеке. Трактовка телесности таким специа-

листом представляется интересным для этнологии и социальной антропологии, так как представлена в хорошо знакомой нам рационалистической традиции. В огромном чеховском наследии этнолог может выделить круг интересных ему тем: понимание телесности писателем в целом, проблемы восприятия пола у Чехова, соотношение духовного и физического в человеческом облике, восприятие возрастных и национальных различий писателем и некоторые другие. Остановимся на восприятии и трактовке этнических особенностей внешности. В описании иностранцев присутствуют характерные национальные черты, но таким образом описывается у Чехова иностранец не всегда. Чехов может описывать внешность, обращая внимание на какую-либо одну выдающуюся черту (нос, глаза, губы [7, 12]), выделяет специфичное в индивидуальном портрете [7, 148], игнорирует этничность как доминанту внешнего облика, прибегает к включению облика персонажа в общекультурную традицию (например в библейскую «Старик-чебан... **совсем ветхозаветная фигура** (выделено мной – О. К.) - унял собак и, снявши шапку, подошел к брличке...» [7, 510]).

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что хотя персонаж художественного произведения зачастую – личность, вымышленная писателем, однако и вымысел, чтобы быть правдоподобным, должен опираться на систему социокультурных коорди-

нат, фактов и реалий описываемого времени. Телесно-символическая компонента героя раскрывается через портрет. Внешность персонажа литературного произведения, описанная, в первую очередь, как внешность мужчины или женщины, содержит в себе гендерные идеалы, стереотипы и предпочтения описываемой эпохи. Общество не только подтверждает, но и закрепляет природную дихотомию социально-культурными символами. Оценка и интерпретация этих черт в связи с духовным обликом часто выражает не только действительные свойства взаимодействующих групп, но и отношения между ними.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ангелова Н. На пути в тупик (Судьба молодого поколения в романе Н.С. Лескова «Некуда»), Липецк, 1999. 64 с.
2. Лесков Н. С. Энциклопедическое собрание сочинений М., 2002. 8250 с.
3. Троицкий Ю.Л. Описательный портрет как способ этнографической характеристики русских крестьян Сибири XIX в. // Развитие культуры сибирской деревни. Новосибирск, 1986. С.63-70.
4. Хализев В.Е. Художественный мир писателя и бытовая культура (на материале произведений Н.С. Лескова) // Континент, 1981, лит.-теор. Исследования. М., 1982, С. 110-145.
5. Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М., 1991, С. 60-61
6. Чехов А.П. Полное энциклопедическое собрание сочинений и писем. М., 2005. 7 485 с.
7. Яременко С. И. Внешность человека в культуре. Ростов-на-Дону, 1997. 275 с.

УДК 930

Гранков Д.А.

Московский государственный областной университет

ЗАКАТ УСАДЕБНОГО МИРА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ)

D. Grankov

Moscow State Regional University

THE DECLINE OF THE MANOR WORLD (BY RUSSIAN EMIGRANTS' MEMOIRS)

Аннотация. В статье речь идет о кризисных явлениях в усадебной жизни России конца XIX – начала XX в. На основе анализа мемуаров русских эмигрантов «первой волны» исследуются процессы оскудения и запустения усадеб. Рассматриваются негативные экономические и социальные процессы, имевшие место в среде помещиков после отмены крепостного права, попытки переустройства дворянских имений в условиях нового хозяйствования, разрушительные последствия погромов 1905 г., а также изучаются причины упадка усадебной культуры в начале XX столетия.

Ключевые слова: усадьбы, мемуары, русские эмигранты, отмена крепостного права, революция 1905 г.

Abstract. The paper covers the crisis of the Russian country life in late 19th – early 20th centuries. Based on the memoirs of the so-called “first wave” of Russian emigrants the study investigates the processes the Russian manors declining and falling into decay. The author considers some negative economical and social processes occurring in the life of the Russian landowners after abolition of serfdom, their attempts to reform manors and adapt them to new economic conditions. The study is also focused on destructive consequences of the pogroms in 1905 as well as the causes of decay of the country culture in early 20th century.

Key words: manors, memoirs, Russian emigrants, Émigré, abolition of serfdom, the Russian Revolution of 1905.

Русская усадьба составляла особый мир, неотъемлемую часть повседневной жизни Российской империи до начала XX в. Революционный 1917 г. принес немало разрушений и нанес по усадебной культуре большой удар. Однако процесс упадка, запустения и исчезновения усадеб начался задолго до «великих потрясений». И.А. Бунин, вспоминая о своем детстве, писал следующее: «В те годы [1870-е – 1880-е гг. – Д.Г.] уже завершалось пресловутое дворянское «оскудение»... Я рос именно в «оскудевшем» дворянском гнезде». [5, 9-10]

Усадебный мир – в первую очередь, мир человека. Исследовать историю родовых гнезд – значит попытаться изучить жизнь людей, так или иначе связанных с ними. В контексте этого приобретает актуальность анализ источников личного происхождения, среди которых наиболее полно раскрывают обозначенную тему мемуары.

Особенно интересными и пока малоизученными остаются воспоминания эмигрантов, вынужденных покинуть родную страну после 1917 г. Многочисленные мемуары, написанные эмигрантами «первой волны», богаты и разнообразны по содержанию. Они создавались спустя большой промежуток времени в условиях иной культурной, социальной и этнической среды. Их авторы – люди разного социального и профессионального положения. Все это требует подробного изучения, проведения критического анализа текстов и определения степени их достоверности.

Первый значительный удар по усадебной жизни нанёс Манифест 1861 г. об освобождении крестьян. Свидетель событий барон Н.Е. Врангель, крупный промышленник и предприниматель, отмечал, что ни помещики, ни крестьяне не были подготовлены к новым порядкам, и с первых же шагов началась хозяйственная разруха и оскудение. «После освобождения старое поколение дворян, потеряв почву под ногами, махнуло на все рукой и отошло в сторону» [10, 97]. Лишившись бесплатной рабочей силы, помещики не могли или не желали самостоятельно вести хозяйство. Причины этого были разные. Князь Г.Е. Львов, глава Временного правительства, констатировал: «...Не могли преодолеть вековую привычку жить за чужой работой, за чужой счет» [13, 89]. В итоге молодому поколению оставалось в наследство или уже разоренное, или заложенное имение, или не оставалось ничего. Философ Н.А. Бердяев происходил из дворянской семьи, но ему не пришлось жить в родовом гнезде. В воспоминаниях он писал, что мечтал о собственном имении, о жизни в деревне, но тут же признавал: «Отец мой всегда имел тенденцию к разорению» [3, 18].

Некоторые наследники, молодые люди, оказались приспособлены к новой жизни ничуть не больше старшего поколения. Видный театральный деятель и режиссер князь С.М. Волконский не отрицал: «Я никогда не любил хозяйства; меня всегда больше влекла расходная, нежели доходная статья» [8, 36]. Алексей Алексеевич Татищев, чиновник Министерства земледелия, в мемуарах писал: «...Склонности к хозяйству у меня не было и, в сущности, я бы с большой охотой провёл бы те же часы за книгой в папином кабинете в своей комнате или же бродя по саду и в ягодах» [17, 26]. То же вспоминал его брат, дипломат Борис Алексеевич Татищев: «Ни мой отец, ни тем более я сам сельскими хозяевами не были. ... Постепенно мы привыкли смотреть на Беяницы, как на имение бездоходное, приятное только своей усадьбой, а для доставления владельцу денежных средств не идущее в расчёт» [18, 211].

Когда никто в семье не занимался хозяйством, вся ответственность ложилась на управляющего, деятельность которого зачастую не контролировалась. Тогда судьба имения напрямую зависела от личности управляющего. Чаще подобные обстоятельства складывались в тех случаях, когда семье принадлежало несколько владений в разных губерниях. Порой среди управляющих встречались хорошие специалисты и организаторы с агрономическим образованием, однако нередко эту должность занимали случайные люди. Оставленные без надзора, они приводили хозяйство в расстройство. Графиня П.С. Уварова, известная своей научной и общественной деятельностью, вспоминала о том, как они с мужем пытались наладить жизнь в старом поместье. Она писала: «... как трудно молодым хозяевам справиться со старою дворнею, привыкшею в имении, где давно не было «хозяйки», а хозяева только наезжали, к праздной жизни и полному безделью. Управляющий старался направить и приискать занятия более здоровому элементу, но и он, смотря на более старых, отказывался от всякой работы и хотел жить по-прежнему, кормиться и одеваться, ничего не делая». Иногда приходилось сталкиваться с мошенничеством и воровством [20, 26]. Граф П.А. Граббе вспоминал о неприятном случае, когда управляющий в их имении продал уродившиеся в саду продукты, скот, «даже зерно, хранившееся в амбаре, бревна и доски, стоявшие во дворе, кое-что из мебели и разбитый экипаж, на который трудно было бы найти охотника. Поправив, таким образом, своё материальное положение, он скрылся» [11, 126]. Подобные происшествия не были редкостью, как не являлось редкостью и то, что помещик «никогда в поместье не показывался» [2, 8]. Аналогичные последствия случались и вследствие деятельности опекунов, назначенных для рано осиротевших детей. Часто наследники находили своё имущество после них в плачевном состоянии.

В начале XX в. усадьба меняла облик, наблюдались две основные тенденции ее трансформации. С одной стороны, исчеза-

ли крупные наследственные поместья; держать большие площади земли для многих стало невыгодно. Старые хозяева продавали имение, оставляя лишь усадьбу с парком, в которых можно отдохнуть и приятно провести время летних каникул [16, 288, 755; 21, 128]. Само понятие усадьбы стало интегрироваться с характерными чертами «дачи», и это уже не являлось «усадьбой» в прежнем понимании [22]. С другой стороны, появлялись крупные модернизированные хозяйства с современными промышленными комплексами. Имения стали переходить в руки предпринимателей, богатых купцов. «Эти крепкие руки Чеховских Лопахиных, с их новыми промышленными повадками, вырубали не только вишневые сады дворянских усадеб, но изгоняли и самый дух помещичьей жизни», – сетовала баронесса Л.С. Врангель [9, 113]. Писатель Л.Г. Жохов отмечал: «Пышные, богатые усадьбы дворян-вельмож часто воздвигавшиеся случайно разбогатевшими людьми, меня не интересуют. Последние годы перед революцией они в большом числе переходили в руки коммерсантов и промышленников, ничего общего не имевшими со старыми служилыми людьми Московского Царства – дворянами Российской Империи» [12, 5-6].

Перемены в жизни коснулись не только провинции. Исследователи начала XX в. определяли усадьбу прежде всего как загородное жильё, однако существовал особый тип усадьбы городской. Дипломат С.Д. Боткин, описывая родительский особняк на Покровке в Москве, вспоминал, что это была «действительно усадьба»; во дворах находилось несколько отдельных построек, сарай, конюшни, коровники, курятники и т. п. В мемуарах эмигрантов неоднократно можно встретить суждения о том, что московская жизнь 1870 – 1880-х гг. более деревенская, нежели городская [15, 41-42, 44-45]. Однако, по словам того же С.Д. Боткина: «Уже в конце этого периода жизнь стала быстро меняться и из помещичьей превращаться в городскую»¹. Князь В.А. Оболенский вспо-

минал о другой московской усадьбе, доме М.А. Ладыженской в Кудринском переулке, где ему неоднократно приходилось бывать. Постепенно, начиная с конца 1880-х гг., богатая когда-то усадьба оскудевала, часть дома и флигель сдавались в наём, хозяйка плохо следила за порядком, грязь развелась «ужасающая», незадолго перед войной 1914 г. усадьбу разрушили: «Москва разрасталась и застраивалась столичными многоэтажными домами, водопровод сменил ленивых водовозов, ... менялась жизнь, менялись нравы старой Москвы» [15, 45].

В провинции оскудевшие дворяне жили всё более замкнуто, хозяйством не занимались и постепенно исчезали [13, 24-25]. Князь В.А. Оболенский описывал в воспоминаниях немало подобных случаев. Он служил земским статистиком, и ему приходилось ездить по Псковской губернии, лично наблюдать за положением дел в Холмском и Торопецком уездах. Здесь проживало много старых потомственных дворян, среди которых «встречались» культурные люди, «но большинство дичало в этой глуши и, продолжая вести прежнюю веселую и беззаботную помещичью жизнь, материально оскудевало и морально опускалось» [15, 200]. Автор рассказывает о посещении им крупного имения Краснополец, некогда принадлежавшего министру Павла I Кушелеву-Безбородко: «Огромный дворец с облупленной штукатуркой и рядом разбитых стекол стоял в глубине большой грязной площади. Большая часть мебели была вывезена и продана. ... Роскошный парк с фонтанами, тенистыми аллеями и шпалерами стриженных лип был частью вырублен, а частью зарос бузиной и крапивой. ... Несколько комнат дворца еще поддерживались в пригодном для жилья состоянии. ... Там еще сохранилась разрозненная мебель из красного дерева, а со стен уныло глядели на меня вынутые из дорогих рам Екатерининские вельможи и их декольтированные жены» [15, 203-204].

Повсеместно набирали силу процессы деклассирования. О целой деревне «окрестья-«Русское Зарубежье». Ф. 33. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹ Мемуары камергера высочайшего двора Сергея Дмитриевича Боткина // Архив-музей библиотеки-фонда

нившихся» дворян в Тульской губернии общается в мемуарах князя Г.Е. Львова. [13, 24-25] Общественный деятель и юрист Я.Л. Тейтель, служивший в судебном ведомстве, вспоминал: «Еще был один элемент, однодворцы, так называемые «панки», т. е. потомки обедневших дворян, которым правительство отдало землю в Самарском уезде. Эти панки сами обрабатывали землю, жили крестьянской жизнью и некоторые из них даже были неграмотны, но носили древние родовитые фамилии: Шаховские, Черкасские, Трубецкие, Ромодановские и т. д.» [19, 76-77]. Автор пишет, что «панки» имели право участия в дворянских выборах, и этим пользовались жаждавшие пробраться в предводители дворянства, наряжая их во взятые напрокат фраки и привозя на выборы.

Необходимо пояснить, что подобные социальные явления неразрывно связаны с процессами упадка усадебной культуры к началу XX в. Это становится понятно, если рассматривать имение не просто как земельный участок, а как важный социальный фактор. В XVIII – первой половине XIX в. владение поместьями и крепостными душами было сословной привилегией дворян. Усадьба, ее традиционная жизнь, воспроизводящая быт помещика, его хозяйственное и имущественное положение, служила символом и олицетворением социального статуса. Уже во второй половине XIX в. осознание себя в качестве наследственного преемника прав и обязанностей по отношению к своей вотчине уходило в прошлое, исчезало «усадебное мышление». «Социальная» гибель усадеб в этот период предвосхитила их «физическое» уничтожение в революцию.

Более энергичные люди пытались завести «рациональное хозяйство», или выдумывали всевозможные, нередко сомнительные, предприятия, тратили последние деньги и прогорали. Люди, не имевшие практического опыта и научных знаний, необдуманно засеивали поля новыми культурами, заводили породистый скот, который не приживался, покупали дорогостоящие машины, которые простаивали в сараях [7, 73-74]. Один

из способов выхода из затруднительного положения помещики видели в открытии какого-либо предприятия в имении. Но это рискованное мероприятие часто также оканчивалось разорением. Князь Г.Е. Львов писал в мемуарах, что с падением крепостного уклада они попали в категорию разорившихся помещиков. Тогда его отец построил в имении Поповка Тульской губернии винокуренный завод. Первое время он давал неплохой доход, но вскоре повысили акциз для покровительства большим предприятиям так, что малые не могли выдержать конкуренции, и вынуждены были закрываться. Пришлось сдать завод арендатору, который привел его в полный упадок, а после – распродать по частям. Г.Е. Львов приводит пример и другого, более сомнительного начинания: «Немного подальше, в селе Панском жил помещик Тихменев. Он после крепостного права ударился в предприятия, затеял в Москве ассенизационный обоз с приспособлением какого-то ассенизационного порошка под названием катарро. Новое тогда для Москвы дело это давало большие надежды. Но скоро Тихменев на нем разорился, ему пришлось распродать свое имение» [13, 42-43, 85].

Встречаются случаи, когда усадьбы пустовали без хозяев и постепенно разрушались. Князь Ф.Ф. Юсупов в мемуарах упоминал о посещении им в 1912 г. одной из их самых старых усадеб в Подмоскovie Спасской: «... об этом имении словно забыли не знаю почему. ... Как только я приблизился, то пришел в ужас: все сплошь – развалины! Двери сорваны, стекла разбиты. Потолки рушатся, на полу оттого груды мусора и щебенки. Кое-где остатки былой роскоши...Залы – один другого прекрасней, а куски колонн лежат на полу, как отрубленные руки...» [23, 72-73]. Чаще подобное случалось с усадьбами, которые находились в дальних губерниях. Ветшали и разрушались они, но, как видно, не только от разорений и бедности, ведь и «от великого богатства случаются порой великие ошибки» [23, 72-73].

Надо заметить, что все эмигрантские мемуары написаны с ностальгией и сожалением

нием об ушедшем мире. Но вряд ли можно сказать, что еще до 1917 г. их авторы и персонажи предчувствовали окончательную гибель всего усадебного мира. В какой-то степени старались жить по-прежнему, как могли, вели хозяйство, по возможности поддерживали порядок в имении. Но перемены и признаки увядания становились очевидны – оттого в воспоминаниях так часты сравнения с прежней жизнью, со временами до отмены крепостного права. По той же причине появляются восхищенные повествования о предках, живших в аристократической роскоши и строивших великолепные дворцы, перечисления владений, которыми прежде обладали, рассказы крестьян-старожилов о давнем величии помещиков. «Парадность никогда не затмевалась и сопутствовала жизни даже в ежедневных мелочах...», – так С.М. Волконский характеризует усадебную жизнь времен императора Николая I. Он не мог быть свидетелем тех времен, но, тем не менее, пишет, что все это в нем «живет где-то глубоко, в тех недрах человеческого сознания, где живет то, чего мы никогда не видели...» [8, 20].

Первая русская революция 1905 года нанесла усадебной культуре большой материальный ущерб. Крестьянские толпы разрушали, уничтожали, сжигали, громили дома, дворцы, усадьбы и всё, что в них находилось, включая старинную мебель и предметы искусства. Сравнивая ситуации 1917 г. и 1905 г., один из русских эмигрантов, анонимно подписавшийся как Z., утверждал: «В 1905 году не было надежды на окончательность уничтожения помещиков, и, боясь реставрации, крестьяне уничтожали имущество, редко беря его себе. В 1917 году уже была полная уверенность, и все «делилось», включая и машины» [1, 252]. Философ и литератор князь С.Е. Трубецкой сожалел: «Много было тогда разрушено наших родных гнезд, много пропало бесценных культурных сокровищ. Морально удары эти переживались еще куда тяжелее, чем материально. Болезненно разрывались нити, веками связывавшие нас с крестьянами...» [20, 54].

После событий 1905 г. начались следствия. Ценные свидетельства-воспоминания об этом оставил Я.Л. Тейтель, которому приходилось сталкиваться с так называемыми «аграрными делами». Автор указывает, что особые присутствия суда, учрежденные специально для решения аграрных дел, были скорее политическими учреждениями, а не судебными. Привлекались по каждому делу сотни людей, улики отсутствовали. «В данном случае на скамью подсудимых сажали часто людей, ни в чем не повинных, но чем-либо неугодных полиции, волостному начальству и т. п.». И далее автор подытоживает: «Господствующий класс забыл урок, данный ему в 1905 году. Больно и смешно было слышать рассуждения представителей высшего сословия о причинах возникновения беспорядков 1905 года, которые приписывали козням и пропаганде земских учителей и учительниц. ... Причины, большей частью, если не всегда, были экономические, – малоземелье, – и конечно, преобладающее значение имела некультурность, темнота народных масс» [19, 155].

Художница Варвара Бубнова оставила воспоминания о родном имении Берново Тверской губернии, где прошли годы детства и юности: «К этому времени все в доме «обветшало». Хозяйство упало. Продавались участки земли; антикварам продавались остатки старины. Как и «Вишневый сад», родовое имение Берново должно было перейти за долги к новому Лопухину. Но пришла революция и с ней новая жизнь» [4, 112-113]. Публицист и философ Н.В. Вольский, писавший под псевдонимом Валентинов, задаваясь вопросами о судьбе старого мира дворянской усадьбы, рассуждал: «Ну, и что же? Жаль? ... Одно исчезает, другое, новое, замещает. А сколько поколений, начиная с камергера Екатерины II, здесь превратились в прах степи? Одни умирают, другие приходят на смену. Это ход жизни» [6, 78-79]. Исследуя многочисленные воспоминания, можно найти различные мнения о причинах произошедшего заката усадебной культуры. Одни видели их в крушении крепостного строя и

неумении помещиков самостоятельно вести хозяйство в новых условиях [10, 32, 97; 13, 24-25, 26, 89], другие считали этот процесс закономерным [6, 78-79; 4, 112-113], кто-то полагал, что дворяне потеряли вкус к собственности, разучились любить своё [1, 243-244]. Анатолий Марков писал: «В течение всего XIX века у нас каждое новое поколение отрицало старое; между «отцами и детьми» шла постоянная война. Редкий из нас любил свои насиженные гнёзда. В исчезновении дворянских усадеб такая «психика» сыграла решающую роль» [14, 61].

В меняющемся мире, в условиях социальных и экономических потрясений и революционных катаклизмов исчезновение традиционного усадебного мира становилось неизбежностью. Следствием невнимательности, невежества и небрежности людей была потеря большей части огромного культурного наследия усадебного прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Z. К познанию происшедшего // Русская мысль. 1923. № III-V. С. 232-256.
2. Аленникова Н.С. Русская трагедия. Дороги дальние, невозвратные. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 382 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
4. Бубнова В.Д. Село Берново // Уроки постижения. Художник Варвара Бубнова: воспоминания, статьи, письма. М.: Истина и жизнь, 1994. С. 111-113.
5. Бунин И.А. Воспоминания. Париж: LEV, 1981. 272 с.
6. Валентинов Н.В. *Supremum vale* // Возрождение. 1951. № 18. С. 59-79.
7. Волков-Муромцев Н.В. Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902-1920). Paris: YMCA-Press, 1983. 426 с.
8. Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 2. Родина. Быт и бытие. М.: Захаров, 2004. 544 с.
9. Врангель Л.С. Далёкое прошлое: Отрывки из рассказов моей матери. Париж: YMCA-Press, 1934. 125 с.
10. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 527 с.
11. Граббе П. Окна на Неву: Мои юные годы в России. (Пер. с англ. Н. Карачаровой). СПб.: Издательство «Иванов и Лещинский», 1995. 206 с.
12. Жохов Л.Г. В усадьбе. Нью-Йорк, 1971. 240 с.
13. Львов Г.Е. Воспоминания. М.: Русский путь, 1998. 320 с.
14. Марков А. Родные гнёзда. Сан-Франциско, 1962. 224 с.
15. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Paris: YMCA-Press, 1988. 754 с.
16. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861-1920. М.: Росс. фонд культуры, Студия ТРИТЭ, Российский Архив, 2008. 1000 с.
17. Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906-1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.
18. Татищев Б.А. Семейная хроника // Новый журнал. 1986. № 163. С. 205-233.
19. Тейтель Я.Л. Из моей жизни за сорок лет. Париж: Издательство Я. Поволоцкий и Ко, 1925. 241 с.
20. Трубецкой С.Е. Минувшее. Paris: YMCA-Press, 1989. 293 с.
21. Штейгер А.С. Детство Анатолия Штейгера: Из его воспоминаний // Новый журнал. 1984. № 154. С. 109-138.
22. Щукин В. Миф дворянского гнезда. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. 315 с.
23. Юсупов Ф.Ф. Мемуары: В 2-х кн.: До изгнания, 1887-1919. В изгнании / пер. с франц. Е. Кассировой / Ф.Ф. Юсупов. М.: Захаров, 2001. 429 с.

УДК 930.25(470)“1946/1952”

Волобуев О.В., Волобуева Т.О.

Московский государственный областной университет

**СВОДКИ ПО ПИСЬМАМ И ЗАЯВЛЕНИЯМ НА ИМЯ И.В. СТАЛИНА.
1946–1952 ГОДЫ: ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ**

O. Volobuyev, T. Volobuyeva
Moscow State Regional University

**REPORTS ON LETTERS AND APPLICATIONS ADDRESSED
TO I. STALIN IN 1946-1952: REVIEW OF ARCHIVES**

Аннотация. В статье дана общая характеристика сводок по письмам и заявлениям на имя Сталина за 1946 – 1952 гг., хранящихся в Российском государственном архиве социальной и политической истории (РГАСПИ) (фонд 558). Сводки состоят из аннотаций на все письма, отобранные для непосредственного ознакомления Сталина с их содержанием, и небольшого числа (от 2 до 5 в каждой сводке) отдельных писем, представленных автографами и машинописными авторскими текстами и копиями. Тематический спектр писем очень широк, поэтому в обзоре выделены и кратко охарактеризованы по содержанию и отправителям лишь наиболее значительные группы писем. Таковыми прежде всего являются обращения с просьбой разъяснить те или иные теоретические вопросы из самых разных областей знания. (геополитика, политэкономика, психология, языкознание, национальный вопрос и др.).

Ключевые слова: Сталин, письма, заявления, аннотации, тематика, классификация.

Abstract. The article presents a general review of reports on personal letters and letters of applications addressed to I.V. Stalin during the period from 1946 to 1952 and kept in Fund 588 of the Russian State Archive of Social and Political History. The reports include the abstracts of letters, chosen for Stalin to get acquainted with, and a few handwritten, typed or copied full-text letters (not more than two or five in each report). The themes of the letters vary greatly. Therefore, the study is concerned only with the most significant of them, to which the authors refer inquiry letters asking to clarify some theoretical questions from different fields of knowledge (geopolitics, political economy, psychology, linguistics, etc.).

Key words: Stalin, letters, statements, summaries, subjects, classification.

Сводки писем и заявлений на имя Сталина хранятся в Российском государственном архиве социальной и политической истории (фонд 558). Из писем и заявлений, поступавших на имя вождя, а их было, видимо, немало, отбирались те, с содержанием которых считали нужным непосредственно ознакомить И.В. Сталина. На каждое такое письмо готовилась аннотация. Большая часть писем представлена только аннотациями, самая малая (от 2 до 5) – не только аннотациями, но и полными текстами писем. В тех случаях, когда это были автографы, в сводку включались и сами письма, и их машинописные копии. Всего в фонде 558 (оп. 11) находится 17 ед. хр. (866-882) за 1946 – 1947 гг. Единицы хранения, естественно, разного объема по числу полнотекстовых писем и количеству страниц в них. Так, например, ед. хр. 874 (1948 г.) насчитывает 67 листов (в дальнейшем – л.), а ед. хр. 873 (1947 г.) – 146, т. е. вдвое больше по объему. Против каждой аннотации проставлена фамилия того лица, которому на рассмотрение и решение направлено данное письмо. Это, в первую очередь, партийные и государственные деятели из окружения Сталина в те или иные послевоенные годы. Среди них Л.П. Берия,

Н. Вознесенский, А.А. Жданов, А. Кузнецов, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, М.А. Суслов, Н.С. Хрущев, Д.Т. Шепилов, Н.М. Шверник. Так, например, из 30 писем сводки за апрель 1949 г., на которые составлены аннотации, 8 были направлены Маленкову, 6 – Шепилову, 5 – Суслову, 4 – В.Абакумову, 1 – Берии. Остальные направлены менее известным адресатам (в числе их могли быть министры, зав. отделами ЦК и т. д.).

Полными текстами представлены, во-первых, письма людей, лично знавших Сталина и напоминавших ему о тех или иных эпизодах прошлого, участниками которых были Сталин и авторы. В отдельных случаях писали люди, которые прошли через жизнь Сталина по касательной (напр., передача книг в тюрьму, где временно находился Сталин). Как правило, эти обращения к Сталину малоинтересны и обычно заканчиваются какими-то просьбами (не всегда материальными, иногда просьбами о личной встрече). Во-вторых, можно условно выделить приветственные письма и телеграммы как от организаций и отдельных граждан СССР, так и от организаций и граждан других стран. В-третьих, это наиболее интересная группа полнотекстовых писем, которая представляла собой обращения с просьбой разъяснить теоретические вопросы из самых разных областей знания. (политэкономия, геополитика, психология, языковедение, национальный вопрос и др.) или партийной деятельности. Обычно такое письмо с просьбой сопровождалось приложением (часто многостраничным), в котором излагались взгляды автора по тому или иному вопросу. К данной группе можно отнести также письма, содержащие разные предложения.

Рассмотрим тематику писем, относящихся к третьей группе. Она очень разнообразна, и в нашем обзоре будут вполне понятно названы не все письма. Начнем с писем, посвященных научной тематике. К ним относится записка 1946 г. «об ошибках Энгельса в освещении истории судеб южных славян», автор которой старший научный сотрудник ИМЭЛ Э. Кандель критикует предисловие ко 2-му

тому Собрания сочинений Маркса и Энгельса. По его мнению, в предисловии замалчиваются ошибочные, негативные оценки южных славян как нежизнеспособных, не имеющих своей истории народов (ед. хр. 871, лл. 12-29). В 1947 г. проф. Б.Г. Кузнецов обращает внимание тов. Сталина на беспрепятственное распространение в научной литературе следующих антимарксистских тенденций: 1. отождествление советского государства с до-революционным; 2. отождествление диамата и современной науки с взглядами далекого прошлого; 3. отказ от ведущей роли партийной идеологии в отношении естествознания (ед. хр. 872, лл. 11-12). В 1948 г. майор И.П. Леонов присылает на 30 л. свой трактат «К вопросу о капиталистическом окружении СССР на современном этапе и о мирном сожительстве двух систем» (ед. хр. 875, лл. 91-120). В 1949 г. к Сталину обращается некий кандидат исторических наук Сиводедов¹, который пишет о «крупных недостатках» в преподавании истории в начальной и средней школе и в высших учебных заведениях, предлагая пересмотреть существующие программы и учебники (ед. хр. 876, л. 18). В том же году научный сотрудник Института философии АН СССР М. Селектор поднимает вопрос о русских революционных демократах как предшественниках ленинизма (ед. хр. 876, лл. 72-78).

Одним из запутанных вопросов, который волновал обществоведов на рубеже 1940 – 1950 гг., была проблема путей развития стран народной демократии. Так, в 1948 г. старший экономист Госплана А. Залкинд задает Сталину 4 вопроса о социально-экономической сущности общественного строя в странах народной демократии. В 1950 г. Сталину пишут студенты МГУ Ю. Иванов (философский факультет) и В. Кобрин² (исторический факультет), которых интересует сущность первого этапа революции в восточноевропейских

¹ Не всегда возможно установить имя и отчество авторов писем, поскольку таковые могут отсутствовать как в автографе, так и в аннотации.

² В.Б. Кобрин – в дальнейшем известный историк, автор исследований по истории России времени Ивана Грозного, окончил МГУ в 1951 г.

странах народной демократии (ед. хр. 877, лл. 10-11). Аналогичный вопрос в том же 1950 г. применительно к народно-демократической революции в Болгарии (характер, движущие силы) интересует аспиранта Академии общественных наук при ЦК КПСС Я. Анихова (ед. хр. 878, лл. 14-17).

Хотя в вышерассмотренной группе преобладают письма по теоретическим вопросам, но попадаются и письма, содержащие предложения, преимущественно технической направленности. Не может не вызвать любопытства обращение летчика-испытателя, кандидата технических наук И.И. Шумейко с приложением плана работы по осуществлению проекта полета на Луну, датированное 15 июлем 1950 г. (ед. хр. 878, лл. 58-64)¹. А летчица-штурман А. Цакава в 1951 г. просит дать разрешение на полет женского летного экипажа по маршруту Москва-Пекин (ед. хр. 879, лл. 6-12).

Есть письма, стоящие особняком, которые очень условно можно отнести к рассматриваемой группе. Таким, например, является письмо (1946 г.) писателя Ивана Ле, который, намереваясь воплотить образ И.В. Сталина в романе о Великой Отечественной войне, просит вождя ответить на 10 вопросов (ед. хр. 871, лл. 43-45). Или вот С. Трегуб, известный литературовед, просит сообщить, слушал ли Сталин выступление Маяковского 8 апреля 1925 г. (ед. хр. 873, лл. 15).

В заключение краткого и выборочного обзора полнотекстовых тематических писем, отметим, что не всегда ясны мотивы писавших, поскольку, например, трудно бывает развести политическую актуальность сюжета, убежденность автора, его личные отношения с коллегами и просто доноительство. Приведем одно из, казалось бы, простых писем, автором которого является не самый последний одесский скрипач Михаил Гольдштейн. Ему, профессиональному скрипачу, кажется недоступной для народа музыка Прокофьева и Шостаковича, и он просит тов. Сталина указать ошибки ведущих мастеров

музыкального искусства (ед. хр. 873, лл. 12-13). Чистое ли это доноительство или автор – искренний противник музыки великих композиторов?

В тематической классификации аннотаций и полнотекстовых писем выделим только несколько наиболее значимых линий.

Очень много писем о тяжелом положении как сельских жителей, так и горожан. Особенно это относится к первым послевоенным годам. Приведем примеры по письмам, относящимся к этому времени. Автор одного из них, москвич А.Н. Маскалев начинает письмо так: «Обращаюсь к Вам от имени людей, честно работающих и живущих только на зарплату». Он обращается от имени тех людей, у которых «сегодня один разговор: картошка, хлеб, хлеб, картошка», и переходит на вопль: нет сил дотянуть до зелени. О себе Маскалев пишет: «Я имею три ордена, был на Отечественной войне с 1941 г. по 1945 г., и я голодаю вместе с семьей, а поэтому я и взял на себя смелость написать Вам правду» (ед. хр. 873, лл. 17-19). О том, что рабочие голодают, пишет и А.И. Арзамасцев, который жалуется, что не может содержать семью, и просит разрешить, как плюс к хлебным карточкам, продажу по 1 кг. коммерческого хлеба (там же, л. 8). Директор сахарного завода на Киевщине пишет в 1947 г. не только о тяжелом положении колхозников, но и рабочих завода. Не от хорошей жизни он просит помощи в организации общественного питания (ед. хр. 873, л. 81).

Проследим содержание писем, посвященных положению сельского хозяйства и материальной обеспеченности колхозников. В 1946 г. И.Н. Земляков вопрошает Сталина: правильно ли, что их колхоз после выполнения плана хлебозаготовок и молокопоставок был обложен дополнительно?² (ед. хр. 871, л. 5). Трудно сказать, насколько ухудшилось положение колхозников в начале 1950-х гг., или просто пришел конец их терпению, но на это время приходится ряд писем об их тяжелом

¹ Заметим, что представление проекта совпало со временем начала (25 июня 1950 г.) корейской войны.

² Практика дополнительного обложения колхозов натуральными налогами получила широкое распространение в послевоенные годы.

положении. В числе их авторов председатели колхозов, председатель ревизионной комиссии колхоза, директор МТС, секретарь колхозной парторганизации, агроном, председатель райисполкома, инструктор райисполкома и все они вносят предложения, направленные на повышение эффективности колхозного производства и создания условий для улучшения жизни колхозников (ед. хр. 882, лл. 30-32, 57, 58, 69). Широко в письмах о сельском хозяйстве представлена и география СССР: области – Московская, Владимирская, Горьковская, Ивановская, Калининская, Вологодская, Сталинградская, Курганская, Ярославская, Каменец-Подольская. В качестве выхода из провальной ситуации с колхозами литературный работник редакции газеты «Правда Севера» А. Старцев прислал свои «Заметки о преобразовании колхозов в сельскохозяйственные предприятия, управляемые централизованно». Аналогичны предложения К.И. Савинкова о переходе к денежной оплате колхозников и преобразовании колхозов в совхозы (там же, лл. 37-41, 48-49). Но социальный статус авторов писем разнообразен. Так, студент МГУ В.М. Быков после туристического похода по Подмосковию пишет: «колхозники заявляют, что они ряд лет получают на трудодни 160-200 граммов и материальная жизнь их крайне тяжела» (ед. хр. 880, л. 12). О тяжелом положении колхозников столичной Московской области пишут также литработник районной газеты «Новая жизнь» и веттехник (ед. хр. 882, л. 58). Известный писатель и публицист В.В. Овечкин в 1952 г. сообщает о низких урожаях зерновых в Курской области (5-6 цнт с га) и что колхозники почти не получают зерна на трудодни (ед. хр. 880, лл. 35-36). И завершив эту «колхозную» серию обращений к Сталину письмом ученика 9-го класса А.Е. Багно, который пишет о колхозах, в которых выдают от 700 до 1000 гр зерна и от 7 копеек до 1 рубля. Школьник просит дать оценку его письму: «ибо так жить нельзя – это противоестественно советскому строю» (ед. хр. 882, л.2).

Немало писем, судя и по оригиналам и по аннотациям, было посвящено националь-

ному вопросу. Таковы, например, записка М. Рузиева о судьбах уйгуров Восточного Туркестана и находящихся в СССР (1947, ед. хр. 873, л. 3). В.К. Шнейдер просит дать разъяснение, почему русские немцы лишены гражданских по Конституции прав, а Штейнмиллер просит разъяснений по вопросу о правах членов семей выселенных немцев (1951, ед. хр. 879, лл. 36, 49). А уже в 1952 г. венгр Золтан Липпай интересуется, а почему бы Польской и Чехословацкой коммунистическим партиям не объявить о возможности возвращения выселенных немцев (ед. хр. 880, л. 3). В том же 1952 г. И.М. Золотарев пишет о возрождении в стране антисемитизма и предлагает, как отмечено, но не конкретизировано в аннотации, ряд мероприятий по борьбе с ним (ед. хр. 882, л. 4). Есть письма от чеченцев. Интересно письмо В.А. Салатаева, призывающего к прощению чеченского народа. Интересно письмо тем, что оно содержит самокритику своих соплеменников. Высланный в Киргизию автор признает, что чеченцы – народ непокорный, безвластный, дерзкий. В его обычаях: 1. «не покориться власти – это слава по-нашему»; 2. «защита непокорного – это тоже слава, а предать его – это позор на все наследство»; 3. «мщение врагу самосудом, а не преданием его власти – тоже слава»; 4. «прощение за ненамеренную провинность – это самая великая слава», а тот, кто виновен, «обязывается всю жизнь чтить простившего» (ед. хр. 882, л. 76).

Есть группа аннотаций, которая свидетельствует о том, что находились люди, которые протестовали против необоснованной критики, понимая, что за этой критикой скрывается опасность политической дискредитации, просили о своей научной реабилитации. В 1947 г., как явствует из аннотации, академик В.Ф. Шишмарев¹ протестует против несправедливого обвинения как лично его, так и литературоведа Н. Веселовского в низкопоклонстве перед Западом, выдвинутого А. Фадеевым на XI пленуме Союза советс-

¹ В.Ф. Шишмарев – специалист по истории французской поэзии и французского языка. Лауреат Ленинской премии 1957 г.

ких писателей. Письмо известного археолога и этнографа С.П. Толстова 1952 г. интересно тем, что ученый не только не соглашается с критикой своих взглядов в статье, напечатанной в журнале «Большевик» (№ 3, 1952), но и не отказывается от теории «первобытной языковой непрерывности»: «Я считаю, что моя гипотеза не остается опровергнутой критикой...». Естественно для времени «культа личности», что ученый ищет «защиты» от партийной критики у Сталина и даже прилагает к письму свою статью «Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии», опубликованную в 1950 г. (ед. хр. 881, лл. 7-

12, статья лл. 13-24). Один из ведущих биологов, академик И.И. Шмальгаузен¹, снятый в 1948 г. с должности директора Института эволюционной биологии АН СССР как морганист-вейсманист, напоминает, что прошло уже четыре года со времени его осуждения на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук, просит ознакомиться с его трудами и помочь, наконец, получить работу (ед. хр. 881, л. 6).

Как видно из этого неполного обзора, тематический спектр писем и аннотаций на них очень широк и требует более детализированного анализа, чем можно было сделать в нашей ограниченной объемом статье.

¹ И.И. Шмальгаузен – специалист по эволюционной морфологии, сравнительной анатомии позвоночных. факторам и закономерностям эволюции, биокибернетике

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94(3)(340.152)

Никитина А.Д.

Московский институт экономических преобразований

ДРЕВНЕВОСТОЧНОЕ ПРАВО КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ. К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ (XXII – XVIII вв. до н.э.)

A. Nikitina

Moscow Institute for the Economy in Transition

ANCIENT ORIENTAL LAW AN ILLUSTRATION OF STATE STRUCTURES IN THE ANCIENT EAST. ON THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF SOUTHERN MESOPOTAMIA (XXII-XVIII CENTURIES B.C.)

Аннотация. В статье исследуется роль публичного права в формировании централизованных государственных структур и территориальных образований в древней Месопотамии в период с XXII по XVIII вв. до н.э. При возникновении публичного права основной его задачей являлось восстановление «справедливости», что должно было объединить свободных общинников в единое централизованное государство имперского типа. В дальнейшем, при появлении большого количества царских людей, право также приобретает функцию организатора и контролера их деятельности.

Ключевые слова: Древний Восток, публичное право, возникновение и формирование империй, восстановление «справедливости», правовой контроль царских людей.

Abstract. The paper examines the role of public law in the formation of centralized state structures and territorial entities in ancient Mesopotamia in the 22nd - 18th centuries BC. Early public law was chiefly aimed at restoring "justice" that was supposed to unite freemen in a single centralized state of an imperial type. Later with the appearance of a large number of the king's men, law also acquired functions of organizing and supervising their activities.

Key words: Ancient East, public law, emergence and formation of empires, restoration of Justice, legal control of the king's men.

В последнее десятилетие древневосточное публичное право начинает привлекать внимание общественности. Тем не менее до сегодняшнего времени социальный аспект права, который имеет большое значение в процессе трансформации государственных институтов, рассмотрен не до конца.

© Никитина А.Д.

Наибольшее внимание исследователей привлекали Законы (или Кодекс) Хаммурапи (далее – ЗХ). Они подробно изучались такими крупными учеными, как И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон, Дж. Драйвер, П. Кошакер, и другие [4 № 3, 223; 11; 14; 17]. Как отечественные, так и зарубежные специалисты отмечали, что государство, созданное Хаммурапи, заметно отличалось по своему территориальному составу и системе управления от современных ему стран и, соответственно, более ранних. П. Кошакер и Дж. Финкельстейн называли эту державу одной из первых в истории «империй». Одним из таких отличий являлось то, что экономические связи распространяются, прежде всего, за пределы государства, а не внутри его, другим – что в империю включены несколько регионов, комплиментарных друг другу, а не пытающихся добиться гегемонии и т. д. И.М. Дьяконов полагал, что держава Хаммурапи была частью процесса, трансформирующего т. н. «номовые» государства в территориальные царства. Он указывал на то, что эта держава – первое в истории Месопотамии централизованное государство [6, 3-16; 11, 55-70; 7, 212-226].

Для более правильной оценки социальных процессов и формирования новых государственных структур, происходивших на территории южной Месопотамии в XXII – XVIII вв. до н.э. необходимо, по нашему мнению, познакомиться с более ранними источниками публичного права, имеющими худшую сохранность, но не менее значимыми. При этом заметим, что у английских ученых уже государство Саргона Аккадского обозначается термином «империя».

Обратимся к документу, содержащему сведения о т. н. реформах правителя Лагаша Уруинимгины (XXIV в. до н.э.) [10, 177-182]. Из текста источника видно, что тексты реформ содержат противопоставление злоупотреблений в социально-экономической и правовой сфере, которые происходили до правления Уруинимгины, и прогрессивных преобразований, осуществлённых царем и санкционированных богом Нингирсу. Ключевым термином в документе становится

понятие «очищение» (amaargi – шум., gi-uandurârum – акк.), или «освобождение» которое, по мнению правителя, приведёт к восстановлению справедливости (т. е. утраченных прав свободных общинников).

Вероятно, Уруинимгина – не первый из правителей, кто при помощи Нингирсу восстанавливает справедливость. Однако практика дарования царем стране справедливости будет часто использоваться царями и в дальнейшем (kittum mîdâum).

Свободные общинники также упомянуты еще в нескольких фрагментах текста. В двух из них речь идет о слишком активных и неправомерных действиях на территории государства Лагаш т. н. «контролёров суда» (mâškim – di). Указанные лица были, вероятно, служащими правителей, надзиравшими за правильностью вынесения решений общинными судами. Царь, согласно документу, приостанавливает их деятельность.

Исследуя текст, мы приходим к выводу, что социальная структура «номового» государства Лагаш не однородна. В ней выявляются как минимум две крупные социальные группы: царские люди (работники на государственной земле, не входящие в состав общин, и различные категории государственных служащих, ремесленников и жрецов) и свободные граждане-общинники. Царю необходимо осуществлять контроль над разрастающейся первой из этих групп, которая не относится к юрисдикции общинного суда, и для которой только он мог являться верховным судьёй. Общинные же суды могут контролироваться царем через упомянутых выше служащих или членов общины, находящихся на царской (храмовой) службе.

Прежде чем перейти к следующему из изученных нами документов, необходимо также выявить правовую составляющую реформ. Конечно, не имеется достаточных оснований, чтобы отнести исследуемый документ или его фрагменты к законам или нормам права (в их в современном понимании). Однако в тексте мы обнаруживаем зарождение некоторых элементов структуры правовой нормы, развитие которых будет отражено в ЗХ.

Таким образом, можно наблюдать процесс возникновения нормы права (протонормы, которую в современном праве могли бы называть нормой-обязыванием). В современном праве, как мы знаем, существуют также нормы – предписания, использовавшиеся в древневосточном праве, нормы-запреты и нормы – дозволения, употребляемые сравнительно редко [8, 302-305].

Первый дошедший до нас свод законов принадлежал основателю III династии Ура царю Ур-Намму (или его сыну Шульги, XXII – XXI вв. до н.э.) [13; 1, 61-74; 10, 178-192; 15]. Исследуя частично сохранившийся текст законов, мы можем отметить, что документ представляет собой сборник норм права (протонорм), которые охватывают вопросы семейного, уголовного, имущественного и других аспектов права. Текст законов уже по традиции начинается с восстановления «справедливости».

При детальном рассмотрении других частей документа прослеживается интересная закономерность: большее количество протонорм, включающих в себя элементы «гипотезы» и «санкции», распространяется как на свободных общинников, так и на царских (государственных) работников. В законах, среди норм права, значительно преобладают протонормы-обязывания. Существенных различий в правовом положении тех и других, в отличие от предыдущих документов, не наблюдается. Таким образом, можно отметить, что социальная структура государства III династии Ура (по крайней мере – во время его возникновения), при наличии имущественного неравенства, была более однородна, чем в шумерских «номовых» государствах. Управление государством укрепились и приобрело более централизованный характер. Активное развитие публичного права при первых царях III династии Ура связано, по нашему мнению, именно с необходимостью унификации законов для всего государства, которое включало в себя не только территории Нижней Месопотамии, но и часть Верхней, а также земли за Тигром и в Эламе.

Среди других правовых источников изу-

чаемого периода можно указать документы правовой практики в рамках частного права (т. н. di-tilla – шум.), которые интересны для нас перечислением членов общинного суда [21; 20]. На суде всегда присутствовал сменный чиновник «машким», часто упомянуты в качестве председателей жрецы-чиновники «суккаль-махи», или «энси»

Постоянное участие в судебных заседаниях, на которых зачастую рассматривались дела рядовых общинников, нескольких государственных чиновников может быть связано только с частичным или полным подчинением общинного суда царю. Наше мнение подтверждается также тем, что после падения государства III династии Ура появляется шумеро-аккадский сборник (Ana ittidu – акк.; «с указания его», то же «хубулли» (hubullu – акк.)) с образцами выражений и оборотов для нужд писцов [4 №3, 212-213].

Таким образом, роль общины в социально-правовом развитии страны в правление первых царей III династии Ура была сведена к минимально возможной.

Следующий интересующий нас документ – законы Липит-Иштара (первая половина XX в. до н. э.), царя I династии Иссина [19, 159-167]. Мы считаем, что законы, созданные примерно в указанный период в Эшнунне, более правильно датировать временем правления царя Дадуши (нач. XVIII в. до н. э.). Первая часть текста, которая по традиции называется прологом, содержит уже хорошо нам известное указание на восстановление справедливости (оно здесь употребляется даже дважды).

Законы, сохранившиеся лишь частично, затрагивают вопросы имущественного и семейного права, а также наследования. При тематическом разделении законов любопытно отметить, что здесь впервые делается попытка ассоциативного перехода от одной группы нормативных актов к другой, который будет позже широко использоваться при составлении ЗХ. Возвращение к преступлениям против собственности в статьях 19 и 20 связано с тем, что последующие законы посвящены нарушениям прав перехода собственности в рамках патриархальной семьи.

В тексте законов представлено большое количество различных царских работников и чиновников, но при этом мы обнаруживаем в некоторых статьях и четкие указания на свободных общинников.

Юридическая составляющая законов подверглась существенной трансформации. При более внимательном анализе заметно, что законы (протонормы) содержат как элементы «гипотезы» и «диспозиции», «гипотезы» и «санкции», как, к примеру № 15 (при современной классификации), так и всех трёх составляющих нормы права. Наряду с изредка встречающимися протонормами-дозволениями и более употребительными протонормами-обязываниями, в тексте появляются протонормы-запреты. К ним относится, к примеру, запрет на проживание наложницы в одном доме с законной женой, не принесшей общиннику потомства.

Таким образом, наряду с большим количеством царских (и государственных) людей, которые, вероятно, извлекали доход за службу из земель государства, документ демонстрирует возросшую (особенно в правление Липит-Иштара, пятого царя династии), по сравнению с социальной структурой царства III династии Ура, социально-правовую роль общины. Знатные общинники, особенно те из них, кто жил на периферии (в том числе и общинный суд), постепенно возвращают себе утраченные позиции. Однако эта социальная категория была четко встроена в систему государственного управления в качестве царских чиновников.

Следуя хронологическому принципу, мы обращаемся к тексту первых законов, написанных на аккадском языке – законов царя Дадуши (кон. XIX – начало XVIII вв. до н. э.). [16; 2; 4, 202-207].

Текст законов имеет существенные отличия по сравнению со своими предшественниками. Введение сохранилось очень плохо, и не представляет особого интереса. Тематическое дробление документа затруднено отсутствием четкости и логичности в подборе нормативных актов.

Среди дальнейших различий особенно важным нам представляется появление в не-

скольких статьях документа (24, 26, 48, 58) термина *dīn narištim* (суд души – судебный вопрос о жизни), который непосредственно связан с юрисдикцией царя. Все вышеперечисленные параграфы содержат в качестве санкции смертную казнь, которая не упоминается больше ни в одном тексте закона.

Подобная судебная практика может свидетельствовать об укреплении государственной власти, т. к. был найден компромисс между социально-правовыми функциями общинного суда (т. е. верхушки общины) и верховного правителя (что будет использоваться позже и в Вавилонском царстве Хаммурапи). Этот важный шаг, обеспечивший необходимую государству социальную стабильность, был логическим завершением тех процессов борьбы за власть в стране, на которые мы указывали выше, применительно к царству I династии Иссины.

О зрелости рассматриваемых нами законов свидетельствует также тот факт, что в тексте практически не применяется характерный для более ранних документов (и даже более поздних ЗХ), принцип талиона; начинают формироваться такие важные для права категории, как «вина» и «невиновность» (статьи 36, 37).

В статьях документа не упомянуты, к примеру, параллельные статьи для защиты свободных общинников от притязаний царских людей, что косвенно также подтверждает разделение юрисдикции между правителем и судом старейшин. Вообще текст законов более значим именно для царских людей, находящихся в юрисдикции суда правителя.

Для общинников царский суд действовал в юридических случаях, относящихся, говоря современным языком, к уголовному (особенно – членовредительству), частично имущественному и семейному праву. Так, нормы права, предназначенные для общинников, часто носят рекомендательный характер (т. н. протонормы-предписания).

Таким образом, перед нами экономически развитое государство (прежде всего – во внешнеэкономической, торговой сфере) с четко сформировавшейся государственной

структурой и дворцовым аппаратом, при социально-правовом балансе в разграничении сфер влияния между царем и советами старейшин (общинным судом). Царь, ощутив полноту власти, как и раньше, пытался помогать обедневшим общинникам (особенно – в вопросах возврата прежней собственности в статье 39 и продажи собственности неразделенных братьев в статье 38). Однако процесс расслоения внутри общины продолжал приводить к обогащению одних и обнищанию других.

При этом царство Эшнунны, как и ранее упомянутое царство Иссина, или Ларсы, нельзя, на наш взгляд, классифицировать как «номовое» государство. В указанном выше прологе к законам Липит-Иштар сообщает нам о том, что он является царем целого ряда «номов», входящих в государство Шумера и Аккада. Конечно, территорию, которой он правил, нельзя сравнить с государством III династии Ура, но именно оно было для него и его преемников примером территориально-государственного и социально-правового устройства. К сожалению, мы не можем четко сказать, какими землями, по мнению самого правителя, владел эшнуннский царь Дадуша, т. к. до нас не дошло введение к его законам. Но с большой долей уверенности можно предположить, что он либо перечислил бывшие «номовые» государства, которые входили в его территорию, либо объявил себя также царем Шумера и Аккада (а возможно, и то, и другое).

Последним документом, изученным нами в рамках интересующей проблемы, являются законы (или кодекс) царя Хаммурапи.

Важным фактом, по мнению некоторых ученых, является выявленное учеными возможное изменение концепции царской власти. Однако, на наш взгляд, такого изменения не происходит, т. к. текст законов не содержит в себе ничего существенно нового. Указанное в нём дарование «справедливости» нам хорошо известно из более ранних источников. А перечисление большого количества бывших «номовых» государств, которые вошли в состав державы Хаммурапи, свидетельствует о

том, что царь считал необходимым подчеркнуть свои благодеяния перед отдельными храмами и их городскими общинами. Для Хаммурапи основная задача его как правителя состояла в объединении уже существовавших царств в единое государство (эти же задачи решали и Саргон Аккадский, и Ур-Намму, и первые цари Иссина).

Нормы права также группируются по предмету регулирования, но переход от одной нормы к другой в каждом случае осуществляется по принципу ассоциации.

Общество во время правления Хаммурапи четко делилось на две большие группы – лично свободные общинники (некоторые из которых, тем не менее, находились на службе у царя) и зависимые люди различных категорий (к примеру, мушкенумы, редумы или рабы, жизнь которых должна была регламентироваться царем, а имущество – принадлежать дворцу). Кроме того, если обратиться к реформам Хаммурапи, то мы увидим, что вторая из указанных групп существенно выросла за счет подчинения храмовых работников и купцов-тамкаров.

Таким образом, для сохранения социально-правовой устойчивости царь не стал стремиться к более активному вовлечению рядовых свободных общинников в сложную иерархию царских людей, как это происходило в царстве III династии Ура. Однако Хаммурапи четко контролировал советы старейшин в крупных общинах (и суды при них) с помощью своих чиновников, а также благодаря привлечению членов таких советов на царскую службу.

Для наиболее эффективного объединения страны царь Хаммурапи выделил те направления социально-правовой сферы, где нормы права носили общеобязательный характер. Из перечисленных выше глав к таким направлениям можно отнести пункты 1, 6, 7 и частично 2 и 8.

Также можно выделить главы, рассматривающие практически исключительно деятельность царских людей – 3 и 5. Нормы права внутри указанных выше глав можно отнести к протонормам-обязываниям. В

других главах (4, 7, 9, частично 2 и 8) чаще всего применяются протонормы-предписания. Особенно если норма включает в себя действия свободных общинников (статьи 9, 13, 46-48, 60, 64-65, 122, 126, 137, 142, 168, 172, 177, 279). Подобная практика, с одной стороны, четко определяет компетенцию общинного суда, избавляя царских судей от большого объема мелких судебных дел, с другой стороны, предоставляет указанному суду определённые права в отношении рядовых общинников, в рамках определённой царём юрисдикции.

Царь и его чиновники, таким образом, непосредственно не вмешиваются в дела общин, но внимательно контролируют их.

Империя (в значении попытки создать крупное государство путем колониальных захватов) появляется на юге Месопотамии ещё со времен «царства Шумера и Аккада» Саргона Аккадского (XXIV в. до н. э.). Наследницей его империи стало царство III династии Ура, публичное право которого, как показано выше, существенно отличается от более ранних (появление полноценных законов) и поздних правовых протонорм. При этом, изучив законы царя Ур-Намму, мы приходим к выводу, что царство III династии Ура было одним из первых централизованных государств, в котором, тем не менее, был нарушен социально-экономический и правовой баланс между общинными и государственными (царскими) структурами в пользу последних. Централизация в указанном государстве обусловлена отсутствием тесных внутриобщинных связей, разорванных после тяжёлого внешнеполитического удара, который обрушился на «царство Шумера и Аккада» в начале XXI в., – нашествия кутиев.

Государства I династии Иссина, Ларсы, Эшнунны и Вавилонское царство до правления Хаммурапи можно классифицировать как территориальные и племенные царства. Наиболее развитым в правовом отношении из этих стран, как показывают источники, было царство I династии Иссина, которое унаследовало многие культурные достижения от III династии Ура, но в социально-

экономическом отношении проводило более сбалансированную политику (возросла роль общины). В социально-экономическом развитии приоритет был на стороне царств Ларсы и Эшнунны (а позже – Вавилонского царства).

Царство Хаммурапи – это второе (после III династии Ура) возрождение империи. Но, в отличие от других государств, царство Хаммурапи не просто централизованное государство, а государство, объединившее северную и южную часть Месопотамии (в этом и состоит его уникальность). Являясь преемником царства I династии Иссина в социально-правовой сфере (в ЗХ, как мы обращали внимание, прослеживаются заимствования из законов Липит-Иштара), государство Хаммурапи отличается от последнего более сильной (но не деспотичной, как в царстве III династии Ура) царской властью, контролирующей все сферы жизни общества, и более развитой экономикой, с переходом к активному использованию товарно-денежных отношений.

В заключение отметим, что удачная политика централизации страны, проводимая царём Хаммурапи, во многом также была связана с завершившимся процессом ассимиляции местного населения аморейскими племенами. Жёсткая деспотичная царская власть, характерная для ранних империй, трансформируется в «справедливое» и разумное руководство, осуществляющееся с помощью тотального контроля советов общин и четкого распределения обязанностей царских людей. Такая система управления была для изучаемого нами периода, бесспорно, оптимальной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьева В.К. Законы Ур-Намму // Вестник древней истории (ВДИ). 1960. № 1.
2. Дьяконов И.М. Кто такие «гуруши» в хозяйственных текстах III династии Ура? // ВДИ. 1949. № 2.
3. Дьяконов И.М. Реформы Урукагины в Лагаш // ВДИ. 1951. № 1.
4. Дьяконов И.М., Дунаевская И.М., Магазинер Я.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского

- царства // ВДИ. 1952. № 3, 4.
5. Дьяконов И.М. Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье / автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1957.
 6. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2.
 7. История Востока. Восток в древности. Т. 1, М., 2000.
 8. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2003.
 9. Рифтин А.П. Старо-вавилонские документы в собраниях СССР. М., 1937.
 10. Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. Струве В.В. и Редера Д.Г. М., 1963.
 11. Якобсон В.А. Представление о государстве в древней Месопотамии // Древний Восток. Ереван, 1978. № 3.
 12. Якобсон В.А. Законы Хаммурапи как источник по истории Старовавилонского периода / автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1987.
 13. Cramer S.N. Ur-Nammu law code // *Orientalia*, nova seria, 1954. V. 23.
 14. Driver G.R., Miles J.C. The babylonian laws, v.I-II, Ox., 1952-1955.
 15. Finkelstein G.G. The laws of Ur-Nammu // *Journal of cuneiform studies / JCS/* 1969. XXII. № 3-4.
 16. Goetze A. The Laws of Eshnunna // *Sumer.* V. 4, 1948.
 17. Koschaker P. *Rechtsvergleichende Studien zur Gesetzgebung Hammurabis, Königs von Babylon.* Leipzig, 1928.
 18. Kraus F.R. *Briefe aus dem British museum.* Leiden, 1964.
 19. Pritchard J.B. *Ancien Near Easten Text.* Princeton, 1950.
 20. Sollberger E. *Business and Administrative Correspondence under the king of Ur. N.-Y.*, 1966.
 21. Sollberger E., Falkenstein A. *Sumerischen Gerichtsentscheidungen. Urkunden von Universität of California.* München, 1956-57.

УДК – 94.(32).04

Сафронов А.В.

Московский государственный областной университет

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ФАРАОНА СЕТНАХТА

A. Safronov

Moscow State Regional University

THE NEW MONUMENT FROM THE REIGN OF THE PHARAOH SETHNAKHTE

Аннотация. В статье рассматривается найденная в декабре 2006 г. в Луксоре стела первосвященника Амона Бакенхонсу, жившего в период правления фараона Сетнахта. Автор приводит свои собственные транслитерацию, перевод и филологический комментарий текста этой стелы, который дает ценную информацию по началу правления XX династии.

Ключевые слова: Сетнахт, XX династия, Бакенхонсу, первосвященник Амона, Карнак

Abstract. The paper is dedicated to the recently discovered stela of the High Priest of Amun Bakenkhons who was a contemporary of the Pharaoh Sethnakhte. The author gives his own transliteration, translation and philological comments of text from this stela which contains an important information about the beginning of the XX Dynasty.

Key words: Sethnakhte, XX Dynasty, Bakenkhons, the High Priest of Amun, Karnak.

11 декабря 2006 г. в Луксоре в ходе раскопок на так называемой Аллее сфинксов – древней дороге для ритуальных процессий, связывавшей храмы Амона в Карнаке и Луксоре, – еги-

© Сафронов А.В., 2011.

петской экспедицией под руководством М. Бораика был найден новый памятник – стела из кварцита с надписью первого жреца Амона по имени Бакенхонсу [5, 119-126, Pl. 24]. Памятник относится к правлению фараона Сетнахта, т. е. к самому началу XII в. до н. э.¹ Текст проливает новый свет на ряд дискуссионных проблем, связанных с периодом перехода власти от XIX к XX династии. К сожалению, транслитерация и перевод текста М. Бораика требуют коррекции. Ниже представлен новый перевод стелы, снабженный филологическим комментарием.

ОПИСАНИЕ СТЕЛЫ

Плита с закругленной верхней частью (рис. 1). Высота 132 см, ширина нижней части 77 см, верхней части 70,5 см. Толщина у основания – 28 см, верхней части – 14 см [5, 119]. Композиционно стела делится на верхнюю (I) и нижнюю (II) части. В верхней части изображение коленопреклоненного фараона Сетнахта, подносящего фигурку Маат сидящему на троне Амону-Ра и стоящей за ним Мут, а также несколько столбцов текста. В нижней 17 строк базового текста и изображение владельца – первого жреца Амона Бакенхонсу, деяниям которого посвящен основной текст стелы (рис. 2).

Транслитерация и перевод

I. Верхняя часть. Надписи к изображению Сетнахта:

Hr k3 nht wr ph.tj dj nh – «Хор, мощный тельца, великий силой, тот, кому дана жизнь».

s3 nh – «Защита, жизнь».

nb t3.wj (Wsr-h^c.w-R^c stp.n-R^c mr(j.j) Imn)| nb h^c.w (Sth-nht(.w) mrr-Imn-R^c) dj nh mj R^c – «Владыка Обеих Земель (Усер-хау-ра Сетеп-ен-ра Мери-амон)|, владыка венцов, (Сетнахт Мерер-Амон-Ра)|, тот, кому дана жизнь подобно Ра».

hmk m M3^c.t n nb=s – «Подношение Маат владыке ее».

¹ Как полагает издатель, первоначально стела находилась в Карнакском храме. К месту ее обнаружения она, вероятно, была перенесена современными грабителями для дальнейшей продажи [5, 119].

Надписи к изображению Амона-Ра:

dj.n(=j) n-k nh^h m nswt t3.wj – «Дал (я) тебе вечность как царю двух Земель».

dj.n(=j) n-k snb nb hr=j – «Дал (я) тебе здоровье всякое от меня».

dj.n(=j) n=k nh^h w3s nb hr=j – «Дал (я) тебе жизнь (и) власть всякую от меня».

Imn-R^c nb ns.w.t t3.wj – «Амон-Ра, владыка “Престолов Обеих Земель”» (название храма в Карнаке. – А. С.).

Надпись к изображению Мут:

Mw.t wr.t nb(.t) p.t – «Мут великая, владычица неба».

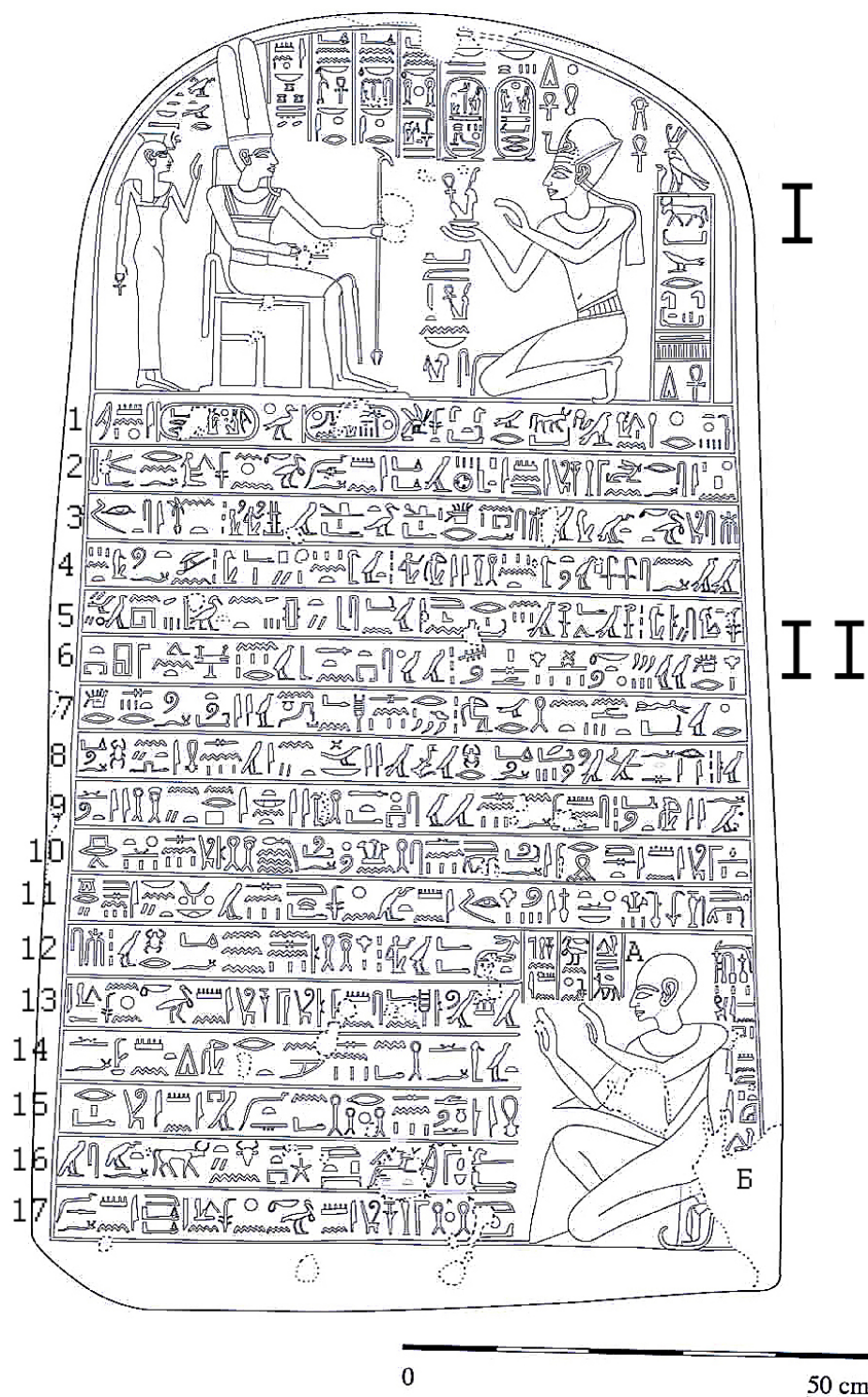
II. Нижняя часть.

1 h3.t-sp 4 hr Hm n Hr k3 nht wr ph.tj nswt bi.tj (Wsr- h^c.w - R^c stp.n-R^c [mr(j.j) Imn]) s3 R^c (Sth-nht(.w) mrr-Imn-R^c) mr(j.j) Imn-R^c 2 hrw pn js(t) r=f wn hm-ntr tp(.j) n Imn m Tp.t-s.w.t m dd Imn ds=f B3k-n(.j)-Hnsw rn=f m3^c-hrw 3 ms(j.w).n B3k.t-mw.t m ms n pr=f dr w^c s3.t w^c m wnd.w(t) n(.j.w)t W3s.t jst 4 m33.n=f snn.w n(.jw) hsy.w twt.w n(j.w) tpj.w^c hn.tj.w n(j.w) 5 spss.w nswt h3^c(.w) hnr(.w) m knj.w.n sbtj.w n(j.w) gbb nhj 6 hr dr.w kth.w hr psd.w m wsh.t 7 t n-bnr n(j.w)t hwt-ntr 7 hr.w.n dr.w.t n(j.w)t hwr.w r fnd.w=sn h^c.n nwj=f s.t r-drw 8 jrj=f sm3w(j)=w dj=f hpr t3j nb n.tj jm=sn mj n.tj n hpr(.w) dj=f 9 f3j.tw=w smn.n=f sn m wsh.t 10 t hby.t n(.j.w)t jnr n.tj w3h=tw 10 htp-ntr n Imn jm=s.t r sn.t=f m-hnw =sn shn=f w^cb w3h n=sn h.w.t pr(j.j.t) 11 m-b3h kbh sw.t rnp.w.t h.t nb(.t) nfr(.t) jw=w hr m3 Imn Mw.t Hnsw m h^c.w=sn m wp nb n.tj jm=sn gr 12 jw^c.w hr w3h n=sn mw dj=f hpr=w ms(j.j.w) 13 m s3.w h^c.n smn.n hm-ntr tp.j n Imn B3k-n(.j)-Hnsw m3^c-hrw 14 twt=f hn^c=sn n-mrw. t dj.t mn=f 15 mj-kd=sn r nh^h hn^c d.t m pr Imn jn (j)r(.j)-p^c.t 16 h3.tj^c jt-ntr mr(j.j)-[ntr] hr.j-s3t3 m p.t t3 dw3.t sm3ty n k3-mwt=f sm 17 m 3h.t nh^h hm-ntr tp(.j) n Imn B3k-n(.j)-Hnsw m3^c-[hrw] m dd Imn ds=f

A hm-ntr tp(.j) n Imn B3k-n(.j)-Hnsw m3^c-hrw s3 (n) s3b 6 jm.j-r3 s3(.w) nfr.w n pr Imn Imn-m-ip.t [m3^c-hrw]

¹ Год 4-й при Величестве Хора, мощного тельца, великого силой, царя Верхнего и Нижнего Египта (Усер-хау-ра Сетеп-ен-ра [Мери-амона]), сына Ра (Сетнахта Мерер-Амон-Ра), того, кого любит Амон-Ра. ² День

этот, когда первый жрец Амона в Ипет-Сут стал тем, кого дает сам Амон. Имя его – Бакенхонсу, право­гласный, ³ тот, кто рожден Бакетмут как чадо храма его (т. е. Амона – А.С.), (как повелось) со времен непрерывной линии дочерей из народа Фив. И вот ⁴ увидел он изображения восхваляемых, статуи предков, изваяния ⁵ царских вельмож, (которые) были ниспровергнуты и разбросаны у границ (храмового?) поля. Одни ⁶ (лежали) на боку, другие – на спине в большом дворе снаружи храма, ⁷ опрокинуты руками черни лицом вниз (букв. «на носы их»). Затем он собрал их все без остатка. ⁸ Он отреставрировал их, (и) повелел он, чтобы стал всякий ущерб в них (т. е. ущерб, причиненный статуям – А. С.), как то, чего не было. Приказал он, ⁹ чтобы подняли их. Установил он их в большом дворе (и) в праздничном дворе из камня, в котором возлагались ¹⁰ жертвы Амону, чтобы окружить его ими (досл. «среди них»). Он обеспечил очищение, положены для них (т. е. статуй – А.С.) жертвы, вышедшие ¹¹ перед (алтарем): возлияния, мясо (и) зелень, вещи всякие прекрасные. Видят они (статуи предков – А. С.) Амона, Мут, Хонсу в появлениях их в празднестве каждом, в котором они (участвуют). ¹² Наследники совершают для них возлияния, (поскольку) дал он (Бакенхонсу – А. С.), чтобы воссуществовали они (т. е. статуи – А.С.), воссозданные ¹³ согласно предопределению. Затем установил первый жрец Амона Бакенхонсу, право­гласный, ¹⁴ статую свою вместе с ними (т. е. с восстановленными статуями – А.С.) ради дозволения пребывать ему ¹⁵ подобно им во веки вечные в храме Амона. Государь-¹⁶князь, «отец бога», возлюбленный [богом], хранитель тайн на небе, земле и в Дуате, жрец-семати Камутефа, жрец-сем ¹⁷ в «Горизонте Вечности», первый жрец Амона Бакенхонсу, право­гласный, тот, кого дает сам Амон.

^А Первый жрец Амона Бакенхонсу, право­гласный, сын сановника, ^Б начальника писцов (и) новобранцев храма Амона Аменемопе, [право­гласного].

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Перевод М. Бораика [5:123] крайне неудачен: “Today. Now, there being the high priest of Amun in Karnak, being as the one whom Amun himself appoints, whose name is Bakenkhonsu”. Фраза состоит из двух предложений. Первое – сложноподчиненное, в котором главное (*hrw pn*) и подчиненное (*wn hm-ntr tp(.j) n Imn m Ip.t-s.w.t m dd Imn ds=f*) связаны частицей *is(t)* [3, 139–140], усиленной энклитической частицей *rf*. Глагол *wn* не показывает геминатии, что указывает на однократность действия [3, 263]. В то же время относительная имперфективная форма *dd* указывает на повторяющееся действие [3, 263]. Речь явно идет об известном факте, а именно выборе первосвященника Амона на основании оракула¹. Указание на подобную практику встречается как до правления Сетнахта [10: IV, 130-131], так и после². Второе предложение – неглагольное (*B3k-n(.j)-Hnsw rn=f m3c-hrw*) – со сказуемым-существительным (здесь – именем собственным) [1, 294-295; 3, 71], констатирует, что этим первым жрецом Амона стал Бакенхонсу.

Стк. 3:

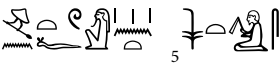
перевод «since (he is) a unique one of the daughter, the unique one from the common folk of Thebes» [5, 123] подразумевает, что после *dr* в предложении опущены и подлежащее, и сказуемое, что невозможно. Толкование как «единственный (от) дочери» требует косвенного генитива (*wc n s3.t*), так как субъект, выраженный лексемой *wc*, не определен³. Как

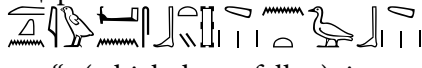
¹ Ср., например, историю избрания первым жрецом Амона Небуненефа при Рамсесе II [2, 92–93].

² При XXI династии определение для первосвященника Амона *m dd Imn* появляется, например, уже в хоровом имени фараона Псусеннеса I, картуши которого содержат и сам титул *hm-ntr tp(.j) n Imn* [8, 54:53, 55:62, 57:75].

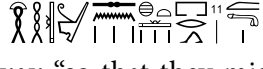
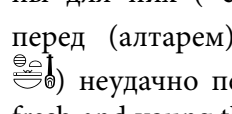
³ Другой вариант Бораика [5, 125, n.2] – “being as one who is born in his house through a unique daughter, a unique one from the common folk of Thebes” – где *dr* понимается как дефектное написание *n-dr.t*. Однако значение “in the

убедительно доказал еще в 1991 г. К. Янсен-Винкельн, выражение $w^c s3 w^c$, появляющееся в текстах с XVIII династии, следует рассматривать как слитное существительное и переводить «непрерывная линия поколений, поколение за поколением» [7, 55-56]. Скорее всего, здесь та же конструкция, и предлагаемый перевод – «рожденный Бакетмут, как чадо храма его (т. е. Амона), (как повелось) со времени непрерывной линии дочерей из народа Фив»). Возможно, фраза указывает на традицию избрания первосвященника Амона из числа детей, рожденных жрицами храма в Карнаке, хотя исключения, естественно, существовали¹.

Сткк. 4-5: Группа переведена издателем как “the august kings” [5, 123]. Однако *nswt* выписан в единственном числе, а *spss.w* – во множественном. Учитывая графическую перестановку «почета ради» [6, 51], выражение читается как *hntj.w n(j.w) spss.w nswt* и имеет значение «статуи вельмож царя/царских вельмож».

Стк. 5: переведена как “...(which have fallen) into a state of destruction in the enclosure gates of the open court” [3, 125]. Для лексемы (*gbb*) зафиксировано лишь значение «поле, земля» [13/V, 164:12-13]; для *sbty.w* – «стены» [13/IV, 95:10-96:13]. Вряд ли следует предполагать значение «разрушать» для лексемы *knj* в выражении , скорее, это «обнимать, охватывать»². Поскольку перед нами явно перфектная относительная форма, буквально переводить, видимо, следует «в месте, окруженном стенами/оградой поля». Возможно, речь идет о границе храмовых владений. Видимо, Бакенхонсу, упоминая, что статуи были там брошены, хотел подчер-

кнуть степень запустения, в которой пребывал храм до него.

Сткк. 10-11: М. Бораик переводит как “so that they might place things which are brought before (the god)” [5, 125]. Судя по контексту, перед нами пассивная форма *sdm=f* с подлежащим *h.t*. Местоимение-суффикс *=sn* имеет в виду статуи, которые Бакенхонсу восстанавливал. Таким образом, перевод должен быть: «Положены для них (=статуй) жертвы, вышедшие перед (алтарем)». Список жертв () неудачно переведен как “all good cool, fresh and young things”. На деле, конечно, это «возливание, мясо³ (и) зелень, вещи всякие прекрасные».

Сткк. 12-13: Перевод издателя “The heirs (of the god) placing water (offerings) so that he might cause that the births happen as fated” [5, 125] принять невозможно, поскольку он приписывает Бакенхонсу роль божества – создателя жизни. Глагол *msj* имел значение «создавать», в том числе и применительно к статуям [13/II, 138:12-14]. Тогда перед нами стандартная *dj=f hpr=w ms(j.j.w) m s3.w* конструкция, где – вариант написания местоимения-суффикса 3 л. мн. Числа [3, 48], который, безусловно, относится к статуям. Соответственно, перевод этого фрагмента текста: «Наследники совершают возлияния, (поскольку) дал он (Бакенхонсу), чтобы воссуществовали они (т. е. статуи), воссозданные согласно предопределению».

Стк. 16: транслитерируя как *b3ty*, Бораик колеблется в переводе (“foremost one” или “bati-priest”) [5, 123, 126]. Вероятное значение – *sm3ty*. Слово обозначает жреца, который приносил жертву, и встречается в стандартном жреческом титуле *sm3ty n k3-mwt=f* [11, 19; 12, 259:G(b)].

Стлб. А: Титул , принадлежащий

hand of, through” для последней не зафиксировано.

¹ Ср. историю вышеупомянутого Небуненефа, который до занятия должности первосвященника Амона не был связан с Карнакским храмом, но фактически был возведен в должность Рамсесом II [2, 92-93].

² Отсутствие детерминатива в глаголе , [13/V, 50:7-12], возможно, объяснимо особенностями палеографии.

³ Графема – сокращенный вариант написания *sw.t* «кусок мяса» [13/IV, 60:2-3]. Слово регулярно встречается в жертвенных списках Нового Царства [4, 122, 137, 150].

Аменемопе, отцу Бакенхонсу, М. Бораик [5, 126] переводит как “chief-scribe of recruits”. Данные, что первый был писцом, отсутствуют. На известных его памятниках он назван либо *jm.j-r3 nfr.w* «начальник новобранцев» [10/V, 397:9, 398:16, 399:6], либо *jm.j-r3 mš* «начальник войска» [10/V, 7:13]. Титул на данной стеле следует понимать как «начальник писцов и новобранцев» (*jm.j-r3 šš(.w) nfr.w*), поскольку эти писцы могли находиться в составе войска.

Подводя итог филологическому комментарию, отметим, что несмотря на дату создания стелы Бакенхонсу (начало XII в. до н. э.), ее язык – среднеегипетский. Текст стелы не содержит новоегиптицизмов, отсутствуют артикли и новоегипетские аналитические глагольные формы. Кроме того, в тексте регулярно употребляется форма *sdm.n=f*, практически исчезающая в новоегипетском языке. Вместе с тем палеография стелы совершенно отлична от классических среднеегипетских образцов и характеризуется большим количеством «лишних» графем. Прилагательное принадлежности, выписанное в женском роде (*nj.t*), не совпадает по роду и числу с предшествующим словом (сткк. 4–5), что не свойственно классическому среднеегипетскому языку. В целом, стела Бакенхонсу очень схожа с Элефантинской стелой Сетнахта, текст которой считается примером «поздне-среднеегипетского языка» [9, 58].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Петровский Н.С. Египетский язык. М., 1958. 317 с.
2. Стучевский И.А. Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984. 247 с.
3. Allen J. Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs. Cambridge, 2002. 510 p.
4. Barta W. Die altägyptische Opferliste von der Frühzeit bis zur griechisch-römischen Epoche. Berlin, 1963. 183 S.
5. Boraik M. Stela of Bakenkhonsu, High Priest of Amun-Re // Memnonia. P., 2007. Vol. 18. P. 119-126.
6. Gardiner A. Egyptian Grammar, being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3 ed. Oxf., 2001. 646 p.
7. Jansen-Winkeln K. Der Ausdruck *wš z3 wš* // Göttinger Miszellen. Göttingen, 1991. Ht. 123. S. 53-56.
8. Jansen-Winkeln K. Inschriften der Spätzeit. Teil I: Die 21. Dynastie. Wiesbaden, 2007. 288 S.
9. Junge F. Elephantine XI. Funde und Bauteile. 1.–7. Kampagne, 1969-1976. Mainz am Rhein, 1987. 91 S.
10. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxf. Vol. IV. Oxf., 1982. 448 p.; Vol. V. Oxf., 1983. 672 p.
11. Levebvre G. Inscriptions concernant les grands prêtres d'Amon Romê-Roÿ et Amenhotep. Paris, 1929. 77 p.
12. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Leuven, 2002. Bd. 7. 695 p.
13. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Berlin, 1971. Bd. II 506 S.; Bd. IV. 569 S.; Bd. V. 639 S.

УДК 94(44).027

Наумов А.В.

Нижегородский государственный университет

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОГО
КРЕСТОВОГО ПОХОДА ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОД РУКОВОДСТВОМ КАРЛА VIII В ПЕРИОД
ПОДГОТОВКИ ВТОРЖЕНИЯ В ИТАЛИЮ (1490-1494)**

A. Naumov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**ON THE IDEA OF ORGANIZING A NEW CRUSADE AGAINST
THE OTTOMAN EMPIRE UNDER THE LEADERSHIP OF CHARLES VIII
WHILE PREPARING AN INVASION OF ITALY (1490-1494)**

Аннотация. В статье анализируются предпосылки и формирование идеи организации нового крестового похода против турок под руководством Карла VIII в 1490-1494 гг. Идея нового крестового похода использовалась участниками международных отношений как пропагандистский лозунг для усиления собственного влияния и борьбы за политическую гегемонию в Западной Европе. Для французского короля была необходима четкая внешнеполитическая цель, общая для западноевропейских государств, которая позволила бы ему достичь гегемонии в этом регионе. Именно такой необходимой целью и становится идея организации нового крестового похода против турок под началом Карла VIII, появившаяся во многом благодаря римскому папе Иннокентию VIII в 1490 г., а затем активно реанимированная в 1492-1494 гг. во время начала понтификата Александра VI.

Ключевые слова: Карл VIII, Итальянские войны, новый крестовый поход против турок, Италия, дипломатия.

Abstract. The article presents a detailed analysis of the background and formation of the idea of organizing a new crusade against the Turks under the leadership of Charles VIII in the years 1490-1494.

The idea of a new crusade was used by various countries as a propagandist slogan to reinforce their own political influence in struggle for hegemony in Western Europe. The French King Charles VIII needed a clear political aim shared by other Western European countries which would allow him to achieve hegemony in the region. Thus the idea of organizing a new crusade against the Turks encouraged by Pope Innocent VIII becomes the main target of French foreign policy in 1490 and the subsequent years from 1492 to 1494 supported by Alexander VI.

Key words: Charles VIII, Italian wars, a new crusade against the Turks, Italy, diplomacy.

При организации военного вторжения на Апеннинский полуостров с целью захвата Неаполитанского королевства, на которое у французов имелись династические претензии, королю Карлу VIII были необходимы и другие мотивы, которые могли бы оправдать захват итальянских территорий. В этой связи французский правитель активно обращается к идее организации нового крестового похода против Османской империи, которая, по заверениям французов, становится основной причиной вторжения на территорию Апеннинского полуострова.

Стоит отметить, что в историографии нет единой точки зрения относительно использования и применения самого термина «крестовый поход» применительно к событиям конца XV в. Известно, что современники эпохи Крестовых походов XI-XIII вв. предпочитали говорить о

«походе» (лат. *expeditio*), «пути в Иерусалим» (лат. *iter Hierosolymitanum*), «пути в Святую Землю» (лат. *iter in Terram Sanctam*). Слово «крестоносец» (лат. *crucesignatus*) возникает лишь в XIII в., а слово «крестовый поход» (фр. *Croisade*, англ. *Crusade*, итал. *Crociata*, нем. *Kreuzzug*) – распространяется ближе к Новому времени. В используемых нами источниках конца XV в. употребляются «крестовый поход» (фр. *croisade*) и словосочетание «экспедиция против турок» (фр. *expédition contre les turcs*).

В исторической науке существуют два основных подхода – «традиционалистский» и «плюралистский». «Традиционалисты» считают крестовыми походами только военные экспедиции в Восточное Средиземноморье, нацеленные на отвоевание Св. Гроба и Палестины, завершившиеся уже к концу XIII в. [17; 21]. «Плюралисты» считают, что под крестовым походом следует понимать христианские войны в целом и доводят историю этого движения до XVIII в. [11; 19; 20]. Норманн Хаусли, называя борьбу Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской против Гранады самой успешной крестовой экспедицией XV в., отмечает, что другие направления крестовых походов (в частности, против турок) продолжали обсуждаться и на папском совете в Риме в 1490 г., и во время вторжения Карла VIII в Италию [2, 319].

В отечественной историографии акцент делается на социально-экономические причины начала французских походов в Италию [5]. При этом идея крестовых походов в XIV-XV вв. не отвергается, но отмечается её исторический анахронизм и то, что она лишь идеологически оформляла действия коалиций или отдельных государств Западной Европы [3].

Хорошо известно, что на протяжении всей истории крестовых походов Римско-католическая церковь играла важнейшую роль в их подготовке, давая им не только идейное обоснование, но и нередко материальную основу. Вследствие этого и в конце XV в. особое значение имела позиция Римского папы, который мог предоставить право организации

военной экспедиции, под лозунгами крестового движения.

Для папства на протяжении всего периода позднего Средневековья «турецкая опасность» была одним из основных способов для введения новых налогов. Однако после битвы 1444 г. при Варне Османская империя, разгромив армии европейских христианских государей, вплотную подошла к границам Венгрии. В Риме в этот момент не смогли прийти к общей позиции: гуманисты требовали оказания помощи Византии, указывая на то, что за Константинополем угроза нападения турок распространится и на Рим. Против гуманистов выступали «истые» католики, точка зрения которых сводилась к тому, что с еретиками нельзя иметь никаких дел, а тем более оказывать им помощь [4, 78].

Римский папа Николай V занял полоничатую позицию, обещая оказывать помощь. После взятия Константинополя в 1453 г. идея крестового похода активно была подхвачена новым папой Каликстом III (1455-1458). Однако на призывы папы не отозвалась ни Франция, только закончившая Столетнюю войну и запретившая публиковать буллы о налоге о походе на Восток, ни Венеция, у которой были активные торговые отношения с Турцией [15, 14]. В большинстве не откликнулись также независимые итальянские государства, даже под угрозой применения всеобщего интердикта. Отказалась участвовать в предприятии и Германия, где считали, что папа стремится наложить новое налоговое бремя. Немецкие курфюрсты даже апеллировали к императору, призывая не соглашаться с требованиями Рима.

Финансовая составляющая имела немаловажное значение в отмене крестового похода, но именно в этот момент закладывается и ещё одна проблема. Для успешной реализации идеи крестового похода было необходимо участие крупных европейских держав, но кто мог объединить разнонаправленные интересы правителей Западной Европы? В это время Священная Римская Империя теряла свои ключевые позиции во всех европейских делах. Но данный процесс происходил

одновременно с усилением национальных государств, и освобождающаяся позиция верховного владыки Европы должна была достаться победителю. Здесь мы можем найти корни той борьбы за европейскую гегемонию, которая развернётся в конце XV в.

При Сиксте IV (1471-1484) идея организации крестового похода не переросла в нечто серьёзное, но именно к этому периоду относится возникновение курса на создание собственного церковного монархического церковного государства. Усиление светской власти в крупнейших западноевропейских государствах неизбежно вело к ослаблению церковной власти. Вариант с захватом обширной области Романья и соответственно увеличением Папской области становится важнейшим для Сикста IV и его преемников. Сопrotивление этим планам со стороны могущественной флорентийской династии Медичи и последовавшее за этим сопротивление с Римом фактически сводит идею организации крестового похода к нулю.

Изменение политики Рима произошло только со сменой понтифика. В результате борьбы кланов и последовавшего за ней компромисса римским папой в 1484 г. был избран кардинал Чибо, взявший себе имя Иннокентия VIII (1484-1492). Своим выбором он в первую очередь был обязан Джулиано делла Ровере, влияние которого было решающим и в период его папства [13]. Своей династической политикой Иннокентий завоевал себе в качестве союзницы Флоренцию в конфликте, возникшем с Неаполитанским королевством. Все это подтверждает тезис о том, что римский папа стремился вести политику как один из монархов Италии.

Во внешней политике Иннокентий VIII стал посредничать в заключении мира между Маттяшем и императором Максимилианом. С одной стороны, это говорит о том, что папа добивался активных объединённых действий против турок на Балканском полуострове, но реально Иннокентий VIII не являлся решительным сторонником борьбы против Османского государства. Он предпочитал достигнуть мира между Европой и

турками путем переговоров. Для своей выгоды он стремился использовать внутренние раздоры, подтачивавшие турецкий императорский двор.

Однако в Западной Европе идея крестового похода оставалась популярной, поэтому римский папа Иннокентий VIII ещё в 1490 г. предлагал европейским правителям организовать поход против турок. С этой целью он посылал многочисленные посольства к европейским правителям с целью финансирования будущего предприятия. Например, в течение только одного года было отправлено несколько послов в Англию, но все они не достигли своей цели – Генрих VII пытался ограничиться только обещаниями поддержки или даже прибегал к прямому отказу. Во всех случаях обоснованием являлось наличие внешней угрозы со стороны Шотландии или Франции и необходимостью готовиться к войне с ними.

Ситуация изменилась в 1491 г., когда Генрих VII разрешил сбор средств в королевстве. Для поощрения английского короля папа послал ему меч и шапку защитника веры, которые были приняты с благодарностью. В ответном письме понтифику Генрих подтверждал не только своё желание поспособствовать походу, но и советовал обратиться к другим государям, чтобы не одна его страна несла на себе это бремя. Однако основным направлением внешнеполитической активности английского короля в этот период всё равно оставалась ситуация вокруг Бретани. В этой ситуации зарождающегося противоборства особую позицию занял римский папа Иннокентий VIII, который искал союзников для борьбы против Неаполя и рассчитывая в первую очередь на французского короля. Понтифик активно предлагал всем государствам Западной Европы объединиться для организации похода против турок. В феврале 1490 г. в Англию отправляется нунций Леонелло Кьерегато и после длительных переговоров добивается согласия Генриха VII на проведение мирной конференции, а согласие французского короля достигается с помощью других нунциев – протонотария Анто-

нио Флореса и Раймона Перо, архиепископа Ксанта. Несмотря на все усилия Иннокентия VIII на конференции, проходившей летом 1490 года в Кале и Булони, договориться противоборствующим сторонам не удалось.

В 1491–1492 гг. основное направление деятельности по организации крестового похода Иннокентием VIII распространяется на молодого французского короля Карла VIII и императора Максимилиана. Однако все попытки обращения понтифика к европейским государям с призывом начать подготовку к новому крестовому походу закончились неудачно в связи с тем, что все западноевропейские государства были вовлечены в борьбу вокруг наследницы Бретани [6, 78].

После смерти Иннокентия VIII в 1492 г. новый папа активно продолжает действовать на этом направлении. Александр VI в это время стремился к усилению своих позиций в Италии, поэтому, встревоженный чрезмерным усилением Фердинанда I в Неаполе, пытался создать противовес ему в лице французского короля.

Начиная с конца 1493 г. между главой Римской церкви и Карлом VIII ведется интенсивная переписка, целью которой для Александра VI было побудить Францию к походу на Неаполь [8]. Одним из главных аргументов, предложенных со стороны Александра VI, была необходимость организации великого крестового похода «против неверных», маршрут которого должен был пройти через Южную Италию. В письме от 1 февраля 1494 г., называя Карла «христианнейшим королём», Александр VI предлагает организовать поход «против коварных турок, врагов христиан» через территорию Италии: «...пропускаю [французов] через страну, где я властвую, а также покрываю издержки на экспедицию» [10, 404]. Казалось бы, понтификом преследуются благие цели: «...желая безопасности мирному населению, обращаюсь к королю Карлу» [10, 405]. Однако в проведении такой политики очевидна возможность использования папой французской армии для решения своих внутренних задач в Италии. Таким образом, фактически папа

Александр VI, предлагая французскому королю стать организатором нового крестового похода, даёт санкцию на вторжение Карла VIII в Италию.

Несмотря на то, что в хрониках и письмах того времени турок часто именуют «неверными», Османская Империя уже заняла своё место в системе международных отношений, и многие государства рассматривали наступающую империю как серьёзного политического игрока, стремясь использовать её в своих собственных целях.

Нет сведений о ведении подобных переговоров между папой Александром VI и германским императором Священной Римской империи Максимилианом I. Поэтому, представляется небезосновательной точка зрения французского историка Лемоннье, который доказывал, что поход Карла VIII направлялся не против Италии, а в защиту Италии против экспансионистских устремлений германского императора [16].

Призывы Александра VI о необходимости крестового похода «против турок» доказывают, что вторжение французского короля в Италию – лишь первый этап планировавшегося крестового похода «против турок» под главенством Карла VIII. Основным сторонником этой концепции был французский исследователь Делаборд [9].

Таким образом, фактически папа Александр VI санкционировал вторжение Карла VIII в Италию, но уже события первых месяцев начавшегося «крестового похода» – быстрое продвижение по территории Апеннинского полуострова, постоянное стремление к добыче, захваты власти, титулов, придворных должностей и, наконец, феодальных владений – резко меняют отношение к нему главы Римской церкви.

Очень часто встречается критическая точка зрения по отношению к Франции за её контакты и сближение с Османской Портой, однако и Священная Римская империя в лице Максимилиана I рассматривала турок как политических партнёров, которые способны влиять на ситуацию в Европе. Впрочем, мы можем заключить, что идея

нового «крестового похода» использовалась участниками международных отношений как пропагандистский лозунг для усиления собственного влияния в Западной Европе. Наиболее показательным становится маршрут похода Карла VIII, который довольно отдалённо соотносится с основными точками противоборства Османской империи с европейскими государствами.

Формирование идеи нового крестового похода против турок именно под руководством французского короля было вызвано ещё и тем, что, фактически чувствуя себя независимыми от Империи, итальянские государства склонялись к союзу с сильнейшим. Существование же отдельных итальянских государств (наиболее слабых) было возможно в принципе только потому, что в Западной Европе было государство, которое стремилось к политической гегемонии. В свою очередь, для Карла VIII такая ситуация на Апеннинском полуострове становилась основой его внешнеполитической деятельности.

Однако для французского короля была необходима и четкая внешнеполитическая цель, общая для западноевропейских государств, которая позволила бы ему достичь гегемонии в этом регионе. Именно такой необходимой целью и становится идея организации нового крестового похода против турок под началом Карла VIII, появившаяся во многом благодаря римскому папе Иннокентию VIII в 1490 г., а затем активно реанимированная в 1492-1494 гг. во время начала понтификата Александра VI.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Де Коммин Ф. Мемуары / Под ред. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 261 с.
2. История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 495 с.
3. Карпов С.П. История средних веков. М.: МГУ, 1998. 267 с.
4. Лозинский С.Г. История папства. М.: Наука, 1986. 238 с.
5. Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М.: Наука, 1981. 187 с.
6. Cloulas I. Charles VIII et le mirage italien. P.: Editions Albin Michel S.A., 1986. 154 p.
7. Burcard J. "Journal", Dans les secrèt des Borgia, 1492-1503, présenté par I.Cloulas et C. Minischeti. P., 2003. 96 p.
8. Charles VIII. Lettres. Publ. par J. Pilorigier. P.: Librairie Hachette, 1903. T. IV. 126 p.
9. Delaborde H.F. L'expédition de Charles VIII en Italie. – P.: Librairie de Firmin-Didot, 1888. 733 p.
10. Histoire de Charles VIII Roi de France d'après des documents diplomatiques inedites ou nouvellement publiés par C. De Cherrier. P.: Librairie, 1870. 186 p.
11. Housley N. The Later Crusades, 1274–1580: From Lyons to Alcazar. Oxford, 1992. 199 p.
12. Italy in the age of the Renaissance, 1300-1550. Edited by John M. Najemy. Oxford University press, 2004. 295 p.
13. Labande-Mailfert Y. Charles VIII et son milieu: 1470-1498, la jeunesse au pouvoir. P.: Presses du Palais-Royal, 1975. 615 p.
14. La Vigne, André de. Le vergier, 1499. 39 p.
15. Lavissee E. Histoire de France des origines à la révolution. P.: Librairie Hachette Paris, 1911. 179 p.
16. Lemonnier H. Les guerres d'Italie. P.: Librairie Hachette Paris, 1903. 168 p.
17. Mayer H.E. The Crusades. Trans. J.Gullingham. L.: Oxford University press, 1988. 218 p.
18. Pastoret M. de. Les ordonnances des rois de France. P.: Imprimerie de ducassois, 1840. 128 p.
19. Riley-Smith J. The Oxford History of the Crusades. Oxford University Press, 1999. 214 p.
20. Riley-Smith J. The First Crusaders, 1095-1131. Cambridge University Press, 1998. 178 p.
21. Tyerman C. God's War: A New History of the Crusades. Allen Lane, 2006. 241 p.

Новая и Новейшая история

УДК 940.2(437)+940.5(437)

Филатова О.И.

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого*

ЧЕШСКИЕ МУЗЫКАНТЫ В ПЕРВОМ ТЕАТРАЛЬНОМ АГЕНТСТВЕ ДЛЯ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЫ Е.Н. РАЗСОХИНОЙ

O. Filatova

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

TNE CZECH MUSICIANS IN TNE FIRST THEATRE AGENCY
FOR RUSSIA AND ABROAD BY Mrs. ELIZABETH RASSOHINA

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению артистической эмиграции – актуальной научной проблемы европейской истории Нового времени. Автор обнаружила в Российском государственном архиве литературы и искусства новые материалы о «чешской музыкальной эмиграции», представленные в Первом Театральном Агентстве для России и Заграницы. Рассмотрена переписка с основательницей Агентства Елизаветой Николаевной Разсохиной отдельных чешских музыкантов (Евстафий Сук, Бернард Фёрстер, Вацлав Сук).

Ключевые слова: «Чешская музыкальная эмиграция», история, Первое Театральное Агентство.

Abstract. The article is devoted to Art emigration – the acute scientific problem of European Modern History. This author has discovered new archival material about «Czech Musical Emigration», represented in The First Theatre Agency for Russia and Abroad. Some Czech musicians: Evstafij Suk, Bernard Foerster, Vaclav Suk – were in correspondence with Agency's founder Mrs. Elizabeth Rassohina.

Key words: «Czech Musical Emigration», history, the First Theatre Agency.

Историческая специфика становления профессионализма художественных традиций европейской культуры Нового времени в русле искусства звуков во многом обусловлена так называемым движением «чешской музыкальной эмиграции». Музыкальная практика Чехии, начиная с Раннего Нового времени (в побелогорский период, после 1620 г.) отмечена обильным исходом лучших, талантливых творческих сил с родных земель. «Частично ослабив культурные силы внутри страны, чешская эмиграция способствовала общему развитию европейской музыки», – сбалансированно считал М.С. Друскин [1].

Аристократические капеллы, театры и салоны Европы оказались плотно насыщены исполнителями-инструменталистами – ансамблистами и оркестрантами, певцами – солистами и хористами, композиторами и педагогами из Чехии. «Чешские музыкальные эмигранты» интенсивно распространялись и в направлении России, что обуславливалось, по-видимому, ощущением славянской общности (язык, культура, ментальность, вхождение в социум). «Тружеников смычка» – мастеров скрипичной, альтовой, виолончельной игры – Г.Г. Фель-

дгун насчитал в России семь сотен [2]. И это только в одной «отрасли» музыки!

Рядовые персоны истории, чьи имена, однако, могли возрастать до значимых деятелей искусства, в уникальности своей множественности нечасто подвергались комплексному изысканию – вниманию и изучению, посему проблема «чешской музыкальной эмиграции» – в научном плане – не может считаться завершённой. Также далек от окончательного «собрания» и «массив» чешских музыкальных деятелей, трудившихся «вдали», но обретавших в эмиграции свою вторую родину.

Выраженная на пике капиталистической эры России конца XIX в. новая форма организации и упорядочения концертно-гастрольной жизни искусства, установления и удержания баланса поиска–предложения занятости, оптимального и качественного удовлетворения художественных запросов слушателей и творцов искусства, воплощённая в деятельности «Первого театрального агентства для России и Заграницы», выступила объектом рассмотрения данной статьи. Предметным вектором публикации явилось изучение имен чешских музыкантов, зарегистрированных в Агентстве.

Цель восполнения событийных перипетий означенной проблематики – воссоздания непрочитанных страниц истории через нити судеб конкретных ее персонажей – вдохновила документальные изыскания, в частности, на базе Российского государственного архива литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Источниковая база, выявленная в процессе работы в фондах РГАЛИ, определила корпус материалов, введение которых в научный оборот позволяет направить внимание дальнейших исследований и исследователей на региональные архивы.

«Первое Театральное Агентство для России и Заграницы» было учреждено 9 февраля 1892 г. (с 10 мая 1906 г. открыто отделение Агентства в Петербурге) и просуществовало до 1918 г., оставаясь единственным в своем роде, а затем – после появления в 1896 г. при Российском Театральном обществе Спра-

вочно-статистического Бюро – продолжало удерживать свой авторитет. Агентство, например, помогало в образовании «актерских товариществ», организовывало гастроли, держало Центральную театральную кассу, устраивало благотворительные спектакли и бенефисы, имело Издательство и Библиотеку, где хранились ноты, книги, либретто, клавиры и т. п. (директор – С.Ф. Разсохин).

Евстафий Иванович Сук был композитором и дирижером Чешско-Венгерского оркестра. В обращении в Агентство, ходатайствуя о гастрольных выступлениях своего коллектива¹, Е.И. Сук перечислял его инструментальный состав, хвалил качество звучания, описывал внешний вид исполнителей, «громадный репертуар», включающий ... тысячу пьес.

Бернард Федорович Фёрстер, заявленный в картотеке «Первого Театрального Агентства для России и Заграницы» как «капельмей-

¹ РГАЛИ: Ф. 2492 (Первое Театральное Агентство для России и Заграницы Е.Н. Разсохиной). Оп. 1. Ед. хр. 817 (Личные Дела: Сударская Наталья Григорьевна – оперная певица, меццо-сопрано ... Сук Евстафий Иванович – дирижер [Гриф ОЦ – «особо ценное»]). Л. 21.

Агентство зарегистрировало письмо в августе 1907 г. за № 8; резолюция гласит: «Послан [неразб.]» /подчеркнуто в тексте – Е.Р./.

«Варшава 10/VIII.1907.

М.Г. /Милостивая Госпожа. – О.Ф./.

Чсть имею покорнейше просить не найдёте ли возможным места для меня съ оркестромъ, свободен с 28-го Авг[с]та, могу принять место съ 1-го по 15 Сентября где угодно[,] но не меніе 2-хъ месяцевъ чтобы быть на месте.

Но я прошу Васъ принять меня съ оркестромъ и давать ангажементы:

1). Оркестръ состоитъ съ 12-ти человекъ хорошихъ Артистовъ и Артистокъ музыки, и хорошо сыгранъ.

2). У насъ есть громадныя репертуаръ нотъ более 1000 штукъ самыхъ лучшихъ піесъ и исполняютъ №№ солистовъ: 1. Солистка Contra Basso, 2. Violino I-Solo. 3. и Violonce[ll]lo. 4. Flauto. 5. Tromba.

3). На сцене или естраде играемъ в костюмахъ. Синіе брюки и жилетки а красныя «Smokingi».

Чсть имею покорнейше просить чтобы можно получить изъ Вашей Агентуры место для оркестра, жду ответа.

Съ Нижажущемъ Почтениемъ Евстафій Ив[анович] Сукъ. Композиторъ Дирижоръ Ческо-Венгерского Оркестра.

Адрес мой! Гор. Варшава Шарая № 1. угол Черняковской

Евст[афий] Ив[анович] Сукъ Капельмейстеръ»

стер с библиотекой»¹, – дирижер струнного, духового, военного оркестра. Претендуя на руководство концертным и салонным составом музыкантов, Б.Ф. Фёрстер, уславливаясь о работе², отрекомендовался также и для возможных выступлений в жанре оперетты и «кафе-шантан».

Вацлав (Вячеслав Иванович) Сук (1861–1933), сразу по окончании (1879) Пражской консерватории неутомимо работал, начиная с должности скрипача-концертмейстера, затем дирижера частных оперных трупп (Вильнюс, Воронеж, Казань, Киев, Кишинев, Минск, Одесса, Омск, Орел, Полтава, Саратов, Таганрог, Харьков), руководя также летними концертными сезонами (например, в Сестрорецке под Петербургом), консерва-

торскими и филармоническими симфоническими оркестрами.

Первая попытка (1888) обосноваться в столице не увенчалась успехом: заслужив высочайшие «экзаменационные оценки» на предварительных конкурсных прослушиваниях и представив рекомендации от самого Петра Ильича Чайковского, В.И. Сук не был приглашен на пост дирижера Александринского театра Петербурга (о возможности подобного исхода событий его и предупреждал работавший в столице соотечественник – композитор и дирижер Эдуард Францевич Направник). Впечатляющий уровень профессионального мастерства Вячеслава Ивановича великолепно оценил П.И. Чайковский, который /выделено – П.Ч./ «**положительно изумлялся его капельмейстерскому таланту**», посему чешского музыканта действительно вряд ли творчески удовлетворил бы статус дирижера развлекательной музыки, играемой в Александринском театре для посетителей драмы в антрактах.

Вторая попытка вырваться из провинции оказалась успешной, приведя чешского маэстро в Москву вторично, но уже – в качестве дирижера. В первый раз В.И. Сук служил в Москве в оркестре Большого театра, 4 сентября 1882 г. он подает прошение о зачислении и, с блеском пройдя экзаменационные испытания, назначается в группу первых скрипок.

Творчески солидарные музыканты-чехи помогали и в московских премьерах сочинений Вячеслава Ивановича. В частности, 22 сентября 1884 г. на музыкальном вечере Чешского землячества, наряду с произведениями Сметаны и Дворжака, прозвучали две песни, которые спел Барцал под аккомпанемент автора («О невесте» и «Черные очи»), а также «Чешские народные песни» в исполнении струнного квартета в составе: Сук (первая скрипка), Кратил (вторая скрипка), Вихер (альт), Эрлих (виолончель).

В Большом театре В.И. Сук проработал только с 1882 по 1885 гг., начав далее самостоятельную карьеру оперного дирижера и предпринимая гастроли с театральными

¹ РГАЛИ: Ф. 2492. Оп. 1. Ед. хр. 871 (Личные Дела: Фёрстер Бернارد Федорович – дирижер ... Фигнер Медея Ивановна – оперная певица). Л. 2.

Конверт для хранения анкетных данных в картотеке надписан: «Капельмейстер с библиотекой Оперетта, Шантан, Военный, Концертный, Салонный, сост[авляет] оркестр духов[ой] и струн[ый] Б.Ф. ФЕРСТЕРЪ».

² Там же. Л. 1. Подписанный лично Б.Ф. Фёрстером, но заполнявшийся, очевидно, сотрудником Агентства (фамилия, имя, отчество вписаны в обратном порядке), стандартный лист Сведений (с Квитанцией) в Личном деле, содержит об артисте все интересующие Агентство творческие данные.

«СВЕДЕНИЯ

объ артист-е/тке фамилія (по сцене) – ____ (настоящая) *Бернардъ*, имя *Федоровичъ*, отчество *Ферстеръ*, вероисповѣданіе *Католическаго* 1908 г. *Окт[ября]* м[есяца] 7 дня.

КВИТАНЦІЯ № 1748

Адресъ постоянный *Большая Лубянка у Сретенскаго монастыря Меблированные комнаты «Якорь»*. Временный – ____.

Свободны ли Вы на: Великій постъ – ____ . Летній сезонъ – ____ . Зимній сезонъ – ____ .

Амплуа. *Капельмейстеръ*

РЕПЕРТУАРЪ: Пьесы: *Оперета Шантанъ Военный оркестръ Концертный Салонный Составляю оркестры для оперетъ шантановъ и пр. Имею оркестровую бібліотеку струннаго и духового оркестровъ*. Роли или партіи – ____.

Ваши условия: ____.

Города и сезоны послѣднихъ ангажементовъ. *Остро-гожскъ Воронежской губер[ніи]. Капельмейстеръ 2-го запасаго Кавалерійскаго полка.*

Подпись: *ФЕРСТЕРЪ*.

Отпечатанный типографским способом лист на обороте [Л. 1-об.] указывал и адрес: «Въ Первое Театральное Агентство для Россіи и Заграницы Е.Н. Разсохиной. Москва Тверская, Георгіевскій пер[еулок], домъ Сушкина».

коллективами по городам Российской империи, много сотрудничая с временными и частными коллективами. Вячеслав Иванович в полной мере испытал на себе все тяготы творческой работы «свободного художника», когда гастрольные антрепризы в России, случалось, не дотягивали до конца контракта, подвергаясь различным авантюрам; кроме того, обширный гастрольный репертуар, максимальное количество представлений при минимальном числе репетиций, случайный состав труппы затрудняли качественную подготовку музыкально-драматической стороны спектаклей. Симптоматично и то, что русская опера (русская труппа, русский репертуар) базировалась, в основном, по небольшим провинциальным городам, тогда как в крупных центрах империи процветала иностранная (итальянская и французская) оперная антреприза, получавшая принципиально иное финансирование.

За первый сезон (1885-1886) самостоятельной дирижерской деятельности – в харьковской оперной труппе актера В.Н. Андреева-Бурлака и певца П.И. Богатырева (1849-1908) – Сук вообще не получил денег: его выручили, организовав проведение уроков в зажиточных семьях, работавшие в Харькове чешские коллеги: первый музыкальный наставник Йозеф Халек и консерваторский товарищ Алоиз Йиранек. Антрепризные сложности Вячеслав Иванович самолично усиливал активным нежеланием поддерживать «дипломатические отношения» с местной прессой.

Каждое лето В.И. Сук устремлялся на родину (в Кладно под Прагой, за исключением периода 1914-1922 гг.) и, возможно, именно эти отдушины давали возможность работать в России дальше. Недаром любимец публики, прославленный русский певец – «дружески Леонид Собинов, 6 февраля 1927 года, Харьков» – посвятил Вячеславу Ивановичу проникновенные стихи: «Всего лишь парой точных рук, / Да музыкальной головой / Эпоху сделал старый Сук / И стал совсем России свой».

РГАЛИ сохраняет фотокопию собиновского автографа, передав микрофильмокопию

для экспозиции Государственного Центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. Фонды содержат также личное дело народного артиста РСФСР В.И. Сука (закрытое к ознакомлению), письма к нему А.В. Луначарского, С.И. Мамонтова, Н.А. Семашко, А.А. Яблочкиной, Е.Д. Турчаниновой, К.С. Станиславского, Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Чайковского, Э.Ф. Направника, юбилейные поздравительные телеграммы и ответственные адреса.

Автор данной статьи выявила четыре письма Вячеслава Ивановича Сука в «Первое Театральное Агентство для России и Заграницы», организатором которого являлась Елизавета Николаевна Разсохина, в переписке с которой чешский маэстро договаривался о вакансиях и ангажементах.

Первые два письма Вячеслава Ивановича написаны и отправлены из Петербурга. Первое письмо от 3 января 1893 г.¹ (с приложением марки, т. е. с оплатой ответной корреспонденции) Сук присылает в Агентство, желая получить для себя место оперного капельмейстера «в одном из больших провинциальных городов» и для своей жены – певицы Карповой – место в труппе на исполнение «партий первого амплуа», указывая возможности ее голоса (контральто, меццо-сопрано). Резолюция Агентства (от 11 января 1893 г.) гласила: «чт[обы] сооб[щили] услов[ия] свои».

Второе письмо, составленное в следующем месяце от 11 февраля 1893 г.², уведомляет о занятости супругов Сук «на зимний сезон», что было обусловлено уже

¹ РГАЛИ: Ф. 2492. Оп. 1. Ед. хр. 818 (Личные Дела: Сук Вячеслав Иванович – дирижер ... Сумская Зинаида Семёновна – кассир). Л. 1.

Жена Вячеслава Ивановича – певица Ольга Петровна Карпова-Сук была также хранителем его нотной библиотеки; согласно театральным и концертным контрактам той эпохи, капельмейстеру специально выделялись дополнительные финансы на приобретение музыкальных текстов (нотных материалов), которые, что особенно примечательно, потом оставались в собственности капельмейстера.

² Там же. Л. 2, 3, 3-об.

Образец затребуемых Вячеславом Ивановичем стандартных бланков анкетных, статусных и творческих материалов приводится ниже.

состоявшимся подписанием ими контракта. Продолжая, в то же время, контакты с руководителем – Елизаветой Николаевной Разсохиной, В.И. Сук производит годовой денежный взнос (в сумме двух рублей) за обслуживание в Агентстве и повторно запрашивает установленные для регистрации «сведения и справки», в корректной форме, однако, указав: «Считаю излишним напомнить, что я не новичок как капельмейстер, предполагая, что мое имя достаточно известно». Тем не менее Вячеслав Иванович тут же излагает согласие иметь летний ангажемент хотя бы на себя одного – «в качестве капельмейстера оперы или камерного оркестра», выставляя сразу и нижнюю планку оплаты труда («крайнюю цифру» – в четырехста рублей каждому). Послание в формате двойной открытки (открытого письма) было зарегистрировано в Агентстве, где также имелись достаточно разработанные материалы¹ собственного анкетирования обращающихся к ним деятелей искусства²,

¹ РГАЛИ: Ф. 2492. Оп. 1. Ед. хр. 853 (Личные Дела: Тунтаевич Елена Михайловна – руководительница хора ... Тютинник Василий Саввич – оперный певец). Л. 1.

«СВЕДЕНИЯ. Какой Вашъ жанръ, или въ чемъ заключается Ваша работа? Изъ сколькихъ человекъ – мужчинъ и женщинъ состоитъ Ваша труппа, капелла, хоръ, оркестръ? В какихъ городахъ и у кого Вы были последнее время ангажированы? Съ какого времени и на какие месяцы Вы свободны? Ваши окончательные условия помесечно: а) безъ стола и квартиры; б) съ квартирой безъ стола; с) съ квартирой и столомъ? Сколько различныхъ номеровъ исполняете Вы въ вечеръ? Особенныя условия ангажемента: а) дорожныя; б) кабинетныя доходы. Временный или постоянный адресъ _____. Подпись _____. 189_ года».

² Там же. Л. 17.

Стандартный бланк запрашиваемых Агентством данных представлял собою изготовленный в литографии лист; угловой штамп слева сверху являл стилизованное изображение лиры и статус: «Первое Театральное Агентство для России и Заграницы Е.Н. Разсохиной разрешенное правительствомъ со взносомъ залога въ Государственное казначейство».

Основано 9 февраля 1892 года. Москва Тверская улица, домъ 16/1.

Телефоны № 17-66 и 5-37-44. Адресъ для телеграммъ: Москва, Разсохиной».

Текст бланка гласил:

«Москва _____дня _____года

М.Г. /Милостивый Государь, или Милостивая Государыня – О.Ф./.

Въ виду поступления въ Агентство запросовъ от-

что обеспечивало мобильное соотношение запросов и вакансий.

Вторые два письма написаны через год и отправлены из Вильно (Вильнюса), где в тот период служил В.И. Сук. Третье по счету письмо (Вильно, 10 января [18]94 г.)³ было послано в ответ на поступившее от Е.Н. Разсохиной «любезное предложение», которое супруги получили позже – в связи с «переездом нашей труппы из Минска в Вильно». Вячеслав Иванович изъявляет согласие «служить в Казани за 800 рублей в месяц, что составляет нашу крайнюю цифру». Вдобавок ко всему, данный ангажемент выбирался также и для жены композитора, что воплощало выполнение его просьбы; поэтому к письму прилагался перечень оперных партий из репертуара Карповой. Опять же в вежливой форме, но твердо, Сук оговаривает финансовые условия контракта: «Само собой разумеется, что дорожные деньги должны быть

носителю номеровъ подобныхъ Вашему, покорнейше прошу Васъ заполнить приложенный при семъ подробный листокъ сведений и возвратить мне его въ возможно скоромъ времени.

Прошу выслать так же несколько фотографическихъ карточекъ последнего снимка въ костюмахъ, афиши, программы и т.п.

По получении необходимого материала, не замедлю сделать Вамъ подходящія предложенія.

Съ совершеннымъ почтениемъ Е. Разсохина».

Далее, более мелким типографским набором, следовали такие три позиции:

«ГГ. /Господа – О.Ф./ антрепренеры, артисты и проч[ие] лица и учреждения, желающіе пользоваться услугами Агентства и получать разныя сведения и справки, не влекущие за собою отдельныхъ расходовъ, со стороны Агентства, платять 5 руб[лей] въ годъ».

Письма, вызывающіе со стороны Агентства ответы, должны быть снабжены марками, а телеграммы – ответными бланками.

О перемене адреса просить своевременно уведомить Агентство».

³ РГАЛИ: Ф. 2492. Оп. 1. Ед. хр. 818. Л. 4, 4-об.

Это письмо Вячеслава Ивановича было зарегистрировано Агентством как удостоенное отосланного ответа (чернилами: «Отв. 5874»); но также на него (наискось, в левом верхнем углу, простым карандашом, по предположению автора данной статьи, – рукою Е.Н. Разсохиной) наложена соответствующая резолюция – указание к действию.

Солист Большого театра Николай Георгиевич Вельшев также организовывал «оперное товарищество» для летних поездок малых музыкальных составов по провинции.

уплачены по второму классу». Агентство, помимо регистрации составленного ответа (за № 5674), наложило и резолюцию «Сообщить Вильяшеву», что, наконец-то, напрямую свидетельствует о реализации планов определенных действий.

Четвертое письмо Вячеслава Ивановича (Вильно, 11/3 [18]94 г.)¹ написано уже на подступах к Москве, сыгравшей столь весомую роль в творческой жизни и профессиональной карьере чешского музыканта. Сообщая свой новый адрес в Петербурге (рядом со старым адресом), Сук уведомляет Е.Н. Разсохину о готовности его с женой «служить и врозь», хотя подобное решение, конечно же, обуславливалось исключительно вынужденной необходимостью задействовать любую возможность стабильного обеспечения работой. Подтверждением тому, наряду с постоянным подчеркиванием условия совместной службы в предыдущих корреспонденциях, выступает то, что Вячеслав Иванович тут указывает: «Было бы, конечно, весьма приятно и желательно служить нам **вместе** /подчеркнуто – В.С./». В том случае, если в Агентстве «могли бы нам устроить такой ангажемент в антрепризу», Сук уверяет, что они с женой намерены особо отблагодарить Е.Н. Разсохину и «с удовольствием предложили бы Вам двадцать процентов из первого месячного жалованья», тем самым поощряя и ее личную заинтересованность.

В заключение четвертого письма, Вячеслав Иванович уведомляет Елизавету Николаевну о скором своем прибытии в Москву, в том числе и для того, чтобы иметь честь представиться лично. Данное послание не содержит резолюций Агентства (может быть, и в силу наметившихся перспектив устных переговоров), однако, в конце письма – на его свободном обороте² составлен финансовый

расклад переезда поездом из Петербурга в Москву, исходящий (в начислении подъемных) из месячной ставки выплачиваемого им жалованья (в четыреста рублей).

Все четыре письма Вячеслава Ивановича к Елизавете Николаевне Разсохиной, с одной стороны, показывают деликатность и настойчивость чешского маэстро, его культуру деловой переписки и проявленную необходимую твердость, чувство собственного достоинства и артистический профессионализм, желание приехать и трудиться совместно с женой в сочетании с гибкостью и жертвенностью в стремлении найти и иметь работу (хотя бы и не совместную). С другой стороны, переписка высвечивает многие непростые перипетии российской действительности, которые приходилось преодолевать музыкантам, а также необходимость, важность и результативность появления и деятельности Агентства.

«Первое Театральное Агентство для России и Заграницы» Е.Н. Разсохиной старательно выполняло все заявленные посреднические функции, создав обширную «клиентскую базу», составляло личные дела, вело учет театральных, концертных, цирковых помещений, следило за потребностью в исполнителях определенных амплуа, выплатой им гонораров, приобретало и заказывало авторские пьесы. Неудивительно посему, что серьезные служители сцены – артисты разных жанров (цирк, опера, балет, оперетта, эстрада), антрепренеры, билетеры, суфлеры, электроосветители и др. предпочитали официально сотрудничать с Агентством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Друскин М.С. Обзор источников по клавирной музыке Чехии, Польши, России // Друскин М.С. Клавирная музыка Испании, Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Германии XVI-XVIII веков. Л.: Госмузиздат, 1960. С. 256-257.
2. Фельдгун Г.Г. История западно-европейского смычкового искусства (от истоков до начала XIX века): Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / МГДОЛК им. П.И. Чайковского. М., 1993. 47 с.

¹ Там же. Л. 5, 5-об, 6.

В 1893 году супруги Сук снимали квартиру в Петербурге по адресу: Большая Подъяческая, дом № 12, квартира 6, а в 1894 году – по адресу: Большая Подъяческая, дом № 5, квартира 10.

² Там же. Л. 6-об.

Текст написан от руки, простым карандашом /восстановлен – О.Ф./.

УДК 502/504:001.83 (100)

Мельникова К.Г.

Московский государственный лингвистический университет

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАЛТИЙСКОГО ВОПРОСА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

K. Melnikova

Moscow State Linguistic University

THE ORIGIN OF THE TERM “BALTIC ISSUE” IN THE INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. Целью данной статьи является анализ причин возникновения и формирования термина «Балтийский вопрос», как процесса территориально-политических изменений на восточном побережье Балтийского моря, а также изменения значения данного понятия в XVII – XX вв. В статье рассмотрена роль Балтийского вопроса в системе международных отношений и в формировании общего внешнеполитического курса России. А также Балтийское направление советской внешней политики, направленное на выстраивание долгосрочных и многосторонних отношений с Балтийскими республиками.

Ключевые слова: международные отношения, Балтийский вопрос, «холодная война».

Abstract. This article analyzes the reasons for the emergence and the development of the term “the Baltic issue” as the process of territorial and political changes on the Eastern coast of the Baltic Sea, and the change of the definition in the XVII – XX centuries. The article covers the role of the “Baltic issue” in the international relations and in the Russian foreign policy. The article reveals the Baltic direction of the Soviet foreign politics, aimed at building long-term relations with the Baltic republics.

Key words: international relations, the Baltic issue, the Cold War.

В истории каждого государства и народа есть спорные, неоднозначные ситуации, оставляющие неизгладимый след в памяти и сознании нации. В почти тысячелетней истории отношений России и стран Балтии были столетия дружбы и сотрудничества, которые перемежались с недоверием и враждебностью по отношению друг к другу. Политика, проводимая Советским Союзом накануне Второй мировой войны в отношении данных государств, спровоцировала негативное отношение к России со стороны Балтийских государств в настоящее время.

Для того, чтобы проанализировать и отразить причины, побудившие СССР проводить такую неоднозначную и вызывающую до сих пор острую полемику среди историков внешнюю политику в отношении прибалтийских государств в 1930 – х-40-х гг., необходимо проследить формирование Балтийского вопроса и его возникновение в системе международных отношений.

Под Балтийским вопросом современные историки, как российские – Е.Ю. Зубкова, так и западные – В. Пеэтер [3, 7] обычно понимают процесс территориально-политических перемен на восточном побережье Балтийского моря или борьбу за территории Балтии. Так как интересы России на протяжении всей истории заключались в установлении тесных связей с Западной Европой и обороне западных границ, то обладание данной территорией, и тем самым обеспечение выхода к морю, было одной из первостепенных задач внешней политики государства. Однако данное понятие видоизменялось и дополнялось с течением времени.

На практике Балтийский вопрос появился еще во времена Ивана Грозного, в период 25-летней Ливонской войны, конечной целью которой было получить выход к Балтийскому морю, но особенно актуально данное понятие стало во времена Петра, когда Россия впервые этого добилась. Данная крупная победа, связанная со значительными территориальными приобретениями, выходом на европейскую арену и обретением значительного веса в решении многих международных проблем, побудила Петра Первого после этого принять титул императора для себя и название Российской империи для своего государства.

В качестве термина международных отношений его стали использовать значительно позже. Сложно назвать автора, который ввел термин в употребление. По одной из версий, им мог быть российский историк Г.В. Форстен, автор книги «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях». В 1893 г. данный термин уже открыто использовался.

В начале XX в., 29 октября 1907 г., желая укрепить и поддерживать впредь установившееся положение относительно балтийских берегов, Россия и Германия подписали секретный протокол (как было написано в договорах двух государств) по Балтийскому вопросу:

«Оба императорские правительства России и Германии, сознавая наличие полной общности интересов в их политике в области Балтийского моря, и желая укрепить соответствующим соглашением многовековые узы традиционной дружбы и добрососедских отношений, соединяющих их государства, – заявляют в настоящем протоколе, что их общая политика в этих местах имеет целью сохранение ныне существующего территориального status quo».

В XX в. многие европейские государства понимали важность Балтийского вопроса для России. На Парижской конференции с 18 января 1919 по 21 января 1920 г., созванной державами-победительницами для подписания мирного договора с побежденными государствами, предстояло обсудить и эстонский

вопрос как часть балтийского. В конференции участвовало более 30 государств, но ведущая роль принадлежала Франции, Англии и США, которые и предложили в апреле в рамках конференции создать комиссию по балтийским делам. Временное правительство Эстонии наделило своих представителей неограниченными полномочиями, в состав делегации вошли М. Мартна, А. Пийп, Я. Тыниссон, Э. Вирго, Э. Лааман, возглавил делегацию министр иностранных дел Эстонии – Я. Поска. Эстонская делегация тесно сотрудничала с делегациями Латвии и Финляндии в целях укрепления своего положения.

Балтийский вопрос стал одним из самых сложных вопросов, с которыми приходилось иметь дело миротворцам. Решение балтийского вопроса продвигалось крайне медленно. На конференции обсуждались следующие положения:

1. будущий статус региона;
2. размер помощи балтийским правительствам;
3. политика в отношении антибольшевистского движения под руководством генерала Юденича;
4. положение германских войск, которые находились на балтийских территориях [3, 20-21].

Балтийский вопрос напрямую зависел от «русского» вопроса, именно поэтому он настолько противоречиво оценивался союзными правительствами. Правительство Дж. Керзона в Великобритании поддерживало независимость Эстонии, однако, военное правительство во главе с Черчиллем резко отрицало ее. Премьер-министр Д. Ллойд Джордж выбрал «нейтральную» позицию на конференции, но с прибалтийским оттенком.

В середине 1930-х гг. окончательно сформировалось «Балтийское направление» советской внешней политики, направленное на выстраивание долгосрочных и многосторонних отношений с Балтийскими государствами, хотя это направление в данный период и не считалось одним из самых приоритетных. Во внешней политике Советский Союз от-

давал предпочтение серьезным партнерам, которыми считались мировые державы, поэтому СССР всегда мог поступиться интересами своих балтийских соседей в том случае, если появлялась возможность за их счет договориться с более влиятельными странами. Например, в 1934 году при пролонгации договора о ненападении с Литвой советская сторона отказалась от одного из ключевых пунктов договоренности, имевшей для Балтийской страны важное значение – поддержка Москвы в решении «виленского вопроса». В данный исторический период польское направление политики было для Советского Союза намного важнее балтийского. Одновременно Кремль вел переговоры с Польшей о пролонгации договора о ненападении, подписанного 5 мая 1934 г., поэтому поддержка Москвой Литвы могла серьезно осложнить переговорный процесс.

Постепенно менялось понятие Балтийского вопроса и отношение к нему советского руководства. В 1939-40 гг. под Балтийским вопросом понимали присоединение Балтийских республик к СССР. Отношения между Советским Союзом и прибалтийскими странами коренным образом изменились 25 мая 1940 г. Причина, вызвавшая столь внезапную перемену в отношениях СССР сначала с Литвой, а затем с Латвией и Эстонией, очевидна – неожиданно быстрая победа Германии в весенней кампании 1940 г. на западном фронте: Третий рейх оккупировал большую часть территории Франции, и стал наносить поражение армии Великобритании. Это означало, что СССР будет лишен помощи европейских союзников в случае войны с Германией, следовательно, ему необходимо было позаботиться об укреплении своих западных оборонительных рубежей.

Реакция США и Великобритании на вступление Балтийских республик в состав Советского Союза была неоднозначной. В 1939-1940 гг. наиболее обсуждаемым в американской и английской прессе аспектом Балтийского вопроса было то давление, которое Советский Союз оказывал в сентябре-октябре 1939 г. с целью создания военных баз,

а также возможные последствия для статуса Балтийских государств. В газете Нью-Йорк Тайм, например, только в течение 15 дней (с 27 сентября по 11 октября 1939 г.) было опубликовано шесть передовых страниц по Балтийскому вопросу. Западная пресса единодушно признавала, что пакты о взаимопомощи означали установление в Балтийских государствах советского протектората. Для описания положения в Балтийских государствах использовались также понятия “государство-вассал” и “зависимость”. Типичной была редакционная статья в газете «Нью-Йорк Тайм» от 3 октября, озаглавленная “Сталин собирает”: “Навязанные Эстонии условия, обязывающие этого беспомощного маленького соседа согласиться на советский контроль его внешней политики и советскую оккупацию стратегически важных островов у побережья, являются предзнаменованием того, что ожидает другие Балтийские государства” [1, 354]. Лондонская газета «Тайм» также признавала, что контроль за внутренними делами может остаться в руках балтийских народов, но внешняя политика отныне будет подчинена Москве. Было высказано и предположение, что СССР претендует на постепенное преобразование социально-экономической структуры Балтийских государств по советской модели. Следует заметить, что американские и английские газеты обычно рассматривали Балтийский вопрос в более широком европейском контексте и часто сравнивали между собой действия Гитлера и Сталина.

Репортажи о реакции на навязанные Советским Союзом пакты и базы в Эстонии, Латвии и Литве представляли собой попытку дать возможно более благоприятную интерпретацию этих событий. Так, представители Балтийских государств в Москве утверждали, что Балтийские государства имеют долгий опыт отношений с Россией и что положение вовсе не столь критическое, как это пытаются представить в международной прессе. В репортаже из Риги в лондонских газетах отмечается, что политические источники в Балтийских государствах сообща-

ют, что у Советского Союза нет основания уничтожать независимость этих государств: “Уничтожение их особой жизни, подчеркиваем, было бы самой глупой демонстрацией нетерпимости, невыгодной России, и роняющей престиж в глазах возможных почитателей за рубежом. На такой непрочной нити надежды висит независимость двух, а то и трех Балтийских республик” [1, 355].

В первые годы после окончания Второй мировой войны существовала непоследовательность в отношении западных стран к Балтийскому вопросу, однако, в конце 1940-х годов, после появления «железного занавеса», образования демократического и коммунистического блоков, противостоящих друг другу, Балтийский вопрос встал наиболее остро.

С 1946 г. и на протяжении всех лет «холодной войны» Балтийским вопросом Соединенные Штаты стали называть политику непризнания законности вхождения Бал-

тийских республик в состав СССР. Демократические страны: США, Великобритания, Канада, Франция и другие не признавали легитимность присоединения Балтийских республик. Западные страны лоббировали Балтийский вопрос в различных институтах международных отношений и на политических форумах. Данные действия и поддержка движения Балтийских республик помогли странам обрести независимость в конце 1980-х гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варес П., Журьяри О. На чаше весов: Эстония и СССР, 1940 год и его последствия». Таллинн: Евроунив, 1999. 470 с.
2. Варес П., Осипова О. Похищение Европы или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн: Изд. Эстонской энциклопедии, 1992. 363 с.
3. Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль, 1940 - 1953. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.

УДК 327.84

Старкин С.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

**СПЕЦИФИКА АНАЛИТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА США СО СТОРОНЫ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В 1950-е гг.**

S. Starkin

Nizhniy Novgorod State University

**SPECIFICITY OF U.S. FOREIGN POLICY ANALYTICAL SUPPORT
BY INTELLIGENCE COMMUNITY IN 1950s**

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия разведывательного сообщества США с политикоформирующими кругами в контексте информационно-аналитического сопровождения внешнеполитического процесса в 1950-е гг. Рассмотрены вопросы работы американской разведки в рамках президентских выборов. Особое внимание уделяется информированию со стороны ЦРУ администрации президента Д.Эйзенхауэра.

Ключевые слова: разведывательное сообщество США, разведывательный анализ, информационно-аналитическая деятельность, стратегическая разведывательная информация, текущая информация, предупреждающий анализ.

Abstract. The article discusses some aspects of interaction between the U.S. intelligence community with policy-making community in the context of foreign policy information and analytical support in 1950s. The activity of US intelligence service during the presidential election has been considered, with particular attention being paid to the CIA informing President Eisenhower's administration.

Key words: US Intelligence Community, Intelligence Analysis, analytic production process, warning analysis, intentions analysis, Analyst-Policymaker Relations.

22 ноября 1952 г. президент Гарри Трумэн произнес речь в Центральном Разведывательном Управлении, в которой он рассказал о своих мотивах, предопределивших образование ЦРУ и запуск процесса информирования лиц, принимающих решения, со стороны разведывательного сообщества.

Президент начал с упоминания того факта, что ЦРУ не существовало, когда он вступал в должность президента в 1945 г. В то время он был удивлен, что к нему не поступало необходимого количества информации по вопросам национальной безопасности. Наиболее ярким доказательством того, насколько плохо он был информирован, было то, что министр обороны Генри Стимсон впервые сообщил ему о проекте по проектированию ядерного оружия «Манхэттен» только на 12-й день его магистратуры. До того Трумэн слышал о нем лишь мельком, несмотря на то, что служил вице-президентом и руководителем ряда ключевых комитетов Сената [11].

В первые годы существования разведывательного управления было зафиксировано немало бюрократических препятствий в отношении роли, предназначенной ЦРУ в процессе производства текущей развединформации. Практически все ключевые акторы, участвующие в разведывательном процессе – военные службы, Министерство обороны, Государственный департамент – недоброжелательно относились к новой разведывательной службе, дублирующей их работу.

© Старкин С.В., 2011.

Несмотря на то, что Трумэн получал, читал и выражал свое одобрение по поводу ежедневных и еженедельных публикаций РС, особенно он ценил личные встречи с директорами ЦРУ. Президент экспериментировал с различными форматами этих брифингов, в первые годы были периоды, когда он устраивал такие встречи ежедневно. Наиболее приемлемой, в конце концов, осталась форма еженедельных встреч, в ходе которых проводился обзор событий в мире.

Еженедельные брифинги оптимально функционировали в течение периода, когда директором центральной разведки был Беделл Смит. Смит встречался с Трумэном каждую пятницу, в Белый дом его провожал офицер ЦРУ Мередит Дэвидсон, помогавший директору готовить материалы. Тематическая повестка брифинга основывалась на проблемах *Situation Summary*, готовившейся с учетом запросов президента [8].

Учитывая полезность еженедельных брифингов, Трумэн решил, что разведывательная информация должна поставляться всем кандидатам в президенты. Летом 1952 г. президент поделился этой идеей со Смитом. Он сказал, что хотел бы, чтобы Управление организовало встречи своих сотрудников с генералом Дуайтом Эйзенхауэром и губернатором Адлаи Стивенсоном, заметив при этом: «Когда я стал президентом, было много вещей, о которых я не знал».

Позднее, во время упоминавшейся речи в ЦРУ 22 ноября, Трумэн объяснил причину организации брифингов для избранного президента. Он заявил, что президент Соединенных Штатов обременен беспрецедентной в истории властью и добавил: «Это главная причина, почему я так настаиваю на продолжении этой традиции. Я даю новому президенту больше информации, чем было в распоряжении у какого-либо другого президента в момент вступления в должность» [1].

Предметом данной статьи является исследование взаимодействия разведывательного сообщества США с политикоформирующими кругами, прежде всего с администрацией Д. Эйзенхауэра, в 1950-е гг.

Общеизвестно, что отношения между Трумэном и его преемником были довольно напряженными. В своих указаниях для ЦРУ Трумэн не смог избежать оценочных суждений в отношении Эйзенхауэра, иронично отметив, что тот, вероятно, «ошеломлен всем, что нужно знать президенту, чтобы быть в состоянии принимать адекватные решения». В беседе с доверенными лицами президент негативно отзывался о генерале. Пресса сообщала, что встреча двух высших лиц в Белом доме была «прохладно формальной»: «между мистером Трумэном и его преемником есть определенная напряженность» [12].

Хотя мотивы Трумэна по предоставлению новому президенту разведывательной информации были понятны, реализация его намерений шла медленно, что вызывало подозрения со стороны Эйзенхауэра и его команды. В действительности, неприязнь между двумя лидерами едва не сорвала запланированный процесс брифингов и с ним – доступ Управления к новому президенту во время переходного периода.

«Обмен любезностями» между президентом и его преемником начался вскоре после съезда республиканской партии, когда Трумэн послал телеграммы Эйзенхауэру и Стивенсону с приглашением на обед с его кабинетом. Трумэн предложил провести встречу со Смитом и другими офицерами ЦРУ, чтобы выслушать их доклад о внешней ситуации, а также с другими сотрудниками Белого дома для ознакомления с другими вопросами. В своей телеграмме Трумэн также предложил организовывать еженедельные разведывательные брифинги для обоих кандидатов [7].

Эйзенхауэр отклонил приглашение. В ответном письме он сообщил, что считал нужным получать «только те сведения от уходящей администрации, которые могут быть известны всему американскому народу». Эйзенхауэр также написал: «проблемы, которые вы предлагаете обсудить, я обдумывал в течение многих лет». В заключительном абзаце он сообщал, что хотел бы получать еженедельные доклады от ЦРУ, но при условии, что знакомство с этими докладами «не

ограничит его свободу обсуждать или анализировать внешние программы так, как ему хотелось бы» [3].

По мнению Эйзенхауэра, несмотря на то, что брифинг Стивенсона занял несколько минут, в политическом смысле он выглядел так, как будто уходящая администрация объединяет все свои ресурсы в поддержку Стивенсона. Потом генерал подчеркнул важность делать не то, что говорят, а то, что необходимо, припомнив вызовы, с которыми он и Смит сталкивались в Европе во время войны [2].

Смит сообщил, что сотрудник ЦРУ мог бы поставлять Эйзенхауэру информацию о мировой ситуации каждое утро в пятницу, как это было заведено у Трумэна. В свете развивающейся напряженности Эйзенхауэр принял предложение участвовать в брифингах ЦРУ.

Первый брифинг был проведен 30 августа Мелвином Хендриксоном, руководителем военного подразделения Директората текущей разведки [8].

Эйзенхауэр просмотрел информацию о расположении советских спутниковых сил, получив подтверждение у Хендрикса, что со времени встреч с представителями армии США в Европе развертывание существенно не изменилось. Более продолжительная дискуссия состоялась в отношении Ирана, трудностей Франции в Северной Африке и торговли между Японией и Китаем. Последний вопрос обсуждался в контексте войны в Корее и продолжающихся дискуссий о прекращении вооруженных действий. Эйзенхауэр заметил: «Нашим самым мощным оружием является торговля, мне кажется, что мы должны использовать его по максимуму. Где японцы смогут получить то, что им нужно, если они не получают этого от Китая?» Относительно североафриканской ситуации генерал сказал: «Если французы ничего не сделают в самое ближайшее время, они получат еще один Индокитай». В заключение первой содержательной дискуссии Эйзенхауэр заявил, что хотел бы и дальше проводить такие брифинги [9].

Во время каждой встречи Эйзенхауэр задавал несколько уточняющих вопросов по фактам и сам делал комментарии по широкому спектру тем, в основном, по ситуации в Советском Союзе, Корее и Иране, которые в 1952 г. были приоритетными направлениями для правительства США. Эйзенхауэр также внимательно читал и комментировал материалы Управления относительно соглашений о безопасности возникающего ближневосточного альянса коллективной безопасности [5].

Пакет материалов, предоставляемых Эйзенхауэру (и Стивенсону) на каждой встрече, включал в себя около 20 коротких справок из одного или двух абзацев, вкратце описывающих события в отдельных странах. События в СССР, Иране, Корее, Египте, Югославии и Японии фигурировали практически в каждой справке. Всего в ходе брифингов освещалось не менее 50 стран. Кроме того, каждый раз прилагалась более подробная справка о стране, представляющей особый интерес – чаще всего это был Иран. Каждый пакет также содержал «Выводы» одной или двух последних Национальных разведывательных оценок. Последние обычно оценивали перспективы распространения идеологии коммунизма в разных регионах мира.

Генерал ценил эти встречи, отмечая их пользу. В завершение четвертой сессии, однако, он заметил – очевидно, имея в виду Советский Союз и Корею – что ему «не хватало информации G-3» (военные планы и операции США), которая, по его мнению, была необходима для полного понимания ситуации в этих странах. Эйзенхауэр также прокомментировал, что если он займет президентский пост, то сделает несколько дополнительных распоряжений относительно брифингов. В частности, он упомянул предоставление доступа к информации некоторым сотрудникам его штаба [1].

В конце ноября брифинги ЦРУ возобновились. Доклады теперь делал генерал Смит в сопровождении Дэвидсона. Первая встреча после выборов прошла 21 ноября в Вашингтоне.

Особый интерес в этот раз вызвали события в Корее и идущие переговоры по прекращению конфликта. Смит также сделал обзор ситуации во всем мире.

Видимо потому, что брифинги стал проводить сам Директор Центральной разведки (ДЦР) и вследствие знакомства Эйзенхауэра и Смита, встреча была более продуктивной, чем до выборов. Более серьезный анализ вопросов был обусловлен также тем, что Эйзенхауэр к тому времени, видимо, осознал масштаб своей задачи – войти в курс мировых проблем в течение нескольких недель. Эйзенхауэр задал ряд вопросов, особенно о политических аспектах корейской проблемы. Особенно он хотел уяснить для себя, на что был готов Китай, и лучше понять роль и мотивацию этой страны в конфликте. Он спросил, например: «Я никогда не понимал, почему мы позволили китайцам называть себя добровольцами?» В ответ Смит объяснил нюансы ситуации, заключив: «Нам нельзя было бомбить Пекин – поэтому мы уступили» [4].

После выборов, готовясь к поездке в Корею, Эйзенхауэр позвонил Смигу, чтобы сказать, что ему не хотелось бы полагаться только на информацию американской армии в отношении того, что происходит в Корее, и что он хотел, чтобы ДЦР прилетел в Нью-Йорк и представил ему свою независимую оценку. Президент позвонил практически в последний момент и подчеркнул, что их визит должен остаться в тайне.

Во время переходного периода в конце 1952 г. пресса периодически фиксировала «еженедельные» встречи ДЦР с избранным президентом. Но в действительности расписание генерала не позволяло проводить встречи регулярно. Его поездка в Корею и на Тихоокеанское побережье заняла более двух недель, и вследствие этого следующая встреча с директором ЦРУ состоялась только 19 декабря. На ней, помимо Эйзенхауэра, присутствовал руководитель его штаба – Адамс; Смита сопровождал заместитель директора по разведке Роберт Амори.

Как и ожидалось, предпочтения Эйзен-

хауэра относительно взаимодействия с разведкой не изменились после того, как он стал президентом. В архивах ЦРУ сохранились сведения о том, что на следующий день после инаугурации директор текущей разведки, Хантингтон Шелдон, послал Джеймсу Лею-младшему, исполнительному секретарю Совета национальной безопасности, список публикаций, которые РС могло бы предоставлять Белому дому. Очень скоро, однако, выяснилось, что Президенту не нужны были регулярные материалы разведки, как и частые встречи с экспертами ЦРУ. Президент предпочитал периодически встречаться с руководителями разведки.

На протяжении восьми лет президентства Эйзенхауэра сложилась практика еженедельного выступления директора центральной разведки Аллена Даллеса перед Советом национальной безопасности (СНБ). Председательствовал на них сам Эйзенхауэр, и под его руководством они проводились более регулярно и формально, чем при каком-либо другом президенте до и после него. Как он сказал избранному президенту Кеннеди в 1960 г., СНБ «стал самой важной еженедельной встречей правительства» [5].

СНБ собирался каждым четверг в 9 утра. Традиционно встреча начиналась с доклада ДЦР, в котором поднимались темы, заранее согласованные с аппаратом СНБ. Если президент, специальный помощник президента по национальной безопасности генерал Роберт Катлер или глава Штаба СНБ Лей не высказывали особых пожеланий относительно повестки, ЦРУ самостоятельно выбирало темы для доклада, хотя все они всегда обсуждались с Леєм до брифинга.

На совещаниях поднимался широкий круг вопросов, отражая разнообразные интересы президента. Его интересовало все, начиная от выборов в Италии до боев в Дием Биен Фу и тайных операций Управления. Эйзенхауэр периодически прерывал докладчика, задавая вопросы, и позволял это делать другим присутствующим в разумных пределах.

Как вспоминал генерал Эндрю Гудпастер, служивший секретарем штаба Белого дома,

Эйзенхауэр хотел, чтобы Даллес сообщал последнюю информацию о важнейших мировых событиях, но ему было еще важнее получать информацию о более долгосрочных вопросах, стоящих на повестке. Из-за этого долгосрочного фокуса большинство поставляемых материалов готовилось Службой национальных оценок ЦРУ. Гудпастер припоминает, что Эйзенхауэр часто спрашивал: «Насколько достоверна эта информация – откуда она получена?» Даллесу было не всегда удобно отвечать «в присутствии еще четырнадцати человек в помещении». Эйзенхауэр, Даллес и еще один помощник из персонала (иногда Гудпастер или Старший помощник по штабу Гордон Грей) оставались после заседания для ответа на эти и другие вопросы президента [10].

Большинство докладов в Совете Национальной безопасности делал сам директор центральной разведки. Всем участникам брифингов, однако, было понятно, что Даллес чувствовал себя куда более комфортно в отношении политических и экономических вопросов, нежели в отношении научных и военных проблем. Регулярно директор приглашал на заседания специалистов, всегда самостоятельно подбирая людей. Так, Герберт Сковилл, заместитель директора по научной разведке, делал доклады по научным вопросам; специалист-ядерщик Герберт Миллер отвечал за доклады по ядерной сфере; Амори, заместитель директора по разведке ЦРУ, периодически выступал по военным вопросам.

Члены СНБ отмечали разницу между брифингами, проводимыми директором центральной разведки и докладами экспертов. Грей поднял эту тему на встрече 11 января 1961 г., при обсуждении переходного периода с МакДжорджем Банди, представителем президента Джона Кеннеди. Отвечая на вопросы Банди о том, стоит ли президенту проводить ежедневные встречи, и с кем должен встречаться президент, Грей ответил: «Несколько месяцев назад я отметил для себя, что должен обсудить со своим преемником разведывательные брифинги в Совете. Я считаю,

что они должны быть более конкретными и проводиться офицерами среднего ранга, прошедшими специальную подготовку». В том же разговоре, однако, Грей признал, что практика встреч Совета с директором центральной разведки каждую неделю была «весьма полезным механизмом» [6].

Гудпастер вспоминает, что Эйзенхауэр уважал Аллена Даллеса, учитывая его работу во время войны. Президент считал его опытным человеком в плане сбора и анализа разведанных высшего уровня. Эйзенхауэр читал много разведывательных документов, полагая, что они представляют реальный взгляд на события и лишены политической окраски [1].

Однако следует указать на ряд имевшихся проблем. Эйзенхауэр был поражен, например, тем, что так называемое «отставание по бомбардировщикам» в середине 1950-х гг. оказалось ложным алармистским сигналом. Когда разведка и военные США начали писать о прогрессе СССР в ракетном производстве в конце 1950-х гг., Эйзенхауэр весьма скептически отнесся к этому. Он постоянно спрашивал: «Откуда они это взяли?»

Эйзенхауэр считал, что было, по крайней мере, две причины, по которым вопрос о ракетах и бомбардировщиках превратился в серьезную политическую проблему. Во-первых, общаясь с различными службами разведки, особенно разведкой военно-воздушных сил, конгресс «слышал постоянный барабанный бой о том, как мы отстаем». Другая проблема, по мнению Эйзенхауэра, состояла в личной заинтересованности военных служб в подобных оценках, оправдывающих их собственные программы [4].

В течение своего президентства Эйзенхауэр не читал ежедневных разведывательных докладов ни одной службы. Вместо этого Гудпастер вместе с сыном президента, Джоном Эйзенхауэром, каждое утро просматривали отдельные доклады ЦРУ, госдепартамента, министерства обороны и Комитет начальников штабов (КНШ). Самую важную информацию они излагали на утренней встрече с президентом. Изредка Эйзенхауэр просил

показать ему доклад или аналитический документ, послуживший источником информации, или провести дополнительную работу.

Шелдон и заместитель директора по разведке Лофтус Бекер в начале марта 1953 г. обсуждали идею создания краткого, ежедневного разведывательного документа на основе многочисленных источников специально для президента. Несмотря на то, что Управление со временем лучше узнало предпочтения президента, эта идея так и не была реализована. Ни один документ подобного рода не появился до прихода администрации Кеннеди. Единственным нововведением, которое началось при Эйзенхауэре и продолжалось в течение всего срока президентства, была практика телеграфирования разведывательного доклада президенту во время его зарубежных поездок, сохранившаяся по сей день.

В целом следует указать, что процесс разведывательных брифингов в течение 1950-х гг. имел несколько важных преимуществ с точки зрения руководства РС. Во-первых, существенным фактором было то, что ДЦР мог поставлять развединформацию в определенное время кругу лиц, включавшему в себя не только президента, но и главу КНШ, госсекретаря и министра обороны и других ключевых игроков процесса принятия внешнеполитических решений. Во-вторых, наиболее очевидным преимуществом этой системы являлось то, что ЦРУ имело постоянную обратную связь – получало регулярные и определенные сведения о том, насколько президент заинтересован и находит полез-

ным предоставляемую ему информацию. Получая ответную реакцию, ЦРУ старалось соответствовать пожеланиям президента и СНБ. Высшее руководство Управления также положительно оценивало установленную систему взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ambrose, Stephen E. and Richard H. Immerman. *Ikes Spies: Eisenhower and the Espionage Establishment*. Garden City, NY: Doubleday, 1981. 276 p.
2. Dwight Eisenhower letter to Walter Bedell Smith, 14 August 1952. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.
3. Dwight Eisenhower telegram to Harry Truman, 14 August 1952. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.
4. Eisenhower Dwight. *Mandate for Change, 1953-1956*. New York: Doubleday and Co., 1963. 453 p.
5. Eisenhower Dwight. *Waging Peace*. New York: Doubleday and Co., 1965. 785 p.
6. Gordon Gray, Memorandum for the Record, 17 January 1961. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.
7. Harry Truman telegram to Dwight Eisenhower, 14 August 1952. Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas.
8. Helgerson John L. *Getting To Know the President CIA. Briefings of Presidential Candidates 1952-1992*. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, Washington, DC, 1996. 157 p.
9. Hendrickson Melvin, Memorandum for the Record, «Briefing of General Eisenhower - 30 August 1952» 5 September 1952.
10. Kennedy Douglas B. *Operation HAIK: The Eisenhower Administration and the Central Intelligence Agency in Indonesia, 1957-1958*. Athens, GA: University of Georgia, 1996. 324 p.
11. McCullough David. *Truman*. New York: Simon and Shuster, 1992. 457 p.
12. *The New York Times*, 19 November 1952.

УДК 94(73).092

Реутов П.П.

Московский государственный областной университет

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АМЕРИКАНСКИХ
НЕОКОНСЕРВАТОРОВ И ИХ КРИТИКА В РАБОТАХ
П.ДЖ. БЬЮКЕНЕНА**

P. Reutov

Moscow State Regional University

**FOREIGN POLICY VIEWS OF AMERICAN NEOCONS AND
THEIR CRITIQUE IN THE WORKS OF P. BUCHANAN**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению внешнеполитических взглядов представителей американского неоконсерватизма, чьи взгляды в значительной степени определяли внешнеполитический курс США на протяжении 1990-х – 2000-х гг. В частности, анализируется реализация идеологических установок американских неоконсерваторов во внешнеполитическом курсе США в период президентства Д.У. Буша. В статье освещается критика основных идейных установок и положений неоконсерваторов со стороны одного из наиболее известных представителей американского «палеоконсерватизма» – П.Дж. Бьюкенена. Приводятся этапы политической биографии П.Бьюкенена.

Ключевые слова: консерватизм, внешняя политика, политическая система, изоляционизм, неоконсерватизм.

Abstract. The article considers the foreign policy views of the representatives of the American neo-conservatism, whose views largely determined U.S. foreign policy during the 1990's - 2000's. In particular, it analyzes the reflection of ideological attitudes of American neoconservatives in the U.S. foreign policy during the presidency of George W. Bush. The article also highlights the ideological criticism of these provisions by one of the most prominent representative of American paleoconservatism – P. Buchanan presenting the stages of his political biography.

Key words: conservatism, foreign policy, political system, isolationism, neo-conservatism.

Неоконсерватизм стал одним из самых заметных и противоречивых явлений в политической жизни Америки 1990-2000-х гг. В период однозначного доминирования США на международной арене неоконсерватизм стал своеобразным идеологическим эквивалентом американской внешнеполитической экспансии. Значительная часть идеологических установок неоконсерваторов, отраженных в работах И. Кристола, Ч. Краутхаймера, Н. Подгореца и др., были на практике реализованы в период пребывания в Белом доме президента Д. Буша-мл. Разумеется, взгляды неоконсерваторов подвергались критике как со стороны либеральных деятелей, так и со стороны консерваторов. Наиболее заметным критиком неоконсерватизма на протяжении последних двух десятилетий был П.Дж. Бьюкенен.

Американский неоконсерватизм как идейное направление в рамках американской консервативной традиции оформился в 1970-1980-е гг. Примечательным является то, что многие неоконсерваторы в прошлом были либералами, а также представителями разнообразных левых организаций, и состояли в Демократической партии. В связи с этим, стало широко известно определение неоконсерватизма, данное единственным неоконсерватором, не стеснявшимся себя так именовать – Ирвингом Кристолом: «Неоконсерватор – это

либерал, измученный реальностью» [13, 123].

Переломным периодом для неоконсерваторов стало президентство Л. Джонсона, которое подверглось их критике за провалы в реализации идеи «Великого общества» и неудачи во Вьетнаме. Д. Мойнехен следующим образом характеризовал политику демократов в 1960-е гг.: «Были запущены программы, оказавшиеся необъясненными и непонятными, и это привело к социальным потерям, которых никто не ожидал... Правительство не знало, что делало. Оно имело теорию, точнее набор теорий. И ничего более» [16, 170].

Окончательное оформление идеологической базы неоконсерватизма произошло в 1980-е гг., когда на президентском посту находился Р. Рейган, опорой которого составляла оформившаяся в период его избирательной кампании консервативная коалиция, включавшая в свои ряды и неоконсерваторов [2, 110-112].

Рост влияния неоконсерваторов и процесс постепенного превращения неоконсерватизма в определяющую внешнеполитический курс силу тесно связаны с общемировыми процессами, начало которым было положено внезапным для многих крахом советского государства. В этот период именно неоконсерваторами были сформулированы те принципы, которыми должны руководствоваться США в новом, уже однополярном мире. В 1991 г. неоконсерватор Ч. Краутхаммер в статье «Момент однополярности» писал следующее: «Лидерство самой могучей державы укрепит глобальную взаимозависимость. Если Соединенные Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии» [12, 32-33]. Основные положения неоконсервативной программы были изложены в статье У. Кристола и Р. Кагана в журнале «Foreign Affairs» в 1996 г. [14].

В основе идеологии неоконсерваторов лежат идеи глобальной американской гегемонии и экспорта демократии, посредством которого либерально-демократические ценности должны быть распространены по всему миру. В частности, З. Бжезинский определил США как современного имперского гегемона, а Г. Киссинджер отверг необходимость существования системы международных отношений в условиях доминирования США на международной арене [11].

Среди других ведущих неоконсервативных теоретиков необходимо отметить также П. Вулфовица (исполнявшего обязанности заместителя министра обороны в администрации Д. Буша-мл.), Р. Перла и У. Кристола. Уже клинтоновская администрация в значительной степени руководствовалась неоконсервативными идеологическими установками во внешней политике. Государственный секретарь М. Олбрайт указывала: «Америка – это страна, без которой невозможно обойтись... мы будем сохранять наше присутствие повсюду, где есть необходимость в защите наших интересов» [6, 59]. За время президентства Клинтона американские воинские контингенты вводились в Панаму, Сомали, на Гаити, в Саудовскую Аравию, а американские ВВС подвергли бомбежке нейтральную Сербию. Однако в полной мере неоконсервативные принципы были реализованы в период президентства Д. Буша мл.

Ключевым моментом, безусловно, стали события 11 сентября 2001 г. Активное лоббирование неоконсерваторами активной внешней политики, в том числе и перехода к политике экспорта демократии, вылилось в новую доктрину национальной безопасности, получившую известность как «доктрина Буша». В ней, в частности, говорилось: «Сегодня Соединенные Штаты обладают уникальной военной мощью и огромным экономическим и политическим влиянием... Война против террористов, действующих в мировом масштабе, является глобальной задачей на неопределенно продолжительное время... Америка будет принимать меры против возникающих угроз прежде, чем они

смогут полностью материализоваться.... И, наконец, Соединенные Штаты воспользуются создавшейся возможностью для распространения блага свободы по всему миру» [5].

Итогом внешнеполитического курса Дж. Буша-мл. стали, как известно, военные кампании в Афганистане, Ираке и грандиозный рост военных расходов, который наряду с другими провалами в экономической политике привел к кризису американской экономики [3]. Сегодня, несмотря на поражение на президентских выборах 2008 г. Д. Маккейна, позиционировавшего себя как преемника Буша в вопросах внешней политики и борьбы с терроризмом, и приход в Белый дом Б. Обамы, США продолжают наращивать военное присутствие в Афганистане, а тысячи американских солдат находятся в десятках стран Европы, Азии и Африки. Таким образом, идеология гегемонизма и «Рах Америка» продолжает формировать контуры внешней политики США.

Разумеется, внешнеполитическая линия США последних двух десятилетий неоднократно подвергалась ожесточенной критике представителями разных общественных и политических сил американского общества. Но если критика агрессивной внешней политики и глобализационных процессов, направляемых американской элитой, со стороны деятелей социалистической и либерально-демократической направленности выглядит вполне естественно, то вдвойне примечательным является появление целого критического направления в лагере консервативных сил. Одним из наиболее заметных и авторитетных представителей этого критического направления, по мнению известного отечественного специалиста А.И. Уткина, можно назвать П. Бьюкенена [4, 67].

Бьюкенен – весьма заметная фигура на американском политическом поле. В период с 1968 по 1973 г. П. Бьюкенен работал в качестве спичрайтера в администрации Р. Никсона, а с 1985 по 1987-й гг. выступал в качестве специалиста по связям с общественностью в администрации Р. Рейгана. После ухода из Бе-

лого дома Бьюкенен трижды выставлял свою кандидатуру, в 1992 и 1996 гг., на республиканских праймериз в связи с президентскими выборами, в ходе которых за него отдали свои голоса более 3 миллионов рядовых республиканцев, в 2000 г. – как кандидат от партии Реформ. Еще до своего участия в президентских выборах Бьюкенен осудил решение президента Д.П. Буша о начале военной операции в Персидском заливе, вошедшей в историю как «Буря в пустыне». Бьюкенен подчеркивал: «Есть только две группы, которые бьют в барабан войны на Ближнем Востоке – министерство обороны Израиля и их подпевалы в США. Израильтяне хотят войны, потому что они хотят, чтобы США уничтожило иракскую военную машину. Они хотят прикончить их. И они не думают о наших отношениях с арабским миром» [17, 173-174].

Значительную известность П. Бьюкенен приобрел как публицист, автор целого ряда монографий, одно из ключевых мест в которых занимает тема внешнеполитической истории США и критики идеологических установок неоконсерваторов. Критике, в частности, подвергся внешнеполитический курс Д.У. Буша, по мнению Бьюкенена, в значительной степени инспирированный неоконсервативными идеологами. Еще в период избирательной кампании 2000 г., характеризуя политику США на Ближнем Востоке, Бьюкенен возложил ответственность за возможное развязывание конфликта между США и арабским миром на правительство США: «... Разве еще кому-то непонятно, что интервенционизм – инкубатор терроризма? Или требуется катастрофа на территории США, чтобы наши политики, увлеченные играми, осознали опасность имперских амбиций...» [1, 31]. Годом раньше Бьюкенен отметил, что, если Америка продолжит интервенционистский курс, настанет момент, когда враги ответят последним оружием слабых – террором [7, 46]. Как нам сегодня известно, – опасения П. Бьюкенена подтвердились.

Характеризуя принятую при Д.У. Буше новую доктрину национальной безопасности, известную также как «доктрина Буша»,

Бьюкенен писал: ««Моральные ценности едины для всех мест, всех времен и культур», – заявил Д. Буш. Но когда одна страна из 190 присваивает себе право определять мораль всех народов во все времена и пытается утвердить свои ценности для всего человечества – это моральный империализм, неизбежно влекущий за собой катастрофы и трагедии» [1, 41]. Критике П. Бьюкенена подвергается и сама идея «экспорта демократии»: «В отличие от Восточной Европы, где коммунизм был навязан христианским странам с давними традициями самоуправления, демократия никогда не укреплялась в рабских землях. Таким образом, свержение короля Фаруха дало нам Насера, свержения Идриса дало нам Каддафи, а свержение Фейсала дало нам С. Хуссейна. Почему мы так уверены, что, если правители Марокко, Саудовской Аравии или Иордании падут, обязательно восторжествует демократия?» [9]. Сама же идея «экспорта демократии» связана, на его взгляд, с произраильской позицией неоконсерваторов, пытающихся обезопасить Ближневосточный регион для Израиля.

По мнению П. Бьюкенена, внешнеполитический курс США после распада СССР, детерминированный идеологическими установками неоконсерваторов, полностью противоречит идейным установкам отцов-основателей американского государства и прагматизму внешней политики США XVIII–XIX столетий: «Америка выжила как единственная сверхдержава потому, что стояла в стороне, пока другие сверхдержавы сражались друг с другом... Сегодня американские лидеры обращают эту великую силу в руины из-за высокомерия и гордыни, ради утверждения глобальной гегемонии, имперского перенапряжения...» [7, 4].

В связи с этим, полагает Бьюкенен, Америка должна выйти из всех международных организаций, ограничивающих национальный суверенитет, вывести свои войска из регионов, в которых у США нет реальных геополитических интересов, и прекратить интервенции в суверенные государства [1, 347]. Продолжение же нынешнего курса чревато

крахом американской экономики и глобальным столкновением цивилизаций, то есть ситуацией, когда США и Израиль окажутся на одной стороне, а весь арабский мир – на другой [10].

Вполне естественно, что взгляды П. Бьюкенена и ряда других палеоконсервативных публицистов критически воспринимаются представителями неоконсервативного лагеря, со стороны которых слышатся обвинения в антиамериканизме и оправдании террора [8]. В то же время сам Бьюкенен негативно относится к определению его взглядов как изоляционистских или антиамериканских. С его критикой трудно не согласиться. Как писал У. Липман: «То, что мы сегодня называем изоляционизмом, было внешнеполитическими принципами людей, которые завоевали и колонизировали американский континент» [15, 11]. Соглашаясь с этим высказыванием, необходимо признать, что П. Бьюкенен, Р. Кирк, Р. Новак, С. Фрэнсис, Р. Пол и другие публицисты и политики, становящиеся объектами подобной критики, оказываются лишь продолжателями традиций выдающихся федералистов – Д. Вашингтона, Д. Адамса и А. Гамильтона, стремившихся сохранить политическую независимость молодой республики от европейских держав.

Формулируя идею возврата к внешней политике прежней республики, к принципам, изложенным Д. Вашингтоном в «прощальном послании», П. Бьюкенен оказывается не одинок. Согласно опросу, проведенному «Pew Research Center» в конце 2009 г., впервые за последние десятилетия в США сторонников внешнеполитического изоляционизма оказалось больше, нежели их противников [19]. В 2010 г. громко заявило о себе и так называемое «движение чаепития». Целый ряд политиков, которых отождествляют с «движением чаепития», добились успеха на промежуточных выборах в сенат в ноябре 2010 г. Примечательно, что поддержку «движению чаепития» выразил и сам П. Бьюкенен, многие тезисы которого, касающиеся налоговой политики, проблемы иммиграции, участники движения повторяют сегодня на общена-

циональном уровне [18]. Так что, несмотря на господство Демократической партии и требований в составе Республиканской партии, не исключено, что Америке ждет своеобразный правоконсервативный ренессанс, и идеи, которые П. Бьюкенен высказывает на протяжении двух последних десятилетий, обретут политическое воплощение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бьюкенен П. Правые и Не-правые. М., 2006. 348, [4] с.
2. Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М., 2008. 567 с.
3. Кругман П. Великая ложь. М., 2004. 480 с.
4. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М., 2006. 640 с.
5. The National Security Strategy of the United States of America // Executive Office of the President, National Security Council. Washington. D.C., 2002. 31 p.
6. Albright M. The Testing of American Foreign Policy. Foreign Affairs, November-December 1998. P. 50-64.
7. Buchanan. P. A Republic Not an Empire: Reclaiming America's Destiny. NY., 1999. 437 p.
8. Frum. D. Unpatriotic Conservatives: A War against America. National Review LV (April 7, 2003). 40 p.
9. Buchanan. P. The Anti-Conservatives // The American Conservative (February 28, 2005). P. 7-11.
10. Buchanan. P. Whose War? // The American Conservative (March 24, 2003). P. 3-9.
11. Kissinger.H. Does America Need a Foreign Policy? NY., 2001. 288 p.
12. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. Foreign Affairs, America and the World 1990/91. P. 23-33.
13. Kristol. I. Reflections of a NeoConservative. NY., 1983. 336 p.
14. Kristol. W. Kagan.R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. Foreign Affairs, July/August 1996. P. 18-32.
15. Lippmann. W. Isolation and Alliances. An American Speaks to the British. Boston, 1952. 56 p.
16. Moynihan D. P. Maximum Feasible Misunderstanding. NY., 1969. 218 p.
17. Schneider. G.L. the conservative century: from reaction to revolution. Lanham, Md., 2009. 264 p.
18. Buchanan. P. Tea Party's Winning Hand // The American Cause// <http://www.theamericancause.org>
19. U.S. Seen as Less Important, China as More Powerful [Электронный ресурс]// The Pew Research Center: [сайт] //URL: <http://people-press.org/report/569/americas-place-in-the-world>

УДК 94 "1949/2005"

Качан Г.Г.

*Дальневосточное высшее военное командное училище
(г. Благовещенск)*

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА НА ХАРАКТЕР ВОЕННЫХ УГРОЗ (1949-1985 гг.)

G. Kachan

Far East Military Command School, Blagoveshensk

DEVELOPMENT OF THE CHINESE LEADERSHIP'S VIEWS ON THE NUCLEAR THREAT IN 1950s

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты деятельности китайского руководства по переоценке геополитического положения своей страны в первые три десятилетия существования КНР. Ее результаты привели правящие круги Китая к выводу о том, что современный мир движется от конфронтации к диалогу и разрядке, а блоковая политика и попытки обеспечить национальную безопасность только военными средствами уходят в прошлое. Эти выводы послужили теоретической основой «стратегического поворота в военном строительстве» КНР, осуществленного в 1985 г.

Ключевые слова: ядерное оружие, ядерная угроза, национальная безопасность, стратегическая культура, устойчивость инфраструктуры к ядерному удару, теория «Трех миров», борьба против «советского ревизионизма».

Abstract. The article examines the development of the Chinese leadership's views as regards the geopolitical position of the country during the first three decades after the foundation of the People's Republic of China (PRC). The government's assessment of the possibilities of world war eruption shifted from a gloomy view that it is inevitable to the ultimate conclusion that the modern world is moving from confrontation to a dialogue and detente, while bloc politics and attempts to ensure national security by military means alone face no prospects. These conclusions produced a "strategic shift in the military doctrine".

Key words: nuclear weapons, nuclear threat, national security, strategic culture, sustainability of infrastructure for a nuclear strike, Three Worlds conception, struggle against «Soviet revisionism».

С момента своего основания Китайская Народная Республика оказалась в эпицентре борьбы великих держав за право переустройства послевоенного мирового порядка. С самого начала руководство вновь образованной страны было вынуждено действовать в экстренном порядке, методом проб и ошибок. С другой стороны, националистическая политика правящих кругов КНР, их склонность к применению силы, стремление как можно быстрее поднять свой международный статус в немалой степени повлияли на геополитическую обстановку в мире.

Складывавшаяся ситуация и традиционный менталитет китайских руководителей подталкивали их к формированию политики, основанной на выводе о неизбежности новой мировой войны. Возвращаясь к событиям более чем 50-летней давности, китайские историки отмечали, что уже в 50-е годы прошлого столетия противостояние между США и СССР, союзником которого являлся и Китай, дошло до критической отметки. Характеризуя атмосферу того времени, китайские ученые отмечали, что в тот период мало кто сомневался, что США и СССР рано или поздно начнут войну [9, 471]. Не было сомнений и в том, что в эту войну неизбежно будет вовлечена и КНР и что она также неизбежно подвергнется ядерному

нападению. В 1952 г. в разгар войны в Корее президент США Эйзенхауэр получил от своих советников рекомендацию «рассмотреть применение силами ООН атомных бомб малой мощности и артиллерийских снарядов в ядерном снаряжении. <...> Новое наступление должно сопровождаться блокадой материкового коммунистического Китая и санкцией на нанесение ударов по китайским базам в Маньчжурии» [15].

Вместе с тем нельзя не отметить, что свою лепту в процесс обострения международной обстановки внесло в тот период и руководство КНР. Например, руководство Китая в 1958 г. пошло на обострение обстановки в Тайваньском проливе, начав артиллерийский обстрел и блокаду прибрежных островов, занятых войсками Чан Кайши. Эта акция в нарушение советско-китайского договора была предпринята без согласования с Советским Союзом. Та же тенденция обнаружилась и в вооруженном конфликте, спровоцированном на индийско-китайской границе в 1959 г.

Уже в то время высказывания китайских руководителей нередко способствовали нагнетанию напряженности и нацеливали на подготовку к ядерной войне. Так, выступая на заседании политбюро ЦК КПК в августе 1958 г., Мао Цзэдун выразил несогласие с курсом СССР на оздоровление международной обстановки, утверждая, что «напряженность более выгодна нам и менее выгодна Западу», так как она якобы способствовала бы расширению влияния коммунистических партий и росту производства в Китае [4, 86]. Категоричности подобных суждений способствовала и циничная уверенность тогдашнего китайского руководства в невозможности уничтожить всех китайцев. В то время как небольшие народы в случае начала ракетно-ядерной войны не имели шансов на выживание. «Войны не нужно бояться, – говорил Мао Цзэдун на 2-й сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г. – Если из 600 миллионов человек половина погибнет, останется еще 300 миллионов» [2, 256].

Несмотря на это, оценивая военно-политическую обстановку в тот период, китайские руководители открыто не делали выво-

да о неизбежности мировой войны. Наряду с заявлениями о росте военной опасности, Мао Цзэдун и другие официальные лица неоднократно высказывались о возможности совместными усилиями предотвратить войну [9, 471]. Более того, расчеты на неизбежность войны между СССР и США сам Мао Цзэдун называл в некоторых своих выступлениях того периода «сумасбродными» [6, 208]. На предотвращение войны был сориентирован и официальный внешнеполитический курс, предусматривавший проведение «последовательной политики мира», борьбу за мирное сосуществование и сотрудничество между государствами [1, 87].

Последовавший в 1960-е гг. отказ от такого подхода к оценке военной угрозы был обусловлен рядом объективных причин. К их числу можно отнести дальнейшее обострение международной напряженности, эскалацию агрессии США в Юго-Восточной Азии, а также ухудшение советско-китайских отношений.

Еще более существенную роль в отходе от прежних оценок сыграли внутренние факторы. Усиление в стране влияния политических сил, руководствовавшихся лозунгами «Политика – командная сила», «Ставить классовую борьбу во главу угла», и связанного с ними конфронтационного подхода к решению внутри- и внешнеполитических проблем неизбежно вело к пессимистическим оценкам обстановки в мире. В указанный период Мао Цзэдун и его окружение выдвинули концепцию «решения вопроса войной», в основу которой был положен тезис о неизбежности мировой войны и даже о ее «желательности», так как она могла бы привести к развалу империалистической системы [5, 7]. Данный тезис был подтвержден IX съездом КПК в апреле 1969 г. [1, 39]. Коренное отличие подходов к вопросам безопасности в 1960-е гг. от прежних заключалось в том, что источником военной опасности признавались уже не только США, но и СССР. Принятие в связи с этим стратегии «борьбы на два фронта» – против империализма и «советского ревизионизма» – способствовало еще большему нагнетанию в стране атмосферы кануна

войны. Сразу же после II пленума ЦК КПК VIII созыва (август 1966 г.) китайским руководством был впервые выдвинут тезис «Советский Союз – наш смертельный враг». Впоследствии была поставлена задача «готовиться к скорой, большой ядерной войне», «рыть глубокие тоннели, запастись зерно, быть готовыми к войне и лишениям» [9, 472].

Обоснованию и развитию концепции «борьбы на два фронта» послужила выдвинутая Мао Цзэдуном в начале 1970-х гг. и окончательно сформулированная в 1974 г. теория «трех миров», противопоставившая две «сверхдержавы» – СССР и США – всему остальному миру. В своем законченном виде концепция «трех миров» была впервые изложена главой китайской делегации на 6-й специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН в апреле 1974 г.

Данная концепция, претерпевая некоторые изменения, декларировала, что «мир идет к войне, и это не зависит от воли людей» [11]. Оценивая это высказывание с высоты прошедших десятилетий, можно предположить, что, несмотря на категоричность, оно лишь частично отражало взгляды тогдашнего руководства КНР на степень военной опасности и во многом являлось данью внутренней политической конъюнктуры. Дальнейшее развитие событий сделало очевидным тупиковый характер политики, строящейся на основе подобной концепции. Изменения, произошедшие внутри страны и за ее пределами на рубеже 1970-х – 1980-х гг., возросшая вероятность вовлечения самого Китая в ракетно-ядерный конфликт, а главное, насущные потребности модернизации экономики страны вынудили ее руководство по-новому оценить и скорректировать свои стратегические концепции.

Этому в немалой степени способствовало изменившееся к концу семидесятых годов международное положение страны: Китай был признан подавляющим большинством стран мира, приобрел собственное ядерное оружие, занял законное место в Совете Безопасности ООН. Все эти факторы придали правительству КНР большую уверенность в своих силах.

Пересмотру взглядов на вероятность крупномасштабной войны способствовала смена политических лидеров страны. Так, первые заявления Пекина о возможности предотвратить ядерную войну были отмечены в 1978 г., вскоре после возвращения на политическую арену Дэн Сяопина [8, 61].

Одновременно росло понимание важности ускорения экономического развития для укрепления национальной безопасности и, следовательно, необходимости длительного мирного периода для развития производительных сил. После 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва (декабрь 1978 г.), определившего курс на проведение реформ и расширение внешних связей, вопрос о переоценке международной обстановки встал особенно остро. Установки на постоянное нагнетание напряженности вошли в противоречие с потребностями модернизации экономики и самих вооруженных сил.

Эволюции взглядов руководства страны в указанном направлении способствовал и пересмотр китайскими теоретиками основополагающих взглядов на тенденции мирового развития.

В начале восьмидесятых годов в Китае была выдвинута концепция, согласно которой после второй мировой войны претерпели изменения основные характеристики современной эпохи и, в частности, ее основные противоречия, сформулированные В.И. Лениным. Империалистическая война перестала быть неизбежной, а идея мира глубоко проникла в сознание народов.

По мнению китайских обществоведов, мир перестал делиться на угнетающие и угнетенные нации. Противоречия между ними сменились противоречиями между богатыми и бедными государствами. На основе этих посылок был сделан вывод о том, что основным содержанием международной политики стало мирное развитие.

Новая оценка характера основных противоречий современной эпохи была впервые обнародована в беседе Дэн Сяопина с президентом Бразилии Ж. Фигерейду в мае 1984 г. Дэн Сяопин заявил: «Из множества

проблем, существующих в нынешнем мире, особенно резко выделяются две. Одна – это проблема мира. Сейчас есть ядерное оружие, и в случае войны оно нанесет человечеству колоссальный урон. <...> Другая проблема – проблема «Север-Юг». В настоящее время она выступает с особой рельефностью. Развитые страны все более богатеют, в то время как развивающиеся страны все более и более беднеют» [3, 43].

Мир и развитие были признаны китайским руководством основными проблемами современной эпохи, причем проблема мира рассматривалась в контексте взаимоотношений между Востоком и Западом, а проблема развития – в рамках отношений «Север – Юг».

Вывод о возможности предотвращения мировой войны, сделанный военно-политическим руководством КНР в начале 1980-х гг. был обусловлен рядом факторов. К числу наиболее существенных из них относятся осознание всеми великими державами катастрофических последствий применения даже части накопленных ими ядерных арсеналов, утверждением нового мирового экономического порядка, стремительным развитием научно-технической революции, радикально меняющей положение в мире. «Сегодня, – отмечали китайские исследователи, – соперничество между державами может происходить не только на поле боя. Происходящая в мировом масштабе научно-техническая революция постепенно вытесняет мировую войну как главную форму мирового соперничества, заменяет «войну оружия» «войной интеллектов» и снижает вероятность войны» [9, 473-475]. По мнению китайских ученых, уже к середине 1980-х гг. соперничество между «сверхдержавами» в области науки и техники фактически поднялось до уровня борьбы за выживание. «Используя результаты научно-технической революции, – отмечал по этому поводу китайский ученый Ян Чуньчжан, – страны производят корректировку своих планов с целью овладеть в XX столетии инициативой и обеспечить себе военное превосходство. Эта борьба по остроте, сложности и глубине превосходит сражения на поле боя.

Она может привести к значительному изменению соотношения сил в следующем столетии, оставший будет бит» [10, 26-27].

Китайские политики и ученые подчеркивали долговременный характер этих факторов, тенденцию к их развитию и упрочению. Их действие в течение длительного времени, по мнению китайских лидеров, могло бы окончательно снять с повестки дня вопрос о глобальной военной угрозе. «Если в течение первой половины XX века страны «третьего мира» и все европейские страны смогут обеспечить свое развитие, – говорил по этому поводу Дэн Сяопин, – можно будет сказать, что война по-настоящему устранена» [11, 42].

На основе анализа международной обстановки и тенденций ее развития китайское руководство пришло к выводу о том, что «широкомасштабная война не возникнет в течение длительного времени» [3, 145]. Заявление об отсутствии немедленной угрозы войны было официально сделано на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК 4 июня 1985 г. Высшим военным органом КНР было признано маловероятным вовлечение Китая в широкомасштабный военных конфликт в течение последующих 50 лет. «Опасность мировой войны существует, – заявил на этом историческом совещании Дэн Сяопин. – Из-за гонки вооружений фактор войны еще долго будет нарастать. Однако народы хотят мира и выступают против войны. <...> Есть вероятность, что широкомасштабная война не начнется в течение длительного времени в результате дальнейшего роста сил, защищающих мир во всем мире. Мир во всем мире, можно надеяться, удастся отстоять» [14].

В 1986 г., развивая этот тезис, Дэн Сяопин прямо заявил об отходе от концепции фатальной неизбежности новой мировой войны: «Раньше мы считали, что мировая война неизбежна. Сейчас наша точка зрения изменилась. Судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу» [12].

Переоценка структуры угроз национальной безопасности, сделанная высшим воен-

ным органом КНР, послужила теоретической основой «стратегического поворота в военном строительстве КНР» и заложила основу для формирования новой концепции национальной безопасности Китая.

ЛИТЕРАТУРА:

1. IX съезд КПК. Сборник документов. Пекин, 1969.
2. Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в печати. М., 1975.
3. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М, 1988.
4. Китайская Народная Республика в 1973 году. Политическое и экономическое развитие. М.: Наука, 1975.
5. Линь Бяо. Да здравствует победа народной войны! Пекин, 1967.
6. Мао Цзэдун. Избранные произведения, Т. 4. Пекин, 1969.
7. Материалы VIII всекитайского съезда КПК. Т. 1. Документы. Пекин, 1958.
8. Свешников А.А. Советско-китайские отношения во внешнеполитических концепциях китайского руководства: Дис... канд. ист. наук. М., 1991.
9. Deng Xiaoping sixiang yanjiu (К изучению идей Дэн Сяопина). Nanying, 1988. P. 473-475.
10. Deng Xiaoping xin shiqi zhixue sixiang (Изучение идей Дэн Сяопина в новый период). Beijing. Junshi kexue chubanshe, 1996. P. 26-27.
11. Deng Xiaoping zui zhongyao taolun (1987 eryue zhi qiyue) (Наиболее важные беседы тов. Дэн Сяопина (февраль-июль 1987)). Beijing, 1987.
12. Renmin Ribao. 1975, 02.12.
13. Renmin Ribao. 1985, 24.04.
14. Renmin Ribao. 1985, 12.06.
15. Renmin Ribao. 1985, 20.06.
16. The New York Times. Dec. 6. 1953.

УДК 323.28 (430)

Базаркина Д.Ю.

Московский городской педагогический университет

**ТРУДНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ: ОПЫТ ФРГ**

D. Bazarkina

Moscow City Pedagogical University

**DIFFICULTIES OF INFORMATIONAL COUNTER-TERRORIST
STRUGGLE: GERMAN EXPERIENCE**

Аннотация. В статье проанализирован опыт спецслужб ФРГ в информационном противостоянии террористической угрозе и исследован эффект, оказываемый заявлениями, PR-акциями и пропагандистскими кампаниями силовых структур, на общественное мнение. Проанализирована реакция немецкого общества как на контртеррористические меры спецслужб, так и на коммуникационное сопровождение этих мер.

Ключевые слова: социальный протест, терроризм, мировой экономический кризис, коммуникации.

Abstract. The article attempts at analyzing the experience of German secret services in informational counter-terrorist operations and researching the effect produced by official statements, PR-actions and propaganda campaigns of secret services on public opinion in the Federal Republic of Germany. The author has made a double-focus analysis of the German public reaction both to counter-terrorist measures and the way they have been communicated.

Key words: social protest, terrorism, global economic crisis, communication.

© Базаркина Д.Ю., 2011.

Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Министерства образования Российской Федерации.

В современном мире проблема терроризма получает новое осмысление в связи с глобальным экономическим кризисом, когда власти и силовые структуры говорят об опасности массовых протестов, которые могут привести к террористическим актам. В то же время активизируется контртеррористическая политика, которая приводит, в ряде случаев, к негативной реакции общества на деятельность государственных структур.

Одна из положительных особенностей современной контртеррористической стратегии ЕС в целом и ФРГ в частности – последовательная институционализация противодействия терроризму. Одной из ведущих контртеррористических структур в ФРГ сегодня можно назвать Объединенный контртеррористический центр (the Joint Counter-Terrorism Centre), который начал свою работу в Берлине 14 декабря 2004 г. В Объединенном контртеррористическом центре работают аналитики Федерального управления уголовной полиции (БКА) и Федерального ведомства по охране конституции. Эта совместная работа обеспечивает оптимальные условия для обмена информацией в режиме «реального времени», позволяет оперативно проводить прикладные исследования для определения потенциальных угроз и координировать направления борьбы с терроризмом. Центр следит за равномерным обеспечением информацией всех направлений контртеррористической деятельности. Существенными преимуществами подобной работы являются ускорение обмена информацией и возможность своевременной целевой аналитической экспертизы.

Информационный аспект контртеррористической деятельности играет особую роль также в деятельности Федерального ведомства по охране Конституции ФРГ (Bundesamt für Verfassungsschutz / BfV). Конечно, необходимо защищать общество от террористической опасности, для чего на интернет-сайте BfV представлено много действительно полезных материалов, таких, как инструкции для граждан, в которых объясняются элементарные меры, призванные предотвратить

террористические акты. Однако во время экономического кризиса ответственность за любое слово и поступок существенно возрастает.

Попытки использовать стихийные массовые выступления в интересах тех или иных групп влияния – явление далеко не новое. Выступления участников «студенческой революции» 1968 г. и массовых протестов последующих лет стали поводом для ряда провокаций со стороны полиции¹. Сегодня же, в эпоху постиндустриального общества, особую актуальность приобретают коммуникационные средства. Общественный эффект массового выступления неизбежно многократно усиливается его освещением в СМИ. Этим могут воспользоваться как ультралевые, так и ультраправые, реакционные силы и репрессивные структуры.

До начала экономического и политического кризиса коммуникационная стратегия силовых структур ФРГ через открытые каналы коммуникации (официальные заявления, публикации на официальных интернет-сайтах и в печатных материалах) шла в едином, четко намеченном направлении. Традиционно протестное движение отождествлялось с экстремистской деятельностью, и теоретические основы левого движения были представлены как основной источник экстремистских тенденций в формировании общественного мнения. Это явление отражено, например, как в разделе «Левый экстремизм» интернет-сайта Федерального ведомства по охране Конституции ФРГ, так и в многочисленных публикациях его региональных отделов:

«Левые экстремисты – общепризнанные противники государства и общественного строя Федеративной Республики Германии, которую они порочат как капитализм, отмеченный расизмом и фашизмом. В зависимости от их идеологически-политической

¹ Так, биографы террористов «Фракции Красной армии» иногда считают отправной точкой террористической деятельности группы использование зажигательной смеси во время осады здания концерна Акселя Шпрингера в 1968 г. Зажигательной смесью демонстрантов снабдил полицейский провокатор.

ориентации – революционно-марксистской или анархистской – они стремятся установить социалистическую/коммунистическую систему или «общество, свободное от правителей» (анархия). Формы активности левых экстремистов разнообразны: они включают публичные манифестации, открытую агитацию с помощью листовок, плакатов с призывами к действию, публикации в СМИ, создание электронных ресурсов, участие в выборах (курсив мой – Д.Б.) и попытки тайно повлиять на социальные группы. Нарушения закона, включая открытые или тайные преступления, такие, как нанесение вреда частной собственности, массовые вооруженные акции с нанесением телесных повреждений [имеется в виду, видимо, как причинение вреда рядовым гражданам, так и последствия столкновений с полицией – Д.Б.] частично могут быть расценены как средства достижения политических целей» [4].

Предоставив этот перечень возможных экстремистских акций, Федеральное ведомство по охране Конституции ФРГ разграничивает в немецком левом экстремизме следующие идеологические течения:

- революционно-марксистское крыло, включая Германскую коммунистическую партию, Марксистско-ленинистскую партию Германии и, наряду с ними, – «открыто экстремистские структуры» в составе Партии демократического социализма и ее крайне левого ответвления «Коммунистическая Платформа»;

- среди троцкистских групп, особенно активных в последние годы, – «Бросок влево» («Linksruck») и «Социалистическая Альтернатива»;

- главная часть склонных к насильственным акциям левых экстремистов состоит из анархистских групп; среди них те, кто называет себя «членами автономных групп» [4].

Существует множество публикаций, в которых легальные левые партии и движения, такие, как Германская коммунистическая партия (ГКП), идентифицированы как опасные экстремистские организации. Эти материалы публикуются часто под броскими,

провоцирующими заголовками, как, например, «Враги демократии». В настоящее время публикация подобных материалов приостановлена, на наш взгляд, под влиянием массовых протестов, вызванных кризисом. Это привело к появлению лакуны в коммуникационном обеспечении деятельности силовых структур. Ослабление открытых каналов коммуникации, какими являются официальные интернет-сайты, ведет к тому, что деятельность государственных органов утрачивает прозрачность в глазах общественности, что является прямым нарушением правил кризисных коммуникаций. В то же время публикации о массовых протестах в Германии в СМИ часто сопровождаются комментариями, способными только усилить социальную напряженность. И часто официальные публикации о терроризме имеют такие же отрицательные последствия. Статьи в печатном органе ГКП «Unsere Zeit» («Наше Время») содержат ответ на антиреcessionные меры германского правительства. Такого рода публикации сопровождаются фотографиями демонстраций ГКП [8], главной причиной которых является постоянный коммуникационный барьер между властью и оппозицией, существующий сегодня во многих европейских странах и который, на наш взгляд, стал причиной долговременного политического кризиса в Греции.

Мировой экономический кризис стал причиной того, что тысячи людей по всей Европе приняли участие в пикетах и демонстрациях с требованиями демократических преобразований. Массовые протесты, вызванные кризисом, часто сопровождаются насильственными действиями ультралевых или ультраправых, которые способны спровоцировать демонстрантов на насильственные действия. В результате подобных явлений в декабре 2008 г. полиция Афин застрелила пятнадцатилетнего молодого человека, который с тринадцатью своими товарищами (в прессе они названы представителями автономных групп) закидывал камнями полицейский автомобиль в центре греческой столицы. Этот инцидент спровоцировал новую

волну акций протеста в Греции, в ходе которых демонстранты переворачивали автомобили, били оконные стекла, поджигали магазины. Такие события не только вызывают недовольство граждан, но и влекут за собой вооруженные столкновения демонстрантов с полицией, что крайне негативно отражается на возможности наладить диалог государства со своими гражданами.

При анализе массовых протестов можно выделить две группы, которые подвергаются репутационным рискам. Это сами демонстранты, которые могут подвергнуться провокациям и необдуманными действиями дискредитировать отстаиваемую идею, и власти, которые могут допустить ряд коммуникационных ошибок при взаимодействии с протестующими.

Все это отражается в публикациях прессы, в которых, в зависимости от положения в каждой отдельной стране, возможно «обыгрывание» ситуации как ультралевыми, так и праворадикальными организациями.

Массовые протесты в Восточной Европе, по сравнению с Западной, менее подвержены влиянию контркультуры, поэтому в Восточной Европе как гораздо беднее внешняя атрибутика протеста, так и гораздо отчаяннее его акции. Поэтому коммуникационное противодействие массовым акциям на Западе гораздо легче осуществить, придав происходящему характер более театрального действия, нежели общественной акции. В качестве примера можно провести описание массовых протестов в Лондоне в российской «РБК Daily» по материалам британской «The Economist»:

«Гигантской бурой свинье Винни не удалось пробраться на Даунинг-стрит. Ее остановили на мостовой Уайтхолла вместе с несколькими сотнями фермеров-свиноводов, шествовавших под пение гимна «Поддержи свое мясо». Они прибыли в Лондон 4 марта, чтобы пожаловаться правительству на бедственное состояние своей отрасли... Неделями раньше ... противники строительства третьей взлетно-посадочной полосы в аэропорту Хитроу свесили свои лозунги с крыши Вест-

минстерского дворца и забросали бумажными самолетиками всю площадь внизу...» [2, 53].

Подобный характер общественных выступлений, хотя и не приводит, как правило, к столкновениям демонстрантов с полицией, в ряде случаев своей формой дискредитирует требования демократических преобразований. С другой стороны, откровенно пренебрежительный тон консервативной прессы способен со временем ожесточить протестующих и подтолкнуть их к «левацким» точечным проявлениям силы. Поэтому для предотвращения политических рисков наиболее приемлемым решением представляется налаживание постоянного диалога властей как с сотрудниками той или иной отрасли производства, переживающей кризис, так и с представителями протестного движения.

Общей тенденцией для Западной и Восточной Европы на фоне мирового экономического кризиса можно назвать усиление ультраправых тенденций. В Западной Европе наиболее показателен пример Германии, где кризисные тенденции проявились в нападениях неонацистской молодежи на представителей полиции. Как представители земельных правительств, так и федеральное правительство замечают «новое качество» неонацистских атак, такое, как «невероятная прямота попыток убийств». Также акции немецких неонацистов все чаще стали проходить в центральных городах ФРГ, тогда как до этого были сконцентрированы в пограничных районах.

Наряду с ожесточением акций отмечается «омоложение» лагеря неонацистов. Если до настоящего времени идейными лидерами в нем были «старые правые» (к которым, к примеру, можно отнести переориентировавшегося бывшего члена ультралевой РАФ Хорста Малера), то сегодня круг неонацистов сузился, однако определяющую роль стали играть молодые функционеры с существенно возросшей готовностью к насильственным мерам.

Отслеживание исламистской активности в Интернете стало крайне важным в борь-

бе с терроризмом, как заявила глава Федеральной прокуратуры ФРГ Моника Хармс 14 декабря 2009 г. «Интернет стал основным средством коммуникации среди исламистских террористических групп», – отметила она на пресс-конференции в Карлсруэ, подводя итоги года. М. Хармс рассказала, что Объединенный интернет-Центр (GIZ), состоящий примерно из тридцати немецких полицейских и офицеров разведки и находящийся в Берлине, посвятил год своей работы отслеживанию исламистской деятельности в Интернете и анализу исламистских сайтов [7]. Это расширяет возможности коммуникационного противодействия террористическим группам, но деятельность спецслужб все чаще отражается на репутации властей. Информационная политика немецких властей сопряжена со многими рисками. Согласно закону, проведенному партиями ХДС, ХСС и СДПГ, с 2008 г. возможно отследить контакты любого жителя страны по телефону, мобильному телефону или электронной почте в течение шести месяцев. В случае звонков или отправки текстовых сообщений с мобильного телефона также может быть зарегистрировано местоположение пользователя. Анонимизация в течение 2009 г. была запрещена. Показательны комментарии журналистов по этому поводу: «Данные, собранные обо всем населении страны, позволяют проследить все наши перемещения, личные и деловые контакты, уничтожают неприкосновенность наших личных отношений. Информация о содержании сообщений может касаться личных интересов, личных проблем человека. Доступ к данным предоставляют полиции, прокурорам, секретным службам и иностранным государствам, которые рассчитывают на более успешное предотвращение преступлений» [6].

Информационное общество дает новые возможности использовать информационные технологии при осуществлении контртеррористической политики. Эксперты по управлению рисками обращают внимание и на проблему коммуникационной безопасности: «Внешние рискованные коммуникации

нацелены уже не просто на информирование и инструктирование СМИ тех, кто с ними работает; скорее, они ищут пути диалога, рассчитанные на определенную аудиторию. Здесь нужно всегда помнить, что передавать информацию, связанную с рисками, необходимо таким способом, чтобы не возникало никаких недоразумений, непонимания между отправителем и адресатом. Например, эмпирические исследования выявили различия в способе восприятия риска экспертами и рядовыми гражданами. Чтобы избежать ошибок, коммуникации, связанные с рисками, должны всегда быть своевременными, однозначными, соответствующими аудитории, последовательными и надежными. Для того, чтобы коммуникации, связанные с рисками, были эффективны, аудитория должна доверять их источнику и считать высказываемые им версии событий правдоподобными» [5].

Однако часто в рамках кризисных коммуникаций, связанных с противодействием терроризму, властные и силовые структуры сталкиваются с проблемой ограничения свободы слова, на которую остро реагирует общественность. Так, постановления о проверке телефонных звонков и электронной почты граждан ФРГ послужили причиной начала кампании «Ты – террорист», которую инициировала группа активистов «Немецкая рабочая группа по удержанию информации» (GWGDR). Участники акции загрузили на портал YouTube видео со следующими субтитрами:

«Только недавно мы узнали, что в Германии скрываются более 82 миллионов террористов. Вы – один из них. Поэтому с настоящего момента мы будем фиксировать все Ваши действия в течение шести месяцев... И потому что Вы – Террорист, уголовная полиция имеет право беспрепятственно взломать Ваш компьютер (с помощью «троянских» программ)» [9].

На интернет-сайте GWGDR содержится пояснение к видео: «Акция «Ты – террорист» – невинная шутка на тему двух социальных маркетинговых кампаний немецких чиновников... «Ты – террорист» – ответ на сегод-

нышнюю политику германских властей. Все граждане находятся под подозрением. Немецкое общество становится «обществом превентивного наблюдения». Глядя на уже принятые и готовящиеся законы, можно проследить, что представляет собой Германия сегодня и будет представлять в самом ближайшем будущем» [9]. Такие заявления делают очевидным тот факт, что при осуществлении коммуникационного обеспечения контртеррористической деятельности силовые структуры ФРГ сталкиваются с проблемами, сходными с теми, которые существуют в странах Восточной Европы.

Сравнив требования протестующих в странах Западной и Восточной Европы, можно заключить, что репутационные и политические риски, вызванные мировым экономическим кризисом, во многом совпадают и одинаково способны повредить архитектонике общего европейского дома.

Только при сбалансированных действиях власти и общества и при надлежащем информационном и коммуникационном обеспечении антикризисной политики возможна минимизация политических рисков в Европе. В то же время проблемы развития гражданского общества, соблюдения интересов граждан при формировании коммуникаци-

онных стратегий в борьбе с терроризмом являются общими для целого ряда стран.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Заман А. Репутационный риск. М., ЗАО «Олимп – Бизнес», 2008. 416 с.
2. На баррикады, дорогая! // РБК Daily по материалам «The Economist». Май, 2008.
3. Юдинцев И., Сухотерин Л. Информационная работа в государственном аппарате. М., «Европа», 2007. 473 с.
4. Left-wing extremism // Federal Office for the Protection of the Constitution (Bundesamt für Verfassungsschutz/BfV) // URL: www.verfassungsschutz.de/en/en_fields_of_work/leftwing_extremism/ (Дата посещения 14.03.2010).
5. Protecting Critical Infrastructures – Risk and Crisis Management. A guide for companies and government authorities. Berlin, Federal Ministry of the Interior, 2007. 88 с.
6. The Arbeitskreis Vorratsdatenspeicherung (German Working Group on Data Retention) // URL: www.vorratsdatenspeicherung.de/index.php?lang=en (Дата посещения 14.03.2010).
7. Top German Prosecutor Backs Online Terror Surveillance // Deutsche Welle // www.dw-world.de/dw/article/0,,3004720,00.html# (Дата посещения 14.03.2010).
8. Unsere Zeit. 12.03.2010.
9. You are a terrorist! A campaign against terrorists // URL: www.dubistterrorist.de/en/ (Дата посещения 14.03.2010).

УДК 94

Базанова Е.А.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

**СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КНР ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ
С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ 1990-2010 гг.**

E. Bazanova

People's Friendship University of Russia, Moscow

**CHINA'S SOFT POWER STRATEGY IN THE COOPERATION WITH ARAB
COUNTRIES OF MIDDLE EAST IN EDUCATIONAL FIELD IN 1990-2010**

Аннотация. В статье анализируются методы использования Китаем стратегии «мягкой силы» по отношению к арабским государствам Ближнего Востока в контексте сотрудничества в области образования. Рассматриваются различные формы взаимодействия Китая и арабских стран на уровне высших учебных заведений, министерств образования, обществ дружбы и Форума сотрудничества Китая и арабских стран. Изучаются методы использования таких инструментов публичной дипломатии, как язык и образование, для реализации стратегии «мягкой силы».

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, образование, китайский язык, институт Конфуция, Форум сотрудничества Китая и арабских стран.

Abstract. This article analyzes China's soft power strategy approaches in the context of cooperation with Arab countries of the Middle East in the field of education. Different forms of interaction between China and Arab states on the level of universities, ministries of education, friendship associations and China-Arab cooperation forum are described. The study considers language and education as public diplomacy tools to carry out soft power strategy.

Key words: China, the Middle East, education, the Chinese language, Confucius Institute, China-Arab cooperation forum.

Китай и арабские страны Ближнего Востока имеют долгую историю взаимодействия. Первые контакты между ними осуществлялись еще в доисламский период, позднее, во время существования халифата, арабские торговцы прибывали в южные города Китая, такие, как Кантон и Цюаньчжоу, и основывали там поселения, которые в последствии переросли в отдельные мусульманские кварталы, так называемые «фань кэ» [12, 54]. Именно по морскому торговому пути, или «пути пряностей», в Китай проник ислам, распространившийся среди населения южных городов Китая, которые занимались торговлей с арабскими и персидскими купцами.

Современный импульс к развитию сотрудничества Китая и арабских стран Ближнего Востока возник в конце 1970-х гг., когда в КНР стали осуществляться экономические реформы и политика открытости. 1980-е гг. стали для Китая не только периодом значительных внутриполитических изменений, но и временем пересмотра внешнеполитических интересов. Если в 60-70-е гг. во внешней политике Пекина превалировали политические элементы (в условиях конфронтации с СССР и США Китай пытался стать лидирующей силой «третьего мира»), то после распада Советского Союза и окончания «холодной войны» на первое место выдвинулся экономический прагматизм, ставший следствием внутренних реформ Дэн Сяопина и его продолжателей Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао [3]. В этот период произошли изменения в стратегии КНР в отношении арабских государств. Изначально в ней преобладали инте-

рессы экономического развития, поскольку в результате активного проведения экономических реформ и модернизации у Китая возникла потребность в значительном увеличении энергопотребления, в частности импорта нефти и газа. В дальнейшем, начиная с 2000-х гг., КНР стала использовать принцип «мягкой силы» в отношениях с развивающимися странами и, в частности, с арабскими государствами Ближнего Востока. Целью глобальной стратегии «мягкой силы» является формирование общественного мнения о Китае за рубежом, и в качестве ее основных инструментов КНР использует «культурную дипломатию», включающую изучение языка, искусство, образование и др. В данной статье мы рассмотрим способы применения принципа «мягкой силы» в отношениях Китая с арабскими странами Ближнего Востока на примере сферы образования.

В начале 1990-х гг. одним из главных партнеров Китая на Ближнем Востоке в области образования стала Арабская Республика Египет (АРЕ). В 1996 г. в Пекине странами впервые был организован совместный исследовательский симпозиум по вопросам образования. После его завершения была сформирована рабочая группа, которую возглавили министры образования обоих государств. Задачами этой группы являлись координация взаимодействия министерств образования КНР и АРЕ по вопросам научного и культурного обмена, организация стажировок студентов и преподавателей и обучения за рубежом, а также проведение совместных мероприятий, способствующих развитию культурного диалога между Китаем и арабским миром. Результатом работы данной группы стала организация совместных конференций «Образование в 21 веке», «Дистанционное образование и образование для одаренных детей», «Качество образования», «Образование и информация» и т. д. [2, 56].

17 ноября 1997 г. в Каире было подписано соглашение о взаимном признании дипломов ряда китайских и египетских вузов. Среди вузов КНР были отмечены Пекинский

университет, Пекинский институт иностранных языков, Пекинский университет языков и культуры, Шанхайский институт иностранных языков, Шанхайский педагогический университет, Юньнаньский университет и десять других высших учебных заведений. Среди египетских вузов были указаны Каирский университет, Александрийский университет, университеты Айн-Шамс, Загазиг и Миния.

После установления дипломатических отношений между странами из Китая в Египет в общей сложности было направлено 29 делегаций по линии министерства образования, из них 9 – на уровне министров образования. Из Египта за указанный период было отправлено 27 делегаций, из них 17 на уровне министров образования. В начале 2000-х гг. сотрудничество заметно активизировалось. В 2002 г. 12 делегаций от министерства образования КНР посетили египетские университеты и образовательные учреждения, включая министерство образования Египта, Американский университет в Каире и др. По приглашению министерства образования КНР ректор Александрийского университета в 2002 г. в ходе своего визита в Китай посетил ряд крупнейших высших учебных заведений, таких, как университет Цинхуа, Шанхайский институт иностранных языков, университет Фудань (Шанхай), университет Тунцзи (Шанхай). В том же году посольство КНР наградило двух лучших студентов факультета китайского языка Александрийского университета годовой стажировкой в Китае за счет принимающей стороны. В 2002 г. в ходе визита премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи в Египет было подписано соглашение об установлении обмена преподавателями китайского и арабского языка [2, 57].

Один из крупнейших центров китаистики на Ближнем Востоке находится в египетском университете Айн-Шамс. На факультете иностранных языков Аль-Альсун этого университета действует старейшая кафедра китайского языка, основанная в 1958 г. В настоящее время там обучается более 600 студентов из Египта и других арабских го-

сударств. Айн Шамс является крупнейшим на Ближнем Востоке центром по подготовке китаеведов, переводчиков и преподавателей китайского языка. В 2002 году министерство образования КНР передало в дар кафедре китайского языка университета Айн-Шамс лингафонный кабинет и 5000 учебников китайского языка [9]. Помимо вышеуказанного университета, кафедры китайского языка были также открыты в институте иностранных языков университета Миния, Александрийском университете, университете г. Мансура, университете Аль-Азхар, Каирском университете. Поддерживая изучение китайского языка за рубежом, Китай также стремится привлечь большее количество иностранных студентов в китайские вузы. Для представителей развивающихся стран, желающих поступать в китайские вузы, стали создаваться новые программы, смягчаться правила получения виз [10, 69].

Важным шагом на пути развития сотрудничества между Китаем и арабскими странами стало подписание договора между Китаем и Египтом о взаимном признании дипломов и ученых степеней в 1997 г., что привело, в свою очередь, к активизации межвузовского сотрудничества не только с АРЕ, но и с другими арабскими государствами. Так, факультет арабского языка Пекинского института иностранных языков подписал соглашение о сотрудничестве с Организацией по вопросам образования, культуры и науки Лиги арабских государств (АЛЕСКО), а также с Американским университетом в Каире, Дамасским университетом в Сирии, университетом Ямрук в Иордании, Бахрейнским университетом, университетом им. султана Кабуса в Омане, университетами Саны и Адена в Йемене. При поддержке АЛЕСКО Пекинский институт иностранных языков организовал такие мероприятия, как летняя школа повышения квалификации для преподавателей арабского языка азиатских университетов, форум «Культурное взаимодействие между Китаем и арабскими странами», курсы изучения диалектов арабского языка, неделю арабской культуры и т. д. [1, 12].

В настоящее время большинство студентов из КНР, приезжающих на Ближний Восток по государственной линии и за свой счет, обучаются в следующих университетах: Каирский университет, университет Аль-Азхар, Университет 6 октября, университет Нахда (Египет), Дамасский университет, университет г. Алеппо, университет г. Латакия (Сирия), Амманский университет (Иордания), университет им. султана Кабуса (Оман), университет Аль-Айн (ОАЭ). Наиболее популярными у китайских студентов являются Каирский и Дамасский университеты. Во многом это обусловлено тем, что египетский и сирийский диалекты арабского языка являются наиболее часто используемыми в арабских странах.

Важную роль в развитии китайско-арабского сотрудничества в области образования играют Общества дружбы Китая со странами Ближнего Востока. Первой страной арабского мира, с которой КНР учредила Общество дружбы, был Египет (10 ноября 1956 г.). В дальнейшем 1 октября 1957 г. было организовано Общество китайско-сирийской дружбы, 17 февраля 1994 г. – Общество китайско-йеменской дружбы, 19 февраля 1994 г. – Общество китайско-ливанской дружбы, 15 октября 1997 г. – Общество дружбы Китая и Саудовской Аравии. В 2001 г. в рамках Общества китайско-египетской дружбы в Китае были организованы курсы повышения квалификации студентов и преподавателей китайского языка из АРЕ. 21 декабря того же года при содействии Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами было организовано Общество китайско-арабской дружбы [1, 14]. По заявлению вице-премьера Госсовета КНР Цянь Цичэня, присутствовавшего на церемонии открытия, история сотрудничества Китая и арабских стран насчитывает много столетий. В давние времена страны связывал Великий шелковый путь, который был не только торговым маршрутом, но и каналом, по которому в Китай проникали знания об арабском мире, и наоборот. Сейчас Пекин снова стремится активизировать дружественные отношения

с арабскими государствами. Вице-премьер подчеркнул, что Китай всегда поддерживал арабский народ в борьбе за мир на Ближнем Востоке. По словам Цянь Цичэня, важным является тот факт, что в основе дипломатических отношений Китая с арабскими странами Ближнего Востока всегда лежали пять принципов мирного сосуществования [6].

Общества дружбы Китая с арабскими странами подготовили базу для многостороннего сотрудничества, важнейшим этапом развития которого стала организация форума сотрудничества Китая и арабских стран в 2004 г. В Программе развития сотрудничества в рамках форума особое внимание уделяется взаимодействию в области образования и культуры. Подчеркивается, что китайские и арабские высшие учебные заведения должны стремиться устанавливать контакты для проведения совместных научных исследований, организации обмена студентами и преподавателями, изучать возможности участия в форуме китайско-арабского сотрудничества ректоров китайских и арабских вузов, увеличивать количество государственных стипендий в различных областях академических исследований. Указывается на необходимость прикладывать усилия для поддержки изучения арабского языка в Китае и китайского языка в арабских странах, а также для организации большего числа центров и школ с изучением арабского и китайского языков [4].

В рамках реализации концепции «мягкой силы» КНР стремится увеличивать количество зарубежных студентов, обучающихся в стране. С начала 2000-х гг. число иностранных студентов в китайских вузах ежегодно увеличивалось примерно на 20% [10, 118]. На эту ситуацию в значительной степени повлияли события 11 сентября 2001 г., после которых США ужесточили визовую политику, что осложнило въезд в страну многим студентам из стран третьего мира. В особенности правила въезда в США ужесточились для граждан арабских государств, даже из Саудовской Аравии, которая являлась традиционным союзником Америки в регионе.

В результате подобных действий со стороны американского правительства количество въезжающих в США из стран арабского мира резко сократилось. Если в 1970-е и 1980-е гг. большинство студентов из Саудовской Аравии уезжали учиться в американские вузы, то в начале 2000-х гг. выросло количество студентов, выбирающих для учебы китайские университеты. Так, в 2008 г. в китайских вузах в общей сложности обучалось 400 студентов из Саудовской Аравии, что является значительным количеством по сравнению с практически нулевым показателем ещё несколько лет назад [5, 64]. Китайские вузы становятся все более привлекательными и для представителей других арабских стран – Египта, Сирии, Иордании, Йемена. Для них, в отличие от студентов из Саудовской Аравии, принципиальным вопросом является ценовая доступность обучения и проживания в Китае по сравнению со странами Европы и США.

Согласно позиции официального Пекина, преподавание китайского языка как иностранного является неотъемлемой частью реформы открытости. Развитие преподавания китайского языка способствует популяризации китайской культуры в мире, а также улучшает понимание и взаимодействие в экономическом и культурном обменах между Китаем и другими странами [8, 119]. По словам депутата Всекитайского собрания народных представителей Ху Юцина, «преподавание китайского языка может помочь нам укрепить национальную мощь и способствовать развитию мягкой силы» [10, 67]. Продвижением китайского языка за рубежом занимаются такие организации, как Совет по международному распространению китайского языка (Ханьбань), институты Конфуция, всекитайский конкурс знатоков китайского языка среди иностранных студентов «Мост китайского языка» (Ханьюй цяо), основанный в 1987 г. и др. Основной задачей Совета по международному распространению китайского языка является предоставление обучающих материалов и услуг, отвечающих требованиям иностранных сту-

дентов и преподавателей. С 2004 г. на базе Совета по международному распространению китайского языка были организованы первые институты Конфуция, в которых осуществлялось обучение китайскому языку и культуре. Институты Конфуция предлагают курсы и программы для изучения китайского языка, курсы повышения квалификации для преподавателей китайского языка как иностранного, тесты на определение уровня знания китайского языка и т. д. Каждый институт Конфуция организуется в сотрудничестве китайского университета и университета принимающей страны.

Первой арабской страной, подписавшей с китайской стороной договор об открытии института Конфуция, стал Ливан. В ноябре 2006 г. состоялась церемония открытия института Конфуция на базе университета св. Джозефа в Бейруте. Ректором университета св. Джозефа Рене Шомисси и послом КНР в Ливане Лю Сянхуа было подписано соглашение об организации института Конфуция, первого в арабском мире. Как заявил ректор университета св. Джозефа Рене Шомисси, «наш университет первым в Ливане начал сотрудничать с Китаем. Это даст нашей стране неоспоримое преимущество, поскольку Китай, по всеобщему признанию, является лидирующей экономикой в мире» [11]. В апреле 2009 г. состоялась церемония открытия института Конфуция в Аммане на базе бизнес-школы TAG, на которой присутствовал президент школы Таляль Абу-Газалех, посол Китая в Иордании Гун Сяошен, ректор Шэньянского университета Чжао Даю и другие высокопоставленные лица. В своей приветственной речи Таляль аль-Газалех подчеркнул, что «следует помнить о том, что в ближайшее десятилетие Китай станет лидером мировой экономики и сформирует крупные экономические блоки с другими государствами, в которые будут входить и арабские страны. Поэтому сейчас необходимо изучать китайский язык, т. к. это способствует облегчению взаимодействия как на уровне политики и делового сотрудничества, так и на уровне общения между людьми» [13]. В

июле 2010 г. было подписано соглашение об открытии института Конфуция на базе Дубайского университета. По словам ректора университета Омара Хефни, «Китай является самой быстроразвивающейся экономикой в мире и будет играть большую роль в мире в ближайшем будущем, поэтому сотрудничество с ним в области образования дает нашему университету и нашей стране неоспоримые преимущества для развития деловых отношений, заимствования опыта и знаний» [14]. В Египте институт Конфуция был открыт на базе Каирского и Пекинского университетов в 2007 г. Китайское правительство подарило университету около 1000 книг и журналов. 1 апреля 2008 г. институт Конфуция был открыт в университете Суэцкого канала в г. Исмаилия. В 2005 г. между Египтом и Китаем было подписано соглашение об открытии Египетско-китайского университета в Каире, первого китайского университета на Ближнем Востоке [7].

В последнее время отношения Китая и арабских стран Ближнего Востока вышли на качественно новый уровень. Если в предыдущие периоды их сотрудничество в основном сводилось к торговле в области вооружений и энергоресурсов, то сейчас оно приобрело многообразный характер. Позиционируя себя как лидера стран третьего мира, Китай осознает стратегическую важность партнерства со странами Ближнего Востока, необходимость налаживания многоуровневого диалога с арабскими государствами. Сотрудничество в области образования открывает новые возможности для этого диалога. Распространение китайского языка, предоставление возможностей обучения в китайских вузах для представителей арабских стран способствует формированию новой общности специалистов, знатоков китайского менталитета и традиций, лояльно настроенных к Китаю, готовых стать союзниками этой страны как в политической, так и в экономической сфере на Ближнем Востоке. Это, в свою очередь, реализует задачи стратегии «мягкой силы» КНР в арабском мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмед Д.К. «А чжун юхао гуаньси чжун дэ миньцзянь вайцзяо» (Народная дипломатия в дружественных отношениях Китая и арабских стран)// «Алабо шицзе яньцзю», 11. 2008. № 6.
2. Ван Ююн «Чжун а цзяюй хэцзо дэ сяньчжуан юй вэйлай» (Настоящее и будущее сотрудничества Китая и арабских стран в области образования)// «Алабо шицзе яньцзю», 01. 2006.
3. Волович А.А. Китай на энергетическом рынке Ближнего Востока [Электронный ресурс] //Наши статьи: Институт Ближнего Востока [2004]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-09-04.htm> (дата обращения: 19.05.08).
4. Action plan of the China-Arab cooperation forum (2008-2010) [Электронный ресурс] // China's Foreign Affairs: The Commissioner's Office of China's Foreign Ministry in the Hong Kong SAR [2008]. URL: <http://www.fmcofrc.gov.hk/eng/zgwjsw/t448439.htm> (дата обращения: 25.10.2010).
5. Alterman J. B., Garver J. W. The vital triangle. China, the United States and the Middle East. Washington, 2008.
6. China-Arab friendship association founded [Электронный ресурс] //China: People's Daily Online. [02.12.2001]. URL: http://english.people.com.cn/200112/22/eng20011222_87247.shtml (дата обращения: 14.10.2010).
7. Confucius Institute at Cairo University URL: http://college.chinese.cn/en/node_3823.htm (дата обращения: 01.11.2010).
8. Gil J. The Promotion of Chinese Language Learning and China's soft Power // Asian social science, №4, 10.2008.
9. http://alsun.shams.edu.eg/index.php?option=com_content&view=article&id=23&Itemid=113&lang=en (04.10.2010).
10. Kurlantzick J. "Charm offensive. How China's soft power is transforming the world?" London, 2007.
11. Lebanon hosts first Confucius Institute in Arab state. 11.12.2006. URL: <http://www.cctv.com/program/cultureexpress/20061112/100941.shtml> (дата обращения: 14.10.2010).
12. Mi Shoujiang. Islam in China. Beijing, 2004.
13. The opening ceremony of TAG-Confucius Institute. 01.04.2009. URL: <http://www.tagorg-theinstitution.com/UserPages/speech.aspx?id=158&q=&lang=en> (дата обращения: 15.10.2010).
14. University of Dubai signs agreement with Confucius Institute. 22.07.2010. URL: <http://www.ameinfo.com/238529.html> (дата обращения: 25.10.2010).

УДК 327.51(1-15)

Лавриненко Н.А.

Московский государственный областной университет

РАСШИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК ЕВРОПЫ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

N. Lavrinenko

Moscow State Regional University

NATO EAST EUROPEAN EXPANSION AND RUSSIAN ATTITUDE

Аннотация. В статье рассматривается процесс расширения НАТО. Особое значение уделяется взаимоотношениям между Россией и НАТО. Вопрос расширения сложен был как для России, так и для НАТО. Необходимы были новые механизмы сотрудничества, позволяющие реализовать взаимодействие России со своими западными партнерами. основополагающий акт Россия-НАТО – это компромисс между Россией и Западом. Основная цель, которая стояла перед Россией, – недопущение или, как минимум, торможение расширения НАТО. Но в итоге к 2010 г. стран-участниц НАТО становится 28. Следствие этого – продвижение НАТО вплоть до границ России.

Ключевые слова: Организация Североатлантического договора (НАТО), основополагающий акт, отношения Россия-НАТО, Совет Россия-НАТО, расширение НАТО на Восток.

Abstract. The article considers the process of NATO expansion. What are brought into special focus are Russia-NATO relations. The question of expansion was equally complicated both for Russia, and NATO. New mechanisms of cooperation were required to provide Russia's interaction with western partners.

The Founding Act Russia-NATO is a compromise between Russia and the West. Russia's main objective was not to admit or, at least, hinder NATO's eastward expansion. Nevertheless by 2010 the NATO countries-participants totalled 28 and as a result NATO advanced to the borders of Russia.

Key words: North Atlantic Treaty Organization (NATO), Founding Act, NATO-Russia Relations, NATO-Russia Council, NATO' eastward expansion.

Одним из основных процессов 1990-х гг. стало расширение Североатлантического союза на Восток. Это расширение представляло собой огромную проблему для многих стран, так как затрагивало интересы не только государств-участниц, но и всего мирового сообщества. После распада СССР, завершения «холодной войны», крушения Берлинской стены, распада ОВД, СЭВ и ряда других событий начала 1990-х гг. возникли дискуссии о месте НАТО в мире, которая не только не желала прекращать существование, но и имела весьма амбициозные намерения. Для чего же нужно расширять НАТО? Если рассматривать этот вопрос с точки зрения официальных заявлений, то для обеспечения европейской безопасности, а фактически для того, чтобы расширить сферу своего влияния, не допустить каких-то серьезных нежелательных изменений в странах Восточной Европы, предотвратить возможное влияние России на эти страны, а также приблизиться к ее границам. В целом для главного члена НАТО – США, расширение было выгодно с точки зрения появления новых союзников, так как «старые» страны-участницы не всегда оказывали полную поддержку, а в некоторых случаях даже сопротивление американским решениям. Появление новых стран-участниц укрепляло позиции США в самой организации. Включение же в процесс трансформации альянса России и учет ее мнения привели бы к ущемлению определенных устремлений НАТО. Тем не менее, президент России Б.Н. Ельцин в конце декабря 1991 г., выступая на заседании Совета Североатлантического сотрудничества, заявил о готовности российского руководс-

тва развивать диалог и контакты с НАТО как на политическом, так и на военном уровнях [5, 12].

Первыми странами, выразившими свое желание вступить в НАТО, были страны «Вышеградской группы» (Польша, Венгрия, Чехия). Представители НАТО опасались реакции России на заявление этих стран ЦВЕ и в связи с этим ничего конкретного им вначале не обещали. Многие западные аналитики считали, что главной проблемой в вопросе расширения является негативная реакция России. Но ситуация изменилась после 25 августа 1993 г., когда была принята Совместная российско-польская декларация, в которой содержался пункт по вопросу вступления Польши в НАТО, который «не противоречит интересам других государств, в том числе интересам России» [10, 15]. Соответствующее заявление Б.Н. Ельцина страны Центральной и Восточной Европы восприняли как согласие российского правительства на вступление их в НАТО. После этого странам Центральной и Восточной Европы оставалось ждать только реакции Запада, так как Россия, по их мнению, устами президента фактически дала свое согласие на их вступление в альянс. Однако уже осенью 1993 г. Б.Н. Ельцин направил президенту США и другим западным лидерам письма, в которых предостерегал их по поводу приема стран ЦВЕ в НАТО. В чем же была причина такой резкой смены позиции президента России? Это было связано с ситуацией в самой стране. В этот период Б. Ельцин начинал борьбу с парламентом, и ему нужна была широкая поддержка.

В ноябре 1993 г. состоялось заседание Совета по внешней политике России при МИДе. Министр иностранных дел А. Козырев выразил негативное отношение к расширению НАТО без учета мнения России, но в качестве альтернативы назвал программу НАТО «Партнерство ради мира».

В июле 1994 г. Россия присоединилась к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). Это шаг, по мнению российского МИДа, был очень важен для дальнейшего диалога с Западом. В течение первой половины 1994 г. к

ПРМ присоединилось свыше двух десятков государств. «Партнерство ради мира» было воспринято частью российской политической элиты как отказ от расширения альянса, или хотя бы как возможность затормозить его реализацию, а не как один из этапов расширения. При этом оставался ряд вопросов, таких, как соотнесение ПРМ с курсом возможного расширения НАТО на Восток, учет российских интересов при возможном расширении.

В декабре 1994 г. министры иностранных дел Североатлантического союза утвердили проведение в рамках НАТО исследования с целью изучения вопроса о путях расширения альянса. И в сентябре 1995 г. «Исследование о расширении НАТО» было опубликовано, в нем излагались ответы на вопросы: «почему» и «как» Североатлантический союз будет принимать в свои ряды новых членов. В исследовании также отмечалось, что ни одна страна, не входящая в Североатлантический союз, не имеет права вето или «права надзора» за процессом расширения или связанными с ним решениями [10, 87]. Это, конечно, в первую очередь касалось России. По сути, речь шла о включении в НАТО (и, следовательно, в сферу влияния США) бывших союзников СССР и даже республик, входивших в его состав.

В 1996 г. министром иностранных дел России становится Е.М. Примаков. Основной его тезис в вопросе расширения НАТО заключался в том, что расширение означало возрастание военной угрозы для России. При Примакове была сформулирована так называемая концепция «красной линии», смысл которой заключался в том, что расширение НАТО не должно было выходить за рамки «красной линии», совпадающей с границами бывшего Советского Союза. Не случайно на Западе довольно авторитетные люди ставили под сомнение целесообразность расширения НАТО на Восток. Итогом 1996 г. стало возрастание напряженности и ухудшение отношений между Россией и Западом.

В мае 1997 г. в г. Синтре на встрече министров иностранных дел 16 членов альянса

обсуждался вопрос о первой волне расширения. США выступили за прием только трех стран: Польши, Венгрии, Чехии. Отрицательное отношение России к планам расширения альянса совсем не означало, что она отказывалась от диалога с государствами-членами НАТО и самой этой организацией. На протяжении длительного времени шел поиск путей решения сложившейся ситуации, дабы избежать конфронтации времен «холодной войны». Правительства США и России в начале 1997 г. предприняли ряд активных шагов для устранения напряженной обстановки. В результате сложных переговоров удалось согласовать компромиссный текст соглашения между Россией и Североатлантическим альянсом.

27 мая 1997 г. в Париже генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой, главами государств и правительств Североатлантического союза и президентом РФ Б. Ельциным был подписан компромиссный «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». В нем говорилось: «Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противников. Общей целью России и НАТО является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества и укрепление взаимного доверия и сотрудничества» [6, 259]. Достижение целей Акта предполагалось строить на основе ряда принципов, в том числе неприменение силы друг против друга или других государств и уважение суверенитета всех государств. Однако не прошло и двух лет, как НАТО показала на деле, как она соблюдает принципы «отказа от применения силы или угрозы силой друг против друга или против любого другого государства», а также принцип «уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств» [6, 261], – своими бомбардировками в течение 78 дней Сербии и фактической поддержкой косовских сепаратистов. Одним из ключевых пунктов акта является положение о том, что Россия или НАТО не имеют права вето по

отношению к действиям другой стороны, а также не ущемляют и не ограничивают права России или НАТО для принятия самостоятельных решений и действий. Тем самым Россия как суверенное государство лишилась возможности влиять на решения НАТО, даже ущемляющие российские интересы. Но подписанием Основополагающего акта Россия-НАТО стороны обязались продолжать развивать свои отношения на основе взаимных интересов, а для достижения этой цели создали новый орган – Совместный постоянный совет (СПС) Россия – НАТО.

Отношения в рамках СПС Россия-НАТО не устраивали Москву, так как они носили чисто консультативный характер; российскую сторону, как правило, лишь информировали о решениях, уже принятых в рамках НАТО. Основная цель, которая стояла перед Россией – это недопущение или, как минимум, торможение расширения НАТО. Она не была достигнута. В июне 1997 г. Мадридский саммит НАТО направил Польше, Венгрии, и Чехии предложение вступить в альянс. Это было сделано, как отмечает Е.М. Примаков: «вопреки заверениям, которые давали в 1990-91 гг. видные руководители стран НАТО российским руководителям» [7, 169]. В марте 1999 г. Россия приостановила свое участие в СПС.

Необходимы были другие механизмы сотрудничества, позволяющие полнее реализовать возможности совместных решений и действий России со своими западными партнерами. Разрабатывается новый документ, акт, предусматривающий создание «Совета двадцати». Российская сторона настаивала, чтобы решение «двадцатки» было окончательным и не могло быть пересмотрено 19 странами НАТО. НАТО же хотела иметь Россию как союзника только для решения определенных вопросов. В вопросы же, которые касаются дальнейшего расширения НАТО, военно-стратегического планирования блока, создания военных баз, альянс не желал вмешательства России.

Тем не менее 28 мая 2002 г. в Риме была подписана Декларация Глав Государств и

Правительств Российской Федерации и Государств-членов НАТО «Отношения Россия-НАТО: новое качество». В документе зафиксировано создание нового органа – Совета Россия-НАТО (СРН). «В рамках Совета Россия-НАТО Россия и государства-члены НАТО будут работать как равные партнеры в областях, представляющих общий интерес. Совет Россия-НАТО будет служить механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств-членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в Евроатлантическом регионе»[1, 307]. СРН – это был некоторый шаг вперед, теперь российская сторона могла влиять на решения принимаемые советом «двадцати», но по-прежнему не могла влиять на внутренние решения альянса, не обладая правом вето. Поэтому новый Совет Россия-НАТО принципиально мало отличался от СПС.

НАТО неуклонно проводила свою линию. 21-22 ноября 2002 г. в Праге было объявлено о второй волне расширения и было принято решение о принятии в 2004 г. в альянс семи стран: Эстонии, Латвии, Литвы, Болгарии, Румынии, Словакии и Словении. Российское руководство было вынуждено проглотить очередную горькую пилюлю. А президент В.В. Путин ограничился в ответ лишь словами: «Мы считаем, что это не вызвано необходимостью...». Да еще и добавил: «Но мы не исключаем углубления наших отношений с альянсом, разумеется, если деятельность альянса будет отвечать нашим национальным интересам» [8, 36]. Между тем военно-политический блок НАТО продолжил расширяться: в 2009 г. в него были приняты Албания и Хорватия. Перед лицом неумолимой реальности руководители России вынуждены поддерживать отношения с блоком. А в ряде случаев вступать с ним в партнерские отношения.

С осени 2010 г. стали раздаваться голоса видных деятелей НАТО о возможности приема в эту организацию России. Еще раньше заявили о себе сторонники вступления в

НАТО и в российской военно-политической элите. В связи с этим возникает целая серия вопросов: не хотят ли натовцы превратить Россию в послушную силу, которая будет для них «таскать каштаны из огня»? Соответствует ли вступление в НАТО общим геополитическим интересам России? Не стоит ли за глобальными планами и гегемоническими устремлениями США и НАТО стремление свести на нет роль ООН, а может быть, и ликвидировать ее?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО. Рим, 28 мая 2002 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. Т.IV: Документы / Сост. Т.А. Шаклеина; Ред. кол.: А.В. Торкунов и др. М.: Моск.гос.ин-т междунар.отношений (ун-т) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование), 2002. 538 с.
2. Декларация пражской встречи НАТО на высшем уровне обнародована главами государств и правительств, в Праге 21 ноября 2002 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. Т.IV: Документы / Сост. Т.А. Шаклеина; Ред. кол.: А.В. Торкунов и др. - М.: МГИМО (ун-т) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование), 2002. 538 с.
3. Заявление по Итогам Встречи НАТО на Высшем Уровне в Риге 29 ноября 2006 г. [Электронный ресурс]. [сайт организации Североатлантического договора] / URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_37920.htm (дата обращения: 14.12.2011).
4. Заявление Совета Россия - НАТО 28 мая 2002 г., Рим // Заседание Совета Россия – НАТО на уровне глав государств и правительств, Рим, 28 мая 2002 г. Речи и выступления. Документы. Специальный выпуск. Департамент информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2002. 30 мая. С. 11.
5. Обращение к участникам сессии Совета Североатлантического сотрудничества. Брюссель. 20 дек. 1991 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 1. С. 12.
6. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. Париж, 27 мая 1997 г.

- // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. Т. IV: Документы / Сост. Т.А. Шаклеина; Ред. кол.: А.В. Торкунов и др. М.: Моск.гос.ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. 538 с.
7. Примаков Е.М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2006. 362 с.
8. Совместная пресс-конференция В.В. Путина и Дж. Буша // Дипломатический вестник. 2002. № 12. С.36-37.
9. Совместная российско-польская декларация. 25 авг. 1993г. // Дипломатический вестник. 1996. № 17-18. С.15-16.
10. Справочник НАТО: Юбил. изд. к пятидесятой годовщине НАТО (1949-1999) / Орг. Североатлант. договора. Брюссель: Отд. информ. и прессы, 1999. 408 с.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 903`14:903`5.603

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А.

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

P. Kuznetsov, O. Mochalov, A. Khokhlov

Volga State Social-Human Academy, Samara

NEW SOURCES FOR HISTORICAL STUDY OF POPULATING THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION AT THE EARLY BRONZE AGE

Аннотация. В статье представлен новый оригинальный памятник археологии раннего бронзового века Поволжья. Инвентарные погребения ямной культуры встречаются достаточно редко. В 2002 г. комплексному изучению подверглось 2 кургана. Исследовано 6 погребений и 1 жертвенник. В результате анализа погребального обряда и инвентаря установлено, что памятник относится ко второму этапу ямной культуры (по разработкам П.Ф. Кузнецова) и датируется XXXII – XXIX вв. до н. э. Получены интересные данные по антропологии, трасологии, остеологии и по керамике, что позволяет внести дополнения к истории населения этого периода.

Ключевые слова: бронзовый век, репинский тип, ямная культура, хронология, антропология, керамика, комплексный подход.

Abstract. The article introduces a new archaeological site of the Early Bronze Age of the Volga region. Pit-grave culture graves with grave goods are found rather rarely. In 2002 two kurgans were studied by multidiscipline methods. We investigated 6 graves and 1 sacrifice. After careful analysis of a burial rite and grave goods it was stated that site belongs to the second stage of Pit-grave culture (according to P. Kuznetsov's works) and dated the 32nd – 29th centuries BC. Interesting data about anthropology, trasology, osteology and ceramic were obtained which allowed of making some additions to the history of population in this period.

Key words: Bronze Age, Repino type, Pit-grave culture, chronology, anthropology, ceramic, complex approach.

Курганный могильник Грачевка II расположен в южной части лесостепного Заволжья, в Самарской области. Участок первой террасы огибает русло р. Хорошенькой – притока р. Сок (левый приток р. Волга). Могильник состоит из пятнадцати курганов (рис. 1). В 1998-99 и 2002 гг. по Открытому листу П.Ф. Кузнецова раскопано 8 курганов. Два кургана – 5 и 7, относятся к ямной культуре.

Цель предлагаемой работы – комплексный анализ курганов ямной археологической культуры. Инвентарные погребения эпохи ранней бронзы встречаются редко, поэтому и требуют особого внимания.

Курган 5

Курган имел округлую в плане форму (рис. 2). Диаметр кургана 20 метров; высота насыпи от современной поверхности 0,24 м.

Выявлена подкурганная площадка. Она имела очертания в виде символа «сердца». Это результат оплыва насыпи из-за половодья, произошедшего еще в древности. Исходный диаметр кургана был около 15 м. Обнаружены четыре погребения и один жертвенник.

Погребение 1 (рис. 3, 1). Скелет ориентирован черепом на ВСВ. Судя по топографии скелета, руки погребенного были вытянуты вдоль тела, ноги поставлены коленями вверх. У лицевых костей черепа и за черепом были кусочки охры. Пятна охры зафиксированы под позвонками животного и под левой стопой. Между коленными суставами и куском глины лежали позвонки и ребра животного. Костяк принадлежал мужчине возраста 35-45 лет. Судя по особенностям черепа, индивид был представителем гиперморфного, матуризованного европеоидного варианта, достаточно характерного для населения ранней бронзы восточно-европейских степей. В качестве частной особенности нужно отметить уплощение затылочной кости и примыкающих к ней сверху теменных. Вероятно, это следствие колыбельной деформации так называемого «бешикового» типа. Такой тип деформации был ранее отмечался на отдельных черепах ямной культуры Поволжья [17, 97-129; 18, 47-52].

Погребение 2 (рис. 3, 2). Скелет ориентирован черепом на ВСВ. Кости рук вытянуты вдоль тела. Кости нижних конечностей были завалены на правую сторону. На дне ямы зафиксированы фрагменты органической прослойки (покрывало или подстилка) темно-серого цвета. Структура волокнистая. Костяк лежал на слое охры и дополнительно был посыпан сверху этим порошком. Ее наибольшая концентрация фиксируется на лицевых костях черепа. Скелет принадлежал женщине пожилого возраста, судя по развитию костей, достаточно крепкого сложения

в прошлом. Краниологический тип матуризованный, мезокранный, широколицый, европеоидный. Хорошо вписывается в представление о краниологической специфике носителей степных культур, в частности ямной, раннебронзового века лесостепного Поволжья.

Инвентарь. За черепом погребенного стоял глиняный сосуд. Справа от черепа в слое охры лежали 3 человеческих зуба и 4 кремневых скола.

Кремневый инвентарь (рис. 6, 1). Четыре кремневых предмета, представляют собой технологические сколы (определение И.В. Горашука). 1. Поперечный скол выведения рабочей поверхности площадки нуклеуса. 2. Поперечный скол подправки рабочей поверхности площадки нуклеуса. 3. Продольный первичный скол начала призматического расщепления (формирование рельефа поверхности скалывания). 4. Поперечный скол с нижнего конца нуклеуса. Сколы получены в результате обработки одного камня. Это кремнистый известняк молочно-белесого цвета. Вероятно, это был один нуклеус, с которого было получено несколько пластин, после чего стратегия скалывания поменяла характер (скол 4), а именно была изготовлена новая площадка. В могилу были положены отходы кремнеобработки. И.В. Горашук особо отмечает, что сколы демонстрируют все логические операции подготовки нуклеуса.

Сосуд (рис. 6, 2). Баночка с расширенным горлом без дна. В глине – обильная примесь раковины.

Погребение 3 (рис. 3, 3). В заполнении части юго-западного угла ямы было скопление углей с кусочками прокаленной глины. Оно шло от уровня погребенной почвы до дна. Вероятно, это были остатки костра. На дне могильной ямы обнаружен костяк, лежавший скорченно на левом боку. Ориентирован головой на юг. Кости рук согнуты в локтях. Кисть левой руки лежала в отдалении от луче-запястного сустава, причем за спиной. Возможно, она была отрублена и отдельно помещена в могилу. У затылочной части лежал уголек. Около центральной час-

ти северной стенки могильной ямы, в ногах погребенной, расчищены 2 черепа животных (рис. 9). Один – КРС (комолый вид). Второй – МРС (овца или баран).

Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. Строение черепа специфично. Фиксируется наличие неких восточных черт. Вероятно, это связано с примесью генофонда древнеуральской антропологической формации, либо даже опосредованно монголоидной [19, 8-11]. Это весьма редкая для эпохи бронзы Волго-Уралья морфологическая комбинация.

Погребение 4 (рис. 3, 4). В заполнении ямы обнаружены фрагменты сосуда. На дне ямы был костяк ребенка с подогнутыми в коленях ногами. Возраст – менее 6 месяцев. Он ориентирован головой на ВСВ. Кости левой руки вытянуты вдоль тела. Кости ног были согнуты и поставлены коленными суставами вверх. Под нижней половиной скелета зафиксированы слабые пятна охры. У северной стенки ямы были комочки охры. У затылочной части черепа лежал маленький уголек. Около левой нижней конечности – глиняный сосуд.

Инвентарь погребения. В погребении были обломки двух сосудов. Фрагменты глиняного сосуда из заполнения погребения – придонная часть сосуда (рис. 6, 4). Сосуд был круглодонный. Внешняя поверхность покрыта широкими беспорядочными расчесами. Сосуд из погребения (рис. 6, 3) имел горшковидную форму и округлое дно. Фрагменты, представляющие первую половину сосуда, орнаментированы четырьмя горизонтальными тесно расположенными рядами слегка протасченного короткого зубчатого штампа. Остальная поверхность покрыта неглубокими беспорядочными расчесами узкого гладкого штампа. Над рядами имеется сквозное отверстие диаметром 4 мм. В глине – обильная примесь толченой раковины.

Жертвенник 1. Был сооружен в погребенной почве на уровне материка. Вследствие этого стенки ямы, вырытой в погребенной почве, отчетливо не прослеживались. В центре расчищены отдельные кости верхней

части черепа животного, предположительно, овцы.

Курган 7

Курган имел округлую в плане форму (рис. 4). Диаметр кургана 19,5 метров; высота насыпи 0,32 м. В непосредственной близости от него находилось еще одно возвышение – курган 9. Поэтому было произведено одновременное вскрытие курганов 7 и 9. Захоронения под насыпью кургана 9 отсутствовали. В погребенной почве обнаружена часть суставной кости крупного животного. Установить время сооружения насыпи в настоящее время весьма затруднительно.

Подкурганная площадка кургана 7 имела овальные очертания. Его диаметр – около 16 м. В насыпи кургана были обнаружены два фрагмента керамики (рис. 7, 3, 4), 5 фрагментов костей животных и 1 зуб животного. На подкурганной площадке выявлены контуры двух погребений.

Погребение 1 (рис. 5, 1). Совершено в материке на глубине – 1,04 м от 0. На дне могильной ямы обнаружен костяк ребенка, возраста менее 6 месяцев. Сохранились лишь части черепа и кости ног. Череп затылочной костью лежал на грунте выше дна ямы на 1,5-2 см. Локализация сохранившихся костей предполагает положение погребенного на спине с последующим слабым завалом на правый бок. Голова была уложена на «подушку» - темный грунт. Около костей ног было охристое пятно. За черепом погребенного обнаружен развал сосуда. На его венчике зафиксировано пятно охры. На дне ямы между пятном охры и стенкой могилы был найден камень продолговатой формы. Это фрагмент песчаниковой плитки.

Инвентарь. Сосуд имел горшковидную форму (рис. 7, 2). Дно округлое. Тулово имеет форму вытянутого овала. Венчик высокий, прямой. Поверхность венчика орнаментирована тремя горизонтальными рядами отисков короткого, слегка изогнутого мелкозубчатого штампа с тесно поставленными квадратными зубцами. Тулово также

орнаментировано тремя горизонтальными рядами оттисков такого же штампа. Вся поверхность сосуда покрыта беспорядочными неглубокими расчесами гладкого штампа. В глине – обильная примесь толченой раковины.

Песчаниковая плитка светло-коричневого цвета (рис. 7, 1). Имеет продолговатую форму с утолщением в центральной части. Поверхность имеет следы впитавшегося порошка охры. Возможно, что предмет использовался в качестве оселка, возможно – для растирания охры. Необходимо отметить, что этот предмет достаточно удобно держать в руке.

Погребение 2 (рис. 5, 2). Погребение совершено в материке на глубине – 1,17 м от 0, фиксируется ступенька. На дне могильной ямы обнаружен костяк ребенка на спине. Его возраст около 6 месяцев. Черепом ориентирован на СВ. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе. Кости ног скорчены в коленных суставах, располагались альтернативно в разные стороны. На погребенном и вокруг него фиксируется тонкая прослойка темного цвета (возможно, покрывало). На дне фиксируются фрагменты подстилки черного цвета с металлическим блеском. Возможно, это была кожа. Пятна охры фиксируются по всему дну ямы. Скелет имел слабую посыпку охрой. Ее наибольшая концентрация была на черепе, тазовых костях и стопах. Около бедренной кости левой ноги лежали кусочки охры.

За черепом погребенного обнаружен Сосуд 1. Около западной стенки находился большой глиняный горшок – Сосуд 2. Рядом с берцовыми костями левой ноги обнаружены створка раковины *Unio* и два мелких кремневых скола без следов обработки.

Сосуд 1 (рис. 7, 6). Имеет горшковидную форму со стянутым устьем. Есть слабо выраженное ребро. Дно сосуда плоское, с закраиной. Вся поверхность сосуда орнаментирована прерывающимися, слегка волнообразными горизонтальными оттисками «веревочки». Поверхность венчика орнаментирована двумя рядами оттисков штампа с

квадратными зубцами. Такими же рядами орнаментирована вся придонная закраина. Выше придонной закраины сосуд орнаментирован горизонтальным рядом мелких треугольников вершинами вверх, выполненными оттисками того же штампа. Вся внешняя поверхность дна орнаментирована двумя рядами, расположенными по окружности дна, оттисков короткого штампа с тесно поставленными узкими прямоугольными зубцами. В глине – обильная примесь толченой раковины.

Сосуд 2 (рис. 7, 5). Имеет горшковидную форму. Судя по профилировке стенок, сосуд имел округлое дно. Венчик высокий. С внешней стороны он прямой. С внутренней стороны имеется неглубокий желобок. По всей окружности сосуда, на уровне воображаемой линии перехода венчика в тулово, проходит горизонтальный ряд округлых вдавлений диаметром. Вдавления довольно глубокие. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта неглубокими беспорядочными расчесами узкого гладкого штампа. В глине – обильная примесь раковины.

Этим исчерпываются материалы двух курганов могильника.

Погребальный обряд курганов 5 и 7 в соответствии с характеристикам ямной культуры. Погребение 1 (взрослый мужчина) из кургана 5, вероятно, являлось впускным. Погребение 2 взрослой женщины – основное в этом кургане, погребение 4 (ребенок) – сопровождающее. Все ямные погребения мог. Грачевка II по классификации И.Б. Васильева возможно отнести к первой хронологической группе. Первую группу автор синхронизирует с первой и второй группами, выделенных Н.Я. Мерпертом, а вторую – со второй и третьей [11, 54; 4, 24-57]. В последующих работах первая группа погребений стала именоваться «ямно-репинским» этапом, а вторая – классическим «городцовским» [6, 17-18]. Керамика репинского облика из курганов Самарского Поволжья количественно преобладает в собственно ямных погребениях. Она подробно анализируется в работе Н.П. Салугиной [13, 85-92]. Керамика из грачевских

погребений ямной культуры также может именоваться как «репинская». Исключение составляет плоскодонный сосуд 1 со шнуровым орнаментом из центрального погр. 2 кургана 7. С ним же вместе находился и круглодонный сосуд 2. Такое сочетание круглодонной и плоскодонной керамики – большая редкость. Известно еще одно погребение с таким сочетанием – мог. Политодельское, к.12, п.15. [15, 267, рис. 22, 16, 17]. Немногим чаще встречаются сочетания круглодонной керамики и посуды с уплощенным дном. Круглодонный сосуд из этого погребения имеет отдельные признаки, характерные для керамики репинского облика. Обряд Быковского погребения отличается от классического ямного. И.Б. Васильев считал возможным относить его к хвалынской культуре [5, 22-23]. В целом наличие плоскодонной посуды является признаком культур последующих – полтавкинской и катакомбной, или неким инокультурным влиянием. Ее наличие в грачевском погребении позволяет предполагать относительно более позднее время кургана 7 в структуре всей ямной культуры. Об этом же может свидетельствовать и сосуд 1, орнаментированный в стиле, напоминающем шагающую гребенку. Данная орнаментация более характерна для полтавкинской культуры и близких ей памятников. Отметим особенности орнаментации сосуда из погребения 4 кургана 5. Верхняя часть тулова имеет оттиски проташенного четырехзубого штампа. Аналогичные вдавления, выполненные двухзубым штампом, имеются на керамике ямно-репинских поселений Северного Прикаспия [2, 86-87]. Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что керамика репинского облика и есть керамика ямной культуры. Она имеет ряд особенностей, отличных от керамики собственно репинской культуры лесостепного Подонья [14, 36].

Для изучения навыков труда гончаров был предпринят анализ форм керамики на основе методики А.А. Бобринского [3, 5-22]. Установлено, что губы сосудов изготавливались с применением частичноустойчивых навыков формообразования, навыки изготовления

тулова и предплечья всегда были сформированными, плеча – несформированными. Днища изготавливались гончарами с применением несформированных и частичносформированных навыков формообразования. Наиболее стабильны традиции изготовления тулова и предплечья, видимо, связанные с местным населением. Днища сосудов и их верхние окончания свидетельствуют о нестабильности навыков и смешении традиций.

Помимо керамической составляющей погребального инвентаря, в захоронениях присутствуют каменные изделия. В погребении женщины (к.5, п.2) были кремневые изделия. Следует отметить особый рационализм обряда, ведь в могилу были помещены отходы кремнеобработки. Необычный вид имеет песчаниковая плитка со следами охры (к.7, п.1). Рискнем предположить, что своими очертаниями это изделие напоминает навершая – скипетры Хвалынского I и II грунтовых могильников позднего энеолита (1, 120, рис. 24, 2; 7, рис. 21, 32). Сходство, безусловно, отдаленное, но некоторые общие признаки здесь наблюдаются: наличие выступа; высотное утолщение одного края изделия и утоньшение противоположного края.

Захоронения ямной культуры мог. Грачевка II имеют ряд общих признаков погребального обряда. Погребения совершены на спине скорченно. Они покрыты охрой. Ориентировка в северо-восточный сектор. Окраска охрой преобладает в следующих сочетаниях: череп – таз – стопы; таз – стопы; череп – стопы. Такие признаки характеризуют второй этап ямной культуры Волго-Уралья, который П.Ф. Кузнецовым предложено именовать «кутулукским» [8, 317-319]. Это второй этап культуры, следующий за более древним – «быково-бережновским». Два этапа ямной культуры можно ввести вместо одного «ямно-репинского» по двум основаниям: ямно-репинская керамика не имеет строгих соответствий с обрядовыми особенностями ямной культуры и не отражает процесс ее трансформации во времени.

Отдельно необходимо отметить инокультурный характер погребения 3 кургана 5.

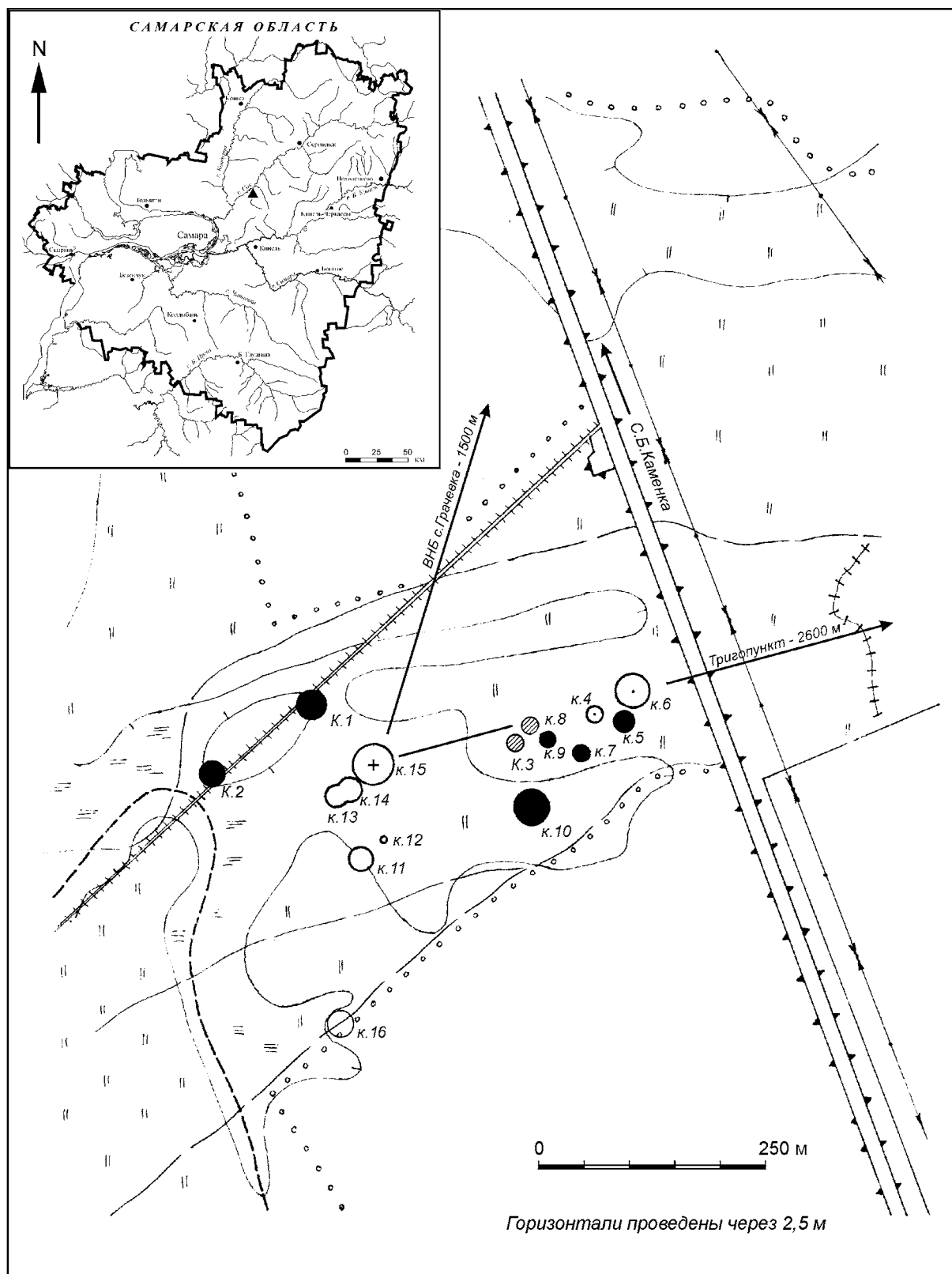

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Грачевка II на левом берегу р. Сок

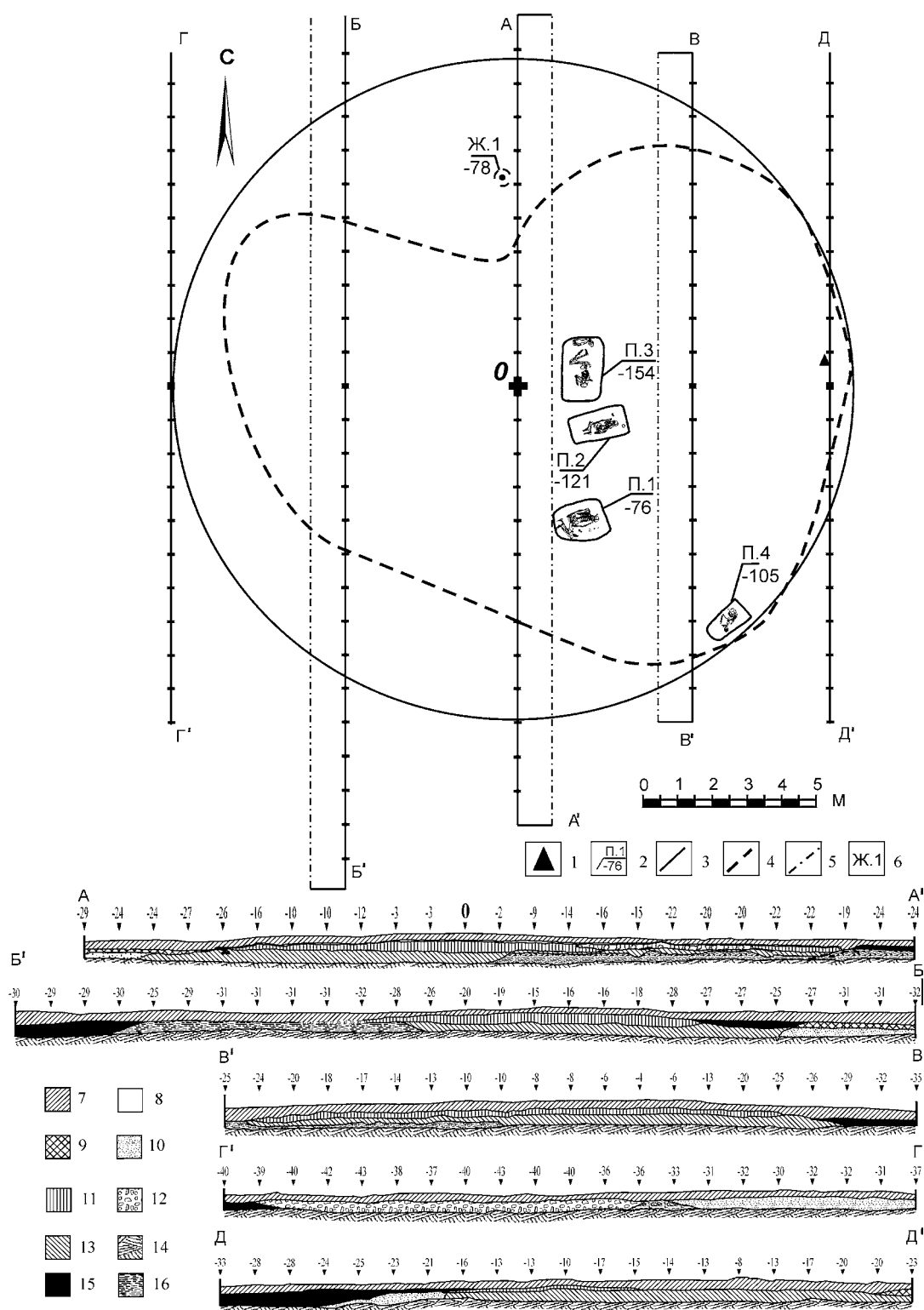

Рис. 2. Грачевка II. План и профиль кургана 5. Условные обозначения: 1 – кость животного; 2 – № погребения, нивелировка от 0; 3 – современный контур насыпи; 4 – граница подкурганной площадки; 5 – граница бровок; 6 – жертвенник 1; 7 – дерн; 8 – старопашотный слой; 9 – засоленный темный суглинок; 10 – темно-серый гумус; 11 – насыпь кургана; 12 – плотный глинистый серо-коричневый гумус; 13 – погребенная почва; 14 – материк. 15 – плотный чернозем; 16 – предматерик.

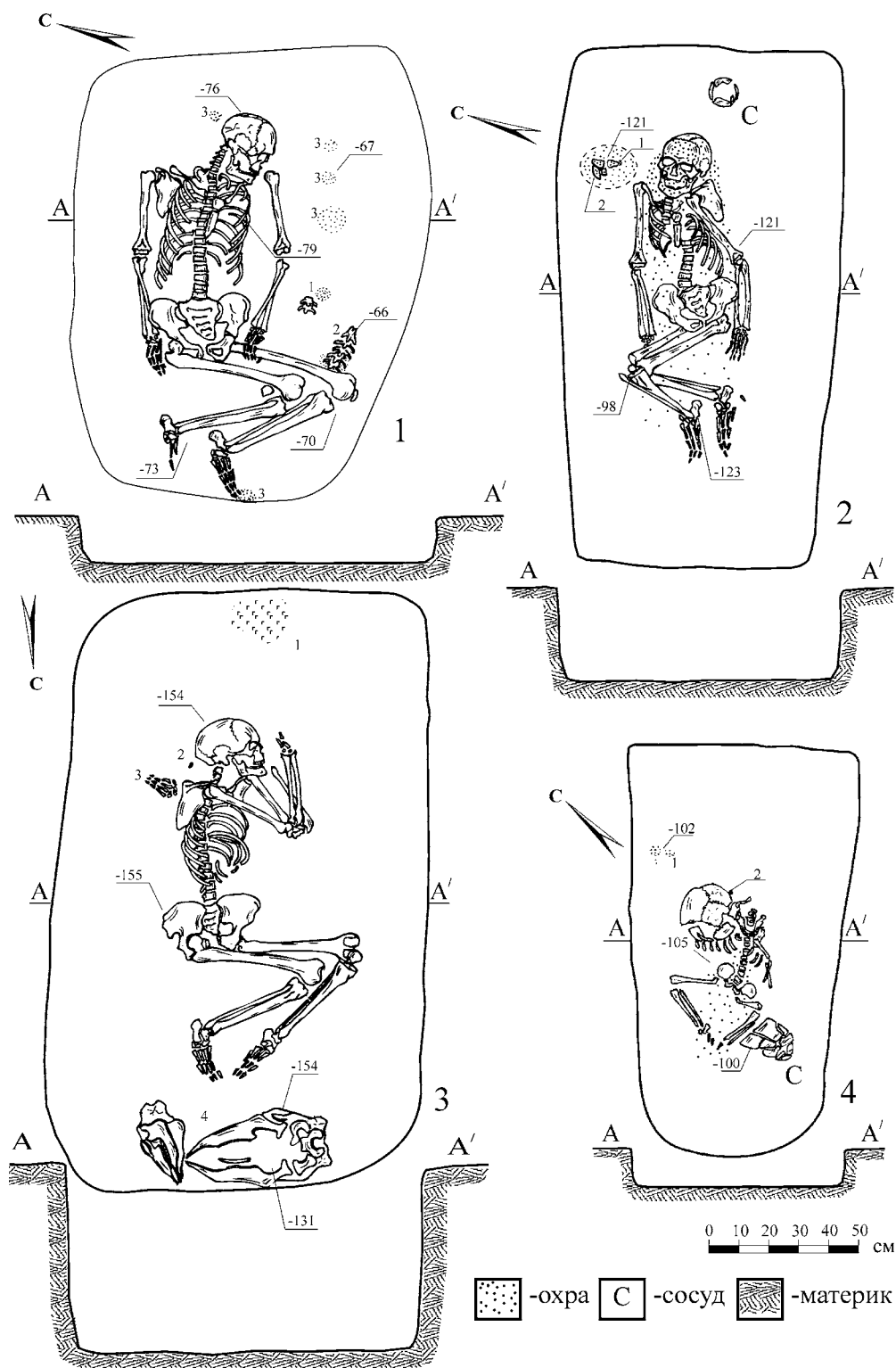

Рис. 3. Грачевка II. Планы и профили погребений кургана 5. 1 – погребение 1 (впускное): 1-отдельные позвонки животного; 2-позвонки животного в сочленении на пятне охра; 3-пятна охры на дне ямы; 2 погребение 2 (основное): 1-зубы человека (два резца); 2-четыре кремневых скола; пятно охры - пунктир с точками; 3 – погребение 3 (впускное): 1-скопление углей; 2-отдельный уголь; 3-кость руки в сочленении; 4-черепа животных; 4 – погребение 4 (сопровождающее): 1-кусочки охры; 2-уголь за затылочными костями.

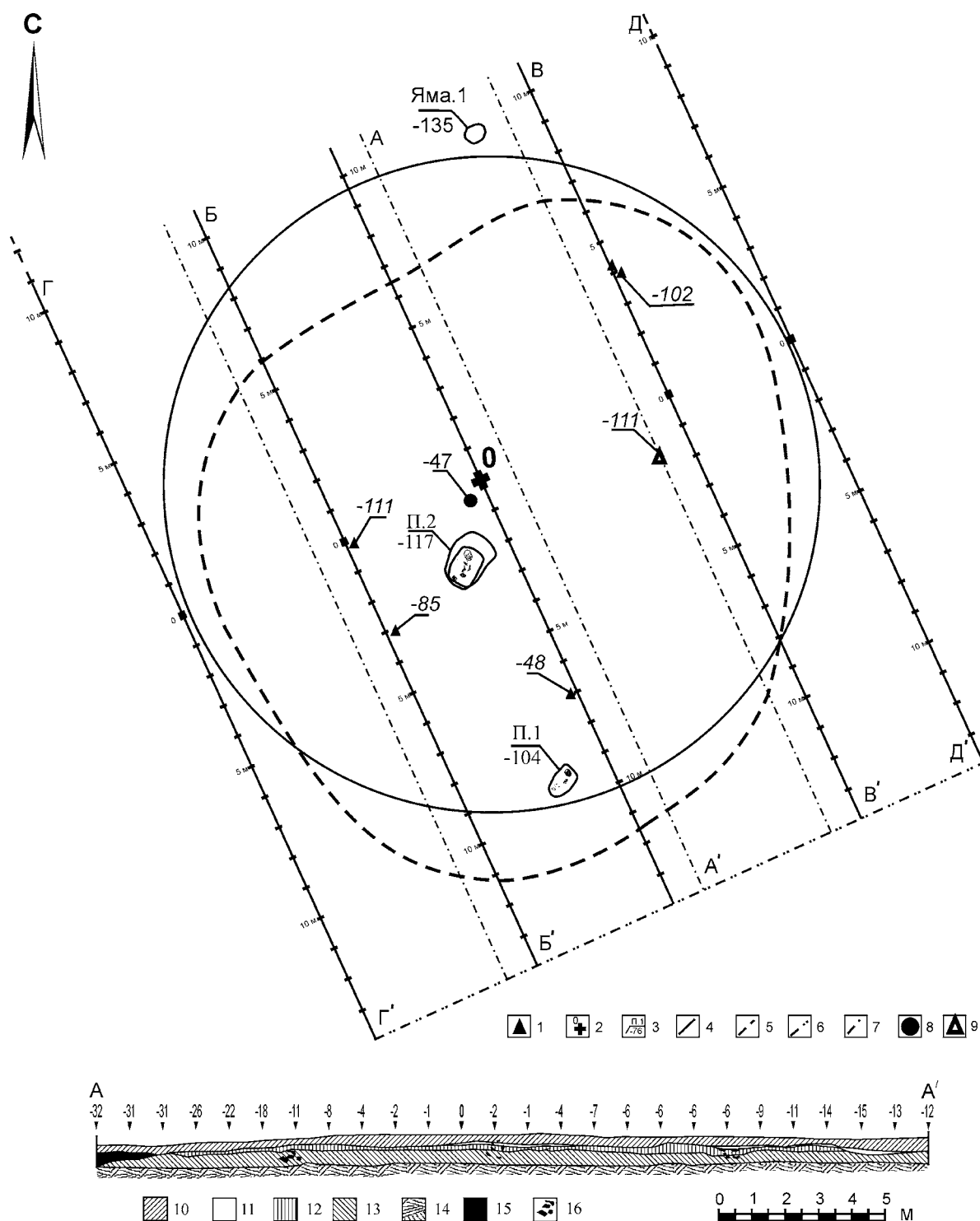

Рис. 4. Грачевка II. План и профиль кургана 7. Условные обозначения: 1 – кость животного; 2 – центр кургана (0); 3 – № погребения, нивелировка от 0; 4 – современный контур насыпи; 5 – граница подкурганной площадки; 6 – граница траншей; 7 – граница бровок; 8 – фрагменты керамики в насыпи кургана; 9 – зуб животного; 10 – дерн; 11 – старопахотный слой; 12 – насыпь кургана; 13 – погребенная почва; 14 – материк. 15 – плотный чернозем; 16 – норы.

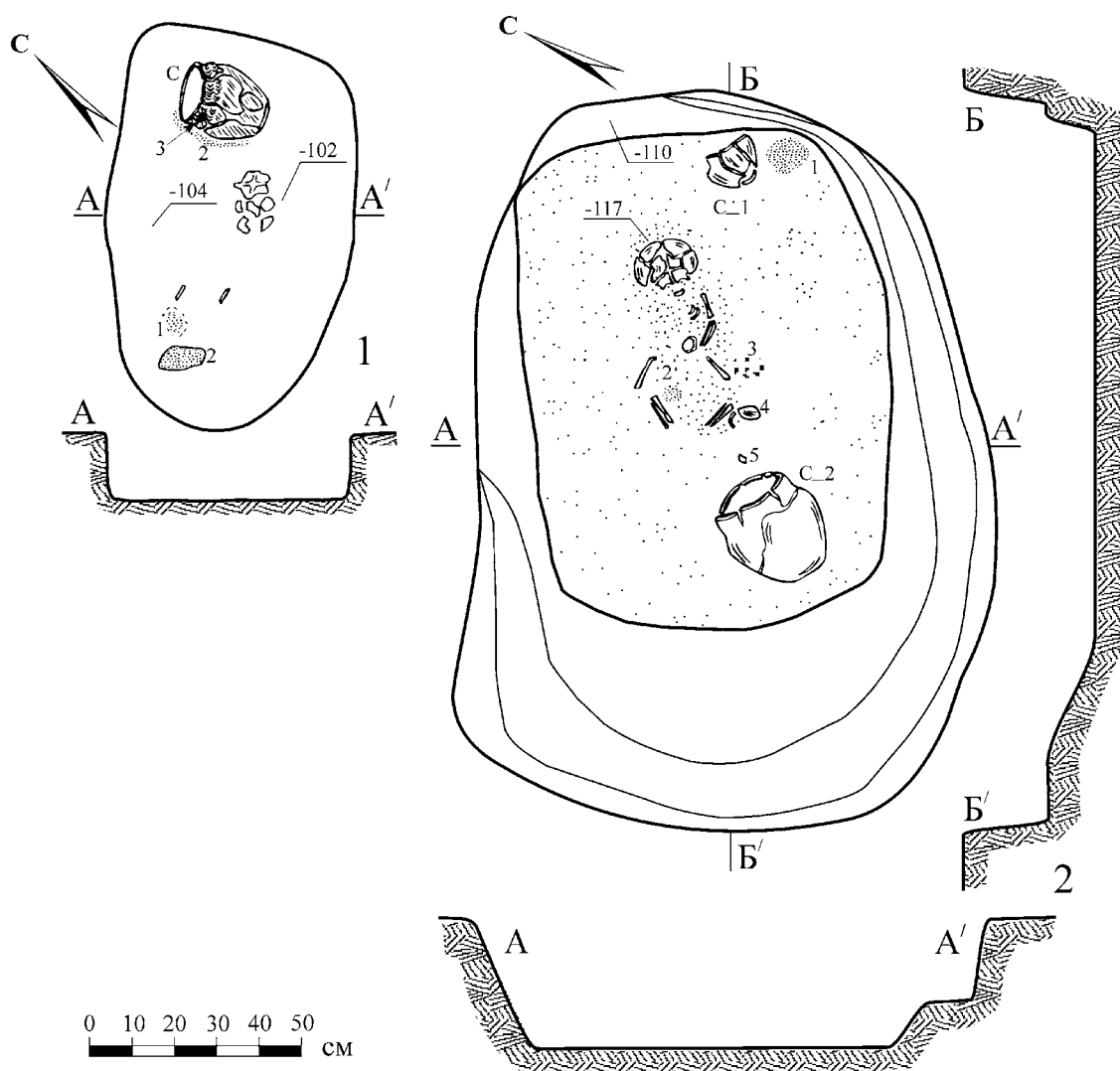

Рис. 5. Грачевка II. Планы и профили погребений кургана 7. 1 – погребение 1 (сопровождающее); 1-скопление охры; 2-камень в охре; 3-пятно охры под венчиком сосуда; С-глиняный сосуд; 2 – погребение 2 (основное); 1-охра у сосуда 1; 2-пятно охры под костяком; 3-кусочки охры; 4-раковина Unio; 5-два кремневых скола; С_1, С_2- сосуды.

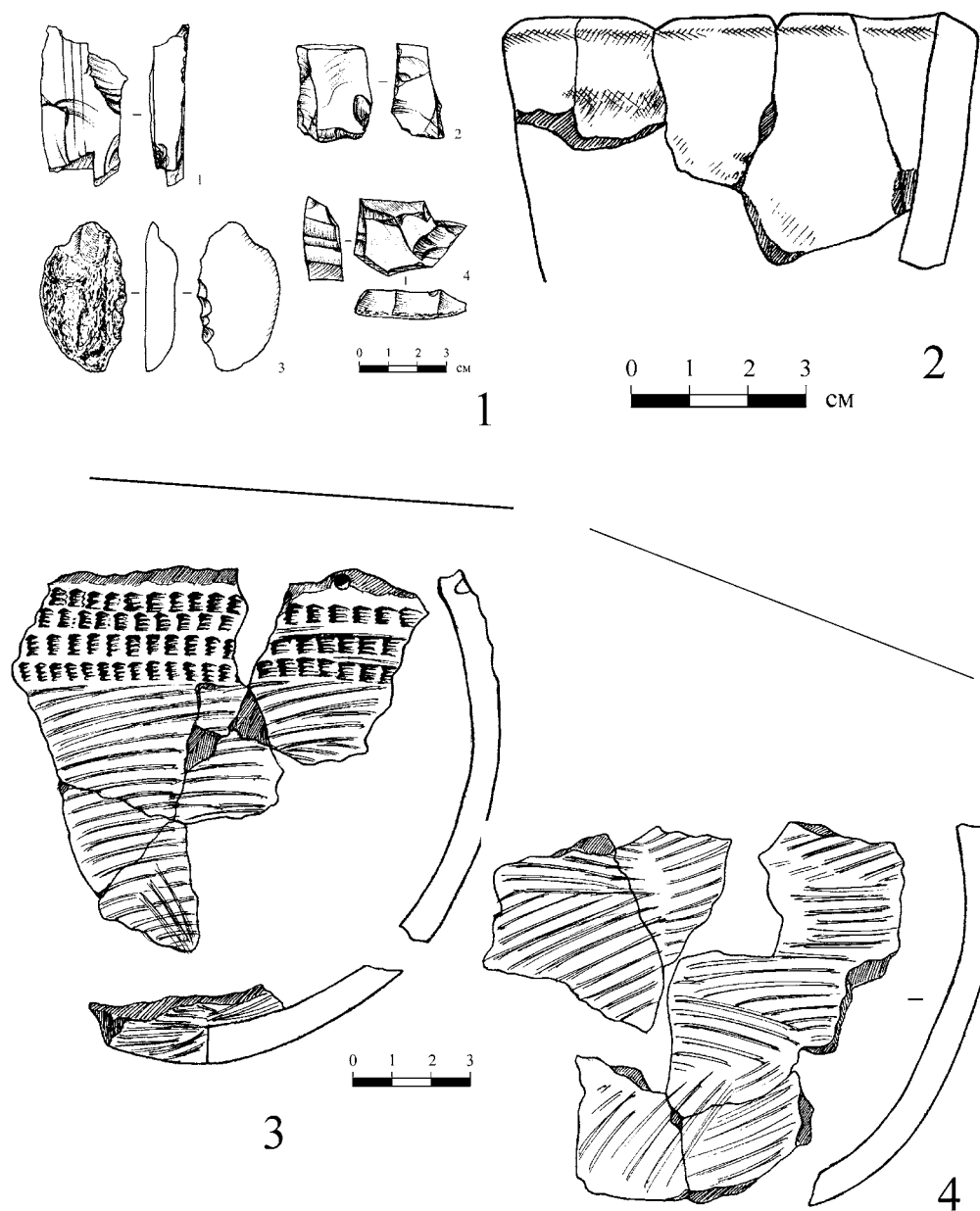

Рис. 6. Грачевка II. Инвентарь погребений кургана 5. 1 – погребение 2, кремневый инвентарь; 2 – погребение 2, сосуд; 3 – погребение 4, сосуд на дне ямы; 4 – погребение 4, сосуд в заполнении могильной ямы.

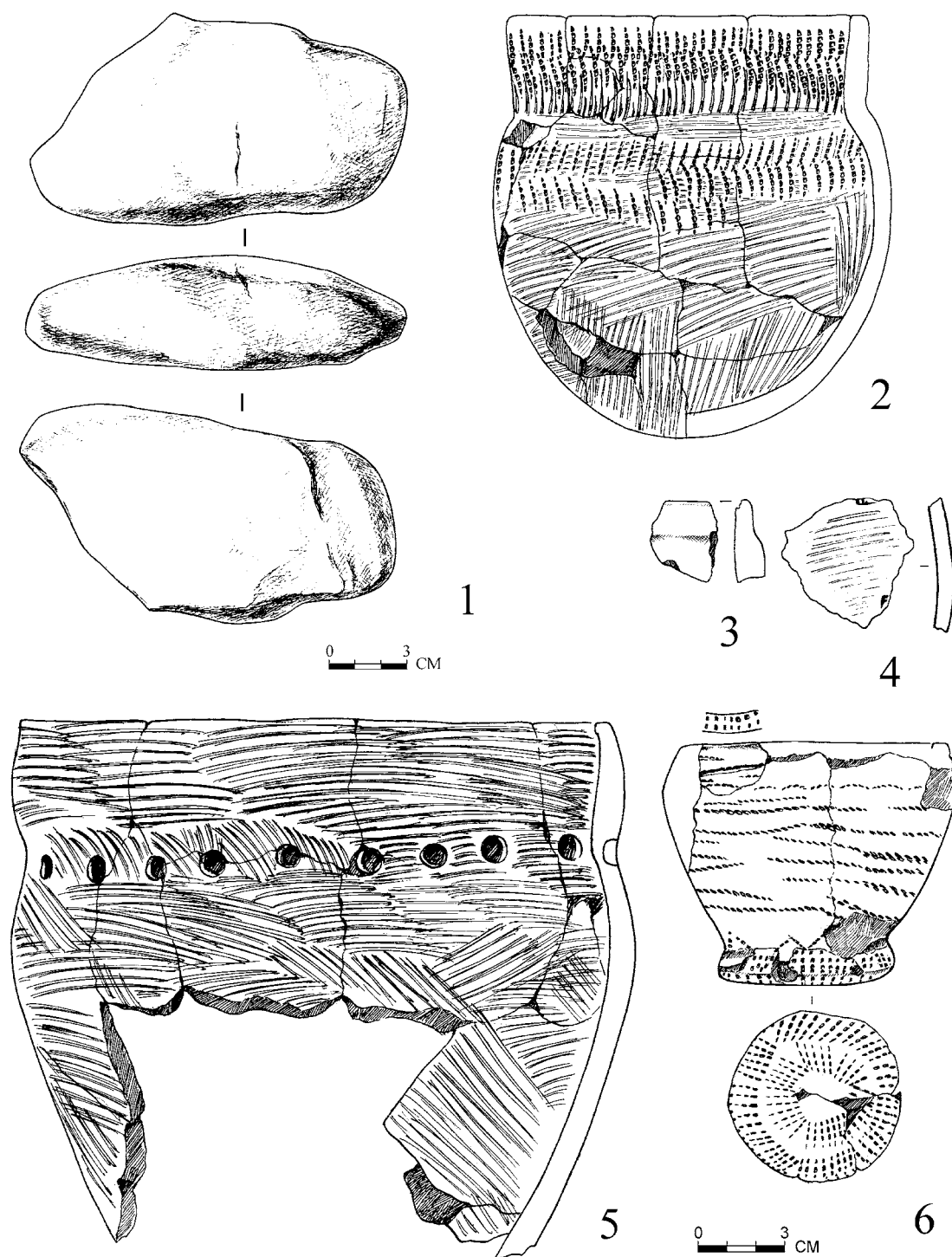

Рис. 7. Грачевка II. Инвентарь погребений кургана 7. 1 – погребение 1, каменный инвентарь; 2 – погребение 1, сосуд; 3; 4 – фрагменты керамики из насыпи кургана; 5 – погребение 2, сосуд 2; 6 – погребение 2, сосуд 1.

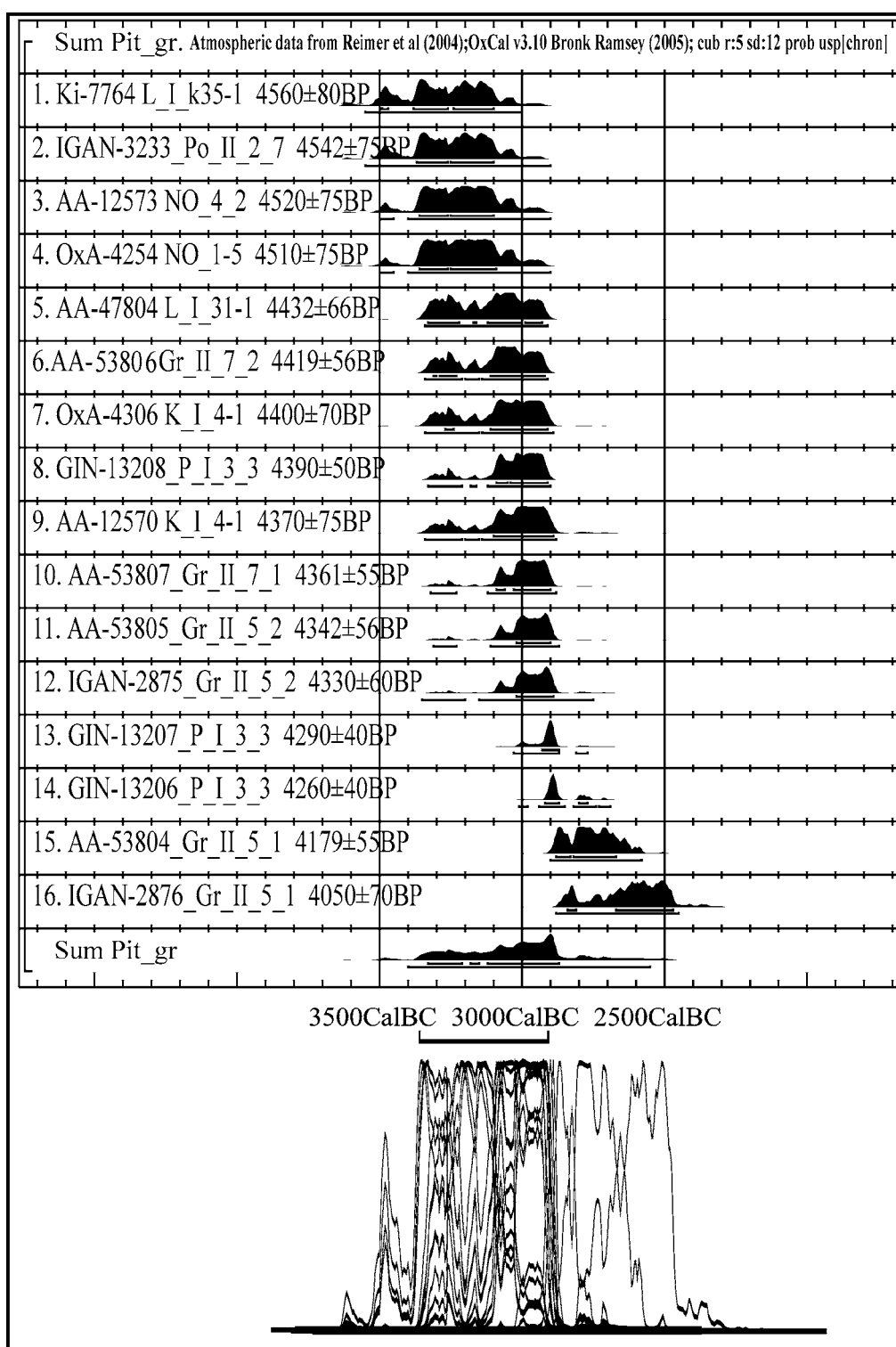

Рис. 8. Калиброванные значения дат погребений ямной культуры Самарского Поволжья и ее наиболее вероятный интервал времени в пределах 3400 – 2900 ВС.

1-Лопатино I, к.35, п.1. 2-Полудни II, к. 2, п. 7. 3-Нижняя Орлянка I, к. 4, п.2. 4-Нижняя Орлянка I, к. 1, п.2. 5-Лопатино I, к.31, п.1. 6-Грачевка II, к. 7, п. 2. 7, 9-Кутулук I, к. 4, п. 1. 8, 13, 14-Подлесный I, к., п.3. 10-Грачевка II, к. 7, п. 1. 11, 12-Грачевка II, к. 5, п. 2. 15, 16-Грачевка II, к. 5, п. 1.

По основным характеристикам обряда и по жертвенникам из черепов животных в могиле, оно может быть интерпретировано как потаповское. Два кургана этого культурного типа были исследованы в непосредственной близости от кургана 7 [9, 238-240]. Погребение является впускным в ямный курган.

Для ямных погребений могильника была получена серия радиоуглеродных дат:

АА - 53808 Грачевка II; к.7, п.2: 4419 ± 56 .
Calibrated date 95.4%: 3340 – 2910 BC.

АА - 53807 Грачевка II; к.7, п.1: 4361 ± 55 .
Calibrated date 90.3%: 3120 – 2880 BC

АА - 53805 Грачевка II; к.5, п.2: 4342 ± 56 .
Calibrated date 93.1%: 3110 – 2870 BC

ИГАН - 2875 Грачевка II к5, п.2: 4330 ± 60 .
Calibrated date 92.9%: 3150 – 2750 BC

АА - 53804 Грачевка II; к.5, п.1: 4179 ± 55 .
Calibrated date 95.4%: 2900 – 2580 BC

ИГАН - 2876 Грачевка II; к.5, п.1: 4050 ± 70 .
Calibrated date 95.4%: 2880 – 2450 BC

Все датировки выполнены по костям погребенных. Парные датировки для одного погребенного показывают высокую сходимость полученных определений. Относительно более поздним является погребение 1 из кургана 5, что подтверждает его впускной характер. Наиболее вероятный интервал всех основных погребений может определяться в пределах XXXII – XXIX вв. до н.э. Дата впускного погребения находится в интервале XXIX – XXV вв. до н.э.

Известны даты погребений ямной культуры из раскопок последних лет. Это определения из могильников Подлесный I (раскопки П.П. Барынкина); Полудни II к.2, п.7 [16, 116-129]; Орловка I [12, 12-34]. Необходимо отметить, что некоторые вопросы вызывают датировки могильника Орловка I. Судя по опубликованным датам, основное погребение 1 из кургана 1 потенциально способно оказаться более поздним, чем впускное погребение 2. Кроме того, значения всех датировок существенно выходят за пределы как верхнего, так и нижнего хронологических интервалов ямной культуры на любых территориях ее распространения. Создается впечатление, что авторы раскопок допустили

неточности при отборе образцов костей для датирования. Ошиблись они и в иллюстративных материалах при публикации погребений [12, рис. 5]. Поэтому даты погребений могильника Орловка I требуют перепроверки.

Датировки из других памятников представляются вполне надежными и имеющими реальные доверительные интервалы. Таким образом, мы имеем 16 дат из погребений ямной культуры Самарского Поволжья. Из них 3 даты мог. Подлесный I выполнены по дереву, все прочие – по кости погребенных. Необходимо отметить, что большинство имеют широкий доверительный интервал. Поэтому при калибровке не всегда удается определить достоверный отрезок времени совершения захоронения даже в наиболее широких пределах – при 95,4% вероятности. При таком интервале некоторые даты распадаются на два или три календарных значения реального времени. Вместе с тем представительная выборка калиброванных дат одной археологической культуры при их графическом наложении (основа – программа OxCal) способно дать достаточно ровное «плато». Ширина плато и должна отражать время культуры. На графике (рис. 8) сравнительно ровное плато читается отчетливо. Оно укладывается в интервал XXXIV – XXIX вв. до н.э. Датировки, полученные по керамике, позволяют предполагать и некоторое удревнение ямной культуры в Волго-Уралье [10, 194-199].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. 152 с.
2. Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1986. С.80-94.
3. Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1988. С. 5-22.
4. Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Том 230. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. С. 24-57.

5. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1981. 134 с.
6. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 6-65.
7. Горашук И.В. Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Том 2. Самара: Изд-во Эко-культурной ассоциации «Поволжье», 2010. С. 312-322.
8. Кузнецов П.Ф. Ямная культура Волго-Уралья. Периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том 1. М.: Институт археологии РАН, 2008. С.358-360.
9. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Семенова А.П., Хохлов А.А. Исследования курганного могильника потаповского типа Грачевка II в Поволжье // Археологические открытия 1999 года. М.: Наука, 2002. С. 238-240.
10. Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология Восточноевропейской степи. Вып. 6. Саратов: Изд-во СГУ, 2008. С.194-199.
11. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 245 с.
12. Овчинникова Н.В., Фадеев В.Г. Итоги изучения курганного могильника ямной культуры Орловка I // Самарский край в истории России. Вып. 3., Самара: Изд-во СОИМ им. П.В. Алабина, 2007. С.12-34.
13. Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья/ Н.П. Салугина // Рос. Археология. 2005. № 3. С. 85-92.
14. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона. // СА. 1981. № 4. С. 52-68.
15. Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА № 60. М., 1959. С. 300-314.
16. Турецкий М.А. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего - начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Выпуск VIII. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 116-129.
17. Хохлов А.А. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. Вып.6. М., 1999. С. 97-129.
18. Хохлов А.А. Черепа с искусственной деформацией эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. М.: Наука, 2006. С. 47-52.
19. Хохлов А.А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 8-11.

УДК 94(47).02

Лушников А.А.

*Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г.Белинского*

СОСТОЯНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В КОНЦЕ X В. (ПО МИНИАТЮРАМ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

A. Lushnikov

Penza State University named after V.G. Belinsky

PAGANISM OF EASTERN SLAVS IN LATE 10th CENTURY (AFTER MINIATURES OF THE RADZIWIŁL CHRONICLE)

Аннотация. Автор анализирует миниатюры Радзивилловской летописи о восточнославянском язычестве конца X в. Изображения оказываются включенными в систему символов, связанных с миропониманием самого художника. С точки зрения автора, время Владимира Святославича до крещения Руси выделяется в летописи особо, в полемическом ключе. Кроме того, миниатюры выражают возросшее значение княжеского бога Перуна и антихристианскую направленность позднего язычества, состояние которого определяется в статье как кризисное.

Ключевые слова: летопись, миниатюра, религия, язычество, князь.

Abstract. The author makes an attempt to analyze the miniatures of the Radziwiłł Chronicle about paganism of Eastern Slavs in late 10th century. Images are included into the artist's system of symbols. According to the author, the time of Vladimir Svyatoslavich receives a special polemic treatment in the chronicle. Besides, the miniatures express the importance of Princes' deity Perun and anti-Christian tendency of late paganism, which, as the article states, was in crisis.

Key words: chronicle, miniature, religion, paganism, Prince.

Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись представляет собой довольно важный исторический источник по истории Древней Руси, изучение которого до сих пор не потеряло актуальности. Особый интерес представляют собой миниатюры, в которых были отражены различные события, а также явления общественной жизни. В данной статье мы сделаем попытку определить, как последние выражали состояние восточнославянского язычества в конце X в., религиозную жизнь в Древнерусском государстве, а также степень их достоверности. Изображения рассматриваются нами по факсимильному изданию, содержащее фотомеханическое воспроизведение всей летописи, их нумерация дается по тому же изданию [3; 4]. Кроме того, привлекаются и другие источники с целью сравнительно-исторического анализа.

Необходимо отметить, что в миниатюрах был довольно хорошо развит символизм, и язычество также выражалось определенным набором символов, одним из которых являлось дерево, что особенно видно на миниатюре «Метание жребия игральными кубиками боярами Владимира Святославича для определения жертвы языческим богам» (здесь и далее все миниатюры обозначены своим порядковым номером – М.114) [3, 46/об; 4, 321]. В самом издании летописи по этому поводу мы находим лишь краткую характеристику, принадлежащую Б.А. Рыбакову: «язычество символически изображалось группой деревьев, священной рощей, «рощением», где «клали требы» [3, 46/об; 4, 321]. Если проследить использование этого изображения, то можно увидеть, что оно встречается и до миниатюры о метании жре-

бия. Как нам представляется, в рукописи оно еще не утвердилось в качестве символа язычества. Так, дерево присутствует на следующих миниатюрах: М.21 («Передача Рюриком перед смертью княжения своему родственнику Олегу и назначение его опекуном своего малолетнего сына Игоря») [3, 10; 4, 307], М.86 («Княжение Владимира Святославича в Новгороде, отъезд Святослава Игоревича в Переяславец») [3, 37; 4, 317], М.98 («Убийство на охоте Олегом Святославичем Древлянским Люта Свенельдича, сына киевского воеводы») [3, 41; 4, 318], М.99 («Поражение войск Олега Святославича, обратившихся в бегство, от войск Ярополка Святославича Киевского») [3, 41; 4, 318], М.103 («Отправка новгородских посадников Владимиром Святославичем к брату, Ярополку Святославичу Киевскому, с предупреждением о начале военных действий против него») [3, 42; 4, 319].

Как мы видим, события, которые иллюстрируют эти миниатюры, прямо с язычеством не связаны. Зато на тех изображениях до М. 114 («Метание жребия») [3, 46/об; 4, 319], которые эту связь имеют, деревья отсутствуют: М.40 («Присяга воинов Олега оружием и богом Перуном; утверждение мирного договора Олега с греками») [3, 16; 4, 309], М.44 («Олег у останков своего любимого коня; смерть Олега от укуса змеи») [3, 19; 4, 309], М.57 («Присяга Игоря и его воинов язычников на холме перед фигурой Перуна, а христиан — у церкви святого Илии») [3, 26; 4, 312], и М.111 («Княжение Владимира Святославича в Киеве») [3, 45; 4, 320]. Однако на этой группе миниатюр тоже был символ язычества – холм (на М.57 присутствует постамент, а на втором плане – горы) [3, 26; 4, 312]. Конечно, образ дерева как языческого символа можно объяснить очень просто, как и было сделано Б.А. Рыбаковым – через существование культа деревьев на Руси. Мы же попытаемся объяснить образ дерева не из внешних источников, а из самой летописной записи, сопутствующей миниатюре. По ПВЛ, когда к варягу-отцу пришли посланники и сказали, что жребий пал на его сына, тот ответил следующее: «Не суть бо бози на древо,

днесь есть, а оутро изыгнеесть и не ядять бо ни пьют, ни молвят но суть делании руками в древе» [3, 26; 4, 312; 5, 83].

Не мог ли художник, следуя этим строкам, выбрать в качестве символа язычества дерево, т. е. материал, из которого были сделаны идолы, а также их *суть*? Об этом же, с нашей точки зрения, хорошо свидетельствует миниатюра М.114 [3, 46; 4, 321], где дерево располагалось на холме, а изображение последнего оказывается практически *идентичным* холму, на котором стоит идол Перуна из М.111 [3, 46/об; 4, 320]. Таким образом, дерево вытесняет собственно идолов – «бесов», что указывает на вполне определенную мысль – язычники поклоняются безжизненному дереву, все их надежды тщетны. Кроме того, здесь усиливается и полемическая составляющая источника. Если ранее языческие персонажи изображались в мифологическом ключе, присутствовали фигуры, то теперь на их место встало простое дерево, т. е. язычество изображалось уже в полемическом ключе. С нашей точки зрения, это могло отражать напряженность религиозной ситуации в общественном сознании в X в. и в последующее время, а также противостояние между христианством и язычеством. В следующих миниатюрах полемический характер изображений усиливается, так как далее следовала известная легенда о «выборе вер» Владимиром. Ее выражали несколько миниатюр, изображавшие беседу Владимира с представителями различных вероисповеданий, а также совет Владимира с горожанами и боярами по поводу принятия христианской веры. Интересно, что деревья были изображены не на всех рисунках данной группы, а только на М.120 («Беседа Владимира Святославича о вере с болгарами — магометанами») [3, 48; 4, 322], М.122 («Беседа Владимира Святославича о вере иудейской с хазарскими евреями») [3, 49; 4, 322], М.124 («Совет Владимира Святославича с боярами и горожанами о принятии христианской веры») [3, 58/об; 4, 322]. Тот факт, что дерево отсутствовало на миниатюрах, где Владимир беседовал с посланцами Рима, а также «философом», наталкивает нас

на мысль, что в роли «язычества» в двух миниатюрах (М.120 [3, 48; 4, 322], и М.122 [3, 49; 4, 322]) выступала не только дохристианская религия, но и вообще религия, отличная от христианства (в данном случае иудаизм и ислам). Впоследствии деревья также изображаются не в прямой связи с язычеством. Тем не менее большой интерес представляет собой М.168 («Возвращение убийц Глеба и Владимировича к Святополку Владимировичу с донесением о выполнении его повеления; обнаружение тела Глеба, брошенного убийцами на берегу») [3, 77; 4, 328], где дерево, как нам представляется, служило символом язычества (в более широком смысле – злодеяния).

Вместе со всем этим миниатюры отражают и более конкретные явления, которые также скрыты за символикой. Так, единственным узнаваемым идолом во всех изображениях оказывается Перун. Он предстает везде одинаково – в качестве красного беса с копьем и щитом. С одной стороны, это подтверждает факт влияния отождествления языческих богов с бесами на работу художника, с другой стороны – связь данного божества с войной и оружием. Примечательно, что именно Перун и предстает в миниатюрах как «языческий бог» вообще, о существовании других членов восточнославянского пантеона мы можем судить только по тексту летописи, но не по изображениям. Даже в М.111, посвященной «языческой реформе» Владимира [3, 46/об; 4, 320], на холме присутствует Перун, а около него – не остальные пять божеств, а два странных крылатых существа, которые, по всей вероятности, являются плодом воображения самого художника. Таким образом, именно громовержец, который в X в. достиг важного государственного значения, был у автора миниатюр все еще «на слуху», остальных же божеств он не считал достойными внимания. Однако в данной летописи было зафиксировано не только возвышение Перуна, но и человеческие жертвоприношения – речь идет о той же М.114 («Метание кубиков») [3, 46/об; 4, 321]. На миниатюре показывается исполнение обряда жертвоприношения. Метание жребия производилось

с помощью игральных кубиков с шестью точками, причем Б.А. Рыбаков считал, что число «6» означало угодность Перуну [4, 285], что, впрочем, является лишь его предположением. После жеребьевки князь давал грамоту «мученику».

При этом еще в записи 980 г. в Повести временных лет (ПВЛ) в описании «языческой реформы» Владимира содержатся следующие строки: «и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесомъ, и осквернаху землю теребами своими, и осквернися кровьюи земля Руска» [5, 80]. Источник этих слов, однако, находится в 105-м Псалме, где обличается смешение евреев с ханаанскими язычниками: «но смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, которые были для них сетью, и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, – и осквернилась земля кровью» (Пс. 105: 36-38) [1, 628]. Язычество Ханаана стало для летописца моделью, с помощью которой он описывал язычество древнерусское, выражением язычества вообще, что подчеркивало его интенсивность и размах. Она не была присуща только летописи, но была также распространена в духовной литературе. Так, в «Слове св. Григория на пасху» говорится о приношении человеческих жертв у язычников таким образом: «яко и в идолослужение свестися, и в беззаконныя крови .еже от жертв беззаконныя именовашася, яко зле бесовом приносимы .или человеческих ради жертв .пожроша бо рече сыны своя и дщери бесовом» (по сборнику слов Григория Назианзина XVII в., РГАДА)¹.

Еще Псевдо-Кесарий (VI в.) писал о существовании подобного обряда: «а грудные младенцы...разбиваются о камни, подобно мышам» [6, 254]. Лев Диакон отмечал: «Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 381. Син. тип. Оп. 1. Д. 211. Л. 51.

жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев» [2, 185]. Здесь можно усмотреть влияние Библии: «Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс. 136: 8-9) [1, 642]. Однако мы не всегда видим здесь четкие совпадения с библейским текстом, особенно в случае с пленными. Поэтому представленную в греческих источниках информацию мы считаем хотя бы отчасти правдивой, т. е. когда речь идет о принесении в жертву пленных. В легенде же о смерти варяг-мучеников мы имеем дело с иного рода явлением, т. к. они не были пленными и принадлежали к войску самого Владимира. С одной стороны, это отличает данное свидетельство человеческих жертвоприношений от других (принесения в жертву пленных, а также убийства рабов и жен при смерти их хозяев). С другой стороны, непонятно, принадлежала ли инициатива только совершающим обряд людям, или же они действовали в рамках традиции. Во всяком случае, у нас нет надежных подтверждений источников о введении этим князем определенного типа жертвоприношений. Однако, учитывая общую антихристианскую направленность «языческой реформы», выделение миниатюры легенды о варягах-мучениках в композиционном плане, в данное время мог быть рост количества принесения христиан в жертву, что могло быть характерно только для позднего язычества.

Суммируя результаты нашего анализа, можно сделать ряд выводов. Во-первых, Радзивилловскую летопись, как и остальные памятники летописания Древней Руси, стоит рассматривать не как историческое сочине-

ние, но как особый историко-теологический труд, содержащим не только описание событий и явлений, но и придание им специфического смысла. Что касается миниатюр, то они включают изображаемую реальность в свою систему символов. Во-вторых, изображения язычества можно разделить на две группы – до миниатюры «Метание кубика» и после. Последний набор характеризуется большей полемической направленностью, характеризуя напряженность в общественном сознании, противостояние христианства и язычества. В-третьих, для художника существовало только одно божество – Перун. В X в. громовержец приобрел важное государственное значение, что было связано в конечном итоге с разложением идеалов родового строя. В-четвертых, изображения акцентируют наше внимание на жертвоприношении христиан, что, возможно, было связано с антихристианской политикой Владимира-язычника. Таким образом, в миниатюрах Радзивилловской летописи отобразено позднее язычество, находящееся на стадии своего глубокого кризиса – родовая идеология оказывается в противостоянии с княжеской, а само язычество – с христианством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2008. 1246 с.
2. Лев Диакон. История. М., 1988. 240 с.
3. Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. Кн. 1. 251 л.
4. Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. Кн. 2. 415 с.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Л., 1926. Т. 1. 540 с.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. (I-VI вв.). 472 с.

УДК 94 (470) «18»

Поспелова Ю.А.

Московский государственный областной университет

ДИНАМИКА И БАЛАНС ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ НА АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В КОНЦЕ XVIII В.

Ya. Pospelova

Moscow State Regional University

DYNAMICS AND BALANCE OF RUSSIAN FOREIGN TRADE THROUGH THE PORTS OF THE BLACK AND AZOV SEAS IN LATE 18TH CENTURY

Аннотация. В статье анализируется процесс становления российской внешней торговли на Азово-Черноморском направлении в конце XVIII столетия. Была выявлена его специфика и неравномерность в развитии внешней торговли. Товарооборот старых портов, таких, как Таганрог, Очаков, Евпатория (для Крыма) превышал товарооборот новых портов (Севастополь, Мариуполь). Успешность того или иного порта обуславливалась, в немалой мере, географическим положением. Порты, находившиеся близко к крупным рекам и удобные для беспрепятственной торговли (Таганрог, Одесса), выигрывали у портов, доступ к которым был затруднён (Севастополь, Очаков, Керчь, Еникале). Кроме того, неравномерность процесса становления внешней торговли на Азово-Черноморском направлении проявлялась в большом разрыве между портами-лидерами и «отстающими». К концу века Одесса и Таганрог практически «монополизировали» торговлю в данном регионе. Особенностью азово-черноморской торговли было также относительно равное соотношение экспорта и импорта, что не являлось характерным для общероссийской торговли.

Ключевые слова: внешняя торговля России XVIII в., порты Чёрного и Азовского морей, товарооборот, динамика, торговый баланс.

Abstract. The article focuses on the process of formation of Russian foreign commerce in the Azov and Black Sea region in late 18th century, which had some specific features. The spread of commerce tended to be uneven, depending on geographic location of trading cities. The turnover of such old ports as Taganrog, Ochakov and Yevpatoria was bigger than that of newly-built trade harbors (Sevastopol and Mariupol). The ports located closer to big rivers and convenient for unimpeded trade (e.g. Taganrog and Odessa) were preferred by the traders to the ports which were harder to reach (Sevastopol, Ochakov, Kerch and Yenikale). Besides, the gap between the "successful" ports and the rest was getting wider and by the end of the 18th century Odessa and Taganrog had nearly monopolized the trade in the region. Another notable feature of the Azov and Black Sea region commerce was a trade balance, which was uncommon for the Russian market in general.

Key words: 18th century Russian foreign trade, the ports of the Black and Azov seas, turnover, dynamics, trade balance.

В течение длительного времени для России оставался открытым вопрос о выходе к южным морям. Только в конце XVIII столетия в результате двух русско-турецких войн данная проблема была решена. По Кючук-Кайнаджирскому (1774 г.) и по Ясскому (1791 г.) мирным договорам к России отошел ряд прибрежных территорий, позволивших беспрепятственно торговать через транзитные Черное и Азовское моря.

© Поспелова Ю.А., 2011.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 - 2013 гг.». Государственный контракт № П357 от 07 мая 2010 г. Тема НИР: «Россия в европейском и мировом экономическом пространстве в эпоху Новой истории (XVIII век)».

В историографии вопрос о становлении российской внешней торговли на азово-черноморском направлении остаётся недостаточно изученным. До сих пор нет работ, посвященных анализу этого процесса, хотя некоторые исследователи затрагивали отдельные его аспекты. М. Вольский исследовал историю хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времён до середины XIX столетия [3]; А. Скальковский уделил особое внимание торговле через Азовское море в период с 1749 по 1863 г. [9]; С. Боровой посвятил исследование истории внешне-торговых отношений России и Франции на Чёрном море в последней трети XVIII – начале XIX в. [2]. Также вопросами развития черноморской торговли последней четверти XVIII в. занимался Ф.К. Караджа [6]. В.А. Золотов написал работу о внешней торговле России через порты Чёрного и Азовского морей в конце XVIII – XIX в., особенно акцентируя внимание на хлебной торговле [5]. О.Н. Барабанов исследовал товарооборот Черноморской торговли в XVIII столетии [1]. Некоторые сведения о торговле Таганрога в 90-х гг. XVIII в. приводятся в монографии В. Н. Захарова [4].

Данная статья является попыткой проанализировать процесс становления российской внешней торговли на Азово-Черноморском направлении и ответить на вопрос, насколько Россия смогла воспользоваться возможностью торговать через порты Черного и Азовского морей в конце XVIII столетия.

Хронологические рамки исследования ограничиваются последним десятилетием XVIII в. Прежде всего, это обусловлено особым значением данного периода в развитии торговли на южном направлении. Кроме того, хронология объясняется и доступным материалом: сведениями об экспорте, импорте, товарообороте, полученными в архивах. Работа велась в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ценные для статьи сведения были выявлены в фонде Коммерц-коллегии (276) этого архива. Также были исследованы фонды Первого департамента Сената (1341) и Канцелярии генерал-

прокурора Сената (1374) в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Ниже приведены таблицы, в которых объединены данные по группам портов: в первой таблице находятся сведения по портам Азовского моря, во второй и третьей таблицах приводятся данные касающиеся портов Крыма, в четвертой таблице – данные по остальным портам Черного моря¹.

Таблица 1

Порты Азовского моря: экспорт, импорт (1790-1794, 1796-1803 гг.), руб.

Годы	Порты		
	Мариуполь	Таганрог	
	Экспорт	Экспорт	Импорт
1790		10 151	
1791		9458	
1792		370 551	97 654
1793		428087	156410
1794		599929	347582
1796		553583	182744
1797		693204	388788
1798		859705	447657
1799		1149575	503074
1800		1848095	1978869
1801	9100	1416877	1684077
1802		838883	866216
1803	37154	1560189	1237257

На основании вышеприведенных таблиц созданы обобщающие таблицы, в которых объединены сведения по товарообороту портов Азово-Черноморского направления в период с 1792 по 1803 г., а также гр. 1, отражающий динамику внешней торговли через основные порты Черного и Азовского морей в конце XVIII в.:

¹ Таблицы составлены по следующим источникам:

Российский Государственный архив древних актов (далее: РГАДА): Ф. 276. Оп. 1. Д. 2893; Ф. 276. Оп. 1. Д. 2895; Ф. 276. Оп. 3. Д. 1456; Ф. 276. Оп. 3. Д. 1589; Ф. 276. Оп. 3. Д. 1590. Российский Государственный исторический архив (далее: РГИА): Ф. 1341. Оп. 1. Д. 12; Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1336.

Таблица 2

**Порты Крыма (Евпатория, Севастополь, Феодосия): экспорт, импорт
(1792, 1794, 1796, 1797, 1802, 1803 гг.), руб.**

Годы	Порты					
	Евпатория		Севастополь		Феодосия	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1792	134 719	80 501	13 255	44 471	22 999	29 915
1793	334398	91878	858	88103	54 281	77898
1794	314165	74214	7828	87856	30462	80248
1796	107064	31279	3224	22255	35231	24007
1797	51094	221723	61312	4583	43757	61836
1802	333001	296650	71164	98632	89160	35205
1803	399761	291928	178574	70536	161929	273241

Таблица 3

**Порты Крыма (Керчь, Еникале): экспорт, импорт
(1792 – 1794, 1796, 1797, 1800 – 1803 гг.), руб.**

Год	Порты			
	Керчь		Еникале	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1792	3394	4085	10 109	7 813
1793	4322	2963	4322	4116
1794	8419	6390	14469	5853
1796	9751	13795	5679	2560
1797	12680	14193	4189	13731
1800	18174	14337		
1801	27440	47336		
1802	30543	29914		
1803	29896	61588		

Таблица 4

Порты Чёрного моря (без Крыма): экспорт, импорт (1790 – 1794, 1796 – 1803 гг.), руб.

Годы	Порты						
	Николаев	Херсон		Одесса		Очаков	
	Экспорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1790			789				
1791			14851				
1792	15 904	134 039				52 545	408 922
1793	106 515	147 822				209 321	244340
1794		68701				181152	365299
1796	18609	48755		79422	92559	60990	65845
1797	37341	35533		77091	129492	33740	38564
1798	25852	17687	90	90977	117388	2560	10774
1799	740	27205		92252	241535	1550	7938
1800	2110	55806		255765	169331		1679

Продолжение табл. 4 на с. 117

Годы	Порты						
	Николаев	Херсон		Одесса		Очаков	
	Экспорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1801	20605	145126		519906	501820	1216	
1802	10114	61825		1534114	719982		
1803	31988	63405		2452732	1015483	2000	

Таблица 5

**Товарооборот портов Азово-Черноморского направления:
порты Крыма (1792 – 1794, 1796, 1797,
1800-1803 гг.), руб.**

Годы	Евпатория	Севастополь	Феодосия	Керчь	Еникале
1792	215220	57726	52914	7479	17922
1793	426278	88961	132179	7285	8438
1794	388379	95684	110710	14809	20322
1796	138343	25479	59238	23546	8239
1797	272817	65895	105593	26873	17920
1800				32511	
1801				74776	
1802	629651	169796	124365	60457	
1803	691689	249110	435170	91484	

Таблица 6

**Товарооборот портов Азово-Черноморского направления:
остальные порты (1792-1794, 1796-1803
гг.), руб.**

Годы	Таганрог	Херсон	Одесса	Очаков
1792	468205			461467
1793	584497			453661
1794	947511			546451
1796	736327		171981	126835
1797	1027992		206583	72304
1798	1307362	17777	208365	13334
1799	1652646		333787	9488
1800	3826964		425096	
1801	3100954		1021726	
1802	1705099		2254096	
1803	2797446		3468215	

1) Таганрог и Одесса

Несмотря на наличие лагун в графике, мы можем сделать некоторые выводы о динамике

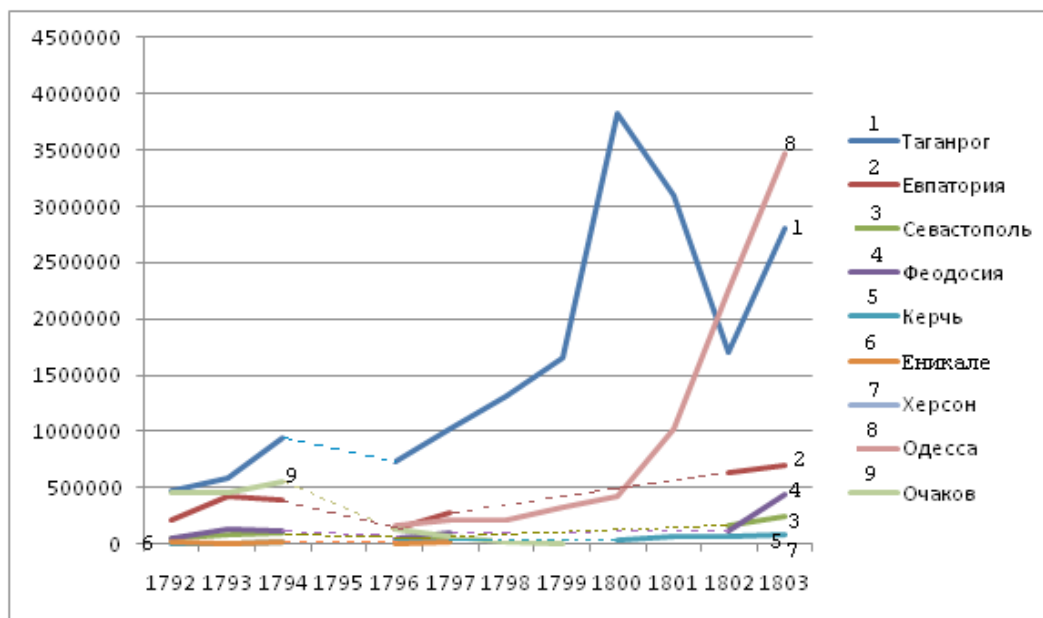
внешней торговли России через основные порты Черного и Азовского морей в период с 1792 г. по 1803 г.

Очевидно, что практически на протяжении всего рассматриваемого периода лидирующую позицию среди портов Азово-Черноморского направления занимал Таганрог. Основанный ещё Петром I в 1698 г., Таганрог являлся древнейшим и в то время практически единственным российским портом на Азовском море. Мариуполь (основан в конце 70-х гг. XVIII в.) не имел важного значения в азовской торговле. В 1801 г. его экспорт был в 155 раз меньше таганрогского, в 1803 – в 42. Лидерство Таганрога на Азовском море можно объяснить его удобным географическим положением: прежде всего, он находится близко к Дону, кроме того, развитию торговли Таганрога способствовала его близость к сельскохозяйственным районам.

Через Одесский порт только в 1802 г. было продано на 548997 руб. больше товара, чем через Таганрог. Одесса была основана рескриптом Екатерины II от 27 мая 1794 г. на самом западе новоприобретённой территории Российской империи. После заключения Ясского мира предполагалось заселить Хаджибей (древнее название Одессы) выходящими в отставку моряками средиземноморской гребной флотилии. Но в скором времени этот проект был оставлен, и в городе Хаджибей решили строить военный и торговый порт. Во многом такое решение обуславливалось наличием удобной бухты. На постройку порта правительством выделялись крупные суммы денег. После смерти Екатерины II в 1796 г. строительство порта было приостановлено. Вступление на престол Павла I означало полную и резкую перемену правительственного курса. Чтобы спасти город, в 1800 г. члены одесского городского

График 1

Товарооборот портов Черного и Азовского морей (1792- 1803 гг), руб.

магистрата провели совещание, на котором решили просить у императора 25-летнюю ссуду в размере 250 000 тысяч рублей на завершение строительства порта. Письмо с просьбой было отправлено к Высочайшему двору в начале февраля 1800 г., а уже 1 марта Павел повелел: отдать магистрату на отделку одесской гавани все материалы, за которые от казны были заплачены деньги; выдать 250 000 рублей заимообразно на 14 лет, за возврат суммы отвечают все купцы города, как живущие сейчас, так и поселяющиеся там впредь; продлить все городские льготы еще на 14 лет, до уплаты займа [8]. И уже в 1802 г. Одесса становится главным портом азово-черноморской торговли, а Таганрог теперь будет занимать лишь второе место. Резкое сокращение товарооборота Таганрога, по всей вероятности, связано с оттоком части товаров в Одессу. Гр. 2 фиксирует динамику российской внешней торговли через два главных порта Азово-Черноморского направления:

Вышеприведенный график отражает резкое сокращение товарооборота Таганрога в 1801-1802 гг. В этот же период темпы роста

торговли через Одесский порт увеличиваются. Товарооборот Таганрога в 1801 г. по сравнению с предыдущим годом сократился на 18,9 %, в 1802 на 45 %, а Одесский товарооборот в те же годы вырос соответственно на 140,3 % и на 120,6 %.

2) Остальные порты азово-черноморского направления

Но в начале последнего десятилетия XVIII в. (1792-1794 гг.), когда Одессы как крупного торгового порта ещё не существовало, места в рейтинге черноморской внешней торговли распределялись следующим образом: лидирующую позицию, как мы уже сказали, занимал Таганрог, второе место принадлежало Очакову. Причем нужно заметить, что Очаковский порт не намного отставал от Таганрога: в 1792 г. товарооборот первого составлял 461467 руб., второго – был всего на 6738 руб. больше.

Очаков был основан в устье Днепра крымским ханом Менгли-Гиреем в 1492 г. В XVI в Очаков становится важнейшим торговым центром Османской империи на северном побережье Черного моря. Он сохраняет свое значение и до конца XVIII столетия, во мно-

гом благодаря своей древней истории и налаженным торговым связям. Но Очаковский порт менее удобен, чем Таганрогский, несмотря на то, что стоит прямо на том месте, где Днепр и Буг впадают в Черное море. Дело в том, что на нижнем Днепре существовала природная преграда в виде порогов. Только в период половодья, когда большинство камней заливалось водой, суда могли проходить прямо через пороги. В остальное время проведением судов и плотов через пороги занимались лоцманы. По приказу князя Потемкина для переправы через пороги постоянно содержались 121 человек, освобождённые от налогов и рекрутства.

Вслед за Таганрогом и Очаковым шли крымские порты. Неудобность торговли через Крым объясняется отсутствием на полуострове крупных рек, что затрудняло ввоз на полуостров и вывоз из Крыма товаров.

С 1792 по 1794 г. самый большой товарооборот в Крыму был у Евпатории. Евпатория, как и Очаков, имеет древнюю историю. В XVI в. Гезлев (древнее название Евпатории) был крупнейшим торговым городом-крепостью Крымского ханства. Кроме того, Гезлев находился недалеко от Бахчисарая и снабжал столицу ханства всем необходимым.

Второе и третье место среди крымских портов делили Севастополь и Феодосия. Основанный в 1783 г. как военный порт, Севастополь до 1804 г. являлся так же и торговым портом. В отличие от нового Севастополя, Феодосия ещё при турецком владычестве стала одним из главных турецких портов на Чёрном море.

В 1792 г. товарооборот Севастополя превышал феодосийский на 4812 руб., а в 1793 и 1794 гг. уже товарооборот, Феодосии намного превышает севастопольский: в 1793 г. – на 43218 руб., в 1794 г. – на 15026 руб.

Наименьшее количество товара среди крымских портов реализовывалось через Керчь, на предпоследнем месте находилась Еникале. Возможно, это обусловлено близостью данных портов к Азовскому морю – выгоднее было доставлять товар прямо в Таганрог.

В 1796 г. картина несколько изменилась. Наблюдается сокращение торговли практически через все порты Азово-Черноморского направления. Товарооборот Таганрога уменьшился по сравнению с 1794 г. на 211184 руб. (на 22,3 %), Очакова – на 419616 руб. (76,8 %), Евпатории – на 250036 руб. (64,4 %), Севастополя – на 70169 руб. (73,3 %), Феодосии – на 51472 руб. (46,5 %), Еникале – на 12083 руб. (59,5 %). Лишь товарооборот Керчи увеличился на 8737 руб. (59 %).

Вероятнее всего, резкое сокращение товарооборота подавляющего большинства южных портов связано с появлением Одессы. Начиная с 1796 г. товарооборот Одесского порта стремительно увеличивался, и на протяжении 8 лет кривая, отражающая на графике одесский товарооборот, идет только вверх.

К концу XVIII – началу XIX в. явным лидером среди Азово-Черноморских портов стала Одесса, вслед за ней шел Таганрог, а товарооборот крымских портов несколько увеличился по сравнению с серединой 90-х гг. XVIII в., но их роль в южнорусской торговле была ничтожно мала. В 1803 г. первым среди крымских портов оставалась Евпатория с товарооборотом 691689 руб., затем – Феодосия (435170 руб.), третье место занимал Севастополь с товарооборотом 249110 руб., и самый маленький товарооборот был у Керчи – 91484 руб.

3) Место торговли через порты Азовского и Черного морей в общероссийской внешней торговле конца XVIII в.

Что касается места портов Азово-Черноморского направления во всероссийской торговле, то в конце XVIII в. доля торговли через основные порты южных морей была ничтожно мала: в 1792 г. доля Таганрога, Евпатории, Севастополя, Феодосии, Керчи, Еникале и Очакова вместе взятых составляла всего 1,6 % от общероссийской торговли, в 1793 г. – 2,4 %, в 1794 г. – 2,6 %; в 1796 г., несмотря на то, что начинается торговля через Одесский порт, доля южнорусской торговли сокращается до 1,2 %, в 1797 г. – увеличивается немного, до 2 %.

Таблица 7

Место портов Азово-Черноморского направления во всероссийской торговле в конце XVIII в.¹

Год	Всероссийская торговля	Торговля через порты Азово-Черноморского направления		
	Общий объем торговли, руб.	Порты Азовского и Черного моря	Общий объем торговли, руб.	Доля
1792	78217,8	Таганрог, Евпатория, Севастополь, Феодосия, Керчь, Еникале, Очаков	1 280 942	1,6 %
1793	69599,9	Таганрог, Евпатория, Севастополь, Феодосия, Керчь, Еникале, Очаков	1 701 299	2,4 %
1794	80004,1	Таганрог, Евпатория, Севастополь, Феодосия, Керчь, Еникале, Очаков	2 123 866	2,6 %
1796	109549,0	Таганрог, Евпатория, Севастополь, Феодосия, Керчь, Еникале, Очаков, Одесса.	1 289 988	1,2 %
1797	91615,3	Таганрог, Евпатория, Севастополь, Феодосия, Керчь, Еникале, Очаков, Одесса.	1 795 977	2 %

4) Экспорт, импорт, торговый баланс.

Систематических сведений об экспорте и импорте внешней торговли России через порты Чёрного и Азовского морей нет, тем не менее мы можем сделать некоторые выводы о торговом балансе азово-черноморской торговли.

Характерным для внешней торговли России всей второй половины XVIII в. было существенное превышение вывоза над ввозом, то есть высокое активное сальдо торгового баланса.

Таблица 8

Внешняя торговля России (1790-1799 гг.), руб.

Год	Экспорт	Импорт	Баланс
1790	32754,7	31132,3	1622,4
1791	34290,2	35113,2	-823
1792	40696,7	37521,1	3175,6
1793	43481,1	26118,8	17362,3
1794	45474,3	34528,8	10945,5
1795	53772,3	36652,1	17120,2
1796	67670,5	41878,6	25791,9
1797	56683,6	34931,7	21751,9
1798	63378,9	48188,3	15190,6
1799	68996,9	41051,2	27945,7

Что касается торговли последнего десятилетия XVIII в. через Черное и Азовское моря, то говорить об активном сальдо торгового баланса нельзя. Если для торговли через Таганрог, Евпаторию и Еникале в 90-е гг. характерно некоторое превышение экспорта над импортом, то в остальных портах Азово-Черноморского направления либо количество вывезенного товара примерно соответствовало импорту, либо импорт превышал экспорт. На протяжении восьми лет, с 1792 по 1799 г. сальдо торгового баланса Очаковского порта было только отрицательным. В севастопольской, феодосийской и керченской торговле сальдо было нестабильным, но чаще отрицательным, чем положительным; Одесский порт, недавно основанный, сначала работал больше на ввоз, чем на вывоз, а к началу XIX в. экспорт через Одессу превышает импорт.

Торговый баланс – это баланс, отражающий соотношение стоимости экспорта и импорта страны за определённый период (как правило, за год). Проблема торгового баланса связана с теорией меркантилизма. Согласно теории позднего меркантилизма, которая

¹ Данные об общем объёме торговли для построения таблицы взяты из: Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: Chicago University Press, 1985. С. 164-165; 192-193. Данные о торговле через порты азово-черноморского направления: РГАДА: Ф. 276. Оп. 1. Д. 2893; Ф. 276. Оп. 1. Д. 2895; Ф. 276. Оп. 3. Д. 1456; Ф. 276. Оп. 3. Д. 1589; Ф. 276. Оп. 3.

распространилась и на Россию, проводилась политика активного торгового баланса, т. е. была установка на превышение вывоза товаров над ввозом.

Активный торговый баланс обеспечивался для России английскими купцами. Английский экспорт из России значительно превышал привоз в Россию, и к середине XVIII в. половина русской торговли сосредотачивалась в руках англичан. Через Балтику англичане вывозили русское сырьё для снабжения собственного флота. Особенно активно производился вывоз таких товаров, как пенька, лен, мачты, холст, поташ [7].

В южнорусской торговле таких посредников ещё не возникло и, возможно, поэтому через порты Азовского и Чёрного морей товар в равной степени как ввозили, так и вывозили. Кроме того, относительно равное соотношение экспорта и импорта в южной торговле связано с составом торговли. Через Азово-Черноморские порты в Россию было удобнее ввозить так востребованные знатью предметы роскоши: дорогие ткани и ковры, восточные пряности и сладости, чай, кофе, фрукты. Некоторые товары поставлялись в Россию исключительно через порты Чёрного и Азовского морей. Например, в 1793 и 1794 гг. «альва деланная из ягод и других фруктов» ввозилась в Россию только через Таганрог, Очаков, Феодосию, Евпаторию, Еникале и Севастополь; «борла или азиатские редкие полотна бумажные» только через Таганрог, Очаков, Феодосию, Евпаторию, Еникале, Севастополь и Керчь; «кумачи разных цветов» через все вышеуказанные порты, а также через Дубосары и Ольвиополь; «ковры турецкие шелковые с золотом и без золота и шерстяные» только через Очаков, Евпаторию, Еникале и Севастополь¹.

Таким образом, внешняя торговля России на Азово-Черноморском направлении в конце XVIII в. переживала этап становления. Как уже отмечалось выше, доля торговли через порты Чёрного и Азовского морей в общероссийской торговле была ничтожно мала и не превышала даже 3 %. В ходе рабо-

ты нам удалось выявить специфику процесса становления внешней торговли в данном регионе. Мы можем говорить о его неравномерности. Товарооборот старых портов, таких, как Таганрог, Очаков, Евпатория (для Крыма) превышал товарооборот портов, созданных на новых местах уже в последней четверти XVIII в. (Севастополь, Мариуполь). Успешность того или иного порта обуславливалась и его географическим положением. Порты, находившиеся близко к крупным рекам и удобные для беспрепятственной торговли (Таганрог – Дон, Одесса – удобная бухта) выигрывали у портов, доступ к которым был затруднён (Севастополь – отрезан от степных районов Крыма горами, Очаков – пороги Днепра, Керчь и Еникале – близость к Азовскому морю). Кроме того, неравномерность процесса становления внешней торговли на Азово-Черноморском направлении проявлялась в большом разрыве между портами-лидерами и «отстающими» портами. Товарооборот Таганрога и Одессы в десятки раз превышал товарооборот остальных портов Чёрного и Азовского морей. К концу века два этих порта практически «монополизировали» торговлю в данном регионе. Особенностью азово-черноморской торговли было так же относительно равное соотношение экспорта и импорта, что не являлось характерным для общероссийской торговли.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барабанов О.Н. Товарооборот Черноморской торговли в XVIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 279-284.
2. Боровой С.Я. Франция и внешнеторговые операции на Чёрном море в последней трети XVIII – начале XIX в. // Французский ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 502-503.
3. Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 г. Одесса: тип. Францова и Нитче, 1854. 159 с.
4. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М.: Наука, 2005. 717 с.
5. Золотов В.А. Внешняя торговля России через порты Чёрного и Азовского морей в конце XVIII – XIX вв.: автореф. дисс... докт. ист. наук. Ростов н\Д: Б. и., 1966. 54 с.
6. Караджа Ф.К. Вопросы развития черноморской

¹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2893.

- торговли после Кючук-Кайнаджирского мира (1774-1787 гг.) // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинева: Штиинца, 1984. С. 39-45.
7. Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пгр.: Атений, 1923. 318 с.
8. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793 – 1823. Одесса: гор. тип., 1837. 296 с.
9. Скальковский А. Ростов на Дону и торговля Азовского бассейна. 1749-1863. Екатеринослав: Б. и., 1866. 83 с.

УДК 349.422.2:947(470.62)

Ковылин Д.А.

Московский городской педагогический университет

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ДОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

D. Kovylin

Moscow City Pedagogical University

SMALL PRODUCERS' COOPERATION IN THE COSSACK VILLAGES OF DON IN LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Аннотация. В статье автор раскрывает особенности развития промысловой кооперации на территории Донского казачьего войска. Автор анализирует основные направления работы промысловых кооперативов и значение их деятельности, приводит статистические данные о кооперативных объединениях в казачьих станицах Донской области. Уделяется внимание работе крупных кооперативных промышленных предприятий – кооперативных заводов и фабрик. Подробно описывается роль промысловой кооперации в годы Первой мировой войны, особенно оружейное кооперативное производство в Донской области.

Ключевые слова: промысловая кооперация, Донское казачье войско, военный отдел, промысловая артель, товарищество, казачья станица.

Abstract. The article reveals the features of producers' cooperation development on the territory of Don Cossack Army in late 19th – early 20th century. The main areas of cooperation and the significance of cooperative activity have been analyzed and the statistics about cooperative associations in Cossack villages of the Don region has been presented. Special attention is focused on the work of large-scale industrial enterprises – cooperative factories and plants and their role during World War I, especially those of arms cooperative production.

Key words: small producers' cooperation, Don Cossack Army, military district, small producers' artel, association, Cossack village.

В рассматриваемый период второй половины XIX – начала XX вв. особую значимость приобрели процессы, связанные с переходом страны к капиталистическому пути развития. Эволюция аграрных отношений на Дону повлияла на положение различных категорий населения, в первую очередь казачества и крестьянства. Донское казачество являлось активным участником всех происходивших на Дону событий социально-экономической и общественной жизни и сыграло важную роль в развитии края.

Необходимость приспособления казачества и крестьянства к новым социально-экономическим условиям, возможность повысить производительность труда в кооперативных объ-

единениях, «протест производителей» против скупщиков, чрезмерной эксплуатации явились предпосылками создания промысловых кооперативов в России, и в частности, на территории Донского казачьего войска.

Кооперативному движению на Дону посвящен ряд работ ученых-историков и краеведов – дореволюционные исследования, работы советского периода – с 20-х гг. до 90-х гг. XX столетия, и современные труды.

Уже в 1905 г. появляется работа А.И. Грекова «Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской области» [2]. В ней идет речь о создании новых промысловых кооперативных объединений (артелей) на территории Донского казачьего войска. В монографии С.Я. Арефина «Донское казачество прежде и теперь» говорится о кооперативном движении среди казаков, упоминается о создании первых кооперативных объединений [1].

В 20-е – 30-е годы XX в. историки продолжали создавать научные труды, в которых упоминалось о деятельности промысловой кооперации на территории Донского казачьего войска. К ним следует, прежде всего, отнести монографии М.Н. Донецкого «Донское казачество», «К истории Донского казачества» [3].

В 1990 г. издана книга под редакцией А.М. Анфимова «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период империализма» [5]. В ней приведены статистические сведения о деятельности различных кооперативных объединений в Донской области во второй половине XIX – начале XX вв., описаны основные направления работы промысловой кооперации на территории Донского казачьего войска.

В 2009 году вышла монография А.П. Корелина «Кооперация и кооперативное движение в России 1860 – 1917 гг.», в которой даются обобщающие статистические сведения по всем видам кооперативных объединений (включая промысловые) [4].

Основу данной статьи составили источники, обнаруженные автором в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). В

фондах архива, о которых речь пойдет далее, значимых для изучения истории Донской области (прежнее название Ростовской области) и Донского казачьего войска в целом, сохранился ряд документов, представляющих особый интерес для исследования. В фонде 86 – Хозяйственное правление Донского казачьего войска – содержатся важные материалы о возникновении и работе кооперативных объединений на территории Донского казачьего войска, в том числе промысловой кооперации, описывается работа первых артелей. В документах четко показан процесс взаимодействия Донского казачества и кооперации, приводятся ряд убедительных фактов и сведений, которые доказывают активную роль казачества в создании кооперативов, а в дальнейшем – об оказании им содействия и непосредственном участии в их работе казаков, приводятся различные статистические данные о развитии промысловой кооперации, подробно освещается деятельность ряда кооперативных объединений. Автором обнаружены такие важные для исследования документы, как отчеты о работе кооперативов, уставы кооперативных объединений, протоколы общих и чрезвычайных собраний кооперативов, различные материалы, связанные с проверкой их деятельности, приказы и распоряжения Наказного атамана Донского казачьего войска, распоряжения атаманов казачьих станиц, относящихся к деятельности кооперации, в том числе промысловой. Здесь также имеется переписка Наказного атамана с атаманами казачьих станиц, военным министерством, циркуляры военного министерства, имеющие отношение к работе промысловых кооперативов. В фонде 563 – Таганрогское металлургическое общество – говорится о деятельности таганрогского металлургического общества, одного из крупных промышленных кооперативных объединений в Донской области, о работе кооперативного металлургического завода, отчеты о работе общества, акт о передаче завода из частного владения в собственность кооператива.

В фонде 61 – Товарищества табачной фабрики – обнаружены протоколы заседаний

правления, отчеты о работе товарищества, акт о передаче фабрики из частного владения в собственность товарищества, протоколы собраний, материалы, связанные с проверкой работы фабрики.

В фонде 505 – Областной статистический комитет – находятся важные данные по различным кооперативным объединениям, имеются подробные сведения о работе различных промысловых кооперативов как в целом по всей Донской области, так и по дельным казачьим станицам региона.

В фонде 530 – Канцелярия Начальника Донской области – находятся необходимые для исследования по данной теме документы, такие, как отчеты о работе промысловых кооперативных объединений, доклады Наказного атамана об основных направлениях деятельности кооперативов, доклады и секретные донесения атаманов военных округов, атаманов казачьих станиц, офицеров Донского казачьего войска о результатах осуществления контроля за работой кооперативных учреждений в казачьих станицах и городах Донской области, а также приказы Наказного атамана (он же являлся начальником Донской области) по различным вопросам, связанным с работой промысловых кооперативов, уставы промысловых кооперативных объединений и их проекты. В документах приведены подробные сведения о деятельности кооперативных объединений, о работе крупных кооперативных предприятий (заводов и фабрик), описывается деятельность различных промысловых кооперативных объединений (обществ, товариществ, артелей).

Появление первых промысловых кооперативов на Дону относится к концу 60-х – началу 70-х гг. XIX в. Одними из первых в Донской области создаются артели, первые из них образованы в станицах Донского казачьего войска с целью организации совместной производственной деятельности. Инициаторами создания первых артелей в своей основной массе выступали казаки, об этом свидетельствуют заявленные ими ходатайства, направленные на имя Наказного атамана

на Донского казачьего войска¹. К 1870 г. на территории Донского казачьего войска работало 8 артелей, занимавшихся столярным производством, 5 артелей – слесарным производством, 7 – кузнечным производством и 4 строительные артели. Общая численность работников, занятых в артелях Донской области на 1 января 1870 г. составила 2540 человек².

В казачьих станицах Донской области строительные артели построили с 1871 по 1873 г. всего 240 жилых домов, 255 надворных построек, 46 административных зданий³. Отчет о работе артелей ежегодно предоставлялся Наказному атаману Донского казачьего войска. В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. производственные и трудовые артели возникают не только в казачьих станицах и прилегающих к ним населенных пунктах, но и в городах Донской области – Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге и т. д.⁴

В конце 70-х гг. на территории Донского казачьего войска появились другие более крупные промысловые кооперативные объединения – промышленные общества и промышленные товарищества. 18 октября 1878 г. открывает свои действия промышленное товарищество в станице Нижне-Чирской. Численность участников товарищества на момент возникновения составила 245 человек, к началу 1880 г. – 357⁵. Товарищество открыло свои действия на основании приказа начальника Донской области наказного атамана Донского казачьего войска Н.А. Краснокутского от 10 сентября 1878 г. после заявленного ходатайства казаков, проживающих в станице Нижне-Чирской, во главе с атаманом станицы Нижне-Чирской полковником Н.В. Орловым. При товариществе открыли столярное, слесарное, кузнечное и шорное производство, а позднее и мыловаренное. Делами товарищества ведало общее собрание и правление. Общее собрание созывалось не

¹ ГАРО–Государственный архив Ростовской области. Ф. 86. Оп. 1. Д. 45. Л. 150-154.

² ГАРО.Ф. 86. Оп. 1. Д. 45. Л. 60-64.

³ ГАРО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 49. Л. 110-114.

⁴ ГАРО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 17. Л. 40-44.

⁵ ГАРО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 18. Л. 80-84.

реже трех раз в год, в случае необходимости созывались чрезвычайные собрания. На общих собраниях обсуждались текущие дела товарищества, в конце каждого календарного года подводились итоги работы за год, утверждались планы работы на следующий год, проходили выборы Председателя и членов Правления товарищества¹. Председателя правления избирали сроком на три года путем прямого голосования на альтернативной основе.

В начале 80-х гг. первые промышленные общества и товарищества возникли в городах Донской области – Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге². На территории Донского казачьего войска создали первые в России крупные промышленные кооперативные предприятия – заводы и фабрики. Отличительной особенностью деятельности промысловой кооперации в Донской области, в частности работы заводов и фабрик, созданных при кооперативных объединениях, явилось не только их более раннее открытие по сравнению с другими регионами, но и передача ряда предприятий из частной собственности в собственность кооперативных объединений. Подобное явление на территории Донского казачьего войска наблюдалось с начала 80-х гг. XIX в. и до начала XX в. включительно³.

В 1881 году в Ростове-на-Дону из частной собственности в собственность кооператива (товарищества) был передан пивоваренный завод. Позднее, в 90-е гг. XIX в., из частной собственности в кооперативную перешли 3 табачные фабрики, металлургический завод, 3 пивоваренных завода, 4 кирпичных завода⁴. Открытие кооперативных заводов и фабрик, а также передача действующих в собственность кооперативов, допускалась только с разрешения наказного атамана Донского казачьего войска.

К началу 90-х гг. на Дону происходило стремительное развитие строительных арте-

лей, как в казачьих станицах, так и в городах Донской области. На Дону весьма успешно развивалось строительное дело, о чем свидетельствуют отчеты о работе строительных артелей, а также различные документы, связанные с проверкой деятельности кооперативных учреждений. На 1 января 1897 г. в Донской области действовали 24 строительных артели с числом работников 2240 человек, из них 10 артелей с числом работающих в них 1275 человек находились в городах, остальные – в казачьих станицах⁵. В 1898-1899 гг. в городах Донской области было построено 320 жилых домов, 195 административных зданий, а в казачьих станицах – 185 жилых домов, 378 надворных построек, 56 административных зданий.

Донское казачье войско являлось первым по численности казачьим войском в России и подразделялось на 7 военных округов⁶. Всего на территории Донского казачьего войска к 1901 году действовало 7 промышленных обществ и 14 промышленных товариществ, из них в 1-м Донском военном округе – 3 промышленных общества, 4 промышленных товарищества; в Черкасском округе – 2 промышленных общества и 3 промышленных товарищества; в Хоперском округе – 2 промышленных общества и 5 промышленных товариществ. Общая численность людей, занятых в промышленных товариществах на 1 января 1898 г. в Донской области, составила 7457 человек⁷.

Основополагающим документом, регламентирующим работу промышленных обществ и товариществ, а также ряда артелей, являлся их устав, принимавшийся обычно на первом общем собрании. Устав направлялся начальнику Донской области⁸.

Быстрый рост промысловой кооперации в Донской области наблюдался после событий 1905–1907 гг. Заметно увеличилось число кооперативных заводов и фабрик. Высокого уровня развития на территории Донского

¹ ГАРО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. 108-110.

² ГАРО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 45. Л. 210-212.

³ ГАРО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 46. Л. 160-164.

⁴ ГАРО. Ф. 505. Оп. 2. Д. 32. Л. 180-184.

⁵ ГАРО. Ф. 505. Оп. 2. Д. 36. Л. 200-204.

⁶ ГАРО. Ф. 505. Оп. 2. Д. 38. Л. 215-218.

⁷ ГАРО. Ф. 505. Оп. 2. Д. 45. Л. 90-94.

⁸ ГАРО. Ф. 505. Оп. 3. Д. 57. Л. 78-80.

казачьего войска достигло табачное, пивоваренное, металлургическое производства. По данным видам деятельности преобладали кооперативные предприятия. На 1 января 1908 г. из 7 табачных фабрик кооперативными были 4, из 5 пивоваренных заводов – 3 кооперативных, из 3 металлургических заводов – 2 кооперативных¹.

Широкое распространение в казачьих станицах Дона получило кирпичное производство. К 1908 г. в Донской области работало 11 кирпичных заводов, из них 8 – кооперативных, 3 из них находились в 1-м военном округе. К 1909 г. на территории Донского казачьего войска работало 12 промышленных обществ и 27 промышленных товариществ, число занятых в них людей на 1 января 1909 г. составило 13450 человек, а общее число людей, работающих во всех промысловых кооперативных объединениях – обществах, товариществах, артелях – 29850 человек².

В 1911 году в станицах Нижне-Чирской и Таганроге создаются цементные заводы, в Новочеркасске – кожевенный завод. В казачьих станицах Дона активно продолжали развиваться различные виды промыслов и производств, возникали новые артели. К наиболее распространенным видам кооперативных производств в станицах Дона относились кузнечное и шорное, к 1912 г. на территории Донского казачьего войска работало 20 кузнечных артелей и 25 шорных³.

Атаманы военных округов Донского казачьего войска и наказной атаман направляли заказы на изготовление сбруи, принадлежности седла, нагаек. Вышеуказанные атаманы способствовали развитию шорного производства – об этом говорят их соответствующие распоряжения и переписка с атаманами казачьих станиц. Для занятия шорным производством на работу в артели приглашали не только местных жителей, но и мастеров из других регионов. Им предоставлялось жилье, а также необходимое сырье и оборудование для работы.

Своего расцвета деятельность промысловой кооперации достигла к концу 1913 г. За 1913 г. в Донской области заметно возросло число кооперативных объединений и пополнились ряды их участников.

На 1 января 1914 г. на территории Донского казачьего войска насчитывалось 26 промышленных обществ и 57 промышленных товариществ, из приведенных выше данных следует, что число промышленных обществ и товариществ на Дону только за один 1913 г. возросло более чем в 2 раза. К началу 1914 г. в них трудились 33650 человек, а во всех промысловых кооперативах Донской области (включая и артели) – 74250 человек. В 1913 г. был создан ряд крупных промышленных предприятий – заводов и фабрик, как в городах Донской области, так и в казачьих станицах⁴.

В 1913 г. в Донском казачьем войске начали свою работу 8 кирпичных заводов, 3 цементных завода, 5 табачных фабрик, 3 пивоваренных завода, 2 металлургических, 4 мебельных фабрики, обувная и 2 кондитерские фабрики. Всего на территории Донского казачьего войска к концу 1913 г. успешно функционировали 39 кооперативных заводов и 16 кооперативных фабрик⁵.

Кооперативные заводы и фабрики отличались более высокой производительностью, чем частные и акционерные, об этом свидетельствуют данные Донского областного статистического комитета, согласно которым производительность труда на кооперативных предприятиях в среднем по Донской области была на 25% выше, чем на частных предприятиях, и на 17% выше, чем на акционерных.

Наиболее высокого уровня развития на территории Донского казачьего войска промысловая кооперация достигла в 1-м Донском и Черкасском военных округах. На территории Черкасского военного округа к началу 1914 г. действовало 11 промышленных обществ и 23 промышленных товарищества, на территории 1-го Донского округа – 8 промышленных обществ и 19 промышленных

¹ ГАРО. Ф. 505. Оп. 3. Д. 61. Л. 70-74.

² ГАРО. Ф. 530. Оп. 3. Д. 55. Л. 110-114.

³ ГАРО. Ф. 530. Оп. 3. Д. 57. Л. 66-68.

⁴ ГАРО. Ф. 530. Оп. 4. Д. 102. Л. 190-192.

⁵ ГАРО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 38. Л. 140-142.

товариществ¹. В Хоперском и Донецком округах широкое распространение получили производство деревянной посуды, мыловаренное, гончарное производство. По уровню развития маслоделательного производства Донская область заметно уступала Сибири и Уралу, однако к январю 1914 г. на территории Донского казачьего войска работало 12 маслоделательных артелей и 5 маслоделательных заводов, 3 из них находились на территории Черкасского военного округа, 1 – в 1-м Донском, 1 – в Усть-Медведицком округе².

К 1913 г. в Донской области находилось 32 строительные артели с числом работников 3450 человек. Развитие строительного дела кооператорами способствовало улучшению жилищных условий многих жителей станиц и поселков, прилегающих к ним, а также других сельских населенных пунктов Донской области.

В 1912-1913 гг. в казачьих станицах и других сельских населенных пунктах Донской области было построено 1265 жилых домов (из них 385 в Черкасском округе, 280 – в 1-м Донском), 295 административных зданий, 1545 надворных построек. В городах Донской области (Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге, Азове и других) – 720 жилых домов, 410 административных зданий³.

К 1914 г. на территории Донского казачьего войска работало 14 молочных артелей с числом работающих 1780 человек. Молочные артели занимались переработкой молока и производством молочных продуктов – сливочного масла, сметаны и т. д. Работники молочных артелей регулярно сдавали молоко, которое получали от дойных коров для реализации и переработки. Реализацию молока и молочной продукции молочные артели осуществляли через потребительские общества⁴.

Всего в 1913 г. молочными артелями за счет реализации молока и молочных продуктов было выручено 33400 рублей.

Промысловая кооперация активно способствовала подъему в Донской области не только промышленности, но и сельского хозяйства. По инициативе начальника Донской области наказного атамана В.И. Покотило в 1912-1914 гг. строились кооперативные заводы по производству сельхозмашин. К концу 1912 г. таких заводов стало 14, а к концу 1913 г. – 26. За 1913 г. кооперативные заводы произвели 12400 машин и сельскохозяйственных орудий на сумму 366,6 тыс. руб.⁵ Наиболее высокой производительностью отличались заводы по производству сельскохозяйственной техники в Новочеркасске, станицах Раздорной, Николаевской, Клетской. Появление кооперативных заводов, которые занимались созданием сельскохозяйственной техники, заметно улучшило состояние сельского хозяйства в Донской области в целом, что подчеркивал в своем докладе, направленном в военное министерство, наказной атаман Донского войска, и способствовало дальнейшему успешному росту сельскохозяйственной кооперации в регионе.

В начале 1914 г., с января по июнь на территории Донского казачьего войска открыли новые кирпичные заводы – всего 12 и к середине 1914 г. по всей Донской области их стало 29.

В Донецком округе в феврале 1914 года начал работать консервный завод. Открытые в 1912 – 1914 гг. кооперативные консервные заводы осуществляли в годы войны снабжение армии мясными консервами – в 1915 г. 40% мясных консервов, произведенных кооператорами Донской области, отправили в армию⁶.

Важное значение имело и мукомольное кооперативное производство. Только крупных мельниц в Донской области к тому времени было 124. Эти мельницы в год перерабатывали свыше 20 млн. пудов зерна.

По сведениям областного статистического комитета, к 1912 г. на территории Донской области насчитывалось 24 артели, которые занимались рыбной ловлей, из них 9 – в 1-м

¹ ГАРО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 39. Л. 250-254.

² ГАРО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 41. Л. 210-212.

³ ГАРО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 43. Л. 48-50.

⁴ ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 153. Л. 70-74.

⁵ ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 154. Л. 116-118.

⁶ ГАРО. Ф. 505. Оп. 1. Д. 104. Л. 186-188.

Донском округе, 8 – во 2-м Донском округе, 4 – в Хоперском округе, 3 – в Усть-Медведицком округе. К концу 1913 г. число таких артелей увеличилось до 38, а общее число участников составило 3420 человек¹.

Первые рыболовецкие артели в Донской области появились еще в 70-е гг. XIX в., а к концу 1913 г. рыбный промысел распространился в казачьих станицах Дона и стал одним из доходных промыслов в крае, что подтверждается созданием кооперативных рыбных заводов, которые занимались переработкой рыбы и изготовлением различных продуктов (рыбных консервов, икры и т. д.) Рыбная промышленность в Донской области существовала как целая отрасль, основу которой составляли кооперативы (90% по сведениям областного статистического комитета)².

Одной из особенностей деятельности промысловой кооперации в Донской области явилось развитие машиностроения. Первый завод, который производил оборудование для промышленного производства, открыли в Таганроге в 1908 г. по инициативе Наказного атамана Донского казачьего войска А.В. Самсонова. К началу 1913 г. таких заводов было 4, 5 заводов создали в 1913 г., к середине 1914 г. их насчитывалось 11. Оборудование, произведенное на кооперативных заводах Дона, отличалось высоким качеством и пользовалось спросом не только в Донской области, но и во многих других регионах России. В ходе реализации промышленного оборудования кооперативные заводы выручили 1 млн. 410 тысяч рублей³.

Успешная деятельность промысловой кооперации в Донской области продолжалась и в годы Первой мировой войны. К 1916 г. на территории Донского казачьего войска насчитывалось 34 промышленных общества и 65 промышленных товариществ, а к началу 1917 г. – 36 промышленных общества и 72 промышленных товариществ; численность занятых в них людей составила 44560 человек⁴.

Перед началом Первой мировой войны на территории Донского казачьего войска создаются оружейные кооперативные заводы и оружейные артели. Открытие первого оружейного завода в Донской области состоялось 16 марта 1914 г. в городе Таганроге. Основанием для этого явился циркуляр военного министерства от 5 февраля 1914 г. № 257 о разрешении к открытию оружейного кооперативного производства на территории Донского казачьего войска и приказ № 184 Наказного атамана Покотило от 25 февраля 1914 года⁵. Позднее оружейные заводы создали в станицах Нижне-Чирской и Усть-Медведицкой, а в 1915 г. – и в других станицах. К концу 1915 г. на территории Донского казачьего войска работало 6 оружейных кооперативных заводов. На данных заводах осуществлялось производство различных видов оружия, в том числе винтовок, пистолетов, пулеметов, а также боеприпасов – патронов и ручных гранат. На оружейном заводе в станице Нижне-Чирской в 1915 г. изготовили 570 тыс. ручных гранат, в 1916 г. – 712 тысяч; в станице Усть-Медведицкой в 1915 г. – 450 тысяч ручных гранат, а в 1916 – 548 тысяч⁶. Отчет о работе оружейных кооперативных заводов предоставлялся через каждые два месяца Наказному атаману и в военное министерство (в конце календарного года – годовой отчет). Контроль над работой оружейных кооперативов осуществлялся атаманами военных округов и офицерами казачьего войска. Наказной атаман имел список всех лиц, занятых в оружейном кооперативном производстве и сведения о его деятельности, докладывал в военное министерство о работе оружейных кооперативов и результатах их проверки.

В ряде казачьих станиц Дона при кооперативных объединениях появились оружейные мастерские, которые осуществляли ремонт как холодного, так и огнестрельного оружия. К 1916 г. в Донской области насчитывалось 14 оружейных мастерских с общим числом работающих 135 человек⁷.

¹ ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 156. Л. 200-206.

² ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 159. Л. 100-106.

³ ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 158. Л. 68-70.

⁴ ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 161. Л. 48-50.

⁵ ГАРО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 161. Л. 48-50.

⁶ ГАРО. Ф. 505. Оп. 1. Д. 99. Л. 76-78.

⁷ ГАРО. Ф. 505. Оп. 1. Д. 102. Л. 130-134.

На территории Донского казачьего войска кооперативы успешно осуществляли производство обмундирования и погон, в том числе и для казачьих войск. К 1916 г. действовало 15 артелей, изготавливавших обмундирование и погоны, в них трудились 1726 человек. В 1915 г. ими было изготовлено обмундирования и погон для 44500 человек. Данный вид производства, как и оружейный, находился под строгим контролем Наказного атамана и военного министерства¹.

В годы Первой мировой войны наказной атаман и атаманы военных округов уделяли внимание развитию шорного и кузнечного производства, а кооперативы выполняли их заказы.

Кооперативные табачные фабрики осуществляли поставки табачных изделий в воинские части (в том числе казачьи) в период войны.

Промысловые кооперативы оказывали материальную и иную помощь фронту и семьям ушедших на фронт. С 1914 по 1916 г. промысловыми кооперативами было перечислено 245 тыс. рублей на оказание помощи фронту и 134300 рублей – семьям ушедших на фронт.

Рост производительности труда на кооперативных производствах достигался благо-

даря добросовестному отношению к своим обязанностям большинства работников, развитию машиностроения промысловой кооперацией, что обеспечивало техническое оснащение кооперативных заводов и фабрик.

Промысловая кооперация в Донском казачьем войске в начале XX в. достигла высокого уровня развития и играла ведущую роль в деятельности промышленности в Донской области, оказала позитивные влияние на экономическое развитие края.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арефин С.Я. Донское казачество прежде и теперь. (Краткая история донских казаков). М., 1907. 64 с.
2. Греков А.М. Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской области. Таганрог: Тип. Чумаченко К.Д., 1905. 152 с.
3. Донецкий М.Н. Донское казачество: Историко-публицистические очерки / М.Н. Донецкий. Ростов н/Д., 1926. 128 с. Он же. К истории Донского казачества. Ростов н/Д., 1939. 176 с.
4. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860-1917 гг. / А.П. Корелин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 391 с.
5. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1990. 256 с.

¹ ГАРО. Ф. 505. Оп. 1. Д. 105. Л. 288-290.

УДК 947(470.4)''1914/1918''

Семенова Е.Ю.

Самарский государственный технический университет

ВЛИЯНИЕ МОБИЛИЗАЦИЙ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА НАСТРОЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Ye. Semenova

Samara State Technical University

THE INFLUENCE OF WORLD WAR I MOBILIZATION ON THE URBAN POPULATION OF THE VOLGA REGION

Аннотация. В статье рассматривается влияние мобилизаций периода Первой мировой войны на общественные настроения населения городов Поволжья. Выявлены различия в разных местностях и у разных групп населения региона, отмечавшиеся в ходе призыва в действующую армию, включая национальную и религиозную специфику. Показано, что отношение общества к мобилизации не было одинаковым на протяжении войны; мобилизации вызывали у горожан настроения от восторга и патриотизма до страха и отторжения, от патриотического подъема до осуществления погромов магазинов, выступлений против полиции. Мобилизация отразила имеющиеся в обществе и государстве национальные, религиозные, социальные, материальные противоречия, развившиеся в нежелании одних горожан и стремлении других служить в армии в условиях войны.

Ключевые слова: мобилизация, городское население, мировоззрение, Поволжье, Первая мировая война.

Abstract. The article considers the influence of World War I mobilization on the social mood of the population of the Volga region cities. The distinctions have been marked with the population of different localities, social groups, nationalities and religions during WWI conscription campaign. Public attitude towards mobilization was not unanimous during the war ranging from ecstasy and patriotism to fear and rejection resulting in shop pogroms and anti-police manifestations. Mobilization revealed national, religious and social contradictions that existed in the Russian society of the period and found their way in the desire of one part of population to join the army during the war and the other – to resist conscription.

Key words: mobilization, urban population, outlook, the Volga region, World War I.

Важным фактором, влияющим на настроения горожан Поволжья – тылового региона в годы Первой мировой войны, стала мобилизация. Первый призыв, по указу от 18 июля 1914 г., затронул в Поволжье жителей губерний Костромской, Нижегородской, Астраханской, Симбирской, Казанской, трех уездов Самарской, четырех уездов Саратовской, пяти – Ярославской, а по указу от 31 июля – и других территорий. Нестроевое население обязывалось поставлять в войска лошадей и повозки¹. За период 1914–1917 гг. в регионе прошло 19 мобилизаций: 5 – в 1914 г. (в июле, сентябре-ноябре), 6 – в 1915 г. (в январе, апреле, мае, августе, октябре), 7 – в 1916 г. (в феврале, марте, мае, августе-октябре), 1 – в 1917 г. (в феврале) [2, 65]. Мобилизация была неординарным событием в жизни призывника, его родственников, отражалась на настроениях и поведении горожан. Так, самарец В.М. Дубинин в воспоминаниях о призыве в армию в 1916 г. упоминает, как «огромная толпа» из «родных и знакомых»,

© Семенова Е.Ю., 2011.

¹ Государственное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области (ГУСО ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 66, 71.

собравшаяся у помещения воинского начальника на проводы «снесла деревянный забор», кричала «Бей фараонов!», оттеснялась полицией¹ [2, 18].

Мобилизации не подлежали трудящиеся оборонных предприятий (в 1914–1918 гг. на территории Астраханской губернии таких объектов было 66, Нижегородской – 290, Костромской – 54, Казанской – 88, Самарской – 137, Саратовской – 180, Ярославской – 73), телеграфисты, работающие на железных дорогах (кроме Ташкентской и Среднеазиатской), чины полиции, стражники². Восприятие «белого билета» жителями городов, где размещался призывной пункт, проходили сборы, не было единым. Часть обывателей были уверены в том, что не подлежат призыву, как, например, житель Самары, работавший на заводе № 3 и считавший: «раз я работаю на военно-промышленном заводе... меня на службу... не возьмут», когда объявили о мобилизации «от неожиданности как-то растерялся»³. Другие возмущались таким положением. Так, в ноябре 1914 г. в Н.-Новгороде обнаружили листок «К воинам», содержащий требование призывать «белобилетников», «ибо... это справедливо», в июле 1915 г. в Самаре на заборе нашли объявление похожего содержания, к октябрю 1915 г. население Сызрани, Сенгиля и Карсуна, по данным губернского жандармского управления (ГЖУ), «мирясь» с частыми призывами, возмущалось отсрочкой для полицейских, которых следовало бы заменить ранеными. К июню 1916 г. по Ярославлю отмечалось, что рабочие высказывают пожелание «об отмене льгот по призыву» на предприятиях, «где мужской труд легко заменить женским»⁴.

¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-8.

² ГУСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 226; Областное государственное учреждение Государственный архив Ульяновской области (ОГУ ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 1401. Л. 10; Россия в первой мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 18.

³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 1. Л. 2-6.

⁴ Государственное учреждение Государственный архив Ярославской области (ГУ ГАЯО). Ф. 906. Оп. 1. Д. 183. Л. 17-23; Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области (ГУ ЦАНО). Ф. 918. Оп. 8. Д. 558. Л. 7-8; ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2065 а. Л. 581-

Отличалось отношение горожан Поволжья и к самому факту мобилизации. С одной стороны, она воспринималась волжанами в целом спокойно, вызывали опасения только сроки ее проведения, которые могли совпадать с праздником, или возможность отправки на фронт всех трудоспособных мужчин. Так, в ноябре 1915 г. начальник казанского ГЖУ, а также его помощники отмечали, что мобилизации «не вызывали открытого недовольствия», «призываемые шли покорно: «призывают», «нужно идти»⁵. В Енотаевске Астраханской губернии до конца 1915 г., согласно данным ГЖУ, люди относились к призывам спокойно, но были озабочены возможностью их проведения в Рождество, а в октябре 1916 г. жителей губернии напугал слух о том, что «все до 50-ти летнего возраста будут призваны»⁶. По данным ярославского ГЖУ, в 1915-1916 гг. отношение населения к воинским призывам было «совершенно спокойное»⁷. С другой стороны, были случаи негативного отношения обывателей к призыву в армию. Так в апреле – мае 1916 г. писарский ученик Управления уездного воинского начальника В. Чиркин в Н.-Новгороде распространял сочинение «Солдатская песня», включавшее фразы: «Тяжела... военная служба, много вынесешь горя и бед», «Ты не плачь по ночам втихомолку... ты возьми... винтовку и начальство все... перебей»⁸.

Мобилизации сопровождалась притоком в города населения из уезда, что отражалось на городской среде, появлялись проблемы, вызывающие перемены настроений у обывателей. Так, в июльский призыв 1914 г. в Бугульме Самарской губернии собрались до 11 тыс. запасных, а бугульминцев было меньше 9 тыс., в Саратове – до 31,5 тыс. при населении в 242,4 тыс., в Аткарске Саратовской гу-

582; ОГУ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 69-72.

⁵ Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 32-48; Д. 1108. Л. 9-10.

⁶ Астраханское областное государственное учреждение Государственный архив Астраханской области (АОГУ ГААО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 1318. Л. 6; Ф. 286. Оп. 2. Д. 459. Л. 190.

⁷ ГУ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-7, 13-23.

⁸ ГУ ЦАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 1056. Л. 27.

бернии – до 35 тыс. призывников на 13,8 тыс. горожан, в Сердобске – 2028 при 23,8 тыс. населения¹.

В городах Поволжья мобилизации проходили по-разному. В ряде пунктов сбор новобранцев и запасных был хорошо организован, не было эксцессов, царил духовный подъем. «Благополучно» прошли призывы в июле – сентябре 1914 г. в Балашове, Кузнецке, Хвалынске Саратовской губернии; в Балаково, Николаевске, Бугуруслане, Новоузенске Самарской губернии; в Казанской губернии – в Чебоксарах в июле 1914 г., Казани в сентябре 1914 г., Ядрине и Тетюшах осенью 1914 г., Свияжске, Козмодемьянске, Спаске к концу 1914 г. и в феврале – апреле, июне, октябре – ноябре 1915 г.; в августе – октябре 1916 г. – Кузнецке; в феврале 1917 г. в Буинске Симбирской губернии². В таких пунктах, как в Кузнецке, Самаре, Чебоксарах были патриотические манифестации при участии «всех сословий», шествия с портретами государя, молебны, как в Царицыне, проводился сбор средств для семей запасных. Типичной стала картина, наблюдавшаяся в июльские дни 1914 г. в Николаевске Самарской губернии, где настроение запасных и населения было «патриотически приподнятое», население, «радуясь образцовому поведению запасных», старалось их «воодушевить», ежедневно «толпа народа с национальными флагами и портретами Государя» ходила «по улицам города с пением народного гимна и молитвы за царя», и такие манифестации ежедневно устраивались «на вокзале при отходе воинских поездов – куда стекается несколько тысяч народа», где ежедневно служились «напутственные молебны», играла духовая музыка, при отправлении поездов произносились

«патриотические речи», и «голоса уезжающих и всей провожающей толпы» сливались «в несмолкаемое русское ура»³.

Создание в городах условий по размещению призывников позволяло обеспечивать порядок и поддерживать мирное настроение жителей. Примером такой работы является деятельность сердобского уездного исправника, сумевшего организовать в Сердобске условия для приема запасных. В день выхода указа о мобилизации, 18 июля 1914 г., он просил губернатора оставить в городе казачью сотню, «опасаясь за спокойствие... до отправления запасных в части войска, которых должно прибыть до десяти тысяч человек», обосновывая мнение данными о том, «что для размещения запасных не будет достаточных помещений» и довольствия, что это «может послужить возникновению беспорядка» при штате городских в 17 человек⁴. Были уничтожены запасы алкоголя в лавках и трактирах (с последующей компенсацией владельцам), что позволило предотвратить возможные пьяные буйства. При повышении торговцами цен на продукты была введена такса на самые необходимые товары. В результате к 1 августа 1914 г. со стороны размещенных в Сердобске в зданиях учебных заведений ополченцев наблюдалось «достойное» поведение, а население не проявляло недовольства и беспокойства в связи с их присутствием⁵.

Иначе развивались события и проявлялись настроения общества в городах, в которых не обеспечили должным образом прием мобилизованных. Причем жители ряда городов выражали недовольство пассивно, в других же открыто критиковали власть, допускали противоправные действия. Так, определяя как «мирное» настроение ратников в Николаевске в августе 1914 г., представитель местного ГЖУ отмечал, что «некоторые из

¹ ГАСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 9, 92-95; Областное государственное учреждение Государственный архив Саратовской области (ОГУ ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 66; Ф. 53. Оп. 1. 1914. Д. 47. Л. 184.

² ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 36, 339, 344-346, 490; Д. 1933 а. Л. 107-108, 124, 139; Д. 2047. Л. 4; НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1493. Л. 101, 104; Д. 1504. Л. 161, 182; Д. 1507. Л. 53; Д. 1569. Л. 3, 16; Д. 1569. Л. 36-49, 72, 86; ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9780. Л. 48, 60; Д. 9801. Л. 56; Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 14; ОГУ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1393. Л. 7.

³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 17-20, 27, 347-348; НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1507. Л. 32-33; ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 7, 68-69; Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 150.

⁴ ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9382. Л. 1-1 об, 5.

⁵ ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9382. Л. 6-7, 26, 28-29, Д. 9388. Л. 66.

них плохо одеты», недовольны невыдачей казенного обмундирования, «ведут разговоры о том, что им скучно, и что лучше бы хоть отправили на театр войны, если... не нужны, то распустили бы домой», что неблагоприятно влияло на горожан¹. Проведение призыва в Петровске Саратовской губернии уездный исправник в августе 1914 г. оценивал как «благополучное», но отмечал, что вместе с солдатами обедают и их семьи, и призывники возмущались, что кому-то дается «излишек». А в сентябре, в результате наплыва в город родственников мобилизованных, появились недостачи продуктов и нехватка охраны, возникли эксцессы на почве попыток призывников провожать супруг домой и размещать жен на квартирах с призывниками². О влиянии семей мобилизованных на городскую среду в Балашове писал губернатору 1 октября 1914 г. местный предводитель уездного дворянства А.В. Сумароков, отмечая, что «семьи запасных и ратников усвоили себе обычай приезжать в город», что солдаты «забирались в отведенные запасным квартиры, проникали в столовые и поедали все что можно, последствием чего... не доставало обедов» [1, 174-177]. В Царицыне 21 июля 1914 г. жены запасных и призывники «ворвались в помещение сборного пункта», требовали «выдачи пособия, держали себя крайне взыскующее», выломали двери, бросали камни в военных, настроение горожан было «повышенное»³.

В ряде городов Поволжья призывники, в том числе вместе с частью местного населения, приняли участие в погромах продуктовых точек, сопровождавшихся столкновением с работниками правоохранительных структур, что негативно влияло на сознание обывателей, вызывая картину «обезлюдения», «омертвления» города. Такие беспорядки произошли в июле 1914 г. в Бугульме и Аткарске, где собравшиеся призывники вместе с родственниками количественно превос-

ходили местное население, не были организованы из-за отсутствия офицеров, а местные власти им не могли оказать серьезного противодействия (в Бугульме на 11 тыс. мобилизованных при составе населения в 8,6 тыс. человек приходилось 34 нижних чина управления воинского начальника; в Аткарске 30-35 тыс. призванных и их сопровождающих оказались среди 13,8 тыс. горожан)⁴. Причинами этих явлений стали: халатность администрации, военных властей; желание местных торговцев нажиться на фоне увеличения количества потребителей в городе при ограниченном продовольственном ресурсе; стремление родственников призывников сопровождать их до отбытия на фронт и питаться за счет государства в период пребывания на сборном пункте.

Негативно влияло на поведение мобилизованных в городской среде и их восприятие местным обществом потребление, несмотря на введение «сухого закона», алкогольной продукции. В некоторых городах Поволжья в ходе мобилизации неумеренное потребление алкоголя дестабилизировало жизнь, вызвало агрессию и насилие со стороны обывателей. Это стимулировалось такими причинами, как стремление уходящих «на войну», употребив алкоголь, «погулять напоследок»; отсутствие со стороны местной власти решительных мер по пресечению свободного распространения алкоголя; а также мер по его уничтожению на территории пункта проведения мобилизации, изъятию из торговых точек, трактиров и ресторанов; стремление одних горожан реализовать имеющийся алкоголь с целью получения прибыли, а других – за счет новой массы «дебоширов» получить «дармовой» доступ к спиртному. Негативное воздействие на общество «алкогольного вопроса» в ходе мобилизации июля - августа 1914 г. отмечалось в следующих городах Самарской губернии: Николаевске, Бугуруслане, Самаре, Бузулуке, Ставрополе, Новоузенске;

¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 571-571 об.

² ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 37, 43, 51, 60; Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 171-172.

³ ОГУ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 111, 113; Д. 48. Л. 5-7.

⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 9, 14-14 об., 92-95, 102; Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 13-14, 23-24, 50-53, 162, 331, 361-363 об.; ОГУ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 184-185, 211 об.

Саратовской губернии: Вольске, Камышине, Балашове; Сенгилее Симбирской губернии¹. Причем свидетели-современники отмечали обыденность употребления спиртного в связи с призывом в действующую армию, его доступность. В качестве примера можно привести ситуацию 1916 г. в Самаре: «Винной торговли в городе тогда не было, однако, кто хотел доставал по высоким ценам у торговцев спирт и даже коньяк... я встретил... товарищей, они шли с рекрутами, выпивши, с саратовской гармошкой, с песнями. А некоторые из них, наиболее отчаянные, громили на своем пути все, что им попадало под руки. На другой день я явился к воинскому начальнику... встретил многих новобранцев с подбитыми глазами, с повязками на головах. Некоторые из них явились... прямо из полицейской части»².

В поволжских городах, где проживало много мусульман и немцев, проявлялась тенденция «особого» отношения с их стороны к мобилизации. Для мусульман участие в войне с турками означало выступление против единоверцев, что в их среде осуждалось, а для части немцев война с Германией отторгалась, как борьба с исторической родиной. Так, в Николаевске в августе 1914 г. отмечалось, что «мобилизованные немцы... не веселы... большинство... втайне симпатизируют Императору Вильгельму и его подданным»³. О настроениях в Буинске (более 30 % жителей – мусульмане) Симбирской губернии в январе, августе 1916 г. представитель ГЖУ сообщал, что, в отличие от русских, мусульмане «недовольны частыми воинскими призывами, негодуют, что провожают на войну своих детей», чтобы избавиться от призыва «умышленно портят себя... голодом, прободением в углах барабанной перепонки, порчею глаз»⁴.

¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 11, 27 в, 56; Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 17-27, 571-571 об.; ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 2-3, 154, 156; Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Л. 128-130, 141-143, 217; ОГУ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1405. Л. 1-10.

² ГУСО ЦГАСО. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 1. Л. 2-6.

³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 571-571 об.

⁴ ОГУ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1487. Л. 224; Ф. 855. Оп. 1.

Уклонения от службы из-за желания не подвергаться опасности наблюдались со стороны представителей и иных групп населения. Причем подчеркнем, что на широкие слои горожан они действовали раздражающе. Еще в первую мобилизацию на территории городов Поволжья были зафиксированы случаи освобождения от призыва на основе подкупа должностных лиц, они отмечались и в последующем (в июле 1914 г. в Самаре проявлялось «негодование по поводу освобождения евреев от службы фиктивно»; в Николаевске к 31 августа исправник составил список из 11 горожан, по мнению возмущенных обывателей, освободившихся от призыва за взятки; по Балакову в августе 1914 г. были выявлены 15 «белобилетников» – состоятельных жителей, подозреваемых в откупе от службы; в Балашове в марте 1915 г. циркулировали слухи о том, что получают «белый билет» подлежащие отправке на фронт 10 купцов; в Цивильске Казанской губернии 10 сентября 1915 г. появилось анонимное объявление, содержащее фразы: «богат на деньги берет, а бедный не начто не берет: т. е. богатый остается на деньги, а бедный не на что не остается за неимением денег, справедливо ли это?»; в ноябре 1916 г. в Аткарске население было «озлоблено» из-за «освобождения Комитетом по предоставлению отсрочек лиц... материально обеспеченных»⁵).

Явление «уклонения» включало следующие аспекты: 1) некоторые обыватели, чтобы не призываться, причиняли вред своему здоровью, 2) такие примеры формировали у горожан подозрительное отношение к любому, получившему отсрочку, что подтверждают факты (в феврале 1915 г. в Балашове появился слух, «о неправильном освобождении» от призыва Е. Бирюкова, производящего «впечатление совершенно здорового»; в марте 1915 г. недоверие «болезнью» И. Близнюкова выразили камышинцы; в апреле 1915 г. жители Спасска возмущались «нездоровьем»⁶).

⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 43, 432 об., 441-442 об.; Д. 1933 а. Л. 11-12 об.; НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1544. Л. 1, 5; ОГУ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 58 – 59; Ф. 53. Оп. 1. 1915 г. Д. 10. Л. 345, 434.

ратника, которому стало плохо; осенью 1915 г. самарец Л. Ильин был изобличен в приеме перед освидетельствованием наркотика, нарушающего работу сердца; по участкам Саратова за декабрь 1915 г. были составлены списки на 522 разыскиваемых и 68 уклоняющихся от службы)¹.

Отношение к мобилизации в годы войны со стороны призывников, проявляемые ими формы недовольства были заметны для горожан. Так, в Аткарске 19 августа 1915 г. часть призывников, недовольных тем, что одних определили в дружину, расположенную в Аткарске, а других – в батальон, квартирующий в Пензе, толпой до 200 человек прошествовали к канцелярии уездного воинского начальника требовать назначения по жребию, а через год, 28 октября 1916 г., на заборе у дома городского головы нашли воззвания с призывом к забастовке, составленное, по мнению сотрудников ГЖУ, ратниками ополчения, не получившими от управы сахара². В Макарьевске Нижегородской губернии в октябре 1917 г. из комиссии по освидетельствованию эвакуированных воинских чинов солдаты изгнали врача А.П. Введенского «за неправильную... оценку пригодности их к продолжению... службы»³.

Мобилизации периода Первой мировой войны оказали существенное влияние на общественные настроения горожан Поволжья. Изменения в составе населения городов

создали условия, неблагоприятные для жизни местного общества. Среди них выделялись: рост цен на продовольствие, причинение вреда имуществу обывателей, опасение горожан за себя в связи с наплывом неконтролируемого, нетрезвого, чуждого для городской среды крестьянского элемента, выявление слабости правоохранительных структур, которые не могли предотвращать «опасных» выходов как прибывших в город, так и местной публики. Наиболее негативная ситуация возникла в городах, население которых не имело численного перевеса над призывниками, а местные власти не обеспечили условий приема запасных и новобранцев.

Мобилизация отразила имеющиеся в обществе и государстве национальные, религиозные, социальные, материальные противоречия, выразившиеся в годы войны в нежелании одних горожан и стремлении других служить государству в той форме, какую оно от подданного требовало. Одновременно мобилизация проявила лучшие качества человека – патриотизм, уважение к потенциальным защитникам Отечества, неприятие меркантильности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Посадский А. Письмо предводителя дворянства // Волга – XXI век. 2004. № 1-2. С. 174-177.
2. Россия в первой мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 65.

¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1878. Л. 612; НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1569. Л. 52; ОГУ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1915 г. Д. 10. Л. 365, 383, 404, 436; Ф. 60. Оп. 1. Д. 314. Л. 103 об.

² ОГУ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 382. Л. 66, 69; Д. 410. Л. 325-326.

³ ГУ ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 43. Л. 365-366.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 331.1(571.54)(09)

Баранова Н.С.

Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И СТРУКТУРА ВЕРХНЕУДИНСКОЙ БИРЖИ ТРУДА В 20-е гг. XX в.

N. Baranova

Buryat State University (Ulan-Ude)

VERHNEUDINSK LABOR EXCHANGE IN 1920s. STRUCTURE AND ORGANISATION

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса становления Верхнеудинской биржи труда. В 20-е гг. XX в. в Бурятии наблюдался рост безработицы, и государство в борьбе с этим явлением сделало ставку на биржи труда. Основная деятельность биржи заключалась в посредничестве между спросом и предложением на труд. Показано, что структурное оформление Верхнеудинской биржи труда началось с утверждения штата, а также её руководящего органа – Комитета, и что для планомерной работы при бирже учреждались профессиональные секции, налаживалась связь с другими биржами труда, хозорганами. Процесс организационного оформления Верхнеудинской биржи труда сдерживался возникающими с началом деятельности биржи проблемами, такими, как недостаточное финансирование, нехватка кадров, неудовлетворительное состояние здания.

Ключевые слова: биржа труда, безработица, штат, корреспондентские пункты, профессиональные секции, финансирование.

Abstract. The subject of the article is establishment process of Verhneudinsk Labor Exchange. In 1920s Buryatia suffered from growing unemployment, so the government struggling with this problem relied on labor exchanges. The primary activity of a labor exchange is to serve a mediator between labor force supply and demand. The Verkhneudinsk Labor Exchange structure started to shape from approval of the staff and the governing body, the Committee. For the labor exchange to work systematically the occupational units were arranged along with communication with other labor exchanges and state organizations. Organizational shaping of Verhneudinsk Labor Exchange was constrained by first-step troubles: e.g. insufficient funding, personnel shortage, poor condition of the building.

Key words: employment exchange, labor exchange, unemployment, staff, correspondent offices, occupational units, funding.

Сегодня, когда вопрос трудоустройства в нашей стране стоит очень остро, особую роль в его решении играет деятельность таких органов государственного регулирования, как центры занятости населения или биржи труда. Учитывая, что проблема безработицы не нова и биржи труда уже имеют свою историю, появляется необходимость изучения опыта прошлых лет.

Как и сегодня, в 20-е гг. XX в. в Республике Бурятия наблюдался рост безработицы. Так, на Верхнеудинской бирже труда в период с 1 ноября по 1 декабря 1921 г. предложение тру-

да составляло 269 человек, тогда как спрос на труд – всего 90¹. На 1 марта 1923 г. численность безработных, зарегистрированных на Верхнеудинской бирже труда, составляла 1227 человек²; на 1 апреля 1924 г. их численность достигла 1851³; за период с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 г. было зарегистрировано уже 3382 человека⁴. Таким образом, ситуация на рынке труда, которая еще до 1921 г. характеризовалась нехваткой рабочих рук не только в Бурятии, но и во всей России, резко сменилась на противоположную.

Сложившаяся ситуация не осталась незамеченной государством, которое основную ставку в борьбе с безработицей сделало на биржи труда. В Бурятии в соответствии с Приказом Аймачного революционного комитета № 119 от 28 октября 1922 г. для регулирования рынка труда была организована Верхнеудинская биржа труда вместо мобилизационно-распределительного отдела труда⁵.

Основная деятельность Верхнеудинской биржи труда заключалась в посредничестве между спросом и предложением на труд. Основными функциями были: регистрация предложений и спроса труда, исполнение заявленного спроса, текущая переписка с предприятиями и учреждениями по вопросам рынка труда, а также выдача безработным разного рода справок⁶.

Структурное оформление Верхнеудинской биржи труда началось с утверждения её руководящего органа – Комитета биржи труда (далее Комитет)⁷. Его ведению подлежали следующие вопросы: установление внутреннего распорядка биржи труда; разработка смет и распределение отпущенных по ним кредитов; учреждение в составе биржи профессиональных секций; организация для безработных общежитий, столовых, чайных,

библиотек, читален и других культурно-просветительских учреждений; утверждение отчетов биржи; разработка и проведение различного рода мероприятий для борьбы с безработицей, организация производственных артелей, содействие в организации общественных работ⁸. Таким образом, государство закладывало определённую самостоятельность в деятельность Комитета, в сферу внимания которого входил обширный круг вопросов.

Все текущие вопросы обсуждались и решались на заседаниях Комитета, которые делились на очередные, проходившие не реже двух раз в месяц, и внеочередные, которые могли созываться председателем по собственной инициативе либо по требованию двух членов Комитета. Все вопросы разрешались простым большинством голосов. При равенстве голос председателя давал перевес. Следует отметить, что не все решения Комитета могли быть воплощены в жизнь – Губернский отдел труда имел право отменить любое его постановление. Это должно было заставить Комитет действовать хоть и самостоятельно, но в определённых рамках. Следует отметить, что на первых порах заседания Верхнеудинского комитета биржи труда были недостаточно продуктивными, так как многие его члены часто отсутствовали. В результате этого Комитет не мог вынести какое-либо решение по тому или иному вопросу, а зачастую заседания и вовсе срывались⁹. Таким образом, несмотря на мероприятия, направленные на организацию Комитета, на январь 1924 г. он фактически не проявлял полноценной деятельности. Данное положение дел объясняется тем, что те органы, которые должны были выдвинуть в Комитет своих представителей, находились еще на стадии организационного оформления¹⁰.

Неотъемлемым структурным элементом любого учреждения является штат работников. Предполагаемое количество работников Верхнеудинской биржи труда должно было

¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 56. Оп. 1. Д. 26. Л. 87-87 об.

² НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

³ НАРБ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 103. Л. 30.

⁴ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 64. Л. 10.

⁵ НАРБ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 23. Л. 85.

⁶ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 11. Л. 48.

⁷ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

⁸ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 30. Л. 70.

⁹ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

¹⁰ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.

составлять девять человек¹. Однако, несмотря на это, на первое полугодие 1926 г. штат биржи труда состоял из трех человек: заведующего биржей труда, регистратора-статистика и переписчика². В сравнении с объемом разносторонней работы и масштабами движения безработной массы, данное количество сотрудников являлось крайне недостаточным. Нагрузка на каждого сотрудника была более чем полная. Об этом говорят следующие данные: в среднем в день регистрировались 35 человек, посылались на работу – 27 человек, принималось телефонограмм спроса на труд – 16, производилось отметок возвратившихся с работ – 12 человек. Кроме этого, требовались еще выдача разных справок, как безработным, так и нанимателям, касающихся трудового посредничества; разработка карточных каталогов к заполнению профлистов; разного рода переписка; составление статистической отчетности и сводок по рынку труда; подбор безработных для удовлетворения поступившего спроса и запись адресов для вызова таковых³. Таким образом, существующий штат Верхнеудинской биржи труда не справлялся с возложенной на него работой, что в свою очередь значительно тормозило деятельность всей биржи труда. И, несмотря на постоянные просьбы об увеличении штата, положение оставалось неизменным⁴.

Структурной основой всех бирж труда в СССР являлось их деление на секции, которые организовывались для того, чтобы регистрация безработных производилась по профессиональному и производственному признаку. В октябре 1923 г. было разработано и утверждено положение о работе профессиональных секций, организуемых при Верхнеудинской бирже труда⁵. По положению, секция могла быть организована в самостоятельную трудовую единицу, если в ней насчитывалось не менее 10 человек, если же меньше, то данная секция могла быть объединена

с другой, родственной по профессии. Ввиду отсутствия при бирже труда Бюро подростков, и учитывая необходимость подготовки квалифицированной рабочей силы, было необходимо создание секции подростков без подразделения на отдельные профессии, принимая во внимание то, что среди подростков квалифицированных работников почти не было⁶.

Для наиболее планомерной работы отдельных секций в 1924 г. при бирже труда учреждалась должность заведующего профессиональными секциями. Но вскоре эта должность была опять упразднена в связи с сокращением штатов⁷. Соответственно, за отсутствием заведующего, на январь 1924 г. секции при бирже труда организованы не были, и вся работа по урегулированию велась заведующим биржей труда с профсоюзами. А так как многие союзы находились в разных частях города, эта работа была не совсем продуктивной⁸. Поэтому с 23 мая 1928 г. была проведена реорганизация секций при бирже труда. Для этого все существующие мелкие секции упразднялись, а все безработные делились на три основные группы: физического труда, производственного и умственного. Также существовала Юнсекция, которая осуществляла учет и регистрацию подростков до 18 лет, желающих трудоустроиться⁹.

Структурным подразделением биржи труда были корреспондентские пункты. Они являлись отделениями местных бирж труда и служили только местом для регистрации спроса и предложений труда данной местности, в остальном они полностью подчинялись местной бирже труда, к которой относились. На 1 февраля 1924 г. при Верхнеудинской бирже труда по всей республике существовало три корпункта: Петрозаводской, Баргузинский и Троицкосавский. Понятно, что деятельность трех пунктов не могла удовлетворить всех желающих встать на учет в качестве безработных. А организа-

¹ НАРБ.Ф. 56 Оп. 1 Д. 44 Л.54

² НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 64. Л. 59.

³ НАРБ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 103. Л. 30.

⁴ НАРБ.Ф. 191 Оп. 1 Д. 10 Л. 39

⁵ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.

⁶ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 10. Л. 83.

⁷ НАРБ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 103. Л. 30.

⁸ НАРБ.Ф. 191. Оп. 1. Д. 20 Л. 29.

⁹ НАРБ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

ционная незавершенность, нехватка средств, отдаленность местонахождения для некоторых населенных пунктов еще больше усложняли сложившееся положение на рынке труда. Ситуация еще более усугубилась, когда корреспондентский пункт Петровского завода, вследствие нового административного деления, отошел к Читинской бирже труда, а корпункт Баргузинского района, вследствие сокращения штатов по Народному Комисариату труда, был ликвидирован¹. Функционировал только один – в Троицкосавске, связь с которым оставалась очень слабой².

Взаимодействие с другими биржами труда СССР заключалась в обмене ежемесячными сведениями о состоянии рынка труда. Зарегистрированы случаи запроса Читинской и Хабаровской бирж труда на строительных рабочих. Но ввиду того, что на Верхнеудинской бирже труда был большой спрос на эту группу рабочих, в отправке было отказано³. Взаимоотношения с профсоюзами проявлялись в совместном решении принципиальных вопросов регулирования рынка труда и деятельности профсоюзов⁴. Связь поддерживалась путем посещения заседаний, разработки вопросов, касающихся совместной работы, особенно по вопросам трудоустройства членов профсоюзов⁵. С хозорганами биржа имела дела по вопросам найма рабочей силы, но нередко случались недоразумения на почве неправильного приема или увольнения рабочих⁶. Большим тормозом правильного регулирования рынка труда, а также удовлетворения спроса было то, что договоры на поставку рабочей силы с хозяйственниками не были заключены. Хозяйственники не ставили биржу в известность о требуемом количестве рабочей силы заблаговременно, а трудоустраивали безработных самостоятельно, минуя биржу труда⁷. В регулировании безработицы среди женщин поддерживалась

связь с Женотделом и с Советом по борьбе с проституцией⁸. Связь со Страховой кассой выражалась в регулировании выдачи пособия по безработице⁹.

Значимой проблемой для Верхнеудинской биржи труда на протяжении всей ее деятельности было неудовлетворительное состояние материальной базы. Если до 1927 г. оно в отношении занимаемой площади еще более или менее соответствовало количеству безработных, то уже с 1 октября 1927 г. помещение, занимаемое биржей труда, совершенно не отвечало никаким требованиям, как по объему площади, так и по санитарно-гигиеническим условиям. Циркулярами НКТ и НКЗ, площадь на каждого безработного была предусмотрена не менее 2-х квадратных метров. В действительности же площадь всей биржи труда являлась недостаточной даже для 1/3 части безработных, особенно в зимнее время, когда наблюдалось большое скопление народа. Здание было ветхим и холодным, зал ожидания и комната для работы сотрудников биржи были очень малы. Таким образом, неудовлетворительное состояние здания биржи также осложняло работу сотрудников, которые к тому же находились под постоянной угрозой инфекционных заболеваний¹⁰. И, несмотря на неоднократность составления актов органами санитарного надзора о непригодности помещения биржи труда и ходатайств о предоставлении другого помещения, они так и не были удовлетворены. Биржа труда продолжала размещаться в помещении, не отвечающем требованиям общей гигиены и санитарным нормам¹¹.

Другой немаловажной проблемой Верхнеудинской биржи труда было недостаточное финансирование. Местный бюджет не принимал никакого участия в расходах по содержанию биржи труда, корреспондентских пунктов и секций¹². Они содержались за счет государства и местных органов само-

¹ НАРБ.Ф. 191. Оп. 1. Д. 20. Л. 29-30 об.

² НАРБ.Ф. 191. Оп. 1. Д. 30. Л. 65 об.

³ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 64. Л. 1. об.

⁴ НАРБ. Ф. 192. Оп.1. Д. 103. Л. 3.

⁵ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 20. Л. 29

⁶ НАРБ. Ф. 192. Оп.1. Д. 103. Л. 3.

⁷ НАРБ.Ф. 191. Оп. 1. Д. 42 Л. 36 об.

⁸ НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.

⁹ НАРБ.Ф. 191. Оп. 1. Д. 30. Л. 67.

¹⁰ НАРБ. Ф.191. Оп. 1. Д. 30. Л. 70.

¹¹ НАРБ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 103. Л. 31.

¹² НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 64. Л. 13.

управления¹. Средств на содержание биржи, на хозяйственные и канцелярские расходы, дезинфекцию помещения, ремонт, а также проведение экспертизы безработных не выделялось. Такая финансовая несостоятельность биржи не предоставляла возможности выписывать необходимые газеты, журналы и приобретать канцелярские принадлежности. Средства, выделяемые НКТ, были очень незначительными и не могли исправить ситуацию в целом. Комитет биржи труда неоднократно отмечал крайне неправильное

отношение со стороны НКТ РСФСР к вопросам финансирования Верхнеудинской биржи труда².

Таким образом, структурное оформление Верхнеудинской биржи труда происходило на протяжении 1920-х гг. Необходимо отметить, что этот процесс постоянно сдерживался проблемами, возникающими с началом деятельности биржи, поэтому так и не был завершен в полной мере на протяжении всего существования данного государственного посреднического органа.

УДД 94(470)-058.12 «1920/1930»

Ефремов С.И.

Московский государственный областной университет

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЫВШИХ ДВОРЯН В СССР (1920-е -1930-е гг.)

S. Yefremov

Moscow State Regional University

FORMER NOBLEMEN'S LABOUR ACTIVITY IN THE USSR (1920–1930)

Аннотация. В данной статье исследуется профессиональная деятельность бывших дворян в послереволюционной России и СССР в период 1920-х-30-х гг. на примере представителей нескольких дворянских фамилий. Цель статьи – выделение проблем, с которыми столкнулись бывшие дворяне на пути социальной адаптации и трудоустройства, а также описание способов, с помощью которых отпрыски аристократических фамилий, лишённые привилегий и родовых поместий, приспосабливались к изменившейся социально-экономической обстановке и находили средства к существованию. В качестве исторических источников для написания статьи использованы мемуары представителей княжеского рода Голицыных («Записки» К.Н. Голицына и «Записки уцелевшего» С.М. Голицына).

Ключевые слова: дворянство, классовая дискриминация, князя Голицыны, Аксаковы, Зворыкины, князя Хилковы, социальная адаптация.

Abstract. The article is concerned with professional activity of the former noblemen in post-revolutionary Russia and the USSR in the period from 1920 to 1930 years by example of the members of some noble families. The study is aimed at pointing out the problems which the former noblemen faced during their social adaptation and job hunting. By using the writings of the members of the Golitsyn princely family (K.N.Golitsyn's "Note" and «Notes escaped» by S.M.Golitsyn) the author also focuses on the description of the ways the aristocratic offsprings chose to adapt to the changed social and economic conditions and earn their living while being deprived of all privileges and patrimonial estates.

Key words: nobility, class discrimination, the Golitsyns, Aksakovs, Zvorykins and Hilkovs Princes, social adaptation.

© Ефремов С.И., 2011.

¹ НАРБ. Ф. 191. Оп.1. Д. 64. Л.1.

² НАРБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 42. Л. 19.

История русского дворянства после 1917 г. ставит перед исследователем две ключевые проблемы: проблему модернизации аристократической семьи, то есть адаптации бывших дворян к радикальным изменениям в социально-экономическом и общественно-политическом укладе, и проблему сохранения традиции – трансляции устоявшейся дворянской культуры и дворянского самосознания. Без изучения этих вопросов в их сложной динамической взаимосвязи комплексное исследование темы невозможно.

Модернизация и связанные с ней социокультурные и антропологические явления (переход от многочисленной дворянской семьи-клана к компактной современной «ячейке общества», феминизация и повышение социальной мобильности) были актуальны как для представителей дворянских фамилий, покинувших Россию, так и для тех, кто остался «по эту сторону границы». Причем для эмигрантов, которым приходилось интегрироваться в иную языковую и культурную среду, новая среда обитания зачастую была менее враждебна, чем для «советских дворян» – советское общество и государство.

После Октябрьской революции русское дворянство потеряло сословные привилегии – 24 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [4, 57]. Последовавшая затем экспроприация земельной собственности лишила многих бывших дворян основного источника существования. Задача поиска новых источников дохода осложнялась тем, что они подверглись дискриминации по классовому признаку и были фактически «отлучены» от сколько-нибудь значимых позиций в хозяйственной сфере и бюрократическом аппарате. В результате, в каждом отдельно взятом случае адаптация и трудоустройство происходили по-разному – в зависимости от знаний, навыков и умений конкретного дворянина (дворянки), региона проживания, накопленного «социального капитала» (связей), а также стечения случайных обстоятельств. Трудности с поиском работы, адекватной уровню образова-

ния и соответствующей предыдущему роду деятельности, возникали у всех «бывших» (особенно у представителей старшего поколения, родившихся в 1870-е гг. и раньше). В то же время ассимиляция дворян в общей массе трудящегося населения была неизбежна [9].

Из всех категорий так называемых «бывших людей», к которым при советской власти также относили купечество, священнослужителей и прочих «классовых врагов», дворяне наиболее интересны, так как многие из них до революции жили не столько службой, сколько доходами с родовых имений. Для этого сословия процесс адаптации и трудоустройства был наиболее сложным, а виды профессиональной деятельности, в силу необходимости – наиболее разнообразными. В качестве конкретных примеров нами были выбраны трудовые биографии в советский период отдельных представителей четырех дворянских фамилий, до революции владевших земельными угодьями – князей Голицыных, Аксаковых, князей Хилковых и Зворыкиных.

Данную выборку можно считать репрезентативной, поскольку каждая из этих фамилий олицетворяет определенный тип дворянской семьи и отличается от другой по численности, степени политической активности в досоветском обществе, преимущественным местам проживания, а также по степени изученности в специальной литературе и другим факторам.

Например, княжеский род Голицыных – один из самых заметных аристократических родов в российской истории, а также один из самых многочисленных: в поколенной росписи, составленной князем Н.Н. Голицыным в конце XIX в., фигурируют более 1200 человек [6]. Князя Хилковы, напротив, являются «малочисленным аристократическим родом с дискретной политической активностью» [8, 22]. Род Аксаковых, из которого вышел писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, принадлежит к числу старейших дворянских фамилий (известен с XI века) [7]. Зворыкины – фамилия «молодая» и ведется с XVIII в.

[10]. Период 1920-х – 1930-х гг. выбран, поскольку в это время происходили наиболее масштабные сдвиги в общественном укладе, вынуждавшие бывших дворян проявлять максимальную мобильность.

Уникальность каждой из перечисленных фамилий, ее характеристик и исторических судеб обуславливала и специфические способы обустройства представителей рода в новой жизни. Однако различия лишь подчеркивали социальную общность бывших дворян и схожесть проблем, встававших перед ними на пути к социальной адаптации и трудоустройству. Главной проблемой, бесспорно, являлось не отсутствие тех или иных профессиональных знаний, а враждебное отношение среды и отсутствие у самих дворян жестких карьеристских установок. С.А. Чуйкина, рассматривая проблему «реконфигурации социальных практик» в дворянской среде в советские годы, выделяет, на примере мужской линии Зворыкиных, следующий исходный момент: «Основные этапы их биографии: получение образования в закрытом учебном заведении в Москве или Петербурге, ранняя отставка, самореализация в хозяйственной деятельности либо в какой-либо непрофессиональной области, женитьба. Надо особо отметить, что именно женитьба позволяла мужчинам начать самостоятельную деятельность по благоустройству имения» [10, 84]. И далее: «Необходимо отметить особенность, присущую дворянской культуре в целом, которая нашла отражение и в жизни братьев Зворыкиных: аристократу «не подобало» быть профессионалом» [10, 84].

Тем не менее из дворянской среды вышло немало профессионалов высокого уровня. К примеру, отец автора «Записок» Кирилла Николаевича Голицына (1903 – 1990) князь Николай Владимирович Голицын (1877–1942) был крупным ученым-архивистом, владел одиннадцатью иностранными языками и незадолго до революции занял должность директора Санкт-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел [5, 28]. В «Трудовом списке», введенном в 1926 г. для всех советских служащих, сохранились сле-

дующие записи о его трудовой деятельности с 1918 по 1924 г.: «помощник делопроизводителя в канцелярии правления железной дороги, старший конторщик, делопроизводитель отдела лесозаготовок, старший статистик» [5, 387]. Послереволюционная трудовая биография Николая Владимировича – яркий пример несоответствия деятельности уровню образования и имеющимся профессиональным навыкам. Кирилл Николаевич Голицын, в 1923 г. вынужденный из-за ареста бросить учебу в Архитектурном институте, в тот же период занимался художественно-оформительской деятельностью. В его автобиографии, написанной для получения заграничного паспорта, сказано: «Осенью 1928 года участвовал в оформительских работах в музее «Ясная Поляна» по подготовке к 100-летию юбилею Л.Н. Толстого. С января 1929 года был принят в штат сотрудников музея, где и проработал до 1932 года... В период с 1932 по 1941 год работал в Москве на договорных началах по оформлению музеев, выставок, а также в издательствах» [5, 375]. Можно сделать вывод, что автору «Записок» в этом плане повезло больше – так и не получив высшего образования, он все же смог работать в соответствии со своими наклонностями и полученными знаниями.

Двоюродный брат Кирилла Николаевича, князь Сергей Михайлович Голицын (1909 – 1989) с детства задумывался о литературном поприще [3, 84]. Впоследствии он закончил Высшие литературные курсы и в 1930-е гг. стал публиковать детские рассказы в журналах «Мурзилка», «Чиж» и др., впоследствии став профессиональным писателем. Кроме того, в 1930-е гг. Сергей Михайлович работал топографом и принимал участие в строительстве канала им. Москвы. Примеры младших Голицыных (Кирилла Николаевича и Сергея Михайловича), родившихся в первое десятилетие XX в. и прошедших вторичную социализацию уже в советских институтах, показывает, что это поколение успешнее приспособлялось к окружающей действительности, чем предшествующее, несмотря на то, что их родители и дяди, состоявшиеся как

личности еще в дореволюционный период, обладали большим багажом профессиональных знаний и большим жизненным опытом.

Профессиональная деятельность живших в РСФСР, а затем – в СССР членов княжеского рода Хилковых в данный период складывалась достаточно разнообразно. Князь Борис Дмитриевич Хилков (1889 – 1938) после военной службы, в 1920-1930-е гг. работал старшим редактором законодательного отдела Реввоенсовета СССР, занимался сельским хозяйством и являлся бухгалтером в колхозе – до ареста и расстрела в марте 1938 г. [8, 272-275]. Его брат, Александр Дмитриевич (1898–1947), родившийся и живший до 1934 г. в Великобритании, после приезда в Советский Союз работал столяром-модельщиком на вагоноремонтном заводе в Ленинграде и писал статьи для журналов «За рубежом», «Вокруг света», «Рабселькор», «Вагоностроитель», а также работал над романом об эмиграции «Обнаженные корни», две части которого были опубликованы в 1940 г. при содействии А.М. Горького. Сын Бориса Дмитриевича, Михаил Борисович Хилков (1911–1987) по окончании Дальневосточного рисо-мелиоративного техникума в городе Уссурийске был в 1933 г. направлен на гидротехнические работы в рисосовхоз. Там же он занимался топографией и был по совместительству прорабом гражданского строительства [8, 278-280]. В целом, представители этой фамилии продемонстрировали высокую степень социальной мобильности, которая позволяла им заниматься разными видами деятельности в соответствии со складывающимися обстоятельствами. К сожалению, карьерным достижениям Хилковых (как и всех бывших дворян) препятствовали репрессии и разнообразные виды административного прессинга, дискриминации «бывших».

Из представителей фамилии Аксаковых необходимо упомянуть Бориса Сергеевича Аксакова (1886–1954), бывшего офицера, который в первой половине 1920-х гг. служил «в различных учреждениях. В 1923 г., например, – на Сызранско-Вяземской железной дороге», а в 1928 г. подписал трехлетний контракт

и уехал в Казахстан, в Кызыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжением республики [7, 78-79]. В 1930-е гг. Борис Сергеевич работал экономистом в различных организациях, в частности, в Московском мукомольном тресте. Его бывшая супруга Татьяна Александровна Аксакова (урожденная Сиверс) после развода с Борисом Сергеевичем в 1934 г. осталась без средств к существованию и «впервые в жизни пошла на службу» – статистиком в пункт охраны материнства и младенчества; на момент ареста в 1935 г. она работала медсестрой [1, 521]. Сестры Бориса Сергеевича – Ксения Сергеевна, Нина Сергеевна и Вера Сергеевна также работали: Ксения Сергеевна – в системе народного образования, Нина Сергеевна – заместителем заведующей сектора по кадрам в Госплане РСФСР (ее муж, Н.И. Смирнов, был высокопоставленным управленцем и одно время даже занимал должность заместителя наркома связи), Вера Сергеевна – машинисткой в Жиртресте [7, 126]. Судьба «советских Аксаковых» в основном была связана с государственными учреждениями, в которых они трудились с большим или меньшим успехом – как мужчины, так и женщины.

Интересный материал дает нам история семьи Зворыкиных, несколько отличающаяся от историй других дворянских фамилий. Выше отмечалось, что мужчины в этом роду не стремились реализовать себя в профессии и службе – для них потеря недвижимого имущества должна была быть особенно болезненной. Как пишет С.А. Чуйкина, «непосредственным толчком к изменению повседневных практик послужила Октябрьская революция, экспроприация поместья. У наследников традиционного семейного стиля возникла необходимость выбора нового способа жизни, овладения новыми умениями» [10, 87]. В результате, по мнению Чуйкиной, мужчины семейства Зворыкиных осуществили переход от «мира любителя» к «миру профессионала», превратив свои хобби в работу. Так, Николай Анатольевич Зворыкин, до революции серьезно увлекавшийся охотой, в начале 1920-х гг. пошел работать в

Лесосоюз, а начиная с 1925 г., стал публиковать рассказы в охотничьих журналах. Кроме того, он брался натаскивать охотничьих собак, а в 1934 г. вместе с другими специалистами поехал на Кавказ – организовывать борьбу с волками по правительственному заданию. Основным же и, судя по всему, любимым занятием Николая Анатольевича были статьи и книги по охоте – в списке его работ значатся 34 публикации [10, 90]. Его брат, Федор Анатольевич, увлекавшийся музыкой, также попытался реализовать свои любительские навыки: в 1925 – 1929 гг. «он пишет фокстроты и продает их певцам и артистам» [10, 91]. После не слишком удачных опытов в этой области Федор Анатольевич окончил курсы иностранных языков и начал преподавать английский язык в Лесотехнической академии и в Институте водного транспорта. Впоследствии Федор Анатольевич Зворыкин получил звание доцента и даже составил учебник английского языка для слушателей лесотехнических вузов, вышедший в 1933 г.

Женщины семейства Зворыкиных использовали тактику, отчасти схожую с мужской и основанную на «профессионализации» хобби, а также навыков хозяйки светского салона. Так, Надежда Анатольевна Зворыкина давала частные уроки английского языка, а ее сестра Ксения Анатольевна смогла, по знакомству, устроиться сначала в библиотеку Сельскохозяйственного института, а затем – в библиотеку Строительного института [10, 91].

Рассмотренные нами примеры трудовой деятельности бывших дворян в 1920 - 1930-е гг. позволяют нам сделать следующие выводы. Практически все представители аристократических фамилий, оказавшись в экстремальных условиях, смогли проявить нужную степень социальной мобильности и либо превратить хобби в профессию (как Николай Анатольевич Зворыкин), либо в максимально краткие сроки овладеть новыми профессиональными знаниями (как, например, князь Борис Дмитриевич Хилков). При этом конкретные способы получения профессии различались от случая к случаю и зависели от совокупности самых разных обстоятельств,

объективных и субъективных. Одним (князь Николай Владимирович Голицын) пришлось заниматься работой, косвенно связанной с предыдущим родом деятельности, однако на качественно ином (более низком) уровне. Другим (Татьяна Александровна Аксакова) приходилось фактически перебиваться случайными заработками. В этом отношении трудовой путь молодых поколений дворян, которые пережили революцию в детском, подростковом либо юношеском возрасте (дворяне 1900 – 1910 гг. рождения) оказался проще, чем у их обремененных накопленным опытом родителей. Хотя представители всех поколений дворян, которые трудились в 1920-е – 1930-е гг., пострадали от репрессий и различных форм административного давления со стороны государства, бывшим дворянам, начинавшим трудовую деятельность уже в советское время, было проще найти свой путь.

Рассматривая профессиональный состав бывших дворян, ставших со временем советскими специалистами, стоит отметить, что, несмотря на дискриминационные меры, предпринимаемые властями, многие из них влились в ряды технической и творческой интеллигенции, став преподавателями, инженерами, переводчиками, писателями (из последних наиболее известны С.М. Голицын и О.В. Волков [2]). Это наглядно свидетельствует о серьезном багаже, с которым отпрыски аристократических фамилий «входили в жизнь»: профессиональные знания, увлечения, для некоторых ставшие профессией, мощные культурные традиции и самоидентификация. Данный «багаж» очень пригодился им в самый сложный период 1920 - 1930-х гг. В дальнейшем, по мере ослабления давления общественного и государственного прессинга, «выравнивания» внутриполитического курса партии, бывшие дворяне постепенно ассимилировались в советском обществе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2005. Кн. 1. 496 с.; Кн. 2. 432 с.

2. Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989. 460 с.
3. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990. 734 с.
4. Декреты советской власти. Т. I. М., 1957. 627 с.
5. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. 400 с.
6. Голицын Н.Н. кн. Род князей Голицыных. СПб., 1892.
7. Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. 326 с.
8. Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008. 288 с.
9. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е годы). СПб., 2006. 259 с.
10. Чуйкина С.А. Реконфигурация социальных практик. Семья поместных дворян в до- и после-революционной России (1870 - 1930-е годы) // Социологические исследования. 2000. № 1.

УДК 347.97(470)“1920”

Колемасов В.Н.

Московский институт предпринимательства и права

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В 1920-е ГОДЫ

V. Kolemasov

Moscow Institute of Entrepreneurship and Law

SOVIET JUDICIAL SYSTEM IN 1920S: THE BEGINNING

Аннотация. В основу создания советской судебной системы был положен классовый подход. На первом этапе строительство нового советского суда шло на основе правотворчества революционных масс. В течение года новое правительство приняло три Декрета о суде, которые позволили создать на территории страны целую сеть единообразных судебных органов. В ходе проведения судебной реформы 1922 г. основным судебным органом стал народный суд.

Ключевые слова: революционные суды, декрет о суде, судебная политика, система судебных органов, Верховный суд, юстиция.

Abstract. The class approach was laid in the base of the Soviet judicial system. At the first phase the new Soviet court construction was provided by law-making of revolutionary masses. In a year's time the new government adopted three Decrees on the Court, which allowed to create a network of unified judiciary on the territory of the country. In the course of the 1922 judicial reform People's Court became the principal judicial body.

Key words: Revolutionary courts, Decree on the Court, judicial policy, judicial system, Supreme Court, justice.

Политика в первые годы советской власти в области судостроительства отражала динамику общего отношения большевиков к государству как таковому. Придя к власти, большевики полностью разрушили старый государственный аппарат, включая и судебную систему. Специальными актами советской власти эта система была упразднена. Исключение составила недолго просуществовавшая при советской власти мировая юстиция. К середине ноября 1917 г. на территории России фактически действовало три системы судебных органов. Во всех регионах продолжали действовать старые судебные учреждения, рассматривавшие уголовные и гражданские дела в соответствии с Уставами 1864 г. В ряде городов России работали также временные революционные суды, стихийно возникшие после победы Февральской

революции и впоследствии санкционированные Временным правительством. И третью группу судебных органов представляли собой местные революционные суды, создававшиеся соответствующими советами или собраниями трудящихся после Октябрьской революции [5, 42-48].

Разнообразие судебных учреждений не способствовало поддержанию правопорядка в стране. Разобщенность и бессистемность правоохранительных органов создавали прекрасную почву для роста преступности. Статистика показывает, что в насыщенном потрясениями 1917 г. количество преступлений выросло в 6 раз. Перед правительством стояла задача создания нового советского суда. Выпущенные из тюрем уголовники принялись за грабежи и разбои. Насилие и вседозволенность, одобренные революционными лозунгами, стали обычным явлением в конце 1917 г. Вооруженные отряды Красной гвардии, а позднее и ВЧК задерживали грабителей и мародеров. Расстреливать всех подряд было невозможно, а судов не было. Кроме этого, в прекративших свою работу судебных учреждениях скопились тысячи неразрешенных гражданских дел. Под влиянием революционных событий среди населения крепло убеждение, что законы, изданные при свергнутом режиме, не должны больше действовать. Старая судебная система, оставшаяся без изменений, также подвергалась резкой критике. Попытки профессиональных юристов отстаивать теорию «непрерывности правопорядка» ни к чему не привели. Более того, законность считалась несовместимой с революцией.

Строительство нового советского суда шло на основе правотворчества революционных масс. 12 декабря 1917 г. было отменено прежнее деление Министерства юстиции на департаменты, и в составе Совета народных комиссаров (СНК) создано шесть отделов Народного комиссариата юстиции, который возглавила коллегия. Начался новый этап истории российского суда. В течение первого года нахождения у власти советское правительство приняло три Декрета о суде,

которые позволили создать на территории страны целую сеть единообразных судебных органов. 30 ноября 1918 г. было принято «Положение о Народном суде РСФСР», в соответствии с которым были ликвидированы окружные суды, а также уездные советы судей, подробнее сформулированы основные направления надзора за деятельностью судебных органов, основные правила судопроизводства [3, 97-108].

Серьезной проблемой в первые годы советской власти стала острейшая нехватка квалифицированных юридических кадров. Разрушение судебной системы царской России сказалось на уровне подготовки будущих юристов. Большинство профессоров «старой» российской школы отказалось сотрудничать с советской властью. Одновременно и новую власть не устраивало то, что профессора были носителями идеалистического мировоззрения и, естественно, не разделяли марксистско-ленинскую доктрину о государстве и праве. Поэтому первый этап становления юридического образования в советской России сопровождался двумя тенденциями: привлечение профессуры «старой» школы, за отсутствием собственных педагогических кадров, и созданием различных краткосрочных курсов для подготовки юристов в «экстренном порядке». Отбор студентов – юристов проводился по классовому принципу, в первую очередь в юридические вузы принимались рабочие и крестьяне от «станка и сохи».

Приговоры народных судов отличались своей мягкостью. В основном в качестве наказания в данный период назначался штраф, в более редких случаях – направление на общественные работы. Например, из всех осужденных в 1 квартале 1919 г. народными судами Пензенской губернии к лишению свободы приговорено 36%, от общего числа осужденных, к штрафу – 45%¹. Самый высокий процент осужденных к лишению свободы составил за указанный период в Вологодской губернии: – 51%, самый низкий по-

¹ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 100. Оп. 1. Д. 7. Л. 51, 149.

казатель в Тверской губернии – 29 %¹. Всего в РСФСР за 1920 г. в народные суды поступило 1 187 169 уголовных дел, было осуждено 565 596 человек [1, 108].

Произошедшие в стране после Гражданской войны социально-экономические изменения, наличие большого массива не-систематизированного нормативного материала, имевшиеся существенные пробелы в законодательстве, отсутствие единой судебной практики обусловили необходимость реформирования судебной системы. 26 мая 1922 г. в РСФСР был принят первый Уголовный Кодекс (УК). Общая его часть подробно разъясняла основные теоретические понятия уголовного права, Особенная часть содержала в себе описания признаков конкретных составов с четким указанием санкций. Еще более важным документом, значение которого трудно переоценить, был принятый в 1923 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК). Принятие УПК означало четкое закрепление процессуальной формы уголовного преследования лица, обвиняемого в совершении преступления, что само по себе являлось существенной гарантией от произвола со стороны государственных органов, осуществлявших карательную политику. Кодекс определил систему стадий уголовного процесса, дал перечень оснований для возбуждения и прекращения уголовных дел, строго регламентировал порядок проведения судебного заседания.

В 1922 г. была проведена и непосредственная реконструкция судебных учреждений. 1 ноября 1922 г. было принято Положение о судоустройстве РСФСР. Статья 1 Положения вводила на территории России следующую систему судебных учреждений:

- народный суд в составе постоянного судьи;
- народный суд в составе того же народного судьи и двух народных заседателей;
- губернский суд;
- Верховный суд РСФСР и его коллегии.

Основная роль в указанной системе отводилась народному суду, который рассматри-

вал большую часть уголовных и гражданских дел. Именно этот орган должен был стать гарантом соблюдения принципа законности и главным препятствием на пути злоупотребления новой экономической политикой. Верховный суд РСФСР выступал как суд первой инстанции по наиболее важным делам, как кассационный орган в отношении приговоров и решений губернских судов и высший надзорный орган в отношении всех судов республики.

Значительное место в Положении было отведено вопросу комплектования судов. Так, народным судьей мог быть избран любой гражданин, обладавший избирательным правом и имевший либо двухлетний стаж политической работы, либо трехлетний стаж работы в органах юстиции. Закон при этом не устанавливал возрастного, имущественного и каких-либо иных цензов. Исключение из общего правила составляли лишь лица, судимые за уголовные преступления, и лица, исключенные из общественных организаций за порочащие поступки. Председатель Верховного суда РСФСР, его заместители и председатели коллегий назначались Президиумом ВЦИК. Президиум ВЦИК являлся единственным органом, полномочным осуществить отзыв членов Верховного суда.

Проведение в жизнь судебной реформы потребовало быстрого решительного перехода от слов к делу в кадровом вопросе, применения мер общегосударственного характера, способных сдвинуть с мертвой точки кадровую проблему. К тому же принятие Гражданского и Уголовного кодексов также потребовало повышения профессионализма судейского корпуса. В 1922 г. в циркуляре № 48 Народного комиссариата юстиции (НКЮ) от 9 июня, разосланном на места, был дан приказ «в связи с введением УК и УПК организовать семинары по изучению кодексов»². 22 декабря 1922 г. СНК принимает Декрет об открытии юридических курсов на местах, основные положения которого заключались в увеличении по сравнению с предыдущим периодом срока обучения судей и включении в

¹ ГАПО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 228. Л. 42-43.

² ГАПО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

программу новых предметов. В 1923 г. новые учебные заведения действовали уже практически во всех губерниях России. Основная цель курсов заключалась в том, чтобы «дать слушателям не только чисто академическое образование, а снабдить лиц, желающих работать в судах, запасом, главным образом, практических знаний» [4, 569]. Введение новых форм подготовки судейского корпуса, безусловно, являлось большим шагом вперед на пути решения кадровой проблемы. Однако для существенного улучшения ситуации этих мер было явно недостаточно. Сотрудники региональных судов для повышения квалификации практически ежегодно направлялись на Высшие юридические курсы в Москву. В учебных планах значительное место заняли общественные мировоззренческие дисциплины. Студенты юридических вузов тех лет изучали биологию и антропологию, в связи с популярной в то время теорией Ломброзо. Нехватка преподавателей привела к тому, что в первые годы советской власти к этой работе, на условиях почасовой оплаты, широко привлекались практические работники правоохранительных органов.

Практика показала, что народные судьи стали подходить к рассмотрению уголовных дел более объективно, насколько это было возможно в то время. Судьи старались выяснить как смягчающие, так и отягчающие по делу обстоятельства. Во многих губерниях, кроме организации профессиональной подготовки судебных работников, смогли сохранить старые кадры. Например, в Пензенской губернии в начале 1920 гг., невзирая на преобладание в судах выходцев из рабоче-крестьянской среды, обращает на себя внимание относительно большое число интеллигенции. Так, по данным губернского суда за 1923 г., из 181 человека по штату к интеллигенции относилось 64 человека, из них 39 имели высшее и 25 среднее образование¹.

Следует отметить, что с окончанием Гражданской войны та степень уголовной репрессии, которая отвечала интересам государства на ранних стадиях его становления, в

новых условиях перестала отвечать принципу целесообразности. Для достижения целей, которые встали перед государством на новом историческом этапе, методы террора перестали быть необходимыми, более того, стали во многих отношениях неприемлемыми. В период новой экономической политики отмечается тенденция к снижению числа поступивших в суды дел и росту количества осужденных. Так, число заполненных листков об осужденных с 1922 г. по 1928 г. увеличилось более чем в четыре раза (243278-991212), а количество поступивших в суды дел в расчете на 10 тысяч населения уменьшилось на 29,2% (245-172) [2, 65], что в какой-то степени объясняется повышением качества расследования преступлений. Несмотря на увеличение числа осужденных, среднесуточный состав заключенных в РСФСР в 1924 г. был в несколько раз ниже, чем в дореволюционной России. В начале двадцатого века в России отмечался устойчивый рост среднесуточного состава заключенных с 77254 в 1897 г. до 194418 в 1913 г. [6,5]. Число заключенных в РСФСР характеризуется следующими цифрами: 1922 г. – 58159 чел.; 1923 г. – 63301 чел.; 1924 г. – 29692 чел.; 1925 г. – 30077 чел. [6, 5].

Данные показатели свидетельствуют о том, что суды достаточно редко назначали наказание в виде лишения свободы, отдавая предпочтение назначению наказаний, не связанных с лишением свободы. Подводя итоги организации работы советской судебной системы в 1920-е гг., отметим, что суд всегда являлся составной частью советского государства; его деятельность была нацелена на создание наиболее приемлемых условий для скорейшего решения стоявших перед государством задач; его модификация была связана с изменением конкретно-исторической ситуации, а следовательно, с изменением конкретных задач государства в рассматриваемый период.

В первые годы советской власти была создана система судов, подконтрольная центру и функционировавшая на основе принимаемых им нормативных актов. Главной причиной возникновения такой системы было стремление государства как можно более

¹ ГАПО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 58. Л. 37.

обезопасить себя от внешней и внутренней контрреволюции путем проведения целенаправленной карательной политики. Переход государства к новой экономической политике, призванной восстановить разрушенное в годы Гражданской войны народное хозяйство, вызвал проведение судебной реформы 1922 г. Эта реформа рассматривалась как одно из условий успешного и контролируемого развития товарно-денежных отношений. В 1921–1922 гг. в нашей стране была в основном сформирована законодательная база, призванная способствовать успешному осуществлению новой экономической политики, и создана стройная система правоохранительных органов, способных проводить в жизнь принятые законы. Основными ито-

гами реформирования советского суда в указанный период были: создание многозвенной судебной системы, признание формально-определенного нормативного акта в качестве основного источника права, реорганизация системы подготовки судебных кадров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. Сборник научных трудов. М., 1986.
2. Герцензон.А.А. Советская уголовная статистика: учебное пособие. М., ОГИЗ, 1935.
3. Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1997.
4. Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 24.
5. Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 2. М., 1918.
6. Проблемы преступности. Вып.3. М., 1928.

УДК 378.4

Меркулова А.М.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В 1930-х гг.

A. Merkulova

Lomonosov Moscow State University

WAYS OF OVERCOMING UNIVERSITY EDUCATION CRISIS AT THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN 1930s

Аннотация. В статье исследуется процесс реформирования высшего и послевузовского профессионального образования в СССР в 1930-х гг. На примере Московского университета автор выделяет признаки кризиса системы университетского образования в исследуемый период. Особое внимание уделено инструментам преодоления кризисных явлений в МГУ. С одной стороны, анализируются мероприятия, проведенные руководством университета с целью стабилизации учебно-научной обстановки. С другой, рассматриваются ключевые аспекты государственной образовательной политики, способствовавшие развитию Московского университета и формированию советской модели системы университетского образования.

Ключевые слова: МГУ им. М.В. Ломоносова, реформа образования, университетское образование.

Abstract. The article investigates the process of reforming higher education and postgraduate courses in the USSR in 1930s. The author determines signs of a university education crisis during the investigated period by example of the MSU. Special attention has been paid to the means of overcoming the crisis in the MSU. On the one hand the paper analyzes the measures taken by the university administration to provide stabilization of educational and scientific conditions. On the other hand it considers the key aspects of the state educational policy that promoted the development of the Moscow State University and contributed to the formation of the Soviet model of university education system.

Key words: Lomonosov Moscow State University, education reform, university education.

В течение последнего десятилетия образовательная реформа в России достигла той стадии, когда она перестала быть кулуарным элементом государственной политики и перешла на уровень практической реализации в общенациональном масштабе, привлекая внимание все большего числа людей. Сегодня трудно найти иную сферу, модернизация которой вызвала бы настолько большой общественный резонанс на протяжении такого длительного времени. Нельзя отрицать и тот факт, что в наибольшей степени данная реформа коснулась высшей школы. Поиски пути оптимального построения системы высшего и послевузовского профессионального образования до сих пор не завершены.

Проекты модернизации высших учебных заведений, законы об автономии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) и Санкт-Петербургского государственного университета, о федеральных и инновационных университетах являются частью государственной политики по интеграции в международное образовательное сообщество. В тоже время, какая бы цель не стояла перед государством, успешное проведение

© Меркулова А.М., 2011.

Публикуется в рамках НК-416П ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Механизмы самосохранения и развития социума в кризисных условиях: опыт российской истории».

в жизнь такой сложной социальной технологии, как создание новых институциональных форм учебных заведений, невозможно без предварительной проработки научным сообществом и ведущими вузами страны концепций их функционирования.

Московский университет – одно из немногих учебных заведений, на чьем примере можно исследовать механизмы сохранения структурных элементов системы образования в критических условиях. Одним из кризисных этапов в истории МГУ стали 30-е гг. XX в., когда руководство советского государства поставило вопрос о целесообразности существования такого элемента высшей школы, как университет.

Процесс пролетаризации университетов, начавшийся после Октябрьской революции, привел к кризису университетского образования, который в полной мере проявился к началу 1930-х гг. как следствие активной реформаторской деятельности советской власти в первые годы ее становления. В истории МГУ можно выделить несколько тенденций, свидетельствующих об упадке университетской системы образования в исследуемый период:

1. *Снижение уровня образованности студентов.* Начиная с 1920-х гг. в СССР проводилась образовательная политика, в основе которой лежал тезис о необходимости демократизации и пролетаризации высшей школы. На практике данная норма означала, что крестьянская и рабочая молодежь получила привилегированное право на поступление в высшие учебные заведения. Недостаток начального образования данная категория абитуриентов должна была компенсировать на рабочих факультетах, созданных при вузах. Объем требований, предъявляемый к знаниям поступающих, сводился к умению бегло читать, писать и знать четыре правила арифметики. Таким образом, университеты заполнили малограмотные студенты. К 1930 г. положение стало катастрофическим, потому что контингент абитуриентов состоял в основном из граждан, проходивших обучение в период создания единой трудовой

школы. К тому же весной 1930 г. был введен «активный бригадно-лабораторный метод занятий», который практически вытеснил лекционные курсы, читаемые крупными учеными. Вступительные лекции сменили чтение общих и специальных курсов, а экзамены и зачеты – коллективным отчетом бригад о «проработке» ими учебных заданий [2, 350]. Наблюдалось смещение в сторону практической подготовки студентов. Нововведенная форма организации учебного процесса способствовала в дальнейшем сокращению знаний студентов. Показательным примером безграмотности будущих советских специалистов 30-х гг. стала проверка уровня образованности студентов Московского университета, проведенная ректором А.С. Бутягиным в 1936 г.¹ Из 4100 студентов проверочный диктант по русскому языку писали 3576 человек, из которых 45 % испытуемых получили отметку «плохо» и «очень плохо». Политика СНК СССР по отношению к Московскому университету привела к тому, что такие важнейшие принципы университетского образования как универсальность и теоретическая подготовка были необязательны для нового советского специалиста.

2. *Недостаток квалифицированных специалистов в научно-преподавательском коллективе.* Вопрос отсутствия научных и педагогических кадров решался в СССР до окончания Великой Отечественной войны. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, критическое отношение интеллигенции к событиям 1917 г. и, как следствие, увеличение числа эмигрантов и репрессированных, привело к количественному сокращению штата. Во-вторых, реформа системы образования и отсутствие необходимой численности профессорско-преподавательского состава замедляли естественный процесс «взращивания» новых кадров, лояльных советскому политическому режиму. Особо остро проблема низкой численности научной интеллигенции в Московском университете проявилась к 1930 г. Из постановления вуз-

¹ Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 1609. Оп. 2. Д. 81. Л. 13.

бюро ВКП(б) от 1 сентября 1930 г.: «университет страшно отстал в выполнении решений партии и правительства по вопросу о кадрах ... Качественный состав аппарата неудовлетворителен. Система управления крайне сложна и запутана, отсутствует четкое разделение труда и ответственность за качество и результаты проводимой работы» [2, 342].

3. *Кризис университетской структуры.* Многочисленные процессы реорганизации университета, изменение порядка формирования кафедральных и факультетских структур, реализация на практике принципов единоначалия привели к тому, что к началу 1930 г. руководством страны был поднят вопрос о целесообразности функционирования такого элемента системы высшего образования, как университет. В Московском университете была ликвидирована факультетско-кафедральная структура [2, 347]. Вместо факультетов были открыты отделения, на которых были упразднены все специальные кафедры, кроме общеуниверситетских, по социально-экономическим дисциплинам и педагогике. Вместо них созданы громоздкие специальности по отраслям наук. Из восьми созданных отделений только одно обладало гуманитарным профилем. Ситуация в МГУ усложнилась после принятия постановления, согласно которому все высшие учебные заведения были переданы в ведение отраслевых хозяйственных объединений и соответствующих народных комиссариатов¹. Это ознаменовало широкомасштабную кампанию по реорганизации и ликвидации университета, которую возглавил ректор И.Д. Удальцов². За 1929/1930 учебный год из состава Московского университета были выделены физико-математический, медицинский и химический факультеты и переданы в ведение соответствующих наркоматов. В 1931 г. факультеты истории, литературы и искусства были преобразованы в Институт философии литературы и искусства (МИФЛИ)³, факуль-

тет советского права стал базой для создания Института советского права и Института советского строительства⁴. Таким образом, к 1932 г. в составе Московского университета остались семь отделений естественнонаучного профиля. При этом такие важнейшие принципы университетского образования, как универсальность и теоретическая подготовка были полностью утрачены, а МГУ больше не являлся многоцелевым учебным заведением.

Причины кризиса университетской системы вполне понятны. Во-первых, политика пролетаризации. Призванная облегчить доступ к высшему образованию широким народным массам, она не учитывала способность данных людей воспользоваться вновь открывшимися возможностями в правовом русле. Реализация многочисленных мер по устранению элитарности высшего образования привела к тому, что к 1940 г. наличие диплома об окончании высшего учебного заведения еще не свидетельствовало о присутствии навыков специалиста. Во-вторых, в 20-е гг. только начался процесс построения системы федеральных органов управления. Поиск оптимальной структуры управления народным образованием негативно сказывался на функционировании высших учебных заведений и ходе всей реформы образования. Третьей причиной, зачастую, была внутренняя политика руководителей учебных заведений. В частности ректор МГУ И.Д. Удальцов, возглавлявший университет до 1930 г., в стремлении поддержать государственные мероприятия фактически провозгласил атавизмом университетскую форму преподавания, в связи с чем был инициирован раздел МГУ на НИИ и институты.

Для преодоления сложившейся ситуации и решения первостепенных проблем руководство МГУ было вынуждено в 1930-х гг. кардинально изменить внутреннюю административную политику и более интенсивно искать пути выхода из сложившегося кризиса. Ввиду сложившейся к тому моменту внутренней ситуации в стране и особен-

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР № 38 от 18.08.1930 г. «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» [2, 330-333].

² ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1448. Л. 21.

³ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 8. Л. 73, 74.

⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 6. Л. 116.

ностей национальной политики, количество инструментов управления в арсенале руководителей высших учебных заведений было достаточно ограниченным. Взаимодействие ректората МГУ с вышестоящими органами власти строилось по принципам строгой иерархии. Возможность для критики государственной образовательной политики или возражения деструктивным решениям, принятым на уровне правительства, полностью отсутствовала. Прямая критика образовательных реформ положительных результатов, как правило, не имела. Так, при внедрении бригадно-лабораторного метода профессора и преподаватели МГУ, выступая перед студентами в октябре 1929 г., пытались доказать его низкую эффективность, но, кроме общественной критики в свой адрес, ничего не добились [4, 2].

Тактика внутреннего администрирования, посредством которой удалось восстановить Московский университет, проводилась за счет следующих мероприятий:

- установление коммуникативной связи с руководством страны;
- взаимодействие с вузами, НИИ и АН СССР по обмену научными кадрами;
- модернизация планов специальностей и активная научная деятельность;
- постоянный контроль внутренней ситуации: проведение проверок научно-педагогического коллектива, дополнительная аттестация студентов и т. д.

Одним из вариантов «противостояния» непродуктивным реформам были письма представителей ученого сообщества. Например, ректор Московского университета В.Н. Касаткин, сменивший на этом посту И.Д. Удадьцова в 1930 г., неоднократно обращался в союзные органы образования и лично к наркому просвещения А.С. Бубнову с целью восстановления прежнего статуса Московского университета¹. Обозначая в своих письмах особое значение университетского образования для специалистов советского государства, ему, в итоге, удалось добиться первых по-

зитивных результатов. К моменту назначения на пост ректора МГУ А.С. Бутягина в 1934 г., в университете были преодолены проблемы структурного построения. Три года непрерывных преобразований в конечном счете завершились обретением той университетской структуры, которая в своей основе сохранилась до настоящего времени. Во-первых, была восстановлена классическая факультетско-кафедральная система. Во-вторых, завершилось образование ядра естественного сектора университета в составе механико-математического, физического, биологического, химического и биолого-почвенного факультетов. В-третьих, началось восстановление гуманитарного сектора с создания в 1934 г. исторического факультета [2, 341].

Ситуация с кадровым вопросом вплоть до 1936 г. была практически неизменной. Единственным способом увеличить количественно-качественные характеристики профессорско-преподавательского состава в Московском университете было привлечение ученых извне, в частности из АН СССР. Как следует из Постановления НКП СНК СССР от 17 июля 1932 г. «Об итогах реорганизации университетов», новые реорганизованные университеты должны были подготавливать научно-исследовательских работников высшей квалификации и преподавателей высшей школы. На практике, в условиях, имевшихся на тот период времени научных планов, это было сделать невозможно.

Для поддержания необходимого уровня образования студентов руководство МГУ было вынуждено вводить дополнительный меры, не установленные законодательством. Методики контроля за уровнем знаний студентов и абитуриентов и дополнения к образовательным программам в Московском университете стали появляться при ректоре А.С. Бутягине. Вариантов подобных мероприятий было несколько. Во-первых, в уже имеющиеся программы подготовки специалистов добавлялись новые предметы или увеличивали число часов уже имеющихся. Например, дирекция МГУ в сентябре 1933 г. ввела обязательные занятия по русскому

¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Л. 17. ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1506. Л. 34. Д. 1520, Л. 11.

языку с целью ликвидации неудовлетворительного состояния грамотности. Были сформированы 25 групп общей численностью более 500 человек из студентов III и IV курсов [2, 364]. Во-вторых, несмотря на введение бригадно-лабораторного метода обучения, в университете была принята практика чтения цикла публичных лекций для студентов. В-третьих, в МГУ создавались новые научно-исследовательские институты естественного профиля, которые являлись центрами концентрации молодых ученых. К 1935 г. более трехсот аспирантов из десяти НИИ Московского университета работали над 485 научными темами [2, 378]. В этот период руководством МГУ был сформулирован тезис о единстве образования и науки. Результаты подготовки специалистов и научных работников, которых удалось добиться Московскому университету, передавались в Народный комиссариат просвещения (НКП) с целью законодательного закрепления методик организации работы в высшей школе.

Однако, несмотря на внешнее сохранение университета как элемента высшей школы, его функция была искажена. Полностью решить задачи повышения уровня образованности студентов и создания единых образовательных программ администрации МГУ без содействия государственной власти не удалось. В 1933 г. по докладу МГУ выходит Постановление СНК СССР №34 [5, 349], в котором были указаны основные проблемы советской университетской системы. Согласно документу, для дальнейшего развития системы университетского образования НКП РСФСР должен был провести следующие мероприятия:

- закончить реорганизацию управления университетами по факультетскому признаку;
- обеспечить университеты к началу 1933/34 учебного года стабильными учебными планами, исходя из пятилетнего срока обучения и начала специализации с третьего курса;
- к началу 1933/34 учебного года закрепить за университетами наиболее квали-

фицированных профессоров по ведущим дисциплинам, с установлением для них персональных ставок.

Помимо этого АН СССР и Коммунистическая академия были обязаны пересмотреть программы МГУ по ведущим дисциплинам с тем, чтобы сделать из них образец для других университетов. Работа по развертыванию НИИ по естественным и физико-математическим наукам в составе МГУ также была признана приоритетным направлением. Для реализации запланированных мероприятий Госплану РСФСР было поручено предусмотреть во второй пятилетке такой объем капитальных вложений в строительство и оборудование Московского университета, который обеспечил бы необходимые условия для его дальнейшего роста и укрепления

Руководство страны с середины 30-х гг. изменяет направления образовательной политики. Новый этап реорганизации высшей школы начался с реформы органов управления высшим образованием. В 1936 г. был образован Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ). В его задачи входило рассмотрение планов развития высшей школы в СССР: установление количества и типов учебных заведений, контингента учащихся, утверждение учебных планов и программ, присвоения ученых степеней и званий. В ведение ВКВШ было передано девятнадцать вузов, в том числе и МГУ. После создания данного госоргана правительство СССР с учетом мнения научного сообщества принимает ряд документов, призванных упорядочить деятельность учреждений системы высшего профессионального образования.

Наиболее важными для развития университетов стало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 34 от 21.07.1936 г.¹. С него началось формирование новой системы высшей школы. В данном документе были прописаны основные положения работы высших учебных заведений и оформлена новая кон-

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 34, 21 июля 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школы» [5, 427-433].

цепция высшего образования. Принятие этого нормативного акта было мотивировано желанием руководства страны сохранить отечественную научную школу и сориентировать ее работу на задачи экономического развития. На основе опыта Московского университета для всех вузов СССР в Постановлении устанавливались:

- правила приема в высшие учебные заведения (прописаны порядок приема, его конкурсная основа, сроки поступления, необходимое документальное обеспечение процесса приема и перевода в высшее учебное заведение);
- организация учебного процесса (сроки начала и окончания занятий, количество учебных часов, продолжительность академического часа и т. д.);
- формы учебной работы и контроля (проведение лекций и семинарских занятий, сдача экзаменов, прохождение практики, защита дипломных работ);
- регламентация деятельности руководства высшей школы (права и обязанности, порядок назначения и снятия с должности).

Все это позволило систематизировать и привести к единым стандартам высшее образование в СССР. Еще одним шагом к построению классической советской модели системы образования стало принятие в 1939 г. «Положения об аспирантуре» [1, 244-247]. В этом нормативно-правовом акте подробно прописывались следующие аспекты: порядок зачисления в аспирантуру; учебная подготовка аспирантов, права и обязанности аспирантов. Данное положение имело значительные отличия от ранее принятого Постановления СНК СССР «О подготовке научных и научно-педагогических работников» [1, 236-239], регулировавшего вопросы аспирантуры. В новом положении были оговорены конкретные требования к кандидату в аспиранты, установлен общий порядок проведения приемных испытаний, сроки обучения и методика проведения защиты аспиранта. Этот документ являлся своеобразным государственным стандартом присуждения степени кандидата наук. Кроме того, в том

же году было опубликовано Постановление правительства «О заочной аспирантуре» [1, 247-251]. Несмотря на то, что как институт системы образования аспирантура в СССР начала функционировать с 1925 г., полноценным элементом данной системы, в том виде, в котором она присутствует до сих пор, аспирантура стала только после изменения законодательства в 1939 г. Регламентировав порядок обучения в аспирантуре, государство предоставило вузам возможность подготавливать собственные научно-педагогические кадры на высоком уровне и по единым нормам.

Для МГУ заключительным этапом университетской реформы стало принятие Устава 1939 г. В октябре 1938 г. Совет МГУ рассмотрел вопрос «Об уставе Московского университета» и образовал Комиссию по разработке Устава, в которой представлены руководство МГУ, деканы, руководители партийных и общественных организаций, профессора и сотрудники: Н.М. Кулагин, С.Н. Блажко, А.Н. Колмогоров, Б.С. Матвеев, Н.А. Капцов, А.И. Кудрявцев, И.Д. Удальцов, А.Н. Мазарович, И.А. Витвер, А.А. Ярилов. В обсуждении проекта устава на партийных собраниях, ученых советах и заседаниях кафедр активное участие принимал весь коллектив университета.

Устав Московского университета был утвержден приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР № 4/434 15 августа 1939 г. [5, 367-402]. Устав сочетал традиции университета, опыт, накопленный университетом в советское время, с теми новыми задачами, которые были выдвинуты перед высшей школой ВКП(б) и Советским правительством.

Устав определял роль кафедры, которая является основной учебной и научной организацией, непосредственно осуществляющей учебно-методическую и научно-исследовательскую работу. В нем вводился новый статус факультета как учебно-научного и административного учреждения, объединяющего кафедры и научные институты, осуществляющего подготовку студентов и

аспирантов по нескольким родственным специальностям. Устав предусматривал создание Ученого Совета МГУ при ректоре и под его председательством [5, 60].

К моменту принятия устава Московский университет включал в себя семь факультетов: механико-математический, физический, химический, биологический, геолого-почвенный, географический, исторический. Помимо этого в его состав входили десять научно-исследовательских институтов, семь общеуниверситетских кафедр, четыре музея, ботанический сад, биостанция в Звенигороде и на Белом море, научная библиотека им. Горького, издательство, типография и другие учреждения и предприятия.

Таким образом, к завершению 30-х гг. государство окончательно определилось с формой и содержанием профессионального и послевузовского образования и признало университет неотъемлемым элементом высшей школы. Московский университет – это одно из немногих учебных заведений, которому в период реформы образования в 20-х – 30-х гг. XX в., удалось не только сохранить собственную научно-образовательную базу, но и доказать советской номенклатуре, что университет – это учебное заведение, которое готовит наиболее квалифицированных специалистов за счет сосредоточения образовательных программ по всем отраслям науки.

Кризис системы профессионального образования, возникший вследствие непродуманной образовательной политики, был преодолен только благодаря консолидации усилий госаппарата и научного сообщества, среди представителей которого видное мес-

то занимали руководители и ученые Московского университета. События 1930-х гг. отчетливо показывают, что систему высшей школы нельзя реформировать посредством издания нормативно-правовых актов, не учитывающих специфику отечественного образования и его опыт. Безусловно, сегодня инструменты управления учебным заведением намного шире, чем семьдесят лет назад, а властные структуры более открыты для диалога. Однако в обстановке отсутствия эффективной методики взаимодействия чиновников с представителями научного сообщества поиск оптимальных путей развития высшего и послевузовского образования может превратиться в деструктивный процесс, разрушающий те немногочисленные элементы отечественной системы просвещения, которым удалось доказать свою жизнеспособность в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Директивы ВКП(б) и Постановления Советского Правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917-1947 гг.: Приложение к журналу «Советская педагогика». Вып. 2 / Сост. канд. пед. наук Н. И. Болдырев. М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 304 с.
2. Летопись Московского университета. В 3-х томах. Том I: 1755-1952 / Автор-составитель Е.В. Ильченко. М.: Изд-во МГУ, 2004. 624 с.
3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. Составители: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
4. Первый университет, 21 ноября 1929 г.
5. Уставы Московского университета 1755-2005: [сборник] / [авт.-сост. Гена Евгений Иванович]. М.: Империя Пресс, 2005. 408 с.

УДК 947.084.6:316.35(470)

Самсоненко Т.А.

*Сочинский государственный университет туризма
и курортного дела*

СОЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЮЖНО-РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ КАК ФАКТОР «КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

T. Samsonenko

State University for Tourism and Recreation, Sochi

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE SOUTH RUSSIAN VILLAGE AS A FACTOR OF "COLLECTIVE FARMING"

Аннотация. В статье рассматривается деятельность власти в 1920-1930-х гг. по созданию системы социальной помощи и взаимопомощи колхозного крестьянства, исследуются основные направления и методы функционирования сельских учреждений социальной помощи Юга России. Автор анализирует основной структурный компонент социальной системы – кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и констатирует, что сельские учреждения социальной помощи в коллективизированной деревне Советского Союза в процессе реализации поставленных перед ними социальных задач способствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозной системы.

Ключевые слова: коллективизация, стахановцы, социальная помощь, кассы общественной взаимопомощи, система обслуживания детей, колхозницы, сельские учреждения социальной помощи, сталинский режим, сельский «активист».

Abstract. The article reviews the activity of the Soviet government in 1920s and 1930s aiming at creating the system of collective peasantry's social and mutual assistance. The author examines the main directions and methods of functioning of rural institutions of social assistance in the South of Russia. Proceeding from the analysis of the core component of the social system structure – farmers' mutual assistance fund, a conclusion has been made that rural institutions of social assistance in collectivized village contributed to organizational and economic strengthening of the Soviet collective farm system.

Key words: collectivization Stakhanovites, social assistance, mutual assistance funds, child care system, collective farmers, rural institutions of social assistance, the Stalinist regime, rural "activist".

Сплошная форсированная коллективизация конца 1920-х – 1930-х гг. сопровождалась созданием и налаживанием функционирования системы социальной помощи и взаимопомощи колхозного крестьянства. Основными структурными компонентами данной системы выступали кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и сами коллективные хозяйства; последние обязывались выделять некоторое количество средств в целях обеспечения своих членов, попавших в нужду.

Первоочередными клиентами касс являлись передовики колхозного производства, а во второй половине 1930-х гг., – еще и стахановцы. Результатом деятельности КОВК в данном случае должно было стать укрепление трудовой дисциплины в коллективных хозяйствах и привлечение максимально возможного количества аграриев к работе на колхозных полях и фермах. Помимо содействия укреплению трудовой дисциплины в коллективных хозяйствах путем оказания социальной помощи лишь трудолюбивым и добросовестным колхозникам, КОВК применяли и другие опосредованные методы поддержки «колхозного строительства».

Рассмотрим два направления деятельности КОВК по такому «непрямому» укреплению колхозов Дона, Кубани и Ставрополья.

Первым из этих двух направлений выступает участие касс взаимопомощи в ликвидации бескоровности личных подсобных хозяйств колхозников. Как известно, форсирование темпов коллективизации привело к массовому забою скота его владельцами, не желавшими отдавать свою домашнюю живность в колхозные стойла. Поскольку поголовье скота резко сократилось, представители власти прилагали все усилия к его восстановлению, причем не только в колхозах, но и в личных подсобных хозяйствах (далее – ЛПХ). Согласно принятому в августе 1933 г. постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами» предполагалось приобрести не менее 1 млн. телок в возрасте до 8 месяцев у колхозов, колхозников и единоличников, продав их затем бескоровным членам коллективных хозяйств (предусматривалась выдача последним кредита для покупки телок в размере до 50 % их стоимости и с рассрочкой его погашения в срок до 1 года) [13, 788].

Как правило, участие КОВК в обзаведении личных хозяйств колхозников скотопоголовьем выражалось в том, что кассы выделяли своим членам беспроцентный кредит для приобретения скота (так называемые возвратные ссуды). К маю 1935 г. в Северо-Кавказском крае на средства КОВК было приобретено 334 головы крупного рогатого скота для хозяйств колхозников [2, 9]. Во второй половине 1930-х гг. кассы взаимопомощи продолжали кредитовать членов коллективных хозяйств в целях приобретения ими скота в личное пользование, хотя в данное время общие суммы возвратных ссуд были уже гораздо меньше, да и тратились они не всегда для преодоления бескоровности. Так, в 1938 г. в Воронцово-Александровском районе Орджоникидзевского края 14 колхозников из сельхозартели им. Молотова получили от КОВК возвратные ссуды на общую сумму 1 840 руб., а в колхозе «Большевик» таких

колхозников насчитывалось 35¹.

Другим важным направлением деятельности сельских учреждений социальной помощи Юга России по укреплению колхозной системы путем решения социально важных задач являлось создание и поддержание функционирования детских дошкольных заведений, – площадок, яслей, садов. Подобные заведения позволяли заметно улучшить уход за детьми (но, конечно, лишь в случае налаживания их оптимальной деятельности). Вместе с тем детские дошкольные заведения на селе являлись одним из важных средств оптимизации производственного процесса в коллективных хозяйствах и, в конечном счете, – организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Обремененные детьми колхозницы, по понятным причинам, не могли в полной мере трудиться на колхозных полях, огородах и фермах. С точки зрения партийно-советских руководителей, такое положение являлось недопустимым, ибо женщины играли важную роль в коллективизированном аграрном секторе, а в отдельных сферах занятости (огородничество, птицеводство) они и вовсе доминировали. Для того, чтобы максимально полно использовать труд женщин в общественном производстве, и нужны были детские дошкольные заведения, освобождавшие матерей от ухода за детьми на время работы в колхозе. О позитивном влиянии таких заведений на производственный процесс в коллективных хозяйствах свидетельствовало, в частности, специальное обследование, проведенное в ряде колхозов Северо-Кавказского края сотрудниками Колхозцентра в январе – феврале 1931 г. По результатам обследования оказалось, что в колхозах с детскими дошкольными заведениями использовалось 22,8 % годовых трудозатрат колхозниц, а в тех хозяйствах, где подобные заведения не существовали или не работали, – только 17,6 % [4, 205].

Хотя единичные детские дошкольные заведения появились в деревне Юга России

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 11. Д. 40. Л. 167.

еще в 1920-х гг., толчком к их массированному формированию стала лишь сплошная форсированная коллективизация. Уже на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) указывалось на необходимость улучшения «социально-бытового обслуживания колхозного населения, в особенности женщин (устройство яслей, общественное питание и т.п.)»¹. Правда, создание системы обслуживания детей дошкольного возраста в коллективизированной деревне продвигалось замедленными темпами вследствие отрицательного отношения к ней части сельских жителей, халатности властей и перманентного дефицита ресурсов. По этому поводу Кубанская окружная Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) отмечала в 1930 г., что «не уделено внимания вопросу организации детских и дет-площадок»². В мае того же года сотрудники Северо-Кавказской РКИ констатировали: «культурно-бытовое обслуживание колхозников, совершенно неудовлетворительно, от бумажных планов к делу не перешли»³.

Тем не менее детские дошкольные заведения были созданы в коллективизированной деревне СССР третьего десятилетия XX в. в гораздо больших количествах, чем в период нэпа. Данная тенденция была характерна для всего Советского Союза, и материалы Юга России выступают частным ее подтверждением. Уже в 1929 г. в колхозах Ставропольского округа Северо-Кавказского края численность детских яслей выросла с 9 до 30⁴. В Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1928 – 1929 гг. имелось 95 детских площадок на 4,4 тыс. детей, а в 1930 г. здесь было создано уже 600 площадок на 19 тыс. мест⁵. В целом, в первой половине 1930 г. из 3269 коллективных хозяйств, существовавших в

десяти русских округах Северо-Кавказского края (Армавирском, Донском, Донецком, Кубанском, Майкопском, Сальском, Ставропольском, Терском, Черноморском, Шахтинско-Донецком), 1058 (то есть 32,3 %) имели детские дошкольные заведения; в том числе 742 колхоза располагали детскими яслями, а 316 – площадками⁶.

В 1939 г. в коллективных хозяйствах Ростовской области насчитывались 260 постоянных яслей (6651 место) и 3243 – сезонных (78 461 место), то есть создаваемых лишь на время напряженных сельхозработ [8, 425]. Тогда же в Краснодарском крае в постоянных колхозных яслях насчитывалось 10,7 тыс. мест (с учетом постоянных совхозных ясель – 13,6 тыс. мест), в сезонных колхозных яслях – 78 тыс. мест⁷. Отчеты отдельных коллективных хозяйств Орджоникидзевского края также свидетельствовали об увеличении численности детских дошкольных заведений (сопровождавшемся возрастанием удельного веса высших форм таких заведений, каковыми являлись детские сады и постоянные детские ясли). Впрочем, значение количественных показателей подчас сводилось чуть ли не к нулю неудовлетворительным качеством ухода за детьми, характерным для многих садов, яслей и площадок.

Поскольку детучреждения являлись одним из средств содействия оптимизации колхозного производства, КОВК на первых порах привлекались к их созданию и налаживанию деятельности. Нормативно-правовые документы, основополагающие для сельских учреждений социальной помощи, ставили перед КОВК и такую задачу. Так, в постановлении Президиума ЦИК СССР «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» от 1 февраля 1932 г. среди задач касс указывалось содействие организации детсадов и яслей [12, 211]. Обязанность КОВК «всемерно содействовать новым формам общественной жизни в колхозах путем организации детских учреждений [...] ясель, садов, площадок для детей» подчер-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 2. Без нумерации.

² Государственный архив Краснодарского края (ГА КК). Ф. р-226. Оп. 1. Д. 652. Л. 21.

³ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 88. Л. 9.

⁴ Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1257. Л. 9.

⁵ ГА РО. Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 4. Л. 28 об.

⁶ ГА РО. Ф. р-98. Оп. 2. Д. 79. Л. 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 27, 30, 33.

⁷ ГА КК. Ф. р-687. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

кивалась на Северо-Кавказском совещании работников КОВК и собесов в июне 1933 г.¹ В 1935 г. пресса вновь напоминала работникам КОВК, что они обязаны «заняться вопросом об организации детучреждений» [7, 19].

Конкретно участие касс общественной взаимопомощи колхозников в формировании детских дошкольных заведений в колхозах выражалось, как правило, в финансировании данных заведений. Кассы, наряду с колхозами, выделяли средства для ремонта садов, яслей и площадок, приобретали для них инвентарь, игрушки и прочее. Кроме того, КОВК оплачивали профессиональную подготовку персонала детучреждений. Так, к маю 1935 г. в Северо-Кавказском крае было подготовлено на средства касс взаимопомощи 325 руководителей и воспитателей для колхозных детских заведений; только Надеждинская КОВК Ставропольского района подготовила 4 колхозницы для работы в детских площадках [2, 9; 6, 22].

Следует, однако, подчеркнуть, что основную роль в организации детских дошкольных заведений, налаживании и поддержании их функционирования играли все же не КОВК, а сами колхозы. Данное обстоятельство было четко прописано в базовых актах колхозного права. О том же свидетельствуют и источники, так как в них, чаще всего, повествуется о деятельности коллективных хозяйств, а не КОВК, по организации детских садов, яслей или площадок. Например, накануне весенней посевной кампании 1937 г. Вешенский райком ВКП(б) обязывал правления колхозов и дирекцию МТС приступить к созданию детских площадок и яслей, умалчивая при этом о КОВК².

Итак, на протяжении третьего десятилетия XX в. сельские учреждения социальной помощи в коллективизированной деревне Советского Союза, в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье, даже в процессе реализации поставленных перед ними специальных задач опосредованно способствовали орга-

низационно-хозяйственному укреплению колхозной системы. Коллективизаторам, однако, было недостаточно опосредованного участия КОВК в деле создания и всемерного укрепления коллективных хозяйств, поэтому, презрев «Примерный устав КОВК» и другие нормативные акты, представители власти принуждали работников КОВК к реализации социально-экономических и социально-политических задач, никак не связанных со сферой социального обеспечения. Среди этих задач были такие, как борьба «за выполнение производственных планов колхоза» [10, 19], реализация хлебозаготовок (и, соответственно, борьба с «саботажниками» сдачи хлеба государству, с особенной жесткостью развернутая властями в Северо-Кавказском крае в 1932 г.), организация хлебных «красных обозов», осуществление подписки максимально возможного количества сельских жителей на государственный заем (являвшийся, по существу, завуалированным налогом), поиск и разоблачение разного рода замаскировавшихся и «пролезших» в колхозы «кулаков», «подкулачников», «вредителей», и многое другое. Будучи обременены подобного рода заданиями, работники КОВК не имели возможности на должном уровне выполнять свои профессиональные обязанности по оказанию помощи и поддержки впадшим в нужду членам коллективных хозяйств; но данное обстоятельство меньше всего беспокоило представителей властных структур.

В полной мере учитывая позицию органов власти, делегаты проходившего в марте 1932 г. первого Всероссийского совещания работников КОВК приняли решение направить работу касс на содействие правлениям колхозов «в практическом разрешении важнейших хозяйственно-политических вопросов», каковыми признавались хлебозаготовки, укрепление производственных бригад, организация и активизация социалистического соревнования, участие в подготовке к весенней посевной, содействие сбору сельскохозяйственного налога и самообложения в фонд сельсоветов, участие в кампаниях по подписке на государственные займы, органи-

¹ ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 83.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 83. Л. 148.

зации «красных обозов» и ударных бригад по хлебозаготовкам и т. д. Все это осуществлялось под флагом «классовой бдительности» и непримиримости к противникам «социалистического строительства» [1, 445-447].

В июле следующего, 1933 г., участники Северо-Кавказского краевого совещания сотрудников КОВК и райсобесов делились друг с другом мнениями о том, насколько успешно была «проведена работа по всем мероприятиям, направленным на организационно-хозяйственное укрепление колхозов». Соцработники были весьма самокритичны и пришли к выводу о том, что работа в данном направлении являлась «недостаточной». Горечь этой пилюли, однако, подсластили достижения некоторых КОВК. В принятой на совещании резолюции указывалось, что «ряд касс взаимопомощи Северо-Кавказского края в работе по сбору семфонда и проведения посева социалистических полей и в боях с организованным кулацким саботажем показали, что они также являются одним[и] из лучших проводников решений партии и правительства в деревне в деле сплочения колхозных масс против врагов колхозного строя за хозяйственное и политическое укрепление колхозов»¹.

Заслуги «лучших проводников», как явствует из процитированного выше высказывания, заключались отнюдь не в улучшении положения вставших в нужду колхозников Юга России, а в реализации разного рода хозяйственно-политических кампаний и, в особенности, – весеннего сева. В частности, КОВК выделяли средства на улучшение производственного быта занятых на севе колхозников и на их медицинское обслуживание. Например, весной 1931 г. Прикумская КОВК «выписала на 96 рублей газет и журналов для избы-читальни и для колхозных бригад» [9,12], работавших в поле. Кассы общественной взаимопомощи колхозников Сальского района в преддверии весеннего сева 1933 г. организовали несколько фельдшерских пунктов и, кроме того, оплачивали деятельность разъездного фельдшера, «который систематически объезжает [полевые станы] и ока-

зывает медицинскую помощь бригадам 3-х колхозов»². В 1934 г. Ейская межрайонная КОВК Азово-Черноморского края содержала стационарный медпункт и оплачивала деятельность парикмахера, обслуживавшего колхозников непосредственно в таборах, без отрыва от производства [5, 14]. В октябре 1935 г. НКСо РСФСР рекомендовал КОВК расходовать часть их средств «на приобретение аптек первой помощи для колхозных бригад» [11, 170].

Собственно, подобные мероприятия касс общественной взаимопомощи колхозников нельзя оценить иначе, как положительно, хотя они и не относились в полной мере к социальной помощи. Однако далеко не всегда деятельность работников КОВК в рамках реализации хозяйственно-политических кампаний отличалась столь выраженным позитивным характером.

В условиях первой трети 1930-х гг. подготовка к такому, казалось бы, мирному занятию, как сев, зачастую походила на войну властей против собственного народа. Поскольку после опустошительных хлебозаготовок 1932 г. у колхозов не осталось семенных запасов, органы власти распорядились изымать зерно у колхозников в целях формирования фондов для проведения сева (в терминологии коллективизаторов это называлось «внутриколхозный семенной заем»). Цинизм такого решения заключался, во-первых, в том, что этот хлеб члены коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополя получили на честно выработанные трудодни; во-вторых, мизерных продовольственных запасов колхозников никак не могло хватить для формирования сколь-нибудь значительных семенных фондов.

Колхозники, разумеется, пытались прятать заработанное зерно от представителей власти и разномастных сельских «активистов» в различных тайниках (ямах, подвалах, колодцах и пр.). Тогда на поиски зерна отправлялись специальные бригады, состоявшие из представителей колхозной администрации, сельских коммунистов, комсомольцев,

¹ ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 80.

² ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 80.

«активистов» и т. д. В формирования и деятельности таких бригад приняли участие и работники касс взаимопомощи. Только в Невинномысском районе Северо-Кавказского края зимой 1932–1933 гг. при участии работников и актива касс общественной взаимопомощи было организовано 150 бригад общей численностью 750 человек, которые обнаружили 1767 ям с зерном¹. Тем самым южнороссийские КОВК не помогали колхозникам, а разоряли их в угоду сталинскому режиму и иллюзорным большевистским лозунгам о скором наступлении «коммунистического рая».

Во второй половине 1930-х гг. перед работниками касс взаимопомощи по-прежнему стояла сверхзадача, заключавшаяся в том, чтобы содействовать укреплению колхозной системы. Но, поскольку в это время азарт коллективизаторов угас по причине вовлечения подавляющего большинства крестьян в колхозы, КОВК должны были сосредоточить усилия лишь на опосредованной помощи сельхозартелям, используя социальную поддержку в качестве стимулятора производственной активности крестьян. Непосредственное же привлечение работников КОВК к реализации различных хозяйственно-политических кампаний уже не приветствовалось партийно-советским руководством. Поэтому в 1937 г. руководящие работники системы КОВК назидательно указывали председателям и членам правлений касс взаимопомощи на нетерпимость сохраняющейся еще практики, заключающейся в передаче кассами «своих средств колхозам на различные производственные нужды последних. ... И это в то время, когда кассы не могут провести самых необходимых мероприятий по оказанию помощи детям. Руководители касс взаимопомощи не учитывают того обстоятельства, что такое распоряжение средствами ведет к подрыву авторитета касс среди широких слоев колхозников, делает бессмысленной уплату членских взносов» [3, 58]. Еще более жесткая критика звучала из уст руководящих лиц во второй половине 1930-х гг. в адрес тех пред-

ставителей колхозной администрации, которые, как и раньше, пытались привлекать средства последних к решению производственных задач или не передавали им часть натуральных и денежных фондов колхоза. Подобное поведение колхозных управленцев считалось неправильным, ибо препятствовало КОВК помогать нуждавшимся колхозникам.

Итак, на всем протяжении 1930-х гг. КОВК обязаны были преследовать выполнение важнейшей задачи, которая заключалась не столько в улучшении положения впадших в нужду селян, сколько в укреплении колхозов. В первой половине указанного десятилетия КОВК непосредственно привлекались к оптимизации организационно-хозяйственного состояния колхозов, что препятствовало им выполнять свои функции по поддержке нуждавшихся аграриев. Только по завершении сплошной коллективизации сельские учреждения социальной помощи были освобождены от непосредственной поддержки коллективных хозяйств и смогли сосредоточить усилия на реализации своих специальных задач по поддержке нуждавшихся жителей коллективизированной деревни, в том числе сел и станиц Дона, Кубани и Ставрополя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григорьев В.С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921-1941 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. 586 с.
2. Итоги 3-го Всероссийского конкурса // Социальное обеспечение. 1935. № 5. С. 10-22.
3. Киселев. Кассы взаимопомощи колхозов в 1937 году // Социальное обеспечение. 1937. № 4. С. 52-65.
4. Лукашенко Э.В. Роль женского труда в колхозном производстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 11-12. С. 200-215.
5. Лысков Е.А. Очередные задачи касс взаимопомощи в колхозах на 1935 г. // Социальное обеспечение. 1935. № 1. С. 10-24.
6. Маханько, Болотская. На Ставропольщине // Социальное обеспечение. 1935. № 6. С. 19-27.
7. Мусатова Т. Весенний сев 1935 г. и колхозные кассы взаимопомощи // Социальное обеспечение. 1935. № 2-3. С. 10-28.
8. Народное хозяйство Ростовской области за 20

¹ ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 442. Л. 80.

- лет. Ростов н/Д., 1940. 436 с.
9. Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. 1941. № 2. С. 10-27.
10. Подольский Ал. Укрепить руководство сельсоветов кассами взаимопомощи колхозников // Социальное обеспечение. 1931. № 11. С. 10-23.
11. Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 6. 208 с.
12. Постановление Президиума ЦИК СССР «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» от 1 февраля 1932 г. // История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917-1936. М., 1959. 518 с.
13. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи бескорванным колхозникам в обзаведении коровами» от 14 августа 1933 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927-1939. Т. 3. Конец 1930-1933 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 2001. 1007 с.

УДК 947.084.6-055.2:351.862. (470.6)

Бочан С.А.

*Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

**«БОЕВЫЕ ПОДРУГИ»: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОБОРОННОГО
ДВИЖЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВИЗИРОВАННОЙ ДЕРЕВНЕ СССР
В 1930-х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА И КУБАНИ)**

S. Bochan

South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)

**“BATTLE GIRLFRIEND”: GENDER ASPECTS OF DEFENSE MOVEMENT
IN THE SOVIET COLLECTIVIZED VILLAGE IN 1930s
(ON THE MATERIALS OF THE DON AND KUBAN REGION)**

Аннотация. В статье рассмотрены мероприятия большевиков по устранению гендерного неравенства в Советской России. Автор делает вывод, что эти меры имели весьма неоднозначные результаты, привели к определенному сглаживанию гендерных диспропорций и к увеличению роли и значения женщин в советском обществе. Однако негативными результатами все тех же усилий стали возрастание трудовой нагрузки на женщин, ухудшение их здоровья (а значит – и здоровья рожденных ими детей) вследствие активного вовлечения в типично «мужские» сферы занятости.

Ключевые слова: оборонное движение, военное обучение, сельские женщины, деревня.

Abstract. The article considers the Bolsheviks' activity to eliminate gender inequality in the Soviet Russia. The author concludes that these measures had rather mixed results and lead to some bridging the gender gap and increasing the role and importance of women in the Soviet society. However, the reverse side of the same measures was increasing workload for women, deterioration of their health (hence the health of children born to them) because of women's active involvement in typically "male" areas of employment.

Key words: defensive movement, military training, rural women, village.

Женщины в СССР рассматривались в качестве важного ресурса укрепления обороноспособности страны, необходимого не только для замены на производстве призванных в армию мужчин, но и для кадрового пополнения отдельных военных специальностей. Для этого органы власти советского государства впервые в отечественной истории развернули систему военного обучения населения, игнорировавшую подчас гендерные различия. В рамках данной публикации мы предприняли попытку осветить участие женщин в оборонном движении в СССР в 1930-х гг., акцентировав внимание на сельских жителях двух южнороссийских регионов, – Дона и Кубани, – характеризовавшихся наличием казачьих сообществ с их славными боевыми традициями.

От инициатив правительственных органов и лидеров компартии не могли остаться в стороне работники партийно-советских структур Дона и Кубани (указанные регионы до 1934 г. объединялись в составе Северо-Кавказского края, затем, – Азово-Черноморского края, а в 1937 г. стали отдельными административно-территориальными единицами и превратились, соответственно, в Ростовскую область и Краснодарский край). Говоря о распространенных в 1930-х гг. формах и методах вовлечения колхозниц Дона и Кубани в движение за оборону их родной страны, необходимо отметить, что ведущим направлением являлось ознакомление

женщин с азами военного мастерства с целью феминизации вооруженных сил СССР в случае нападения вероятного противника и развертывания большой войны. Другим направлением оборонного движения в границах третьего десятилетия XX в. являлась профессиональная подготовка женских кадров для традиционно «мужских» отраслей народного хозяйства, дабы представительницы «слабого пола» в случае начала войны и последовавших за этим мобилизаций в армию могли заменить на производстве представителей «пола сильного».

Вовлечение сельских женщин в типично «мужские» сферы аграрного производства рассмотрим на примере механизации. О подобных расчетах в 1930 г. со всей определенностью заявлял руководитель профсоюза рабочих МТС и батрачества Н.М. Анцелович: «Те, кто философствует, что женщина не годится для трактора, забывают, что сейчас не так много мужчин найдешь... Кроме того, надо учесть и интересы обороны страны... Когда стране будет грозить опасность, не все мы будем сидеть на тракторе» [1, 59].

Донские и кубанские чиновники, как пишут А.П. Скорик и М.А. Гадицкая [16, 137-139], в приказном порядке направляли сельских девушек обучаться на курсах трактористов. Усилия властей возрастали по мере обострения международной обстановки, достигнув пика к исходу 1930-х гг., когда опасность новой мировой войны приняла вполне осязаемые черты: именно в конце отмеченного десятилетия в СССР была развернута масштабная кампания под лозунгом «девушки, на трактор!».

Доминирующим мотивом при этом продолжало оставаться стремление сформировать как можно более внушительную по численности когорту женщин-механизаторов, способных заменить на производстве мужчин в случае войны. О господстве подобных мотивов, например, свидетельствует помещенная в марте 1936 г. в краевой газете Азово-Черноморского края «Молот» фотография и подпись под ней. В это время на Дону и Кубани развернулась кампания «за советское

казачество» (обусловленная намерениями сталинского режима привлечь к себе симпатии казачьих сообществ ввиду, опять-таки, надвигающейся войны); в рамках данной кампании было принято решение провести в Ростове-на-Дону «праздник советских казаков», на который намечалось направить три сводные сотни донцов, кубанцев и терцев. Так вот, на фотографии в газете «Молот», на втором плане был запечатлен кубанский казак на коне, а на первом плане, – женщина на тракторе, с поднятой в прощальном жесте рукой. Подпись под фото гласила, что «кубанский казак С.Н. Головань, тракторист Ленинградской МТС, награжденный орденом Ленина, участвует в походе кубанской сотни в Ростов», а на время похода «на тракторе его заменит жена – Мария Ивановна Головань» [12]. Снимок иллюстрирует момент прощания супругов, который выглядел как некая их «тренировка» перед отправлением казаков во вполне вероятный боевой поход.

Причем не только представители власти, но и многие рядовые сельские жители полагали желательным обучить возможно большее количество женщин профессиям механизаторов в преддверии будущих боев. В частности, подобные настроения озвучил муж донской трактористки А.Г. Хопрячковой. Она рассказывала в 1940 г., как ее муж, прослушав ее восторженные слова о производственных достижениях, задумчиво ответил: «Это неплохо, а вот только ты должна заниматься с колхозницами, учить их тракторному делу, чтобы была смена мужчинам на случай войны» [17, 97].

Немало молодых колхозниц с воодушевлением стремились получить профессию тракториста: «одних в ней привлекала своеобразная романтика, другие верили советским пропагандистским фильмам, выставлявшим механизаторов в виде передовых людей колхозной деревни, третьи желали получить востребованную профессию как гарантию самостоятельности и материальной стабильности» [16, 137-138]. Ряд таких энтузиасток за свои производственные достижения получил широкую известность не только на Юге

России, но и по всему СССР. Например, кубанская трактористка из Канеловской МТС П.И. Ковардак, более известная в советской прессе как Паша Ковардак (столь фамильярное написание имени было принято потому, что знаменитой трактористке даже к исходу 1930-х гг. не исполнилось и 30 лет, а высокую правительственную награду, – орден Трудового Красного знамени, – она получила в 22 года) [15, 16].

Однако усилия партийно-советских органов власти по формированию кадров женщин-механизаторов зачастую не давали должного эффекта, поскольку «обучение и оплата труда трактористов не соответствовали требованиям жизни, а сопряженная с большой ответственностью профессия занимала невысокое место в колхозной иерархии» [14, 177]. Даже мужчинам было не так просто работать на тракторах и комбайнах, а женщинам и того сложнее.

Поэтому удельный вес женских кадров в составе механизаторов был невысок как по всей стране, так и на Дону и Кубани. Не случаен тот факт, что в 1933 г. женщины составляли только 3 % курсантов на курсах механизаторов Северо-Кавказского края [11]. После того, как весной 1939 г. ЦК ВЛКСМ, Народный комиссариат земледелия СССР и Наркомсовхозов СССР приняли постановление о подготовке без отрыва от производства 100 тыс. трактористок, численность женщин-механизаторов выросла: в следующем году по всему Союзу их было 64 тыс. [1, 59; 4, 297; 10, 150] В Ростовской области к 1 июля 1939 г. насчитывалось до 2 тыс. женщин-механизаторов [13, 256].

Однако тяжелые условия труда и быта на производстве, невнимание законодателя к специфическим проблемам женщин-механизаторов (в частности, недостаточные размеры помощи в случае беременности), прямое противодействие руководства МТС и совхозов вели к тому, что даже к исходу 1930-х гг. их численность среди трактористов, комбайнеров и т. д. была невысокой. Можно сказать, что лидеры Советского Союза даже к концу 1930-х гг. имели все основания быть недо-

вольными как недостаточно активными темпами, так и далекими от желаемого идеала результатами вовлечения сельских девушек и женщин в такую типично «мужскую» сферу деятельности, как механизация.

Наибольшее же внимание в 1930-х гг. представители власти уделяли военному обучению женщин, в том числе жительниц коллективизированных сел и станиц Кубани и Дона. Обучение проходило непосредственно в сельских населенных пунктах, в колхозах и совхозах. Для этой цели под непосредственным руководством районных органов власти (райкомов компартии и райисполкомов), при участии сельских военкоматов и активистов Осоавиахима, за счет колхозных или совхозных средств организовывались и функционировали оборонные кружки и так называемые Дома обороны. Здесь юноши и девушки, а также и люди старшего возраста, обучались стрельбе из винтовок, изучали приемы штыкового боя, основы противохимической обороны, санитарной помощи и пр.

В процессе военного обучения девушек, разумеется, особое внимание уделялось медико-санитарным навыкам; в этой связи формировались «оборонно-санитарные» отряды. Однако не следует думать, что этим дело и ограничивалось. Девушки и женщины коллективизированной деревни учились ходить и даже работать в поле в противогазах, стрелять из винтовок и даже пулеметов. Так, на фотографии, помещенной в одном из номеров издававшегося в Азово-Черноморском крае журнала «Колхозница», мы видим, как парторганизатор колхоза им. Ворошилова Кропоткинского района Н.Н. Бойко обучает стрельбе из винтовки Мосина «активных членов оборонно-санитарного отряда» Марусю Мухину и Варвару Калашникову [5, 17]. В другом номере того же журнала на фотографии запечатлены три девушки беретки, расположившиеся на земле с винтовками в руках. Подпись под фото гласит, что «молодежь станицы Глубокой с интересом изучает военное дело»; в данном случае перед фотографом позировали работавшие на железной дороге девушки-проводницы Дина

Голоскова, Аня Лобанова и Мария Тимофеева. Согласно пояснительному тексту, они под руководством инструктора стрелкового дела Н.Ф. Яковлева сдавали «зачеты по стрельбе на значок «Ворошиловский стрелок» [8, 5].

В оборонно-спортивных кружках коллективизированной деревни Дона и Кубани занимались, как правило, совместно и юноши, и девушки. Но уже с 1936 г., по инициативе руководства и девушек-комсомолок упомянутого выше колхоза им. Ворошилова Кропоткинского района Азово-Черноморского края стали возникать женские оборонные кружки. У этой инициативы на Юге России нашлись многочисленные последователи и подражатели. Как говорил на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов в декабре 1936 г. председатель колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края И.Е. Хромушин, «широко двинулась, по примеру колхоза имени Ворошилова Кропоткинского района, организация женских оборонных кружков. В них наши казачки берутся обучиться трактору, комбайну, санитарному делу, винтовке и химической обороне» [3, 32].

Женские оборонные кружки стали возникать не только в колхозах, но также в совхозах и машинно-тракторных станциях. Весной 1937 г. жены работников Попутной МТС Отраденского района Азово-Черноморского края обратились с призывом «ко всем женам инженерно-технических работников и рабочих МТС» с призывом «не остаться в стороне от социалистической стройки в нашей счастливой стране». В частности, они писали в своем обращении: «мы не забыли и об обороноспособности нашей страны. Нами созданы кружки по изучению военной техники: по противовоздушной обороне, санитарной, по изучению тракторного и автомобильного дела. В этих кружках успешно занимаются 32 женщины» [18, 12]. Начальник созданного в МТС женского «оборонного отряда» П.В. Спарисш писала: «я и мои товарищи, жены специалистов МТС, ни на одну минуту не забываем об опасностях, угрожающих нашей родине, о том капиталистическом окружении, о котором так ясно и величественно говорил товарищ Сталин на Пленуме ЦК ВКП(б). Мы ведем среди женщин оборонную работу. Я лично организую и готовлю кадры советских патриотов, у которых не дрогнет рука в бою, если враг попытается напасть на нашу великую родину» [18, 13].

Добавим, что специфика Дона и Кубани как регионов с заметным удельным весом казачьего населения оказала существенное влияние на гендерные аспекты оборонного движения в коллективизированной деревне. Как уже отмечалось, в 1936 г. сталинское руководство инициировало кампанию «за советское казачество», имевшую целью не только усилить просоветские симпатии среди казаков, но также использовать военно-патриотические традиции казачьих сообществ в деле укрепления обороноспособности СССР. В рамках данной кампании казачья молодежь, гордившаяся славным боевым прошлым своих отцов и дедов, с повышенной активностью обучалась военному делу.

В наибольшей мере возрождение военных традиций казаков выразилось в возникшем с конца 1935 г. военно-спортивном движении «ворошиловских кавалеристов». Как явствует из названия, члены кружков «ворошиловских кавалеристов», или «ворошиловских всадников», обучались навыкам верховой езды и конного боя. Неудивительно, что такие кружки в массовом порядке возникали в казачьих станицах, жители которых славились как прирожденные всадники. Чисто женских по составу кружков «ворошиловских кавалеристов» на Дону и Кубани не существовало; во всяком случае, в источниках мы не обнаружили никаких упоминаний об этом. Однако молодые казачки входили в кружки смешанного состава.

В марте 1936 г., в процессе развертывания кампании «за советское казачество», в одном из номеров газеты «Молот» была помещена статья о донской казачке, колхознице сельхозартели «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края Вере Куркиной. Вера, которой в 1936 г. исполня-

лось 20 лет, была названа в статье одним из инициаторов движения «ворошиловских кавалеристов» (именно комсомольцы колхоза «Донской скакун» в конце 1935 г. обратились с призывом к советской молодежи учиться навыкам кавалерийского мастерства). В статье отмечалось, что «Вера Куркина, казачка, комсомолка, колхозница «Донского скакуна», одна из первых вступила в клубы ворошиловских кавалеристов и настойчиво овладевает военно-конным делом. Не хуже ребят скачет она на донском чистокровном жеребце. Она бесстрашно берет любые барьеры. И сейчас усиленно готовится к рубке лозы на всем скаку» [2]. Вера Куркина была не единственной девушкой, занимавшейся в кружке «ворошиловских кавалеристов» колхоза «Донской скакун». Вместе с нею здесь обучался еще ряд девушек, в частности К.И. Хайдакина [9, 31]. Летом 1937 г. многодетные матери Тарасовского района Азово-Черноморского края обещали И.В. Сталину «включиться в оборонную работу в своих колхозах, научиться метко стрелять, хорошо владеть конем» [7, 15].

Добавим, что, несмотря на последовавшее в 1936 г. возрождение казачьих традиций на Юге России, девушки-казачки обучались не только кавалерийскому делу, но и приобретали широкий спектр военных знаний и навыков; в этом они были неотличимы от своих сверстниц из числа бывших «иностранцев». О «многопрофильности» военного обучения молодежи в казачьих станицах свидетельствуют, в частности, уже цитировавшиеся слова председателя колхоза «Донской скакун» И.Е. Хромушина. Девушки-казачки занимались как в смешанных, так и собственно женских оборонно-спортивных кружках стрельбой, изучением противохимической и противовоздушной обороны, приобретали навыки медсестер и санитарок и т. п. Например, под одной из фотографий в журнале «Колхозница» весной 1937 г. была помещена подпись, гласившая, что в «санитарно-оборонном женском отряде колхоза «Знамя коммунара» Алексеево-Лозовского района занимаются 18 девушек-казачек» [6,

13]. Некоторые казачки шли еще дальше, выражая желание приобрести весьма престижные в то время специальности. Так, в статье о Вере Куркиной утверждалось, что у нее появилась «новая мечта... Вера хочет померяться силами с тучами и ветрами. Вера хочет быть летчицей» [2]. Автор публикации уверенно заявлял, что Вера станет летчицей. Нам не удалось обнаружить никаких сведений о дальнейшей судьбе казачки из колхоза «Донской скакун», и мы не знаем, воплотила ли она свою мечту наяву. Но летные кружки в коллективизированных селах и станицах Дона и Кубани существовали, так что ничего невозможного в появлении девушек-пилотов не было.

Итак, на протяжении третьего десятилетия XX в. партийно-советское руководство СССР в качестве одного из мероприятий по укреплению обороноспособности страны инициировало и всячески содействовало развертыванию оборонного движения, в котором принимали участие не только мужчины, но и женщины. При этом представители власти активно стремились ликвидировать гендерные диспропорции в оборонном движении и вовлечь в него максимально возможное количество женщин – как горожанок, так и крестьянок (колхозниц). Жительницы коллективизированной деревни учились в военно-спортивных кружках владению огнестрельным оружием, навыкам санитарно-медицинской помощи, борьбы с химическим оружием и пр. Важным направлением оборонного движения в 1930-х гг. было целенаправленное обучение сельских женщин традиционно «мужским» специальностям, в частности, профессии механизатора.

Хотя на Дону и Кубани гендерные аспекты оборонного движения были в целом идентичны общероссийским (общесоюзным) тенденциям, здесь наличествовала четко выраженная региональная специфика, определявшаяся существованием казачьих сообществ. Помимо перечисленных военных знаний и навыков, девушки и женщины из казачьих станиц могли обучаться кавалерийскому мастерству в кружках «ворошиловс-

ких всадников», что стало возможным в ходе и по результатам развернутой в 1936 г. партийно-советским руководством кампании «за советское казачество».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929 – 1957 гг. (Формирование кадров массовых квалификаций). М., 1960. 341 с.
2. Данишевский М. Вера Куркина // Молот. 1936. 5 марта.
3. Из выступления председателя колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края И.Е. Хромушина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов // Колхозный путь. 1937. № 1. С. 30-38.
4. История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986. 448 с.
5. Колхозница. 1937. № 2. С. 15-19.
6. Колхозница. 1937. № 3. С. 10-17.
7. Колхозница. 1937. № 6. С. 12-20.
8. Колхозница. 1937. № 8 – 9. С. 4-18.
9. Колхозный путь. 1937. № 1. С. 28-35.
10. Котов Г., Стуков М., Горбатенко Г. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. 584 с.
11. Молот. 1934. 2 января.
12. Молот. 1936. 10 марта.
13. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Ростов н/Д., 1940. 436 с.
14. Оджей М. К вопросу о кадрах механизаторов в советском сельском хозяйстве (1929 – 1939 гг.) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 172-178.
15. Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 10-18.
16. Скорик А.П., Гадицкая М.А. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д., 2009. 324 с.
17. Хопрячкова А.Г. Добьюсь участия на выставке // День нашей жизни. Ростов-на-Дону, 1940. 198 с.
18. Шире движение общественниц МТС! Ко всем женам инженерно-технических работников и рабочих МТС Азово-Черноморского края // Колхозница. 1937. № 5. С. 10-16.

УДК 93/94

Глухарев Н.Н.

Московский педагогический государственный университет

**К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.В. ЛУНАЧАРСКОГО
НА ДОЛЖНОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УЧЕНОГО
КОМИТЕТА ЦИК СССР (1929-1933)**

N. Glukharev

Moscow Pedagogical State University

**ON A.V. LUNACHARSKIY'S ACTIVITY IN THE OFFICE OF THE CHAIRMAN
OF THE USSR CEC SCIENTIFIC COMMITTEE (1929-1933)**

Аннотация. Статья посвящена малоисследованному периоду государственной деятельности А.В. Луначарского в 1929-1933 гг. В этот период он занимал должность председателя Ученого Комитета при Центральном Исполнительном Комитете СССР. С одной стороны, новая должность бывшего Наркома просвещения имела меньшее политическое значение, с другой стороны, новый председатель сыграл большую роль в работе Ученого Комитета. Автор раскрывает отношение А.В. Луначарского к ученым и международным научным связям, оценивает его вклад в расширение компетенции Ученого Комитета.

Ключевые слова: наука, управление наукой, А.В. Луначарский, Ученый Комитет ЦИК СССР.

Abstract. The article is devoted to a little investigated period of A.V. Lunacharskiy's state activity between 1929 and 1933. During this period he held a post of the chairman of the Scientific Committee under the Central Executive Committee of the USSR. On the one hand, the new post of the former People's Commissar of Education had smaller political value, on the other hand – the new chairman played a big role in the work of the Scientific Committee. The author reveals A.V. Lunacharskiy's attitude to scientists and international scientific relations, estimating his contribution to the Scientific Committee competent expansion.

Key words: science, science management, A.V. Lunacharskiy, the USSR CEC Scientific Committee.

Анатолий Васильевич Луначарский являлся одним из известнейших государственных и культурных деятелей начала советской эпохи; его жизни и деятельности посвящено большое количество исторической и биографической литературы. Широко исследуются его педагогические, философские, культурологические взгляды, роль в становлении советской системы образования [4; 7; 9]. Однако в историографии существует явный пробел, связанный с освещением государственной деятельности А.В. Луначарского на должности Председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК¹ СССР (Ученого Комитета) в 1929-1933 гг. после отставки с поста Наркома просвещения РСФСР.

Необходимо отметить, что на рубеже 1920-30-х гг. проводились кадровые «чистки» и перестановки, повлекшие серьезные изменения в реализации государственной научной и образовательной политики. Постановка науки на службу «социалистического строительства» на фоне экономической модернизации, обновление научных кадров и образования являлись важнейшими задачами, поставленными высшим руководством страны в период «культурной революции». «Либерал» А.В. Луначарский и его наркомат все чаще подвергались резкой критике. И.В. Сталин вообще причислял его к большевистским вождям «старого типа», отходящим на второстепенные роли [10, 43].

© Глухарев Н.Н., 2011.

¹ ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет – высший орган государственной власти СССР в 1922-1938 гг. между всесоюзными съездами Советов.

Анатолий Васильевич был назначен на новую должность 12 сентября 1929 г. Формально это был переход на более высокий пост в государственный орган, имеющий союзный статус. Однако Ученый Комитет ЦИК СССР на тот момент представлял собой еще не устоявшийся административный орган, практически не обладавший реальным влиянием¹. Из дневниковых записей того времени видно, что свой уход из Наркомпроса А.В. Луначарский переживал тяжело, сомневаясь в правильности выбранного пути [3, 57-58].

Первым шагом нового председателя после назначения стала поддержка инициативы работников Ученого Комитета ЦИК СССР по его реорганизации². В данный период среди ученых и партийно-государственных деятелей велись дискуссии и выдвигались проекты образования единого центра управления наукой (Всесоюзного Комитета науки), который должен был объединить все научные учреждения общесоюзного значения³. В свою очередь, сотрудники Ученого Комитета предлагали, не создавая новых структур, передать всеохватные научные и учебные учреждения в ведение уже существующего Ученого Комитета ЦИК, расширив при этом его полномочия. А.В. Луначарский поддержал данные предложения на заседании Президи-

ума УК 28 октября 1929 г., на котором было признано целесообразным передать в ведение Ученого Комитета ЦИК СССР научные учреждения всесоюзного значения, находящиеся в подчинении СНК⁴. 1 декабря 1929 г. данное решение было подтверждено Пленумом Комитета. Президиуму УК было поручено согласовать вопрос в «соответствующих инстанциях»⁵. В результате ходатайства председателя, 13 декабря 1929 г. решение о передаче в ведение Ученого Комитета Отдела научных учреждений СНК, включающего Академию Наук, было принято Президиумом ЦИК СССР⁶.

А.В. Луначарский участвовал в «советизации» Академии наук СССР, настаивая на необходимости более активного привлечения к данному процессу Ученого Комитета⁷. В качестве его представителя Анатолий Васильевич принимал участие в работе фракции коммунистов-академиков и совместно с Г.М. Кржижановским вносил связанные с Академией вопросы на заседания Политбюро ЦК ВКП(б) [1, 91-92]. Являясь сторонником коренной реорганизации АН СССР, Луначарский искренне считал, что присущие Академии наук недостатки «не дают ... права разбить Академию наук» [5, 92] и признавал целесообразным «сохранение на более или менее длительный срок Академии наук, как высшего ученого учреждения» [1, 92]. А.В. Луначарский руководил специальной комиссией Ученого комитета по рассмотрению Устава Академии, работавшей в апреле-мае 1930 г.⁸

В 1930 г. к задачам Ученого Комитета прибавилось также рассмотрение вопросов о со-

¹ Ученый Комитет (УК) был учрежден в 1926 г. в целях создания системы общего руководства и координации ученой, учебной и литературно-издательской работы учреждений ЦИК СССР. В 1926-1929 гг. в ведении Ученого Комитета находились партийные (Коммунистическая академия, Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова и др.), а также «национальные» научные и учебные учреждения (Институты востоковедения, Средне-Азиатский государственный университет и др.). До 1930 г. в обязанности Комитета входило управление конкретными учреждениями всесоюзного значения без решения общих вопросов науки и образования, но он не имел собственного аппарата, самостоятельного бюджета и был ограничен в вопросах методологического руководства.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.142. Оп.1. Д. 486. ЛЛ. 1-3.

³ Поиск форм общесоюзного управления и планирования в сфере науки шел с момента принятия Конституции СССР 1924 г. См., например: Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925): сб. док. / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л., 1968, С.70-74, 78; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-3316. Оп. 64. Д. 578.

⁴ СНК – Совет Народных Комиссаров – высший исполнительный и распорядительный орган Советского государства в 1917-1946 гг.

⁵ ГАРФ. Ф.Р-7668. Оп. 1. Д. 198. ЛЛ. 3, 5.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 198. Л. 15. Отдел научных учреждений СНК – всесоюзный орган управления наукой, созданный в 1925 г. для управления Академией наук СССР и др. всесоюзными научными учреждениями, оказавшимися в непосредственном подчинении СНК. Существовал до 1929 г. параллельно с Ученым Комитетом ЦИК СССР.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 4. Д. 1. ЛЛ. 38, 80.

⁸ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 486. Л. 126.

зыве общесоюзных научных съездов, а также участия советских ученых в международных конгрессах, съездах и конференциях. Отнюдь не последней причиной этого события явилось наличие большого опыта в области международного культурного сотрудничества и дипломатической работы у председателя Комитета А.В. Луначарского, во время председательства которого работа по налаживанию международных научных связей заняла в УК одно из важнейших мест. Необходимость расширения связей советских ученых с границей Луначарский видел, прежде всего, в их политико-идеологическом значении. В частности, эта позиция нашла отражение в решении Ученого Комитета от 9 февраля 1931 г. на основе доклада А.В. Луначарского о его очередной поездке за границу, в котором указывалось, что «в интересах выявления наших позиций на идеологическом фронте и более полного осуществления нашего идеологического влияния на колеблющиеся слои европейских ученых, считать в будущем вполне целесообразным заблаговременную и достаточно полную подготовку к вопросам, стоящим на международных конференциях, и направление на них достаточно сильных и подготовленных представителей, владеющих иностранными языками»¹. А.В. Луначарский возглавлял делегации советских ученых, выезжавших за границу, заботился о снабжении библиотек новейшей иностранной литературой, представлял Советский Союз на международных конференциях по философии, истории искусства [8, 40].

В качестве председателя Ученого Комитета Луначарский неоднократно обращался в Культпроп ЦК ВКП(б)² и Президиум ЦИК СССР с конструктивными предложениями, сетуя на ряд недостатков, вызванных «пределами возможности руководства» Ученого Комитета. Непосредственно возглавляя комиссии по обследованию ряда подведомственных учреждений (Институтов Красной Профессуры, коммунистических универси-

тетов), председатель Комитета отмечал, что в представлении их руководства Ученый комитет выглядит «лишним звеном, замедляющим прохождение вопросов научных и учебных учреждений». Озабоченность председателя вызывало также редкое участие Комитета в предварительном обсуждении решений «директивных органов», касающихся его компетенции³.

В целях налаживания работы Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями председатель настаивал на серьезном увеличении его штатов⁴. Желая опереться на проверенных людей в новой работе, Анатолий Васильевич проводил также собственную кадровую политику, привлекая в Ученый Комитет тех, с кем он сотрудничал в разные периоды своей деятельности. По его рекомендации был назначен руководителем научно-учебного отдела Комитета В.Т. Тер-Оганезов (сотрудник научного отдела Наркомпроса в 1921-1924 гг.), членом Комитета стал И.К. Луппол (с 1929 г. руководитель Главнауки Наркомпроса РСФСР) и др.

Отношение Анатолия Васильевича к ученым отличались противоречивостью. С одной стороны, имея уважение в научном сообществе, он всячески пытался содействовать личным обращениям ученых, поступающим в Ученый Комитет на его имя. Несмотря на партийную критику, он старался придерживаться прагматического подхода к «идеологически чуждым» деятелям науки, считая возможным и необходимым использовать их опыт в социалистическом строительстве. Эту точку зрения ярко характеризуют слова, сказанные им на совещании Ученого Комитета 19 января 1931 г.: «Мы бедны всё-таки силами, я был бы против того, чтобы мы какие-нибудь практически полезные партии или близкие партии силы выбрасывали, изгоняя окончательно. Очень многие в них, которые являются подмоченными, могут прекрасней-

³ ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 209. Л. 20-23.

⁴ В 1929 г. штат Ученого Комитета был увеличен до 6 человек, в 1930 до 11. А.В. Луначарский указывал на необходимую цифру около 70 сотрудников для успешной работы Комитета: ГАРФ. Ф. Р-7668. Д. 198. Л. 11; ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 209. Л. 20.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 360. Л. 3.

² Культпроп ЦК ВКП(б) - Отдел культуры и пропаганды при ЦК ВКП(б).

шим образом выправиться..., здесь я склонен применить известное количество примиренчества, за которое мне, может быть, когда-нибудь достанется...»¹. Председатель Ученого Комитета часто выступал посредником между партией и известными учеными в конфликтных ситуациях. Например, по случаю отказа в заграничной командировке В.И. Вернадскому в 1931 г., А.В. Луначарский писал в ЦК ВКП(б): «Если сказать ему (Вернадскому – Н.Г.), что в поездке ему отказывает временно, ввиду натянутых отношений: скажем, года на два, и если дать ему специально на его лабораторию 20000 рублей и 6 тысяч марок, то это его (временно) успокоит»².

С другой стороны, А.В. Луначарский, являющийся также приверженцем идеологического подхода к науке, часто выступал с нападками на некоторых специалистов. В частности, в отчете по заграничным командировкам ученых в 1931 г., Луначарский назвал совершенно неудачной командировку математика Н.Н. Лузина, известность которого, по мнению А.В. Луначарского «не оправдывает его идеалистических установок, как не оправдывает того, что он не пожелал из сферы отвлеченных предметов перейти к практически актуальным задачам социалистического строительства»³.

Однако положение самого А.В. Луначарского становилось все более непрочным. В 1931 г. он не был переизбран в ЦИК СССР по рекомендации В.М. Молотова, обвинившего его в связях с Л.Б. Троцким. Комиссия С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе, созданная для проверки этих сведений, не подтвердила их, но выборы уже состоялись [2, 257.]. Данный факт серьезно ударил по чувствам председателя Ученого Комитета. Он безуспешно пытался добиться разговора с И.В. Сталиным, чтобы преодолеть сложившееся, по его мнению, недоразумение. 29 марта 1931 г. он направил И.В. Сталину очередное письмо, в

котором писал: «Мне кажется, вряд ли полезным удерживать меня на работе в ученом комитете ЦИКС. Когда я был членом президиума ЦИКС у комитета начал создаваться авторитет. Верили, что лицо возглавляющее может похлопотать и т. п. Сейчас этой веры нет. Комитет не имеет большого доверия к себе своих учреждений, стремительно упало настроение сотрудников. Конечно, оставить здесь – буду работать, как только могу, но не лучше ли изменить положение?». Анатолий Васильевич просил перевести его на дипломатическую работу в Наркомат иностранных дел. «Я приложил бы все старания оказаться на месте... Может быть это стыдно, но мое здоровье заметно пошатнулось в результате знака недоверия ко мне партии» – заканчивал он⁴.

В 1932–1933 гг. Луначарский реже участвовал в работе Ученого Комитета, позволив основную деятельность вести своему заместителю Ю.М. Стеклову. Во многом это было связано именно с ухудшением здоровья. Осенью 1933 г. давняя просьба А.В. Луначарского о переводе его в Наркоминдел была осуществлена, он был назначен послом в Испанию. К этому времени Анатолий Васильевич был уже тяжело больным человеком. По дороге в Мадрид он скончался 26 декабря 1933 г. в г. Ментоне.

Л.Д. Троцкий, откликнувшись на смерть своего бывшего товарища по партии, писал 1 января 1934 г., что «снятый с поста народного комиссара, Луначарский оставался почти не у дел, вплоть до назначения его послом в Испанию» [11]. Отметим, что подобный взгляд характерен и для определенной части современной историографии, в которой обращается внимание на рост в указанный период реальной власти партийных структур, отодвигающей на второй план значение государственных органов [6, 609]. Коллеги Анатолия Васильевича по Ученому Комитету высоко оценивали его работу, проходившую в сложных условиях. Показательна оценка, данная Ю.М. Стекловым: «Те, кто близко соприкасался с ним (Луначарским – Н.Г.) в ра-

¹ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 185. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1117, Л. 3-3 об. В результате В.И. Вернадскому было выделено 30000 руб. и 3000 руб. в валюте для его работы в пределах СССР: Там же. Л. 8.

³ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 469. Л. 5-6.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 165.

боте, знают, с какой исключительной силой проявлялся его ... талант, особенно в тех случаях, когда ему приходилось принимать решения по сложным и запутанным вопросам. В самой трудной обстановке Анатолий Васильевич часто поражал своих товарищей по работе проявлением неожиданной эрудиции по таким проблемам, в которых, казалось бы, он не мог иметь специальных знаний, и предлагал такие удачные решения, которые удовлетворяли сторонников всех течений»¹.

Находясь на должности Председателя Ученого Комитета ЦИК СССР, А.В. Луначарский сыграл большую роль в расширении компетенций Комитета как общесоюзного органа управления наукой. Под его руководством развернулась многосторонняя деятельность Ученого комитета, важное место в которой занимали вопросы международных научных связей. Личная позиция авторитетного председателя часто являлась основой для принятия тех или иных решений Комитета. Осознавая ограниченность возможностей органа, Луначарский пытался исправлять положение. Встречая препятствия, он умел добиваться, хоть и частично, положительного решения вопросов, связанных с Комитетом в Президиуме ЦИК и ЦК ВКП(б). Живое стремление к работе, однако, сочеталось у Анатолия Васильевича с периодами разочарования. Он тяжело переживал критику и недоверие к себе партии. На

работе А.В. Луначарского, разделявшего одновременно прагматический и идеологический подходы к науке и культуре в целом, как и прежде, сказывалась противоречивость его собственных взглядов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922-1991 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. Т. 1.
2. Боров Ю.Б. Луначарский. М., 2010.
3. Ефимов В.В. Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского: в 3 т. Душанбе, 1992. Т. 3.
4. Каиров И.А. А.В. Луначарский – выдающийся деятель советского просвещения. М., 1966.
5. Кольцов А.В. Выступления ученых в защиту Академии наук. 1917-1929 гг. // На переломе. Советская биология в 20-30-х годах. Вып.1. СПб., 1997.
6. Наука и кризисы / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2003.
7. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры : [Пер. с англ.]. М., 1992.
8. Павловский О.А. Луначарский. М., 1980.
9. Северикова Н.М. А.В. Луначарский о воспитании. М., 1990.
10. Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т.7.
11. Троцкий Л.Д. Анатолий Васильевич Луначарский [электронный ресурс] // Л.Д. Троцкий. Против Сталина: двенадцать лет оппозиции (Статьи, речи и письма Л. Троцкого из «Бюллетеня оппозиции», июль 1929 - август 1941): [сайт]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm373.htm> (дата обращения 01.12.2010).

¹ ГАРФ. Ф.Р-7668. Оп.1. Д.1233. Л.1.

УДК 93+27

Поляков А.Г.

*Московский государственный индустриальный университет
(филиал в г. Кирове)*

ВИКТОРИАНСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОТ ЛЕГАЛЬНОСТИ К ПОДПОЛЬЮ

A. Polyakov

Kirov Branch of Moscow State Industrial University

BISHOP VICTOR'S MOVEMENT IN RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: FROM LEGALITY TO UNDERGROUND

Аннотация. В статье освещаются причины и динамика перехода викторианского течения в Русской Православной Церкви от легального к подпольному существованию. В середине 1930-х – 1940-е гг. органами власти в результате систематической работы были «нейтрализованы» почти все неконформистские по отношению к Советскому государству и Московской патриархии нелегально действующие группы и личности, считавшие себя последователями епископов Виктора (Островидова) и Нектария (Трезвинского).

Ключевые слова: Епископ Виктор (Островидов), ликвидация викторианского течения в Русской Православной Церкви, репрессии.

Abstract. The article is concerned with the causes and dynamics of the transition of Bishop Victor's trend from legal Russian Orthodox movement to an underground one. In the mid-1930s and 1940s the authorities abolished nearly all non-conformist illegal groups and individuals considering themselves the followers of the Bishops Victor (Ostrovidov) and Nektariy (Trezvinskiy).

Key words: Bishop Victor (Ostrovidov), abolishment of Bishop Victor Russian Orthodox movement, repressions.

Викторианское течение в Русской Православной Церкви – первая и наиболее радикальная из церковных оппозиций политическому курсу заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), лидером которой являлся епископ Ижевский и Вотский Виктор (Островидов). Возникла она осенью 1927 г. и преимущественно была распространена в Вятской губернии и частично в Вотской автономной области. В октябре 1928 г. епископа Виктора в Вятской губернии поддерживало 150 из 554 (340 – сергианских, 64 – обновленческих) или почти 1/3 всех приходов. При этом имело место примерное количественное равенство сторонников епископов Виктора и митрополита Сергия, вместе с тем викториан было не менее 200 000 человек².

Осенью 1927 – в конце 1928 гг. политическая позиция викториан преимущественно была связана с вопросом о должном отношении в целом к власти: либо придерживаться нейтрально-лояльной аполитичности епископа Виктора, либо вслед за митрополитом Сергием открыто заниматься легитимацией советской власти. При этом первый вариант не исключал возможность неприятия, осуждения антицерковной политики светской власти.

Вслед за ужесточением политики государства в области сельского хозяйства наблюдается рост антисоветских настроений викториан. Заметно эта тенденция стала проявляться в 1929

© Поляков А.Г., 2011.

² Государственный архив Кировской области (ГА КО). Ф. 237. Оп. 77. Д. 1. Л. 93; Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 6799. Оп. 8. С-10261. Т. 5. Л. 3; Вятский епархиальный архив (ВЕА). Ф. 28. Оп. 1. Д. 3. Л. 82; Л. Ор. Вражеские силы // Вятская правда. 1928. 14 октября. С. 2.

г. С этого времени политические взгляды и настроения викториан стали носить всё более отчётливый, конкретный антиправительственный характер, в 1930-1932 гг. они стали доминантными в определении политического поведения викториан.

В 1929 г. при Воскресенском соборе г. Вятки спецслужбами была пресечена деятельность «законспирированной церковно-монархической организации», состоящей из 37 человек. Следственные органы, хотя и ставили им в вину «преступную деятельность», осуществляемую с конца 1927 г., относили всё же начало её формирования и деятельности к 1926 г., то есть к периоду противостояния с обновленчеством. С конца 1927 г. активная деятельность указанной организации, направленная на борьбу против существующего государственного строя, выразилась, по мнению следственных органов, в следующем: «Высшими церковными кругами ко всему низовому духовенству и верующим была выпущена т.н. декларация с призывом к лояльному отношению к Соввласти. Глушков, Попыванов и другие признать эту декларацию в части, касающейся лояльного отношения церковников к Соввласти, по своим монархическим убеждениям отказались и призывали к этому всех верующих, мотивируя тем, что: 1) признание безбожной Соввласти является актом соединения с антихристом; 2) Советскую власть признать нельзя, т. к. последняя ведет борьбу с религией; 3) лояльное отношение к Соввласти есть прямое соединение с большевиками; 4) сатана борется с Церковью, борется с нею и Соввласть, как с сатаной у верующего не может быть никакого общения, так не может быть никакого общения и с Советской властью»¹.

В 1930 г. была ликвидирована «преступная» викторианская группа с. Красного Вятского района в количестве 12 человек. Этот год также примечателен восемью случаями применения высшей меры наказания, все они связаны с антиправительственной агитацией. В начале января 1931 г. был ликвидиро-

ван нелегальный монастырь около с. Филейка, в котором состояли священник Виктор Левашов и 18 монахинь. В 1931 г. была осуждена «группа церковников» в количестве 14 человек, действовавшая на территории Слободского и Белохолуницкого районов Нижегородского края. В 1931 г. ликвидирована «церковно-монархическая крестьянская партия» в количестве 15 человек².

В 1932 г. на территории Нижегородского края были ликвидированы викторианские центры, а по мнению следственных органов, филиалы контрреволюционной церковно-монархической организации «Истинно-православная церковь» (в г. Вятке, Котельничском, Кикнурском, Яранском, Санчурском, Шарангском, Советском, Шабалинском, Черновском, Пижанском, Арбажском и Даровском районах – 95 человек)³.

Всего за 1928-1932 гг. по следственным делам проходило не менее 365 человек, принадлежавших к викторианскому церковному течению, из них в 1928 г. – 2, 1929 г. – 24, 1930 г. – 96, 1931 г. – 48, 1932 г. – 150, не установлена точная дата осуждения у 47 человек. Обвинение, как правило, происходило по ст. 58 п. 10 УК РСФСР, в меньшей степени – совместно со ст. 58 п. 11 УК РСФСР.

Применяемые меры наказания: до 1 года – 13; от 1 года до 3 лет – 228; от 3 до 5 лет – 47, от 5 до 10 лет – 9; ВМН (высшая мера наказания) – 8; освобождено от судебной ответственности, в качестве наказания зачтён срок предварительного заключения, дело прекращено – 15; оштрафовано – 2; срок наказания установить не удалось у 47 человек. Не менее чем в 3/4 от общего количества дел так или иначе фигурируют монашествующие (чаще

² ГА КО. Ф. Р-2943. Оп. 15. Д. 415. Л. 7-11; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 6. Д. Су-7488. Л. 92-97; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-9964. Л. 27-41; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8580. Т. 1. Л. 133-152; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8804. Л. 113-133; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 6. Д. Су-8022. Л. 256-269; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8727. Л. 335-357; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10210. Т. 2. Л. 120-151.

³ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10261. Т. 5. Л. 1-434; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 2. Д. Су-1845. Л. 50-55; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. Су-4947. Л. 21-22; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 4. Д. Су-5368. Л. 1-34; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 6. Д. Су-8195. Л. 236-243.

¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 1; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 7. Д. Су-8585. Т. 2. Л. 218-229.

всего монахини) либо как обвиняемые, либо в качестве активных агитаторов или просто социальной базы ликвидированных «контр-революционных церковно-монархических организаций» и т. д. Также не менее чем в 2/3 следственных дел отмечено, что социальной базой указанных организаций были «бывшие люди», то есть кулаки, торговцы, фабриканты, заводчики, дореволюционные государственные служащие и др. Речь, конечно, уже не ведётся о духовенстве.

С вхождением в состав Вятского края Лузского района, ранее являвшегося частью территории Северо-Двинской губернии, число репрессированных противников митрополита Сергия также расширилось. Из 15 осужденных последователей епископа Иерофея Никольского 3 человека были привлечены к ответственности в 1929 г., 12 – в 1932 г.¹

Таким образом, в связи с антиправительственной позицией представителей викторианского течения РПЦ в целом в период с 1929 по 1932 гг. ОГПУ была ликвидирована исторически сложившаяся и поддерживаемая викторианами структура церковного управления; репрессиям подвергнуто более 2/3 викторианских священников, пополнение которых было почти невозможным по причине отсутствия епископов; осуждено практически всё выявленное организованное монашество (совместно проживающее в нелегальных монастырях), которое на протяжении послереволюционного времени играло важную и особую роль в формировании отношения верующих к высшей церковной и светской власти. Можно говорить, что в 1932 г. викторианское течение в Русской Православной Церкви прекратило своё существование как самостоятельная от Московской Патриархии жизнеспособная церковная организация, имеющая обособленное управление и возможность легального распространения своего влияния на широкие слои верующих.

После 1932 г. всё более стала проявляться тенденция трансформации викторианства

в церковное подполье. «Остатки» легально действующих викторианских церквей были ликвидированы в период с 1933-го по 1943 год. Связано это в первую очередь с массовыми закрытиями храмов и репрессиями в отношении представителей всех церковных организаций. К декабрю 1936 г. при создании Кировской области на её территории оставались действующими 310 из 554 храмов [1, 441]. По другим сведениям, на 28 мая 1936 г. в Кировском крае действовало 308 церквей из 552. Их обслуживало 549 служителей культа². В 1938 г. церквей насчитывалось уже 202, из них: 36 – виковских, 138 – сергианских, 28 – обновленческих. К 1941 г. осталось всего 6 храмов, из которых 3 были викторианскими. Они располагались в сёлах Истобенское, Быстрица и Монастырщина Оричевского района и оставались викторианскими до весны 1943 г. [3, 42, 84]. Отметим, что закрытие церквей, а также «перегибы» местных властей в религиозных вопросах вызывали ответную реакцию со стороны верующих. Так, только за 8 месяцев 1935 г. из Кировского края в комиссию культов ЦИК поступило 235 жалоб и заявлений. Комиссию посетило также 24 ходока³.

Повсеместное закрытие храмов вытеснило в подполье массу духовенства и верующих, причём это было характерно по отношению ко всем ориентациям. Нелегальная церковная жизнь была разнообразна: существовали монашеские общины и приходы, проводилась религиозно-воспитательная деятельность, имелись походные церкви и т. д. Само существование церковного подполья являлось одним из поводов для репрессий [2, 210-218].

Определённый вклад в развитие церковного подполья и его антисоветской политизации внес епископ Яранский Нектарий (Трезвинский) [4, 169-173].

В 1930-е гг. викториане всё менее представляли собой однородную массу, имеющую общие религиозно-политические взгляды,

¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10146. Л. 2,29 об. 45; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. Су-10267. Т. 2. Л. 60 об.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 843. Л. 2-3.

³ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 89-91.

иерархию, общую традиционную церковную культуру.

В конце 1930-х г. легальные викторианские церковные общины преимущественно идентифицировались как «тихоновская ориентация», «тихоновцы», «тихоновцы-виковцы». В 1939 г. более 2/3 легальных церквей находилось в Кикнурском (11) и в Санчурском (15) районах (ранее они входили в состав Яранского уезда Вятской губернии и соответственно в Яранскую епископию, управляемую епископом Нектарием (Трезвинским)), где 2/3 общин идентифицировались как «нектариевская ориентация», «нектариевцы»¹. Это, на наш взгляд, определённым образом символически указывает на «консервацию» на последующие годы оппозиционных настроений санчурских антисергиан².

Важным фактором формирования «катакомбных» поведенческих стратегий викториан, наряду с закрытием церквей, сыграли репрессии против духовенства. В период с 1933 по 1941 г. было репрессировано (впоследствии реабилитировано) не менее 379 священно-, церковнослужителей в том числе: 3 архиепископа и 1 епископ; 275 священников; 31 дьякон; 16 псаломщиков; 53 просфорниц, церковных сторожей, председателей церковно-приходских советов, старост, монашествующих, служителей культа. В отношении как минимум 45 человек можно уверенно говорить, что они являлись виковцами.

¹ ГА КО. Ф. Р-2169. Оп. 44. Д. 6. Л. 1-101; ГА КО. Ф. Р-2169. Оп. 44. Д. 7. Л. 21-69; ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 166. Л.15,53.

² Впоследствии они так или иначе проявлялись на протяжении многих лет. Например, уполномоченный СД РПЦ в 1986 г. утверждал о наличии на территории Санчурского района Кировской области истинно православных христиан, относящих себя к ИПЦ, которая «в течение многих лет оставалась неизменной» (ГА КО. – Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 6. Л. 418, 420-421). В начале 1980-х гг. во время проведения кампании по смене паспортов в Кировской области из 980 человек, отказавшихся получать новые паспорта по религиозным мотивам, более половины (497 человек) проживали в Санчурском районе. Из них старше 81 года – 104, 70-80 лет – 209, 60-70 лет – 114; 50-60 – 70 человек. На втором месте шли жители Яранского района, их было 108 человек, из которых старше 81 года – 11, 70-80 лет – 46, 60-70 лет – 40, 50-60 – 11 человек. В оставшихся районах по 10-20 человек (ГА КО. Ф. Р-2169. – Оп.45. Д. 9. Л.154).

На 1937 г. приходится не менее 184 случаев репрессий и 99 приговоров к ВМН.

В конце 1937 – начале 1938 гг. в связи с расстрелом архиепископа Киприана (Комаровского) и членов Епархиального совета фактически перестаёт существовать Кировская епархия [1, 145, 147].

Летом 1937 г. была ликвидирована «Вятская нелегальная епархия виковской ориентации», которая рассматривалась как филиал Истинно-православной церкви (ИПЦ). В сентябре 1937 г. следствием было предъявлено обвинение в том что «практическая деятельность организации проводилась в форме повседневной систематической агитации против существующего государственного строя, объявления советской власти властью сатанинской и антихристовой, против колхозного строительства». 41 подсудимому были вынесены приговоры, 31 человек был приговорен к ВМН.

Если в середине 1930-х гг. имели место отдельные довольно слабые попытки восстановить иерархические связи внутри епархии, а также за её пределами с епископами антисергианами, то уже в конце 1930-х гг. церковная жизнь чаще всего замыкалась в рамках одной общины, численность которых постоянно снижалась.

После закрытия викторианских храмов и нелегальных монастырей в 1930-е – начале 1940-х гг. часть бывших священнослужителей и монашествующих странствовала по территории Кировской, Горьковской и других областей, устраивала нелегальные церкви и моления на квартирах верующих. По мнению следственных органов, своими главными задачами они ставили: разоблачение сергианского духовенства, противодействие всем мероприятиям правительства и т. д. [3, 8-9].

В середине 1930-х и в 1940-е гг. органами власти в результате систематической работы были «нейтрализованы» почти все неконформистские по отношению к Советскому государству и Московской патриархии нелегально действующие группы и личности, считавшие себя последователями епископов Виктора (Островидова) и Нектария (Трез-

винского). Весной 1943 г. перестали действовать три последние легальные викторианские церкви.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бадьин В.М. Вятская епархия в 1917-1941 гг. // Очерки истории Вятской епархии (1657-2007): 350 лет Вятской епархии. Вятка, 2007. С. 360-449.

2. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.
3. Сахарова Л.Г. Церковь. Власть. Война: Религиозная политика военных лет в Горьковской и Кировской областях. Киров, 2004. 179 с.
4. Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные материалы. СПб., 2006. 591 с.

УДК 378:378.6:63(470.344)

Сергеев С.А.

*Чувашская государственная сельскохозяйственная академия
(г. Чебоксары)*

**ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1930-50-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ
РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЧУВАШСКОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА)**

S. Sergeev

Chuvash State Agricultural academy (Cheboksary)

**THE INFRASTRUCTURE OF NATIONAL ECONOMY HIGH SCHOOL
INSTITUTION IN 1930s – 1950s (BASED ON THE CHUVASH
STATE AGRICULTURAL INSTITUTE)**

Аннотация. В статье обобщен опыт развития вузовской инфраструктуры Чувашского государственного сельскохозяйственного института с момента его создания в 1931 г. до конца 50-х гг. прошлого века. Описаны этапы довоенного развития, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления и развития в 50-е гг. Рассмотрены вопросы строительства вуза и обеспечения учебного процесса в связи с общими проблемами аграрных отраслей народного хозяйства Чувашской АССР. Выделены особенности финансирования материальной базы вуза, динамики выпуска специалистов, создания условий для научной и преподавательской деятельности в разные периоды.

Ключевые слова: вузовская инфраструктура, материально-техническая база, студенчество, учебный корпус, общежитие.

Abstract. The article reviews the experience in developing the infrastructure of the Chuvash State Agricultural Institute since its foundation in 1931 to end of the 1950s. The author describes the stages of pre-war, war and post-war development of the institute. The issues of constructing and providing the institute with educational facilities have been considered in connection with the general problems of the Chuvash agriculture. The peculiarities of funding the institute, the dynamics of graduation and provision with facilities for teaching and research have been revealed.

Key words: infrastructure of higher education institution, financial and technical base, students, educational building, hostel.

В 2011 г. исполняется 80 лет Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, функционировавшей долгое время как Чувашский сельскохозяйственный институт (ЧСХИ). Историографический анализ работ по проблеме вузовской инфраструктуры показал, что данный элемент деятельности высших учебных заведений получил недостаточное освещение в исторической литературе. Следовательно, имеются все основания считать проблему развития материально-технической базы сельскохозяйственного института на региональном и общероссийском уровнях нерешенной и требующей специального исследования.

Высшее образование всегда являлось одной из важнейших сфер жизни общества, состояние которой напрямую влияло на все другие части социального развития страны в целом. Внешнеполитический курс партии и советского правительства на коллективизацию сельского хозяйства на рубеже 30-х гг. вызвал огромные преобразования в социально-экономической жизни страны и республики. Аграрная экономика автономии не имела возможности удовлетворить потребности сельского хозяйства в квалифицированных кадрах, что не соответствовало условиям экономического развития региона и тормозило его рост. Этот исторический период характеризуется для Чувашской АССР вхождением в состав Горьковского края с 1929-1936 гг., что оказало благоприятное влияние на экономическое и культурное развитие национальной республики. Учитывая потребности в специалистах высшей квалификации аграрного сектора народного хозяйства, Совнарком РСФСР 22 мая 1931 г. принял решение об открытии института молочного скотоводства в г. Чебоксары, с двумя отделениями: молочного животноводства и кормодобывания с приемом на каждое по 50 человек [1, 63]. В первые годы общее финансирование вуза составило: в 1931 г. – 223349 руб., 1932 г. – 1161785 руб. [2, 170]¹, 1933 г. – 1048855 руб. [3, 142]².

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее: ГИА ЧР). Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 5. Л. 170.

² ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 133. Л. 142.

Первоначальный этап деятельности вуза с 1931 по 1936 гг. протекал в условиях крайнего недостатка помещений [4, 1]³. Работа молодого института проходила на учебных мощностях бывшего педагогического техникума, переданного постановлением Центрального исполнительного комитета Чувашской АССР от 23 июля 1931 г., однако это не решало проблему обеспеченности в учебных помещениях. Положение еще больше осложнилось в декабре 1931 г., когда в состав молодого института вошел Чувашский сельскохозяйственный рабфак с количеством учащихся в 490 человек и 13 учебными группами, что значительно затруднило проведение учебных занятий [5, 36]⁴. Достаточно отметить, что все специальные зоотехнические дисциплины (кормление сельскохозяйственных животных, разведение и генетика, частная зоотехния и молочное дело, зоогигиена и основы ветеринарии) размещались в одном классном помещении. Для вновь организованной кафедры кормления сельскохозяйственных животных в 1934 г. была отгорожена фанерной перегородкой небольшая комната в коридоре второго этажа. Ясно, что в таких условиях проведение учебных занятий было связано с большими трудностями.

В борьбе за собственные сельскохозяйственные кадры Чувашии республиканские органы власти изыскивали все возможности укрепления инфраструктуры вуза. Так, согласно постановлению коллегии Наркомата земледелия Чувашской АССР от 20 января 1932 г. было решено перепрофилировать строящееся с 1930 г. общежитие рабфака под учебный корпус института [6, 214]⁵. Согласно постановлению Наркомземом РСФСР от 25 мая 1932 г. были выделены средства на строительство учебного корпуса, студенческого общежития и его оборудования [7, 77]⁶. В целях привития навыков научно-произ-

³ ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 3. Д. 554. Л. 1.

⁴ Текущий архив ЧСХИ. Приказы за 1931 - 1932 гг. № 62 от 22 ноября 1931 г. Л. 36.

⁵ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее: ГАСИ ЧР) Ф. Р. 1. Оп. 15. Д. 46. Л. 214.

⁶ ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.

водственной работы в ходе производственной практики, в марте 1933 г. институту под учебное хозяйство были переданы территории бывшей Чувашской сельскохозяйственной опытной станции площадью в 133 га [8, 120]¹. Для преподавателей институт в 1937 г. располагал лишь одним восьмиквартирным домом, с полезной площадью 449 кв. м., в итоге часть учебных помещений была занята под квартиры. При остром квартирном кризисе в Чебоксарах приглашение новых преподавателей было крайне затруднено, что явилось главным препятствием качественного роста профессорско-преподавательского состава [9, 67]².

Укрепление материальной базы института, создание лабораторий, оснащение необходимым оборудованием и повышение квалификации педагогических кадров явились стимулом для развития научно-исследовательской работы, тесно увязываемой с задачами сельскохозяйственного производства. В частности, показателем активизации исследовательской работы преподавателей являются публикации. Если в 1936 г. не было опубликовано ни одной статьи, то в 1937 г. соответственно публикуются – 5, 1938 г. – 9, 1939 г. – 9 [10, 25]³.

Государственное финансирование предвоенных лет значительно укрепило материально-техническую базу института и позволило успешно осуществлять подготовку национальных кадров сельского хозяйства. Показательна в связи с этим стоимость увеличения учебного оборудования вуза, так, на: 1 / 1 – 1937 г. – 146178 руб., 1/1 – 1938 г. – 194200 руб., а к 1/1 – 1940 г. возросла до 433009 руб. [11, 63]⁴. Учебный фонд к августу 1941 г. достиг площади в 6 тыс. кв. м. с количеством около 100 аудиторий,

С началом Великой Отечественной войны резко ухудшилось материальное положение сельскохозяйственного института. В августе 1941 г. учебный корпус, общежития и пави-

льон сельскохозяйственных машин были переданы в распоряжение Наркомата военного ведомства и текстильной промышленности СССР. В течение двух осенних месяцев вуз был вынужден проводить занятия на базе педагогического института, а с ноября 1941 г. в здании средней школы № 3 г. Чебоксар в третью смену [12, 189]. В последующие военные годы, с передачей вузу под учебные занятия здания института усовершенствования учителей, части помещений научно-исследовательского института, корпуса фельдшерско-акушерской школы, возвращением здания педагогического техникума и общежитий несколько улучшилась учебно-материальная база института [13, 72].

С окончанием войны остро встал вопрос об обеспеченности высшего учебного заведения материально-технической базой. Единственно правильным выходом в такой ситуации стало строительство нового здания института в порядке возмещения затрат за предоставленные здания в годы войны. С выделением средств министерством легкой промышленности СССР в августе 1950 г. началось строительство студенческого общежития на 220 мест, а в 1952 г. произведена закладка главного учебного корпуса института объемом 57 200 куб. м. С вводом в 1958 г. нового здания в эксплуатацию значительно улучшились условия для учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы. Отметим, что строительство учебного корпуса института в 50-х гг. совпало с началом генеральной плановой застройки центра Чувашской республики. Размещение вуза в центре г. Чебоксар, конечно, украсило город, но затруднило дальнейшее развитие вуза, создание опытных участков в непосредственной близости к нему и возможности сочетания общеобразовательной и теоретической подготовки студентов с учебной практикой. Следует признать, что размещение здания Чувашского сельскохозяйственного института в центре города было ошибкой [4, 16].

О динамике масштабов деятельности вуза свидетельствуют показатели выпуска молодых специалистов. Если в 1931-1940 гг.

¹ ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 38. Л. 120.

² ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 103. Л. 67.

³ ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 384. Л. 25.

⁴ ГИА ЧР. Ф. Р. 1512. Оп. 1. Д. 384. Л. 63.

всего было выпущено 217 специалистов, то за 1941-1950 гг. – 489 и 1951-1960 гг. – 1014 человек соответственно получили в стенах института высшую квалификацию [15, 103]. Выпускники и студенты вузов сыграли существенную роль в осуществлении пропаганды передовых знаний, коллективизации села и организации народного хозяйства, что в конечном итоге позволило экономике Чувашской республике приблизиться к социально-экономически развитым регионам страны.

Суммируя выше сказанное, мы приходим к выводу, что исследуемый период характеризуется тем, что в период бурно развивающейся экономики Чувашской АССР возросли потребности народного хозяйства в кадрах высшей квалификации. Однако материальная база высшей школы в первые десятилетия своего существования не поспевала за ростом все более увеличивавшегося контингента студентов. Лишь в период 50–60-х гг. был заложен прочный фундамент для пос-

ледующего развития высшей сельскохозяйственной школы Чувашии. Следовательно, процесс повышения уровня образования во многом зависит от уровня развития материально-технической базы вузов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Михайлов П.М. Культурная революция в Чувашии. Чебоксары, 1957. 102 с.
2. Сельскохозяйственная академия: путь развития и созидания: к 75-летию Чувашской государственной сельскохозяйственной академии. Чебоксары: Пегас, 2006. 400 с.
3. Страницы истории высшей школы Чувашии: учеб. пособие / В.Д. Дмитриева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 188 с.
4. Сухова Е.В. Вклад Чувашского сельскохозяйственного института в развитие сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны // Эволюция аграрных отношений в России (к 150-летию отмены крепостного права): материалы науч.-практ. конф. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. С. 188-191.
5. Тульчинский М.И. Главное управление сельскохозяйственных вузов // Вестник Высшей Школы. 1955. № 7. С. 11-17.

УДК 370(09)

Панкратова Е.В.

Пензенский педагогический университет им. В.Г. Белинского

**РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОЙ СЕТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В 1930-НАЧАЛЕ 1940-х гг.**

Y. Pankratova

Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy

**DEVELOPMENT OF SCHOOL SYSTEM IN THE VOLGA REGION
IN 1930-S - EARLY 1940-s**

Аннотация. В статье проанализирован ход реализации закона о всеобщем начальном обучении в Среднем Поволжье. Изучены особенности развития Среднего Поволжья в 1930-начале 1940-х гг. и их влияние на эффективность всеобщего образования. Проанализирована динамика развития школьной сети Среднего Поволжья, включая национальные школы, определены источники ее финансирования. Рассматривается развитие национальных школ Среднего Поволжья в предвоенное десятилетие в контексте государственной образовательной политики, эффективность всеобщего обучения в Среднем Поволжье, динамика развития сети национальных школ.

Ключевые слова: Всеобщее начальное обучение, школа, школьное строительство, национальные школы, образование, образовательная политика.

Abstract. The article studies the course of putting into practice the law on compulsory primary education in the Volga region. Some specific features of the Region development in 1930s -1940s have been considered and their impact on general compulsory education, including national schools.

The development and funding of national schools in the Middle Volga region during the post-war decade has been considered at the angle of state educational policy.

Key words: general compulsory education, school, school construction, national schools, education, educational policy.

Реализация постановления ВЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. о введении всеобщего обязательного обучения детей в объёме не менее четырёхлетнего курса начальной школы [1, 621], помимо объективно существовавших в стране трудностей, в Среднем Поволжье проходила в сложных условиях, присущих этому региону.

В рассматриваемый период Среднее Поволжье являлось преимущественно аграрным районом и в целом, по уровню социально-экономического и культурного развития отставало от среднестатистических показателей страны [1, 622]. Отличал этот регион и неоднородный национальный состав – представители так называемых «некоренных» национальностей составляли 28,1% всего населения [2, 17]. Накануне введения всеобщего обучения грамотность русского населения составляла 31,9%, татарского – 25,5%, а среди мордвы грамотных было 18,9% [3, 96].

Помимо изначально низкого уровня грамотности населения, серьезной проблемой являлся недостаток школьных зданий и часто неудовлетворительное состояние работающих школ.

Существовавший фонд школьных зданий в основном был мало пригоден для обучения детей. Так, в «Отчетах о работе школ Пензы за 1931-1932 уч. год» типичными являются следующие обстоятельства: «школа помещается в ... районе, с малокультурным населением. ...

На время весеннего таяния снега школа бывает оторвана от остальной части города на 1–1 ½ м. ... Школа требует капитального ремонта. ... Школа не имеет теплых уборных, коридоров, зала, учительских, раздевалок, столовых и т.д.»¹.

Всего в 1932 г. в стране работали 166 тыс. общеобразовательных школ, в которых учились около 21 млн. человек [6, 30]. Однако специальных, находящихся в удовлетворительном состоянии школьных зданий, чтобы охватить всех детей школьного возраста обучением, было недостаточно.

В связи с этим, как свидетельствуют материалы архивов, для занятий приспосабливали любые пригодные для этого помещения: «Данные обстоятельства (недостаток помещений – Е.П.) побудили школу в порядке договора с производством занять в утреннюю смену помещения производственного клуба «Коммуна», где расположены библиотека, столовая, физкультурный зал, клуб школы».

Для реализации закона о введении всеобщего обучения детей школьного возраста проводилась большая работа по строительству, ремонту школ и приспособлению под школы иных зданий и помещений. К 1932 г. в Среднем Поволжье было построено 219 новых школьных зданий стоимостью 6018 тыс. рублей, приспособлено 3600 кулацких домов, на что потрачено 2500 тыс. рублей.

Доступными способами пытались решать и проблему нехватки в школах учебных классов: «... школа внутренним переоборудованием выгадала еще 2 классных комнаты и стала иметь 18 комнат»².

Тем не менее в целом в 1931–1932 учебном году в Среднем Поволжье наблюдался значительный рост числа школ и контингента учащихся по сравнению с годом введения всеобщего обучения. Так, количество школ начального обучения увеличилось с 5503 до 6639, учащихся в этих школах – с 512898 до 804770 человек. Количество школ повышенного типа возросло на 108%, учащихся

в них – на 121% [2, 188]. Только в Мордовской автономной области, входившей в состав Среднего Поволжья, в 1930–31 учебном году сеть школ насчитывала 991 начальную школу, в которых обучались 86120 учащихся, и 46 школ 2 ступени с 10210 учащимися [3, 91–92].

Эти данные свидетельствуют о возникшей диспропорции: рост количества учеников в начале 1930-х годов значительно опережал темпы роста числа школ. Это обстоятельство, наряду с изначально низким уровнем грамотности населения, тормозило введение обязательного всеобщего обучения в Среднем Поволжье. Кроме того, 44% имевшихся школьных зданий были признаны непригодными для проведения занятий, т. к. они были построены до 1905 года и требовали капитального ремонта [7, 26].

В последующие годы количество школ в регионе продолжало увеличиваться. Так, согласно данным, приведенным в отчете Горono за 1934–1935 учебный год, только в Пензенской области по сравнению с предыдущим годом «число школ возросло на 4,6%»³. К началу следующего учебного года предполагалось расширение школьной сети на 11,1% «путем открытия 9 новых начальных школ и 1 неполной школы»⁴.

В Куйбышевской области в 1936 г. насчитывалось 3883 школы (данные по всем 87 районам без Мордовской автономной области), из них начальных школ – 3165, неполных средних – 596, средних – 122⁵. Преобладающее количество школ были русскими – 3294. Всего в Среднем Поволжье функционировали 243 мордовских, 160 татарских, 156 чувашских и 12 немецких школ. Ещё 18 национальных школ отнесены к разряду «прочие», возможно, в них учились поляки и башкиры⁶.

В 1938–1942 гг. в Пензенской области должны были быть построены 24 новые городские школы на общую сумму в 18000 тыс. рублей и 602 сельские школы, строительство

¹ Государственный архив Пензенской области (далее: ГАПО). Ф. 429. Оп. 1. Д. 173. Л. 87.

² ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 173. Л. 87.

³ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 188. Л. 34.

⁴ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 188. Л. 34.

⁵ Государственный архив Самарской области (далее: ГАСО). Ф. 758. Оп. 4. Д. 17. Л. 1–2.

⁶ ГАСО. Ф. 758. Оп. 4. Д. 17. Л. 1–2.

которых обошлось бы местному бюджету в 145873,8 тыс. рублей. На «переходящее строительство» из местного же бюджета планировалось потратить соответственно 305,5 тыс. рублей в городе и 977,7 тыс. рублей в деревне¹. Всего за 3-ю пятилетку было запроектировано городских школ на 16160 ученических мест, сельских – на 173300 ученических мест². Однако начавшаяся война не позволила осуществить эти планы в полном объеме.

Кроме того, «Планом внелимитных капиталовложений по финансированию сети учреждений народного образования на 1939 г. по Пензенской области» предусматривалось дополнительное вложение средств: по г. Пензе – 190,0 тыс. рублей, по Башмаковскому району – 15 тыс. рублей, по Городищенскому – 65 тыс. рублей, по Земетчинскому – 28,5 тыс. рублей, Каменскому – 45,0 тыс. рублей, Кузнецкому – 81,0 тыс. рублей, Пачелмскому – 64,0 тыс. рублей, Лунинскому – 60,0 тыс. рублей, Наровчатскому – 20,0 тыс. рублей³. По педагогическим училищам внелимитные капиталовложения в 1939 г. составили 84,8 тыс. руб.⁴ Согласно Постановлению Оргкомитета президиума Верховного Совета РСФСР по Пензенской области о распределении лимитов школьного строительства, внесенным в сентябре 1939 г. зам. зав. Облоно Ивановым: «В соответствии и с постановлением СНК РСФСР № 165 от 19.04 и постановления СНК СССР №1319 и извещением комбанка от 10.09.1939 г. № 1077, отпущенные дополнительные ассигнования на переходящее школьное строительство и новое оборудование в сумме 163,0 тыс. руб.»⁵.

Для введения всеобуча требовалось значительное увеличение средств. В целом на протяжении рассматриваемого периода наблюдалось увеличение финансирования: только в Среднем Поволжье за восемь лет всеобуча оно возросло более чем в 4 раза. Однако на практике запланированный бюджет не всегда выполнялся. Данные архивов

свидетельствуют о том, что школы получали намеченные средства либо в уменьшенном объеме, либо с большим опозданием⁶.

В связи с этим к финансированию всеобщего обучения, к строительству, ремонту и оборудованию начальных школ привлекались хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие общественные организации, а также приветствовалась инициатива широких масс (в порядке социалистического соревнования, специальных отчислений, поступлений от культурных гектаров, коллективных запасов, помощи шефов, бесплатного трудового участия и пр.) [6, 25]. Подобная практика активно внедрялась в Среднем Поволжье.

Например, общая стоимость подготовки школ к 1935-1936 учебному году в г. Пензе составляла 1193644 руб.⁷ При этом средства, отпускаемые из бюджета, составили только 454493 р.⁸ Другие источники финансирования – ссуда под самообложение, натуральное участие предприятий и средства общественных организаций, трудовое участие населения, денежное участие родителей – обеспечивали остальную часть расходов⁹. Распространялась и практика шефства. Так, согласно постановлению Президиума Пензенского горсовета 29 апреля 1935 г., «шефом» полной средней школы № 4 был Автогужтрест, полной средней школы № 1 – завод им. Фрунзе и т. д.¹⁰ Все эти предприятия ремонтировали здания школ, фасады, красили крыши, делали изгороди, осуществляли ремонт парт и прочего школьного инвентаря¹¹. В частности, в начальной средней школе №3 шеф – фабрика «Маяк революции», выполнила работы в следующем объеме: «Оштукатурить внутри помещение – 2000 руб.; окрасить панели масляной краской – 800 руб.» и т. д. Всего работ «по ремонту» было выполнено на 4000 руб.¹² Как правило, эти работы осу-

⁶ ГАСО. Ф. 758. Оп. 4. Д. 13. Л. 4.

⁷ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 206. Л. 69.

⁸ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 206. Л. 69.

⁹ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 206. Л. 69.

¹⁰ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.

¹¹ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.

¹² ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.

ществлялись в летний период¹.

Не будет преувеличением утверждение об участии широких слоев населения в помощи школе. Например, рабочие промышленных предприятий в свободное от работы время участвовали в строительстве школьных зданий, проводили субботники и воскресники и вырученные средства направляли на строительство школ. Местные партийные организации, органы власти приняли соответствующие решения. Были отпущены значительные материальные средства на постройку, ремонт и оборудование школ. Были организованы фонды всеобщего обучения [4, 29]. Активное участие в осуществлении всеобщего обязательного обучения принимали профессиональные организации: отчисляли деньги в фонд всеобщего обучения, выделяли членов союзов для педагогической работы, организовывали курсы и семинары для направляемых в школы лиц с целью вооружить их необходимыми педагогическими знаниями [5, 14]. В соответствии с решением ВЦСПС профсоюзы Поволжья постоянно отчисляли 10% средств на школьные нужды из фондов, предназначенных на культурно-просветительную работу [7, 27].

В 1930-е гг. по инициативе рабочих создавались комиссии содействия всеобучу. На предприятиях Среднего Поволжья к середине 1930-х гг. насчитывалось более 400 таких комиссий. Комиссии содействия (комсоды) вели учёт детей школьного возраста, проводили проверки школ. Кроме этого, они создавали фонды всеобуча и следили за расходованием средств. Наиболее нуждающиеся учащиеся за счёт средств комсода обеспечивались обувью, одеждой и горячим питанием. Для этих целей проводились недели сбора поношенной обуви на нужды всеобуча. Эти

меры помогли обеспечить охват обучением детей из наиболее нуждающихся семей.

Однако в целом к началу 1940-х гг. начальный этап введения всеобуча в ряде районов Среднего Поволжья признавался неудовлетворительным². Обстоятельствами, препятствующими реализации планов всеобуча в регионе в полном объеме, являлись, во-первых, изначально низкий уровень грамотности населения, во-вторых, нехватка школ, в-третьих, ненадлежащее состояние школьного фонда. В 1937 г. из ста четырех школ г. Пензы шестьдесят три продолжали работать в две смены³. Такая же ситуация была характерна для других районов Среднего Поволжья – рост числа школ отставал от темпов увеличения количества учащихся. План по строительству новых школ и ремонту подходящих для учёбы помещений в рассматриваемый период не был полностью выполнен, что объясняется и недостатком государственного финансирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История Советской Конституции (в документах). М., 1957. 730 с.
2. Культурное строительство в Куйбышевской области: 1917-1937. Сборник документов. Куйбышев, 1979. 207 с.
3. Кузнецова Н.В. Становление и развитие системы образования в Мордовском крае в 1917-1939 гг.: Дисс. ... канд. пед. наук. Саранск, 2002. 189 с.
4. Луначарский А.В. О народном образовании. М.: Изд-во: Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 560 с.
5. Новиков А.М. Народное образование в Советском Союзе. М.: Педагогика, 1966. 273 с.
6. Сайдакова Е.И. Вопросы организации всеобщего обучения. М.: Педагогика, 1953. 178 с.
7. Федосеева Л.Ю. Участие рабочих Поволжья в школьном строительстве // Тезисы докладов преподавателей и студентов исторического ф-та ПГПУ им. Белинского. Пенза, 1992. С. 26-29.

¹ ГАПО. Ф. 429. Оп.1. Д. 196. Л.7.

² ГАСО Ф. 758. Оп. 1. Д. 13. Л. 16-17.

³ ГАПО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

УДК 370(09)

Володина Н.А., Панкратова Е.В.

Пензенский педагогический университет им. В.Г. Белинского

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1945-1953 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

N. Volodina, Y. Pankratova

Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy

RESTORATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION IN 1945-1953 (BASED ON THE VOLGA REGION MATERIALS)

Аннотация. В статье рассмотрен процесс восстановления советской системы образования в послевоенные годы на примере Среднего Поволжья. Проанализировано состояние материально-технической базы образовательных учреждений. Анализируется обеспеченность национальных школ квалифицированными педагогическими кадрами. Прослеживается процесс открытия педагогических образовательных учреждений в Среднем Поволжье. Оценено содержание идеологического воспитания.

Ключевые слова: советская система образования, идеология, школа, вуз.

Abstract. The article considers the development of the Soviet educational system in the postwar years in the Volga Region. Economic conditions of educational institutions have been analyzed. Positive ideological challenges in the process of young people's upbringing have been pointed out. Efficiency of general teaching in the Middle Volga region and dynamic of national schools development has been analyzed. The process of opening pedagogical educational establishments in the Middle Volga region has been observed with the assessment of ideological education.

Key words: Soviet system of education ideology, school, higher educational establishment.

После окончания Великой Отечественной войны был принят закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг., в котором определялись задачи в области восстановления и развития народного образования: «восстановить и расширить сеть начальных и средних школ и высших учебных заведений, улучшить подготовку кадров для производства», обеспечить «всеобщее начальное обучение детей с семилетнего возраста как в городе, так и в деревне», а также той части молодежи, которая в условиях военного времени не могла получить образования [1, 46].

Территория Среднего Поволжья не была полностью оккупирована, что позволило сохранить определенную часть основного фонда учебных заведений. Некоторые из них продолжали работать во время войны. Например, к 1944 г. в Куйбышевской области «имеется 8 вузов, в г. Куйбышеве – 6 (медицинский, педагогический, индустриальный, плановый (возобновил работу 1 августа 1942 г.)², авиационный); в Сызрани – 1 (учительский); в Кинеле 1 (сельскохозяйственный)³. Система высшего образования в Пензенской области также развивалась – к педагогическому и индустриальному институтам прибавился открытый в 1951 г. сельскохозяйственный.

В послевоенный период страна оказалась перед необходимостью огромных затрат на восстановление и развитие сферы народного образования. Существовали значительные

© Володина Н.А., Панкратова Е.В., 2011.

² Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее: СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 20. Д. 44. Л. 144.

³ СОГАСПИ. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 234. Л. 147.

проблемы в материальном обеспечении образовательного процесса. Так, например, в Пензенском педагогическом институте на начало 1948-1949 учебного года при контингенте студентов в 1250 человек требовалось 24 аудитории, 28 учебных кабинетов и лабораторий, а имелось всего 13 аудиторий, 20 кабинетов и лабораторий, причем оборудование их не отвечало требованиям высшей школы. Книжный фонд университетской библиотеки в 1948 г. составлял лишь 46 тыс. экземпляров. Не хватало учебников. Читальный зал вмещал всего 30 человек, и студенты уходили заниматься в Лермонтовскую библиотеку, где, заняв все свободные места, располагались даже на подоконниках и крышке рояля [2, 26].

После войны и школы Среднего Поволжья испытывали большие трудности. К середине 1946-1947 учебного года школы Пензенской области получили, например, только пятую часть необходимого количества учебников для пятых-десятых классов. Не могла сразу обеспечить школы необходимым инвентарем и местная промышленность: было изготовлено всего 736 парт вместо 2 тысяч¹. Особенно школы были плохо обеспечены топливом.

Не будет преувеличением утверждение, что в восстановлении школ участвовала вся страна. Проводился курс на соединение двух начал восстановительных работ – государственных и общественных. Вопрос о формах и методах шефства неоднократно и практически рассматривался всеми обкомами ВКП(б). Развернулось даже соревнование за лучшую организацию шефства. 25 мая 1946 г. собрание представителей советских, партийных, общественных организаций, предприятий, колхозов и совхозов Кузнецкого района Пензенской области приняло обращение ко всем трудящимся с призывом оказать практическую помощь школам в подготовке к новому учебному году².

Все послевоенные годы общеобразовательная школа на селе ощущала непосред-

ственную помощь местных партийных организаций, сельских Советов, колхозов, совхозов, МТС, а также сельской общественности. Так, в марте 1948 г. Пензенский горком ВКП(б) одобрил обращение коллективов фабрики «Маяк революции» и завода «Дезхимооборудование» к промышленным предприятиям об оказании помощи школам³.

Вопросы ремонта школьных помещений, обеспечения письменными принадлежностями, снабжения топливом, организации подвоза детей отдаленных селений, обеспечения школьников одеждой, обувью и питанием, выделения пришкольных земельных участков, оказания помощи детям погибших и многие другие не сходили с повесток дня всех организаций, правлений колхозов, сельпо, общих и бригадных собраний колхозников. Необходимо отметить, что забота о народном образовании проявилась и в объемах государственного финансирования. Бюджетные расходы на народное просвещение в ходе восстановительных работ уже в 1944 г. практически достигли довоенного уровня, а в 1945 г. превзошли его на 30% [3, 8].

Продолжал, и весьма эффективно, действовать профсоюз работников начальной и средней школы. Он внимательно следил за соблюдением льгот для учителей села, других поселковых работников – в предоставлении жилья, топлива, в обеспечении освещения, добивался своевременной выдачи зарплаты и т. п. Когда, например, в 1945 г. поступили острые сигналы из Смоленской и Пензенской областей, президиум ЦК профсоюза, его обкомы предприняли незамедлительные меры. На место выехали инспекторы ЦК, после тщательной проверки были сделаны соответствующие представления в областные партийно-советские органы и в местные прокуратуры. Принятое тогда постановление ЦК профсоюза довел до сведения СНК РСФСР⁴.

В свою очередь, только по результатам проверки одной Пензенской области было

¹ Государственный архив Пензенской области (далее: ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 1645. Л. 27.

² ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 47. Л. 37.

³ ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1123. Л. 154.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 5462. Оп. 31. Д. 71. Л. 15.

осуществлено следующее: в связи с плохим снабжением дровами учителей на двух председателях сельсоветов дело передали в прокуратуру; аналогичное представление инспектор ЦК направил по поводу задержки зарплаты; принят ряд решений соответствующего содержания на уровне обкома профсоюза; вопрос о материально-бытовом положении учителей вынесен на рассмотрение бюро обкома ВКП(б); на места за подписью председателя облисполкома и первого секретаря обкома партии разослана телеграмма с конкретным указанием о нормах обеспечения сельских учителей хлебом; подобные директивные указания - разъяснения о снабжении учителей топливом выслал в районы Пензенский обком профсоюза; за плохое обеспечение продовольствием и промтоварами сельских учителей Пензенский облисполком снял с работы председателя облпотребсоюза¹.

Принятое еще 21 июня 1944 г. постановление СНК СССР «О мерах по улучшению качества обучения в школах»², предписывало в первую очередь обратить внимание на воспитание образованных, культурных, идейно выдержанных юношей и девушек, на борьбу с формальным, поверхностным или неполным усвоением знаний. Вводились «Правила для учащихся», ученические билеты, а также пятибалльная система оценок знаний и поведения. В четвертых и седьмых классах получили свой статус выпускные экзамены, а в десятом классе – экзамен на аттестат зрелости. Впервые в советской школе были учреждены золотые и серебряные медали за отличные успехи и примерное поведение. Вручение первых наград и аттестатов зрелости совпало с окончанием войны.

Одной из основных проблем послевоенного времени был отсев учащихся. Исследования показали, что примерно шестая часть школьников старших и средних классов перестала учиться по «семейным или домашним обстоятельствам» [4, 4]. Они заменяли взрослых в производственной деятельности, выполняли работу по дому, занимались с

младшими и т. д. Почти столько же выбыло из-за отсутствия одежды и обуви. В младших классах сельских школ сказывались удаленность школ и отсутствие транспорта. Ходить ежедневно до школы туда и обратно по 5-7 км в изношенной одежде в зимние холода и весеннюю распутицу было не под силу детям 8-10 лет. Это основные причины, обусловившие свыше половины отсева. Из-за военных лишений многие крестьянские дети раньше времени и чаще навсегда вынуждены были оставлять школу, многие учащиеся «семилеток» зачастую уходили в ремесленные училища, школы ФЗО. Увеличился и разрыв в образовательном уровне городского и сельского населения. В целом по стране за годы войны сокращение учащихся начальных школ составило 1517 тыс. чел., семилетних – 6306 тыс. чел., средних – 678 тыс. чел., прочих школ – 189 тыс. чел. [5, 78].

Преодолеть отрыв детей от начального обучения удалось прежде всего благодаря целенаправленной деятельности государства. При всех потрясениях, связанных с оккупацией больших территорий, длительными перемещениями и даже гибелью значительной части детей, подавляющая масса подрастающего поколения получила начальное образование: к окончанию войны учащиеся начальных школ составили более 93% их предвоенной численности. Тем самым была заложена основа для быстрого преодоления военных последствий в народном образовании в годы мирного восстановления.

Первые послевоенные годы были временем завершения всеобщего и дальнейшего развития семилетнего и среднего образования. В конце лета 1946 г. бюро обкома Пензенского ВКП(б) «одобрило инициативу трудящихся Кузнецкого и Лопатинского районов, взявших на себя обязательство помочь школам в осуществлении закона о всеобщем и обратившихся ко всем трудящимся области с призывом проявить всенародную заботу о школе. Этот почин получил широкое распространение в Чаадаевском, Тамалинском, Соседском и других районах области»³.

¹ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1645. Л. 122.

² СП РСФСР. 1944. № 4. Ст. 24; № 9. Ст. 48.

³ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1650. Л. 219-221 об.

Тем не менее одной из основных задач советской системы образования продолжалось оставаться формирование личности в соответствии с заданными идеологическими установками. В Великую Отечественную войну, потребовавшую максимальной концентрации всех сил и ресурсов, включая и пропагандистские, на отпор врагу, масштабы коммунистического воспитания молодежи, идеологический контроль над ней несколько сократились. Однако после войны они были быстро восстановлены.

Власти не выпускали из поля зрения систему образования, справедливо считая ее важнейшим средством трансляции идеологических канонов. В архивах хранятся множество документов, содержащих прямые указания руководящих партийных органов на необходимость усиления идеологической работы среди учащихся и студентов. Так, в решении заседания бюро Пензенского Горкома ВКП(б) от 22 февраля 1946 г. «О состоянии учебно-воспитательной работы в мужской средней школе №2 и женской средней школе №11» в качестве серьезного недостатка отмечается следующий факт: «Райкомы ВКП(б) не занимаются вопросами улучшения учебно-воспитательной работы в школах и не интересуются тем, как коммунисты воспитывают своих детей». В этой связи необходимо «потребовать ... устранить имеющиеся недостатки в работе школ и обеспечить преподавание всех предметов на высоком идейном и теоретическом уровне», «потребовать от директоров и заведующих школ улучшения работы с родителями путем постановки докладов для родителей по вопросам советской педагогики, коммунистического воспитания детей», «обязать отделы пропаганды и агитации Горкома и райкомов ВКП(б) и Горком профсоюза учителей коренным образом улучшить работу по политическому воспитанию учительства, добиться полного охвата учителей и марксистско-ленинской теории через Университет марксизма-ленинизма, самостоятельное изучение и кружки»¹.

Пензенский областной институт усовершенствования учителей в своем инструк-

тивном письме об общественно полезной работе школы подчеркивал, что «одной из важнейших задач советской школы в условиях военного времени является усиление политического воспитания учащихся всеми путями, имеющимися в ее распоряжении: через уроки, через все виды внеклассной работы, работу в ученических, пионерских и комсомольских организациях, путем усиления работы с семьей и др.»².

Количество пионеров и комсомольцев вновь стало стремительно увеличиваться. Так, с сентября 1946 г. по апрель 1947 г. в 275 школах Пензенской области было вновь создано 38 пионерских дружин и 234 пионерских отряда³. Число комсомольцев-школьников за 1949-1950-й учебный год возросло с 11164 до 18197⁴.

Постоянно подчеркивалось превосходство советской школы над «буржуазной» (действительно, вовсе не мнимое). «Американские империалисты всячески рекламируют свои попытки наладить «длительные культурные связи между Японией и США для достижения прогресса японской культуры». На примере плачевного состояния системы высшего образования в Японии наглядно видно, к каким пагубным последствиям приводит установление – «культурных связей» с воинствующими поборниками «цивилизованного варварства» [6, 5]. Звучала эта тема и на региональном уровне: «В советской стране ребятам предоставлены все условия, им открыта широкая дорога в счастливую и радостную жизнь. Право на образование обеспечено густой сетью всевозможных учебных заведений, доступных у нас каждому. Счастливая советская детвора видит и повседневно ощущает на себе отеческую заботу большевистской партии и Советского правительства и с глубокой благодарностью произносит: Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!» [7, с. 4].

Таким образом, восстановление и развитие системы образования было одним из

² ГАПО. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 17. Л. 102.

³ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 77. Л. 57.

⁴ ГАПО. Ф. 554. Оп. 2. Д. 47. Л. 8.

¹ ГАПО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 95. Л. 2

главных направлений деятельности советского государства в послевоенные годы. Наряду с эффективными мероприятиями по укреплению материально-технической базы учебных заведений и обеспечению всеобщего обучения, приоритетным для властей оставалось идейно-политическое воспитание.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Законы и постановления Верховного Совета СССР. Первая сессия (12-19 марта 1946 г.).

М., 1946. 346 с.

2. Казаков А.Ю., Винокуров Г.Ф., Семенов В.Б. и др. Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза, 1999. 228 с.
3. Народное образование, наука и культура в СССР. М., Педагогика, 1971. 559 с.
4. Правда. 1950. 15 января.
5. Сталинское знамя. 1949. 13 сентября.
6. Сталинское знамя. 1947. 1 июня.
7. Шестая сессия Верховного Совета РСФСР, 5-8 июня 1945 г. М., 1945. 468 с.

УДК 94(57).084.9

Волосов Е.Н.

*Восточно-Сибирская государственная академия образования
(Усть-Илимское отделение)*

**К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ СТИМУЛИРОВАНИИ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО
РЕГИОНА В СЕРЕДИНЕ 60-х – НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА**

E. Volosov

Ust-Ilimsk Branch of East-Siberian State Academy of Education

**ABOUT MATERIAL INCENTIVES OF BUSINESS LEADERS IN THE
ANGARA-YENISEI REGION IN MID-1960-s - EARLY 1990-s**

Аннотация. В статье раскрывается механизм материального стимулирования технократической элиты Ангаро-Енисейского региона. Выявлены составляющие фонда оплаты труда руководителя, включавшие обязательную часть в виде должностного оклада, районного, северного коэффициентов и факультативную: персональные надбавки и премии. Показаны объективные условия и субъективные основания необязательных выплат. Определено место хозяйственных руководителей по уровню оплаты труда в сравнении с другими категориями населения. Дана классификация материальных поощрений. Выявлена их стимулирующая и организующая роль.

Ключевые слова: региональная технократическая элита, хозяйственные руководители, заработная плата, районный коэффициент, персональная надбавка, премия.

Abstract. The article describes the mechanism of material incentive of technocratic elite of the Angara-Yenisei region. The author identifies the components of the wage fund of a leader, which included a mandatory part in the form of a salary, district and northern rates as well as the optional factors: personal one-time and regular bonuses. The objective conditions and subjective reasons for unnecessary payments have been revealed. Business leaders have been categorized in terms of their wages compared to other categories of the population. The classification of material rewards has been presented with the focus on their stimulating and organizing functions.

Key words: regional technocratic elite, business leaders, salaries and wages, district rate, one-time bonus, personal regular bonus.

Современная российская историческая наука недостаточное внимание уделяет вопросам изучения той социальной группы, которая в советское время являлась частью правящего класса номенклатуры и принимала самое непосредственное участие в управлении народным хозяйством страны. В зарубежной и отечественной науке для обозначения этой группы утвердился термин «технократическая элита».

Целью данной статьи является актуализация и систематизация знаний об особенностях материального стимулирования хозяйственных руководителей Ангаро-Енисейского региона в середине 1960-х – начале 1990-х гг.

Главным элементом материального стимулирования региональной технократической элиты являлась заработная плата. В условиях советского квазирынка, наличия значительного сегмента преференций и реальных доходов, мало зависящих от размера заработной платы, она тем не менее играла весьма важную роль, – как фиксатор определенного социального положения, инструмент удовлетворения потребностей в дорогостоящих предметах обихода, бытовой технике, автомобилях и т. д.

Теоретически размер заработной платы зависел от квалификации работника, эффективности и качества его труда, а также создания условий со стороны работодателя для повышения квалификации, роста мастерства, результативности и качества работы. Заработная плата дополнялась также различными доплатами, стимулирующими надбавками и премиями. Вместе они составляли систему или фонд оплаты труда.

На деле система заработной платы в советском обществе была сильно деформирована и далеко не всегда являлась адекватной материальной оценкой труда конкретного работника. Доминирующей тенденцией в ее формировании являлась уравниловка. Попытки середины 1930-х гг. и второй половины 1960-х – 70-х гг. поставить величину заработной платы работников в зависимость от результатов их деятельности к успеху не привели. Во всех производящих секторах

экономики, в непроизводственной сфере, в системе государственного управления, везде заработная плата стремилась к положенному «среднему уровню».

Это не означало, впрочем, что заработная плата была везде и всюду одинакова. Дифференциация имела место как внутри профессиональных групп, так и между ними. В описываемое нами время существовало большое количество объективных факторов, от которых зависел размер фонда заработной платы и фонда оплаты труда: отраслевая принадлежность, профессиональная группа, трудовой стаж, нормативная квалификация, общий и профессиональный образовательный ценз, численность работающих на конкретном предприятии или в организации, поясной (районный) коэффициент, занимаемая должность. На размер заработной платы могли влиять субъективные факторы: инициативность, ответственность, дисциплинированность, общественная активность, толерантность либо высокий уровень конформизма (умение ладить с начальством и с коллективом).

Анализ ситуации с размерами заработной платы на промышленных предприятиях и в организациях региона показывает, что значительная дифференциация в размерах заработной платы имела место по вертикали или иерархии административно-управленческого аппарата и у инженерно-технических работников. Представители аналогичных профессий или управленцы, инженерно-технические работники, занимающие схожие должности на предприятиях и в учреждениях различных отраслей и ведомств, получали близкую по размерам базовую заработную плату. Сказанное не относится к фонду оплаты труда, который отличался весьма существенно из-за объема выплачиваемых премий и доплат за районные и поясные коэффициенты.

Жители Норильского промышленного района, например, получали за аналогичную работу на 40-50 процентов большую заработную плату, чем их коллеги из городов центрального и южного Красноярья. Примерно такая же ситуация складывалась с размера-

ми заработной платы у жителей севера и юга Иркутской области [1, 634].

Какое же место в системе зарплатных координат занимали представители технократической элиты Ангара-Енисейского региона? За что им назначались высокие оклады, устанавливались надбавки, выплачивались премии?

Ангара-Енисейский регион входил в зону, где существовало районное регулирование заработной платы. Оно носило дифференцированный характер. Добавка к заработной плате в виде районного коэффициента имела широкие рамки: от 20 % до 100 % и более. Однако верхние пределы районного коэффициента могли иметь свои ограничения. Например, оклад начальника комбината «Красноярскуголь» в 1970 г. составлял 450 рублей. Следует полагать, что размер положенного для этой должности районного коэффициента должен был составлять 90 рублей. Однако в штатном расписании администрации комбината стояла цифра – 60 рублей. Оклад главного инженера комбината составлял 400 рублей, но и у него сумма районного коэффициента составляла те же 60 рублей. А вот заместителю начальника по капитальному строительству при окладе в 270 рублей районный коэффициент начислялся в размере 54 рублей¹. Мы видим, что районный коэффициент в размере 20% от должностного оклада фактически действовал только для окладов до 300 рублей, так как не мог превышать шестидесяти рублей. С повышением широтности увеличивался и районный (северный) коэффициент. В Братске в 1960-е гг. он составлял 40% от должностного оклада, в Усть-Илимске – 50%, в Норильске – до 80%².

Необходимость районного коэффициента для северных и восточных территорий объяснялась не только потребностями в трудовых кадрах, но и климатическими условиями Сибири. В научной литературе отмечается, что суровые климатические условия Сибири

обуславливают дополнительную по сравнению с районами умеренного и теплого климата потребность в одежде и обуви, высококалорийных продуктах питания, затратах на отопление и т. д. Не случайно в 1960-70-е гг. рост заработной платы в Сибири шел опережающими темпами в сравнении с общесоюзными. В 1980 г. по уровню среднемесячной заработной платы Западная Сибирь занимала третье, а Восточная Сибирь – второе место среди экономических районов страны [3, 75-76].

Информация об уровне заработных плат, показывающая опережающий рост заработной платы административно-управленческого персонала, носила закрытый характер. Судя по всему, для того времени разница в уровне доходов выглядела слишком вызывающей. Но все было не так просто. Представителей региональной технократической элиты по величине заработной платы можно разделить на несколько групп.

1. Руководители территориальных организаций, объединяющих в своей структуре другие юридические лица (строительные главки, районные энергетические управления, управления железной дороги, объединения по добыче угля, нефтехимические и лесохимические комбинаты и др.).

2. Их первые заместители и главные инженеры.

3. Директора заводов, управляющие строительными и монтажными трестами, начальники отделений железной дороги, директора угольных разрезов, шахт.

4. Их первые заместители и главные инженеры.

Эти уровни не являлись аналогом петровской «Табели о рангах». К числу факторов, мешавших создать жесткую вертикальную, иерархическую зависимость, можно причислить районные и поясные коэффициенты, премии, персональные надбавки. Все эти денежные преференции серьезно искажали внешне стройную систему оплаты труда, но не ломали основные принципы ее расчета.

Нормативной основой для начисления заработной платы любому сотруднику пред-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2303. Оп. 1. Д. 361. Л. 17.

² Братский городской архив (БГА). Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 300. Л. 73; ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 49. Д. 17. Л. 16.

приятия, учреждения, организации являлось штатное расписание. В нем прописывались базовые суммы того минимума, который получал работник. Не являлся исключением и руководитель. В штатных расписаниях 1960-80-х гг. обычно присутствовали четыре колонки: занимаемая должность, должностной оклад, персональная надбавка, районный коэффициент и итоговая сумма. Причем персональная надбавка вовсе не рассматривалась как обязательное приложение к основному окладу. Хозяйственный руководитель получал ее за особые заслуги, после значительного пребывания на своей должности либо вследствие важности порученного дела для решения стратегических задач.

В качестве примера приведем выписку из штатного расписания административно-управленческого персонала Главного управления по строительству в Красноярском экономическом районе – «Главкрасноярскстрой» за 1975 и 1980 гг. Пост начальника «Главкрасноярскстроя» с 1968 г. занимал В.П. Абовский, человек, причастный ко всему, что построено в Красноярском крае в 1950-80-е гг. прошлого века. Однако даже по прошествии семи лет на столь значимом посту и действительно большие заслуги перед строительным комплексом страны начальник «Главкрасноярскстроя» не получал персональной надбавки. Его зарплата складывалась из оклада в 450 рублей и районного коэффициента в размере 60 рублей¹. Только в штатном расписании главка за 1980 г. мы видим, что В.П. Абовскому Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии (Минтяжстрой СССР) установило персональную надбавку в размере 50 рублей².

В специальном управлении строительства «Братскгэсстрой» персональная надбавка начальнику этой организации устанавливалась сразу после назначения решением Министерства энергетики и электрификации СССР. В 1978 г. на этот пост назначается Л.И. Яценко – руководитель управления строительства Усть-Илимской ГЭС. Помимо документа

о назначении на должность последовал приказ Минэнерго СССР № 260П от 21.03.1978 г. «Об установлении персонального оклада т. Яценко Л.И.». Из него следовало, что новому начальнику «Братскгэсстроя» устанавливался персональный оклад в размере 500 рублей при должностном окладе 480 рублей³. В 1985 году следующему руководителю Братскгэсстроя Ю.А.Ножикову при том же должностном окладе в 480 рублей персональный оклад решением Министерства был повышен до 550 рублей⁴.

Мы уже говорили о том, что помимо базовой заработной платы существовала еще одна важная составляющая фонда оплаты труда – премиальные выплаты. Они, собственно, и наращивали фонд до пределов, значительно выделявших технократическую элиту из ряда других получателей заработной платы. Выявление реальной заработной платы хозяйственных руководителей представляет немалую сложность. В архивных документах далеко не всегда можно встретить ведомости на выдачу заработной платы. Приказы на поощрение управленческого персонала, подписываемые руководителем, не содержат данных по размерам премии, назначаемой самому руководителю, поскольку приказ о его поощрении издавала вышестоящая организация: министерство или главк. Идеальным документом, позволяющим с точностью до копейки установить размер суммарной заработной платы, является партийный билет, куда заносилась данные об ежемесячных выплатах и соответствующих отчислениях в бюджет КПСС. Однако партийные билеты в архив не сдаются, а учетные карточки членов КПСС, хранящиеся в архивах (в них также заносились сведения о партийных взносах), исследователям не выдаются.

Поэтому узнать об истинных размерах денежных доходов можно в основном по косвенным признакам или «добровольных признаниях» респондентов.

Бывший генеральный директор Усть-Илимского лесопромышленного комплекса

¹ ГАКК. Р-2291. Оп. 1. Д. 847. Л. 20.

² ГАКК. Р-2291. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13.

³ БГА, Ф. Р-160. Оп. 3, Д. 19. Л. 61.

⁴ БГА, Ф.Р-160. Оп. 3, Д. 12. Л. 16.

(1980 – 1984 гг.) А.М. Сенченко так отвечал на вопрос о размере заработной платы: «У меня сохранился партбилет, в который при уплате членских взносов вписывалась суммарная зарплата. Вот 1982 год и средняя зарплата 840 рублей, максимальная 1300. Денег хватало с избытком...»¹. Для сравнения, заработная плата первого секретаря Иркутского обкома КПСС в этот период составляла 560 рублей, начальника Норильского горно-металлургического комбината – 1400 рублей, первого заместителя министра цветной металлургии – 600 рублей².

Учитывая, что базовая заработная плата генерального директора Усть-Илимского ЛПК согласно штатному расписанию составляла около 700 рублей, все остальное являлось премиальными выплатами. Следовательно, ежемесячные премии колебались в пределах от 140 до 600 рублей.

О размерах премий и, соответственно, суммарной заработной плате руководящих работников можно судить и по далеко не редким решениям партийных органов в отношении отдельных представителей региональной технократической элиты. Например, в июне 1965 г. бюро Красноярского крайкома КПСС рассмотрело вопрос «О серьезных недостатках в премировании руководящих, инженерно-технических работников и служащих в СНХ и Красноярском алюминиевом заводе». В решении партийного органа была осуждена практика деления премии, рассчитанной на весь коллектив, практически между руководящими работниками: «В 1964 году за счет премиального фонда премировано 362 человека на общую сумму 18515 рублей. Из этих средств премировано 177 руководящих работников в сумме 15465 рублей или 83,5 процента от общей суммы премии. Как правило, заместители председателя СНХ Глушков, Зеликсон, Шмарев, Усенко систематически премируются в сумме от 400 до

450 рублей, начальники и главные инженеры управлений до 350 рублей»³. Если учесть, что уровень базовой заработной платы у данной категории высокопоставленных работников составлял 350-400 рублей, то благодаря премиям общий ежемесячный доход увеличился в два раза.

Уровень доходов хозяйственных руководителей Ангаро-Енисейского региона в 1960 – 1980-е гг. в два-четыре раза превосходил средний уровень доходов рабочих и служащих в промышленности страны [4, 93].

За какие заслуги, достижения поощрялись хозяйственные руководители?

Все премиальные выплаты региональной технократической элите можно ранжировать по нескольким блокам.

1. За высокие производственные показатели по основной деятельности:

- выполнение пятилетних, годовых, квартальных планов выпуска продукции, завершение строительно-монтажных работ, заготовки и вывозки древесины, достижение определенного числа тонно-километров и т. д.;

- ввод в действие промышленных объектов, производственных мощностей, объектов транспортной инфраструктуры и т. д.;

- выполнение социалистических обязательств, предусматривавших, как правило, досрочную реализацию государственных планов и приуроченных к важнейшим государственным праздникам (22 апреля – День рождения В.И. Ленина, 1 мая – День международной солидарности трудящихся, 7 ноября – День Великой Октябрьской Социалистической Революции, 5 декабря – День Конституции СССР, принятой в 1936 г.).

2. За умелую организацию деятельности, обеспечивающей выполнение основных производственных показателей:

- выполнение особо важных заданий;
- организация смотров научно-технического творчества, конкурсов профессионального мастерства, рационализаторской и изобретательской работы;
- экономия топлива, сырьевых ресурсов,

³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 18. Л. 233.

¹ Воспоминания А.М. Сенченко // Личный архив автора.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 386, Оп. 1. Д. 896. Л. 4; Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 95, Д. 143. Л. 18.

электроэнергии, других видов материалов и комплектующих;

- выполнение особо важных поручений.

3. Связанные с получением государственных наград, юбилеями, окончанием трудовой деятельности на важном руководящем посту.

Если премии в рамках первого и третьего блоков носили достаточно объективный характер, то поощрения за показатели, указанные во втором блоке, давали много простора для изобретательности их получателей и последующего разбирательства проверяющими органами.

В документах партийных органов можно найти довольно любопытные комментарии к таким поощрениям. Например, Бюро Красноярского крайкома КПСС в своем решении от 25.06.1965 г. отмечает: «В Красноярском СНХ укоренилась негодная практика обязательного премирования заместителей председателя совнархоза по итогам смотра рационализации и изобретательства, их кандидатуры на смотровой комиссии не обсуждаются, премирование ведется без ведома крайсовпрофа, причем сумма премии выдается высокая, превышающая в 2-3 раза выданную премию заслуженным рационализаторам и изобретателям»¹.

Иркутский обком КПСС, реагируя на постановление ЦК КПСС № 185 от 5.08.1975 «О серьезных недостатках в использовании фондов материального поощрения на предприятиях и в организациях», указал главного инженера «Иркутскэнерго» Б.Г. Рутенберга, среди многочисленных премий которого была сумма в 175 рублей, полученная за «проведение тренировочного сбора – соревнования электромонтеров»².

Получение руководителями не всегда законных премий заставляло их подчиненных жаловаться в вышестоящие инстанции, из которых наиболее значимой являлся Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Письма, находившиеся на контроле у «бюстителей партийной нравственности», разби-

рались предельно внимательно и, если факты подтверждались, виновные несли достаточно суровые партийные наказания. Например, в мае 1976 г. в ходе проверки коллективного письма в КПК при ЦК КПСС работники комиссии партийного контроля при крайкоме КПСС установили, что в «период 1971 – 1974 года в управлении строительства «Красноярскгэсстрой» было необоснованно выплачено 13472 рубля авторских вознаграждений за рационализаторские предложения и 2165 рублей премий – руководящему составу за содействие внедрению рационализаторских предложений». Руководителям управления были объявлены выговоры с занесением в учетную карточку и предложено возвратить излишне начисленные суммы премий в доход бюджета³.

В то же время считать все выплаты подобного характера неправомерными вряд ли справедливо. Значительная часть производств, размещенных в регионе, несла в себе разрушительный потенциал возможных техногенных катастроф. Поэтому совсем не случайно много внимания со стороны руководства уделялось мерам противопожарной безопасности, химической защиты и т. д. Вполне логичным выглядит решение руководства «Красноярскэнерго», датируемое мартом 1989 г., о премировании за успехи в организации изобретательской и рационализаторской работы директора Саяно-Шушенской ГЭС В.И. Брызгалова и главного инженера станции В.А. Стафиевского в размере 120 рублей каждому⁴. Оба руководителя уникального предприятия действительно стали признанными специалистами, крупными учеными в области гидростроения, а Брызгалов по результатам своих научных изысканий и внедрения их результатов в практику защитил последовательно диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора технических наук.

Размеры премиальных выплат по любому из трех оснований трудно поддаются объяснению и классификации. Но определить ос-

¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 18. Л. 234.

² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 174. Л. 18.

³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 9. Д. 19. Л. 93.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1379. Оп. 1, Д. 725. Л. 87.

новые тенденции все же возможно. Премии максимального размера среди региональной технократической элиты получали руководители строительных организаций, причем, не просто за выполнение плана, а за ввод в действие крупного объекта. Например, в 1974 г. была запущена первая очередь Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. По этому поводу начальник Главвостоксибстроя издал приказ о премировании работников Бурятского управления строительства, входящего в структуру главка. Данным документом начальник управления В.К. Восканянц и главный инженер управления Л.М. Людалун получили премию в размере трех окладов или 1050 рублей¹. Другой приказ о более скромной выплате, но подтверждающей общие закономерности, относится к руководителям Иркутского домостроительного комбината: начальнику А.С. Шубникову и главному инженеру Б.М. Кузьмину, которым «за выполнение плана III квартала 1973 года *по вводу жилья* (Курсив мой – Е.В.)» полагалась премия в размере 350 рублей, то есть в размере оклада².

Анализ текущего документооборота ведущих промышленных предприятий региона и строительных организаций в 1960–1980-е гг. показывает, что примерно четвертая часть приказов по основной деятельности касалась премирования руководителей центрального аппарата и структурных подразделений.

Самый необременительный и приятный блок премий – поощрения за многолетний добросовестный труд по случаю юбилея или денежное приложение к государственной награде. Например, за награждение Золотой звездой Героя Социалистического Труда полагалась ведомственная премия в размере 500 рублей [2, 205–206].

Стройная, более или менее понятная система нормирования заработной платы и других денежных преференций просуществовала

до конца 1980-х гг. и начала рассыпаться с переводом организаций на полный хозрасчет, самостоятельность, аренду.

Анализ исследованных документов и других источников позволяет сделать следующие выводы.

1. Оплата труда технократической элиты Ангаро-Енисейского региона формировалась за счет нормативных (обязательных) и дополнительных выплат, имевших жесткое правовое и содержательное обоснование.

2. К числу нормативных выплат относились оклад, районный и северный коэффициенты, к необязательным (факультативным) выплатам – персональные надбавки и различные виды материального поощрения, которые зачастую превышали основной оклад.

3. Технократическую элиту Ангаро-Енисейского региона можно уверенно отнести к числу наиболее высокооплачиваемых категорий населения страны, так как уровень ее доходов превышал аналогичный показатель в среднем по промышленности страны в два-четыре раза.

4. Любые инициативы, ставившие целью искусственно завязать фонд оплаты труда хозяйственных руководителей, подвергались жесткому преследованию со стороны партийных и государственных контрольных органов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Комментарии к Трудовому Кодексу Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», «ИНФРА-М», 2002. 709 с.
2. Радченко Е.Д. Есть в Сибири город Ангарск. Иркутск: Оттиск, 2004. 228 с.
3. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск: Наука, 1980. 336 с.
4. Социальное развитие СССР. Статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1980. 398 с.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2958. Оп. 1. Д. 1095. Л. 54.

² ГАИО. Ф. Р-2958. Оп. 1. Д. 1095. Л. 256.

УДК 092

Невзоров Д.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

**ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
НАУКОЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (1960-1980-е гг.)**

D. Nevzorov

Lomonosov Moscow State University

**PRINCIPALS OF STATE ADMINISTRATION OF SCIENCE
IN THE USSR (1960-1980)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимодействия власти и научной интеллигенции в СССР на завершающем этапе индустриальной модернизации. В работе показано, что основными рычагами государственного управления наукой являлись госзаказ, законодательство и бюджетное финансирование научных школ, позволявшие регулировать организацию научной деятельности, социальный состав и численность научного сообщества. Автор подчеркивает патерналистский характер государственной политики в отношении научных коллективов, заботу власти о развитии фундаментальных исследований, обеспечение связи науки и производства, особенно в военно-промышленном секторе.

Ключевые слова: государственная политика, научная интеллигенция, фундаментальная наука, научно-исследовательские учреждения, научно-технический прогресс, научные кадры.

Abstract. The article is devoted to the study of the interaction of authorities and scientific intellectuals in the USSR at the final stage of the industrially modernization. The work shows that the basic levers of state administration science were state order (goszakaz), legislation and budget financing of scientific schools, which made it possible to regulate scientific activity, social composition and the number of scientific associations. The author emphasizes paternalistic character of the state policy concerning scientific groups, authorities' care for the development of fundamental investigations, their guarantee of science-production ties especially in the military industrial sector.

Key words: state politics, scientific intellectuals, fundamental science, research establishments, scientific and technical progress, scientific people.

Сущность и природа советского государства определяли его отношение к научным исследованиям. Власть, предоставляя населению бесплатное образование, позиционировала себя как единственный собственник научных знаний. Усилиями государства наука в СССР достигла впечатляющих высот.

В дореволюционной России внимание к науке со стороны государства было явно недостаточным. Впрочем, такое положение вещей отчасти компенсировалось равнодушным отношением к прикладной и даже фундаментальной науке со стороны общественности.

Советская власть кардинально изменила ситуацию с финансированием научных исследований, определяя институциональные структуры и профессиональные рамки и заботясь о подготовке кадров и формулировании исследовательских приоритетов. Абсолютно объяснимым при этом было то, что наибольшую опеку власть осуществляла над гуманитарными науками [8, 154].

Политическая архитектура государства и структура советского народного хозяйства объективно предопределили построение управления наукой по территориально-производственному принципу. Определяющим являлось административно-территориальное деление

страны на союзные и автономные республики, края, области, экономические районы и развитие в них соответствующей сети НИИ и вузов. Отраслевой принцип выражался в подчинении отраслевых НИИ и вузов соответствующим министерствам и ведомствам.

Совет Министров СССР был тем органом, который играл ключевую роль в управлении наукой. В соответствии с действовавшим в стране законодательством он разрабатывал и осуществлял меры по проведению единой политики в области науки и техники и прогнозированию НТП, рассматривал основные направления развития науки и техники. Совет Министров определял программы работ по внедрению результатов научных исследований, изобретений и рационализаторских предложений [7, 55]. В его ведении находились учреждения и организации, осуществлявшие непосредственное руководство научной деятельностью в стране: Академия наук СССР, Государственный комитет СССР по науке и технике, отраслевые министерства, комитеты, ведомства.

Одной из основных задач государства было проведение целенаправленной политики по созданию квалифицированных научно-технических кадров. С первых лет существования советской власти техническая интеллигенция занимала очень прочное положение в обществе и пользовалась неизменным благожелательным отношением со стороны общества и власти. А изменения в политической ситуации, произошедшие в СССР после развенчания культа личности Сталина, только укрепили это положение. Это было связано с тем, что техническая интеллигенция получила возможность спокойно работать на поприще мирного интеллектуального труда. Давление на нее со стороны государства было если не ликвидировано, то заметно снижено.

Техническое совершенствование во всех отраслях промышленности форсированными темпами являлось основной задачей, которая ставилась руководством страны перед низовыми партийными, советскими

и хозяйственными органами. Произошло развертывание в широких масштабах научно-исследовательских и опытных проектно-конструкторских работ по созданию высокопроизводительных станков, автоматических линий. Проведение технической реконструкции действующих заводов и фабрик являлось приоритетной задачей. При этом основной упор делался на массовое применение уже накопленного научно-технического опыта [2, 513-515]. Для периода 1960-1980-х гг. характерно постоянное внимание партийных органов к информационному обмену в науке, формированию научных кадров, увеличение прослойки технически образованной интеллигенции, повышение качества образования и научных исследований.

Нужно заметить, что проблеме повышения эффективности функционирования всей научной сферы уделялось несравненно меньше внимания, нежели задаче количественного увеличения научно-технического потенциала. Тут сказывалась сила традиции, основанной на устоявшемся видении путей, форм, методов социалистического строительства, места науки и технической интеллигенции в этом процессе.

Стремление догнать развитые капиталистические страны по уровню научного развития и технической оснащенности производства являлось неизменной задачей, ставившейся властью вплоть до распада советского государства. В этом смысле развитие отечественной науки воспринималось как главный инструмент для достижения поставленной цели.

Проблемы развития советской науки были объектом регулярного внимания политического руководства страны. Так, на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. были конкретизированы основополагающие принципы управления наукой. Эти принципы, вне сомнения, учитывали внутреннюю логику, объективные закономерности и ведущие тенденции развития научных исследований. В документах съезда констатировалось, что в современных исторических условиях развитие науки стало одним из важнейших

факторов в соперничестве двух различных общественных систем. Наука признавалась партией как одно из главных орудий в борьбе против капитализма, заметно возросли ее социальные функции.

Государственная власть весьма четко определяла приоритеты в научных исследованиях. Так, особую важность имели работы в области атомной энергетики, изучения энергетического и топливного баланса страны, изыскания путей наилучшего использования природных источников, разработки теории и принципов создания новых машин, автоматических и телемеханических систем, интенсивного развития радиоэлектроники, исследования химических процессов и т. д. [10, 209-210].

Стремление научной интеллигенции освободиться от диктата государства в определении стратегии и основных направлений научно-исследовательской деятельности было перманентным. Ученые зачастую намеренно обходили политические и идеологические вопросы, стремясь решать чисто научные задачи. Без сомнения, постоянный контакт с властью являлся для них вынужденной необходимостью. В этом смысле процесс эффективного взаимодействия с высшими государственными структурами удалось наладить таким выдающимся ученым, как С.П. Королев, В.П. Мишин, В.П. Глушко, М.В. Келдыш, В.П. Эфроимсон, В.С. Немчинов, М.А. Лаврентьев и др.

Косыгинские реформы середины 1960-х гг. благоприятно сказались на взаимодействии науки и власти. На высшем уровне был провозглашен тезис о необходимости возвращения к научным методам управления и планирования производства¹. Планирующие органы теперь были обязаны повысить роль перспективных планов развития на-

родного хозяйства как важнейшего условия непрерывного роста и совершенствования производства, широкого внедрения достижений науки и техники. Это означало, что отныне в планах должны были предусматриваться показатели технического уровня и качества продукции, необходимые материальные, финансовые и трудовые ресурсы, а также организационно-технические и экономические мероприятия, обеспечивающие надежность, долговечность и высокие потребительские свойства изделий².

Именно перевод значительной части предприятий на хозрасчет позволил внедрять достижения науки в промышленное производство намного более быстрыми темпами, чем это делалось раньше [1, 112]. Сочетание централизованного планового руководства с развитием хозяйственной инициативы и самостоятельности промышленных предприятий благоприятно сказывалось на развитии советской науки.

Геополитическое противостояние двух систем в 1960-1980-е гг., безусловно, оказывало самое непосредственное влияние на выстраивание отношений власти и научной интеллигенции. Огромное количество перво-классных специалистов было вовлечено преимущественно в военные исследования. ВПК поглощал около 20% всех подготовленных дипломированных ученых и специалистов. На военные разработки в Советском Союзе направлялось от 5 до 10 % основных видов сырья, причем для минерального сырья эти показатели были гораздо выше, а также 5-6 % потребления нефти [9, 196]. Средства, выделяемые на военные исследования, были колоссальными [4, 120]. Военно-промышленный комплекс страны находился на особом, привилегированном положении. Военные производители получали все требуемое, в том числе и лучших ученых и инженеров. При этом система управления «военной» наукой была по сути армейской, построенной на принципах беспрекословного подчинения приказу. Многие видные ученые, специалисты в области радиотехники, ядерной физики, химии и дру-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 796. Л. 16; КПСС. ЦК. Пленум. 1965. Сентябрь. О созыве очередного XXIII съезда КПСС. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Постановления Пленума ЦК КПСС, принятые 29 сентября 1965 г. М., 1965.

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 514-515.

гих наук были офицерами Советской армии. Направления военных исследований определялись на высшем государственном уровне. В этом смысле «свобода для маневра» у ученых, выполнявших научно-исследовательскую работу для армии и ВПК, была минимальной.

В 1970-1980-е гг. было принято более тридцати постановлений высших партийных и государственных органов, которые, так или иначе, касались проблем развития науки [3, 55]. К этому времени Академия наук СССР расширилась не только территориально, но и в плане значительного углубления тематики исследований. Однако сохранявшееся в АН СССР с конца 1960-х гг. значительное количество отраслевых научных учреждений отвлекало ее от решения перспективных фундаментальных проблем, распыляло силы и средства на разработку многочисленных технических вопросов. Необходимость реорганизации управления наукой вызывала острые споры в среде ученых относительно самого характера исследований в учреждениях АН СССР [5, 12]. Это было вызвано тем, что большинство отраслевых НИИ, вышедших из АН СССР и влившихся в ту или иную отрасль, стало полностью зависеть от благополучия отрасли. А такое положение вещей устраивало далеко не всех.

К моменту распада советского государства сеть научно-исследовательских учреждений страны была весьма разветвленной. Так, в стране действовало около 2,5 тысяч отраслевых институтов с филиалами, лабораториями, конструкторскими бюро, обсерваториями, опытными станциями и пр. А в системе АН СССР трудилось свыше 47,8 тыс. человек [6, 55].

В целом политическое руководство СССР проводило сбалансированную научно-техническую политику, которая тем не менее была

не без недостатков. Систему управления советской наукой в рассматриваемый период можно считать в целом эффективной. Эффективная реальность требовала принятия решений, направленных на использование научно-технического потенциала страны в глобальном противостоянии с западным миром. Определение тематики и ход работы определялись государством и им контролировались. Несмотря на отставание от капиталистических стран в некоторых областях, к моменту распада государства советская наука занимала ведущие позиции в мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гусев В.К. Эпоха реформ. М., 2001. 292 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1978. Т. 8. 672 с.
3. Мандкович Н. Наука в СССР и в России // Полярная звезда. № 4. 2007. С. 49-56.
4. Машковская Т.О. Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса (1955-1997) : Дисс... докт.истор.наук. М., 2000. 420 с.
5. Моторыгин Б.Д. Механизм регулирования НТП в условиях рыночной экономики // Наука в условиях рынка. М., 1992. С. 12-22.
6. Наука и технический прогресс в СССР. М., 1987. 264 с.
7. Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.) Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 1999. 354 с.
8. Соловей Т.Д. Власть и наука в России: Историческая эволюция государственной политики в отношении гуманитарных наук (XIX-начало XXI вв.). М., 2004. 384 с.
9. Фармазян Р.А. Издержки сверхвооруженности: эффект конверсии. Драма обновления. М., 1990. 298.
10. Хлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946-1978. М., 1987. 341 с.

УДК 929.924

Сандалов И.А.

Московский государственный областной университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БОЕВОГО ЗНАМЕНИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

I. Sandalov

Moscow State Regional University

FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF THE BATTLE BANNER OF THE RUSSIAN INTERIOR FORCES IN THE SOVIET PERIOD

Аннотация. В статье исследуется процесс возникновения Боевого знамени внутренних войск России как неотъемлемого элемента вооруженного формирования. Предшественники внутренних войск в России на протяжении XIX в. и вплоть до начала XX в. знамен не имели. Первые образцы боевого знамени внутренних войск возникли в советский период и в своем становлении прошли несколько этапов. На каждом этапе Боевое знамя имело различную иконографию и необходимые атрибуты. Это открывает возможность изучения истории строительства внутренних войск, используя характерные особенности иконографии знамен каждого периода существования и развития внутренних войск России.

Ключевые слова: Внутренние войска; вексилология; Боевое знамя; Почетное революционное красное знамя; Знаменный комплекс.

Abstract. This article investigates the process of foundation of the battle banner in Russian Interior Forces as necessary element for armed forces. The predecessors of the Interior Forces had no banners of their own during the 19th and up to the early 20th century. First patterns of the battle banner of the Interior Forces appeared in the Soviet period and passed through several main stages. At each stage the battle banner had different iconography and necessary elements. This investigation reveals the possibility for studying the history of Interior Forces using characteristic features of iconography of Russian Interior Forces banner for each period of their existence.

Key words: Interior Forces, Veksillology, battle banner, The Revolutionary Red Banner of Honor, composition of banner.

В декабре 1917 г. была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, возглавляемая Ф.Э. Дзержинским. При ВЧК были созданы отряды, задача которых заключалась в преследовании и ликвидации всех контрреволюционных и саботажных попыток и действий по всей России. Войска ВЧК стали основой внутренних войск Советской Республики.

В силу того, что уже на начальных этапах существования войска строились по военному принципу, на них распространялась нормативно-правовая база Народного комиссариата по военным и морским делам (а позже Наркомата обороны и Министерства обороны). Это все подразумевало и идентичную знаково-символьную систему, в том числе и вексилологическую.

3 августа 1918 г. Наркомвоен опубликовал приказ, согласно которому для воинских коллективов подтверждалась возможность быть награжденными знаменем за военные заслуги на фронтах Гражданской войны². Положение о знамени, названном Почетным революционным красным знаменем, было утверждено ВЦИК 18 марта 1920 г [6, 572]. Оно распространялось на все боевые части, «сражающиеся на фронтах за дело Революции».

© Сандалов И.А., 2011.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 3. Д. 248. Л. 2.

За время Гражданской войны, с 1918 по 1921 гг., соединения и части войск ВЧК-ВОХР-ВНУС не раз отмечались подобной наградой. В частности, знаменем был награжден Автоброневой отряд им. Я. Свердлова при коллегии ВЦИК¹. Стоит отметить, что, хотя знамя было вручено 25 января 1923 г., в наименовании части упоминалось «войск ВЧК», а не «ГПУ». Решение о награждении отряда было принято ещё в то время, когда отряд относился к войскам ВЧК, но само знамя вручили уже в период переформирования войск ВЧК в войска ГПУ. Также среди награжденных таким знаменем числились 249-й стрелковый полк, созданный из 6-го сводного полка ВЧК (1919 г.) [3, 102-103], 95-й стрелковый полк, созданный на базе Псковского батальона ВЧК (1921 г.) [4, 68], 38-й батальон войск ВОХР (1919 г.) [1, 67].

Почетное революционное красное знамя образца 1920 г. представляло собой двустороннее полотнище из красного шелка или бархата. На лицевой стороне изображался герб РСФСР, под которым помещалась надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В левом верхнем углу в прямоугольнике с золотой каймой буквы «РСФСР». На обратной стороне в центре изображались красноармейская звезда с перекрещенным плугом и молотом, наложенная на изображение солнца. Над звездой – надпись полукругом «от В.И.Л.», под звездой – наименование соединения, которому вручалось знамя. В описании фиксировался знаменный комплекс: указывалось, что знамя состоит из полотнища и древка.

В марте 1922 г. войска ВЧК были переформированы в войска ГПУ при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР [3, 286-287]. Позже, 27 сентября 1922 г., постановлением Совета труда и обороны в состав войск ГПУ ввели конвойную стражу и пограничную охрану². В 1920-е гг. происходило зарождение ведомственной символики внутренних войск. Были утверждены образ-

цы униформы внутренних войск, появились первые проекты ведомственных наград. В 1925 г. был принят закон «Об обязательной воинской службе», в разделе I которого было зафиксировано, что в состав Красной Армии помимо сухопутных, морских и воздушных сил входят войска специального назначения: войска Объединенного Государственного Политического Управления и конвойная стража Союза ССР. Таким образом, внутренние войска были приравнены к сухопутным войскам Народного комиссариата по военным делам. Отныне все общие приказы по символике, изданные Наркомвоенном, в той или иной степени дублировались ОГПУ для внутренних войск.

Вследствие изменений как в государственной, так и в армейской символике, а также перевода внутренних войск на штаты мирного времени с установлением нумерации соединений и частей возникла потребность в новом образце красного знамени. В условиях мирного времени необходимо было иметь штатное знамя подразделения или части. Гражданская война показала положительный эффект от присутствия в части знамени. Роль знамени как воспитательного элемента, была очевидна.

Постановлением ЦИК СССР от 11 июня 1926 г. «О революционных красных знаменах частей РККА»³ в войсках ОГПУ вводились штатные знамена для соединений и частей. По положению, принятому тогда же, они стали боевыми знаменами, ибо в положении было закреплено, что знамена находятся в частях и сопутствуют им во всех обстоятельствах походно-боевой и мирной жизни. Они вручались войсковым частям на все время их существования и сохранялись ими во всех случаях изменения наименований и нумерации частей. Также для войск ОГПУ правила передачи знамени части, которая подвергается переформированию или свертыванию, устанавливались не Реввоенсоветом, а коллегией ОГПУ. Она же издавала постановление о передаче знамени расформированной части в соответствующий музей. Позже в

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 40. Д. 69. Л. 41.

² РГВА. Ф. 32032. Оп. 1. Д. 38. Л. 15.

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 16. ЛЛ 131-133.

положение внесли изменения, касающиеся войск ОГПУ – вручение знамени производилось коллегией ОГПУ. Это закреплено постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1928 года¹. Положение о знаменах распространялось на войска ОГПУ без каких бы то ни было ведомственных приказов, что свидетельствует о том, что войска ОГПУ твердо вошли в военную систему СССР.

Описание знамени было утверждено 3 февраля 1927 г., когда Реввоенсовет издал «Инструкцию по применению постановления ЦИК и СНК СССР о революционных красных знаменах частей РККА»². Революционное красное знамя образца 1926 г. представляло собой двустороннее полотнище, изготавливаемое из красного шелкового репса. На лицевой стороне в центре помещался герб СССР, над которым полукругом располагался лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Под гербом СССР помещалось наименование части: дивизия/полк/кавполк/батальон/дивизион войск ОГПУ (конвойной стражи Союза ССР, пограничной охраны ОГПУ). В левом верхнем углу лицевой стороны была красноармейская звезда. На оборотной стороне в центре располагалась красная звезда с серпом и молотом, сделанная в виде аппликации, над звездой – полукругом надпись Ц.И.К., под звездой прямо – «С.С.С.Р.».

О потере частью знамени в каждом отдельном случае предписывалось производить расследование, и если последним будет установлено, что потеря знамени явилась следствием позорного поведения части, то постановлением коллегии ОГПУ часть расформировывалась или переформировывалась. О потере знамени частью, как о чрезвычайном происшествии, Полномочные представители округов ОГПУ должны были доносить по команде, с представлением всех материалов по расследованию о потере знамени.

Одновременно со штатным знаменем Президиумом ЦИК 23 ноября 1926 г. был утвержден новый образец Почетного револю-

ционного красного знамени³, но положение о самом знамени появилось только в декабре 1932 г.⁴. Почетное революционное красное знамя образца 1926 г. представляло собой двустороннее полотнище из красного шелка или шелкового бархата. Каждая сторона знамени обшита голубой каймой с орнаментом из серпа и молота, а по углам – звездами. На лицевой стороне – герб СССР и надпись «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». По углам – красные пятиконечные звезды с наложенным на них серпом и молотом. На оборотной стороне в левом верхнем углу помещена красная звезда, между лучами которой пять пучков лучей. В нижнем правом углу нашита часть земного шара у Северного полюса с изображением территории СССР. В углу изображения земного шара нашиты перекрещивающиеся серп, молот и штык. В правом верхнем углу полотнища – надпись «Центральный исполнительный комитет Союза ССР». Вдоль очертания части земного шара размещалось наименование воинской части, удостоенной награждения знаменем. В описании отмечено, что знаменный комплект включал в себя не только древко и полотнище, но и наконечник (навершие).

Почетное революционное красное знамя оставалось высшей наградой для воинских коллективов. Её были удостоены 8-й и 24-й Отдельные Закавказские полки ВОГПУ в 1933 г. [2, 332], 2-й кавалерийский полк НКВД в 1934 г.⁵. Эти части получили почетное наименование «Краснознаменные», которого в то время добивались соединения и части, награжденные как орденом Красного знамени, так и Почетным революционным красным знаменем. Знамя изготавливалось индивидуально для каждой части.

В конце 1920-х гг. была заложена база вексиллологической системы внутренних войск. Впервые применился принцип распределения знамен в каждое соединение и часть.

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 223. Л. 78.

⁴ Там же. Оп. 13. Д. 16. Л. 131.

⁵ Центральный музей внутренних войск МВД РФ (ЦМВВ). Оп. 3. Д. 2. П. 20. История второго Краснознаменного мотострелкового полка войск НКВД. Хабаровск, 1941. С. 48.

¹ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 138. Л. 30.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2958. Л. 73-74.

Знамена внутренних войск были унифицированы со знаменами Красной Армии.

В период 1930-х гг. в системе войск ОГПУ происходит ряд важных преобразований, отразившихся на знаменах внутренних войск. Постановлением ЦИК от 2 сентября 1930 г. конвойная стража переименовывалась в конвойные войска. В 1934 г. внутренние войска вошли в систему НКВД. Соответственно, с 1934 г. вручались знамена с аббревиатурой «НКВД», а не «ОГПУ» при сохранении общей иконографии знамени. Но в 1936 г. происходят более масштабные перемены, т. к. с принятием новой Конституции изменилось наименование высшего исполнительного органа: Центральный исполнительный комитет был заменен на Верховный совет. Кроме того, с провозглашением новых республик изменился и государственный герб СССР. В результате символика всех знамен в одночасье стала устаревшей. Изменения образца знамени войск НКВД были проведены только в 1938 г. с изданием временной «Инструкции о знаменах частей РККА»¹. На обратной стороне надпись «Ц.И.К.» была заменена на «Верховный Совет». В первые годы действия инструкции надпись выполнялась тем же самым угловатым шрифтом, что и надпись «Ц.И.К.» на знаменах до 1936 г. Позже она делалась специально разработанным более округлым шрифтом.

В 1939 г. произошла очередная реорганизация войск НКВД. Единое до этого ведомство разделилось на шесть главных управлений: Главное управление пограничных войск НКВД, Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, Главное управление войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, Главное управление конвойных войск НКВД, Главное управление снабжения и Главное военно-строительное управление войск НКВД [2, 462-463]. Оперативные части внутренних войск были подчинены Главному управлению пограничных войск. С 1939 г. каждое из главных управлений стало переходить на ведомственные знамена. Кроме того, на зна-

менах войска была надпись «войска НКВД СССР». До этого «СССР» указывалось только на знаменах конвойной стражи. 3 февраля 1941 г. образовалось Управление оперативных войск, куда вошли части Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского, оперативные части, находившиеся в подчинении Главного управления пограничных войск и военно-учебные заведения.

Образец грамот к знаменам 1930-х гг. разработан не был. Знамена 1938 г. рассматривались как временные (о чем говорил хотя бы характер самой «Инструкции...»), и к ним грамоты выдавались только в 1940-х годах. Вручения Почетного революционного красного знамени к концу 1930-х гг. также сходят на-нет. С конца 1930-х гг. роль высших государственных наград перешла к орденам. Орден, по сравнению со знаменем, был более универсален и прост в изготовлении. Эти факторы и определили исчезновение Почетных знамен.

Отличительная особенность войск НКВД в начале Великой Отечественной войны состояла в том, что их воинские части вступали в бой непосредственно в местах своей дислокации. Пограничные, конвойные и железнодорожные части войск НКВД в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии первыми приняли удар немецкой армии. В Великую Отечественную войну вексиллологическая система внутренних войск получила дополнительный импульс развития, повлиявший и на знаменную систему советской армии. Указом президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1942 г. «Об утверждении нового образца Красного знамени воинских частей Красной армии»² и приказом НКВД от 9 февраля 1943 г. в войсках НКВД вводился новый образец Боевого знамени. Это был первый шаг в задуманном радикальном изменении армейской символики – введению погон. Однако, если погоны были призваны обобщить победное прошлое русской армии XVIII – XIX вв., усилить патриотические чувства, раскрыть преемственность воинов с предка-

¹ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 138. Л. 30.

² РГВА. Ф. 40600. Оп. 1. Д. 100. Л. 33.

ми, то новый образец Боевого знамени был призван поднять моральный дух бойцов. Прежний образец 1926 г. был детищем мирного времени, и его символика не отвечала сложившейся ситуации. В новом образце знамени было решено раскрыть сущность советской армии, обозначить главные устремления её солдата.

Красное знамя образца 1942 г. – двустороннее, из красного шелкового фая. На лицевой стороне в центре – пятиконечная звезда с вышивкой золотистым шелком по краям и цветным шелком в виде лучей по поверхности звезды. Под звездой золотистым шелком вышивалось наименование соединения или части. На оборотной стороне в центре – перекрещенные серп и молот, а также вышитый золотистым шелком лозунг «За нашу советскую Родину». Знамя обшито золотистой бахромой. В описании знамени зафиксировано, что знаменный комплекс состоит из полотнища, древка и шнура с кистями.

В принятом положении перечислялись все элементы боевого знамени: вручение по формированию части и сохранение его на все время существования части, обязательное присутствие с частью как в боевой, так и в повседневной обстановке. Кроме того, законодательно утверждено, что знамя является святыней: при его утрате вследствие малодушия войсковой части её командный состав подлежит суду, а часть – расформированию.

На знаменах частей войск НКВД по охране железных дорог, частей по охране особо важных предприятий промышленности и конвойных войск НКВД указывалось «войска НКВД СССР», тогда как у пограничных и заново сформированных полков – «войска НКВД». 4 января 1942 г. Управление оперативных войск было переименовано в Управление внутренних войск НКВД СССР. На знаменах оперативных частей появилось наименование «внутренние войска НКВД СССР». Образец 1942 г. оказался самым живучим. В последующие годы изменения облика знамен внутренних войск будет происходить только в контексте изменения структуры и подчиненности войск.

Первое изменение знамени произошло 21 января 1947 г., когда оперативные части, включая части войск МВД в Германии (в 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства) были переданы в МГБ¹. В 1948 г. спецчасти внутренних войск, на которые была возложена охрана спецобъектов СССР, также передавались в МГБ. На знаменах переданных частей появились новые наименования: «внутренние войска МГБ» (для частей внутренних войск в Германии, спецчастей по охране важных государственных объектов) и «войска МГБ» (для прочих частей). В ведении МВД остались конвойные войска и железнодорожные части, расформированные в 1951-1953 гг.

В 1950-е – 1960-е гг. произошла реструктуризация внутренних войск. Все эти изменения можно четко отследить, изучая знамена. Соединением в 1951 г. оперативных частей, спецчастей и войск правительственной связи во внутреннюю охрану произошло введение дивизионной системы организации личного состава (отдел/отряд/дивизион/команда)², тогда как для частей Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского не только сохранилось наименование «внутренние войска», но и старая полковая система (дивизия/полк/батальон/рота/взвод). После объединения МВД и МГБ в 1953 г. знамена частей внутренних войск имели наименование «внутренняя охрана МВД» и «конвойная охрана МВД». С 1956 г. войска именуются «войска МВД» а знамена ОМСДОН имели наименование подразделений «дивизия/полк/батальон МВД».

В 1960-е гг. произошло изменение наименования министерства. В 1961 г. единое МВД разделилось на МВД союзных республик с подчинением МВД РСФСР. Через год МВД преобразовалось в МООП (Министерство охраны общественного порядка) при сохранении разделения по республикам, что опять же нашло свое выражение на знаменах частей внутренних войск, внутренней и конвойной охраны. В 1966 г. создается единое МООП СССР, в результате чего со знамен внутрен-

¹ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 12. Д. 219.

² РГВА. Ф. 40600. Оп. 1с. Д. 207. ЛЛ. 31-32.

них войск исчезли аббревиатуры союзных республик, а с 1968 г. на знаменах снова появилась аббревиатура «МВД СССР».

Очередное изменение наименования войск или ведомства не вызывало повсеместную замену знамен на более соответствующие образцы. Изменения учитывались при вручении новых знамен только сформированным или переформированным частям. Также новый образец знамени выдавался взамен знамени, выслужившего ресурс или имевшего повреждения. Сама по себе «смена вывесок» не давала частям права требовать замены своих знамен.

В 1975 г. Президиум Верховного совета СССР утвердил новое положение о боевом знамени [5, 532]. Практического смысла оно не имело, так как не предусматривало никаких изменений в иконографии знамени. С исторической точки зрения этот документ интересен тем, что впервые в регламентирующем документе знамя было названо боевым. Таким образом, внутренние войска продолжали пользоваться теми же самыми знаменами, образец которых был утвержден в 1942 г., что, несомненно, свидетельствует о совершенстве существовавшего образца, наиболее точно выразившего сущность боевого знамени.

После распада СССР части внутренних войск продолжали использовать в службе

знамена советского периода. По положению о боевом знамени 1975 г. знамя выдается части на все время её существования.

В советский период развитие боевого знамени внутренних войск происходило в контексте развития знаменной системы Красной армии, использовалась общая символика, основанная на идеологической программе СССР. В функциональном отношении боевое знамя эволюционировало от награды к необходимому атрибуту со сложной структурой, свойственной знаменам периода Российской Империи. Развитие вексиллологии внутренних войск в советский период послужило основой для становления ведомственных знамен в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Внутренние войска. Исторический очерк. М. 2004. 272 с. с илл.
2. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства 1922-1941 гг.: документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1977. 640 с. с илл.
3. Внутренние войска Советской Республики 1917-1922 гг.: документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1972. 712 с. с илл.
4. Войска называются внутренними. М.: ДОСААФ СССР, 1982. 496 с.
5. Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 33.
6. Декреты Советской власти. Т. VII. М.: Политическая литература, 1974. 676 с.

УДК 329

Фоменков А.А.

*Филиал Сочинского университета туризма и курортного дела
в г. Нижний Новгород*

ДЕЛО В.К. СМИРНОВА-ОСТАШВИЛИ И КРАХ ОБЩЕСТВА «ПАМЯТЬ» В СССР В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ

A. Fomenkov

*Nizhniy Novgorod Branch of Sochi State University
for Tourism and Recreation*

V.K. SMIRNOV-OSTASHVILI CASE AND THE FAILURE OF "PAMYAT" SOCIETY IN THE YEARS OF PERESTROIKA

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования общества «Память» в эпоху перестройки. Выявлены причины раскола организации и последующего её краха. Особый упор сделан на судебном процессе над лидером одного из ответвлений общества «Память» В.К. Смирновым-Осташвили. Выявлены субъекты, заинтересованные в усилении интереса к данному процессу. Проанализированы возможности ряда политических акторов управлять процессом демонизации общества.

Ключевые слова: Общество «Память», перестройка, русский патриотизм, сионизм, масонство, КГБ, пропаганда.

Abstract. The paper is devoted to "Pamyat" society functioning during the Perestroika years. The causes of split and the following crash of the society have been revealed. The main emphasis is laid on the legal process over V.K. Smirnov-Ostashvili who was one of "Pamyat" leaders. The individuals who were interested in strengthening the interest in this process have been found. The abilities of several political actors to manage the process of demonization of "Pamyat" Society have been analysed.

Key words: "Pamyat" Society, perestroika, Russian patriotism, Zionism, freemasonry, KGB, propaganda.

Нет никаких сомнений в том, что всякая революционная или предреволюционная эпоха ассоциируется с каким-либо значимым судебным процессом. Один из крайних полюсов политического процесса «перестройки», по нашему мнению, как нельзя лучше отождествляется с делом Владимира Константиновича Смирнова-Осташвили (1936–1991).

В.К. Смирнов-Осташвили работал наладчиком вакуумного оборудования в НИИ московского завода микроэлектроники «Сапфир». В 1980-е годы (точная дата неизвестна) он вступил в общество «Память», объединявшее лиц, декларировавших свои русские патриотические убеждения. После раскола в 1986–1987 гг. «Памяти» В.К. Смирнов-Осташвили возглавил один из «осколков» движения – «Союз за национально-пропорциональное представительство «Память»». Его идеи сводились к необходимости жёсткого соблюдения принципа доминирования этнических русских во властных структурах. При этом требовалось «максимально сократить присутствие этнических евреев», а также их жён и мужей не только в органах государственной власти, но также в науке и культуре [14, 2-4]. Пропагандировал свои взгляды В.К. Смирнов-Осташвили в основном в московском сквере на Пушкинской площади, причём зачастую одновременно с В.И. Новодворской, выступавшей поблизости перед своими сторонниками из Демократического Союза [15, 5].

Именно В.К. Смирнов-Осташвили оказался причастным к самому громкому скандалу, связанному с обществом «Память». В данном случае имеется в виду инцидент в Цен-

тральном доме литераторов 18 января 1990 г., широко (хотя и не всегда точно) освещавшийся в прессе. Суть происшедшего такова: движение «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки») проводило День свободного микрофона в Центральном доме литераторов (Москва, ул. Герцена, ныне Большая Никитская, д. 53). Поскольку в ЦДЛ в те годы действовал строгий пропускной режим, вахтеры требовали, как правило, предъявить членский билет, – то данное обстоятельство позволило идейным противникам «Союза», возглавляемого В.К. Смирновым-Осташвили, из числа журналистов, публично предположить следующее. По их мнению, «патриоты» проникли в здание при покровительстве партийного руководства или милиции.

Как показывают доступные нам источники, всё было проще: демократический «Апрель» всегда настаивал на том, чтобы на его мероприятия в ЦДЛ свободно пропускали «людей с улицы» [2, 7]. Этот вопрос как раз был предметом трений между «Апрелем» и администрацией ЦДЛ. 18 января 1990 г. по случаю «дня свободного микрофона» в здание пускали всех. Как и все, совершенно свободно, вошли в помещение рабочий К.В. Смирнов-Осташвили и около тридцати его сторонников (численные показатели расходятся в описаниях существенно – от упоминаний о шести соратниках Смирнова-Осташвили в газете «Московские новости» [10, 2] до восьмидесяти в книге М. Дейча и Л. Журавлёва [4, 9]). Эти визитеры развернули в зале плакаты антисемитского содержания: «Долой сионизм!», «Апрель! Кто ваш спонсор?», «А.Н.Яковлев! Москва – не Тель-Авив, Верховный Совет – не кнессет, КПСС – не херут!», «Демократия – для народа, сионизм – вне закона!», «Друзьям Израиля – не место в Верховном Совете СССР!» [2, 7]. Лозунги по своей тональности и содержанию мало чем отличались от клича «Долой Тель-Авидение!», ставшего известным после пикетирования 19 февраля 1989 г. членами «Памяти» Останкинского телецентра [12, 146].

Как писал обозреватель газеты «Панорама» В.П. (возможно, Владимир Прибыловс-

кий), занимавший сторону деятелей «свободного микрофона»: «сообразив, что за гости их посетили, писатели-демократы (а пуще – писательницы-демократки) нелицеприятно стали выражать свое мнение по поводу плакатов: «К нам фашисты пожаловали!», ««Память» – это фашизм!» и т. п. А литературный критик Наталья Иванова сказала: «Пока фашисты не уйдут – вечер не начнём!» В ответ на «фашистов» Константин Осташвили вынул из сумки мегафон и сказал: – Ах, Вы русских – фашистами называете? ...» [2, 7].

Начавшийся скандал закономерно перерос в драку. Непосредственные зачинщики потасовки так и не были установлены. Согласно свидетельствам сторонников демократической прессы, кто-то из последователей К.В. Смирнова-Осташвили (позднее было высказано предположение, переросшее затем в убеждение, что им являлся люберецкий журналист Евгений Луговой) выкрикнул: «Сегодня мы пришли с плакатом, а завтра – с автоматом!». Известный демократ Юрий Щекочихин, вспоминая этот инцидент, заявлял, что «Память» собирается прийти в ЦДЛ с автоматами 5 мая, то есть в День печати. Оговоримся, что видео- и аудиозаписи не зафиксировали высказываний, которые могли быть инкриминированы как нарушение советского законодательства.

Для большей объективности в освещении событий приведём цитату из текста противников К.В. Осташвили: «Драки как таковой всё-таки не произошло, но у писателя А. Курчаткина смахнули на пол и раздавили очки, а Булату Окуджаве попытались завернуть за спину руку. Милиции в ЦДЛ обычно полным-полно, но на этот раз её как ветром сдуло. Когда же [их] позвали в зал, они ограничились увещеваниями, даже не попытавшись отнять у Осташвили мегафон. В конце концов они вывели Осташвили из здания и отпустили на все четыре стороны» [2, 7].

Дальнейшие события развивались следующим образом: Смирнов-Осташвили, судя по всему, не был готов к тому, что станет обвиняемым на суде, да и арестовали его далеко не сразу после потасовки в ЦДЛ, а лишь

летом 1990 г. [16, 47] и до ареста он свободно давал интервью журналистам различных СМИ [13, 6]. Процесс по делу о событиях в Доме литераторов шёл с 24 мая по 12 октября 1990 г. в Севастопольском районном суде Москвы. При этом «в течение полугода о процессе пишет пресса всего мира» [11, 379].

Возникает вопрос о случайности или неслучайности проявленного мировой общественностью интереса к инциденту, происшедшему 18 января 1990 г., – в самом деле, полгода информировать читателей о вполне интеллигентской потасовке довольно-таки странно, тем более что в 1990-м г. в СССР проходили куда как более кровопролитные события (в первую очередь в Закавказье). К тому же «титulyные» этнорадикалы в союзных и автономных республиках выражали своё отношение к евреям в ещё более жёсткой форме. Так, «в мае 1990 г. произошёл погром евреев и армян в Андижане. ... Начиная с февраля того же года, вандалы несколько раз оскверняли еврейское кладбище в Ташкенте. На массовых митингах Народного фронта Азербайджана в 1989 – 1990 гг. звучал лозунг «Без евреев и армян, процветай, Азербайджан!». В акциях Народного фронта Молдовы в тот же период звучит ксенофобский лозунг «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!» [8, 144].

Следующий важный аспект, связанный с делом В.К. Смирнова-Осташвили, – обвинение было выдвинуто по ст. 74 УК РСФСР, то есть за нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии. Отметим, что данная статья, несмотря на довольно частые издержки «дружбы народов», применялась в СССР крайне редко [1, 37]. Многие жители СССР (среди них был, кстати, и Б.Н. Ельцин [6, 24]) искренне думали, что эта норма Уголовного кодекса не работает в Советском Союзе совсем. Тем не менее фигурант дела был осуждён и приговорён к двум годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Разумеется, антисемитизм К.В. Смирнова-Осташвили несомненен, однако фразу, то ли произнесённую 18 января 1990 года, то ли приписанную

идеологическими противниками по совокупности предыдущих «заслуг», равно как и разбитые очки (кстати, возможно, не самим лидером «Памяти») вряд ли следует признать деянием, соответствующим указанному приговору. Ведь по той же самой статье не были осуждены в 1990-м г. и позже ни организаторы погромов в Сумгаите, ни участники массовых бесчинств в Баку и Фергане – событиях куда как более страшных и кровавых (к тому же и с национальным подтекстом!), нежели хулиганская выходка в ЦДЛ [5, 189]. С другой стороны, всякий, кто ждал погрома (причины находятся в диапазоне от простого обывательского любопытства до прямой политической заинтересованности), организованного обществом «Память», его дождался.

Не следует, разумеется, в данном случае пытаться установить истинных режиссёров событий в ЦДЛ по принципу «qui prodest?» В самом деле, во-первых, было немало сил, заинтересованных в нагнетании социальной напряжённости. К таковым можно причислить как внешние силы, так и внутренние. К первым можно отнести американский истэблишмент (было на руку любое событие, расширяющее ситуацию в стане противника по холодной войне – СССР). Ко вторым – КГБ (дискредитация русофилов как потенциально самостоятельного политического актора); советских специалистов по купле-продаже недвижимости (если начнётся бегство евреев и либерально настроенной общественности за границу, то появится возможность по дешёвке скупать недвижимость в мегаполисах); дельцов теневой экономики, занимающихся обменом валюты (спешно уезжающие из страны готовы продавать рубли почти по любому курсу); становившуюся на ноги оргпреступность (возможность поживиться за счёт двух вышеперечисленных категорий); вставших на преступный путь советских чиновников, сотрудников МВД и таможни (появляется возможность увеличить суммы взяток, которые отъезжающие неминуемо заплатят). Можно, разумеется, утверждать, что только первые три из вышеперечисленных инстанций действительно могли способство-

вать сначала усилению интереса к обществу «Память», а затем его демонизации, в то время как остальные имели возможность лишь активно пользоваться сложившейся ситуацией. Вместе с тем наличие возможностей и заинтересованности отнюдь не означает, что именно так и обстояло дело в реальности, тем более что каких-либо документальных доказательств в пользу виновности КГБ и руководства США (равно как их совместных действий в этом направлении) не имеется.

Представляется также, что ситуация с В.К. Смирновым-Осташвили могла развиваться по следующему сценарию: сначала нагнетается обстановка вокруг в общем-то маргинального общества «Память» (была даже резолюция Европарламента с обращением к руководству СССР с требованием запретить деятельность организации [3, 6]), причём сам будущий фигурант громкого дела ровным счётом никого тогда ещё не интересовал, к тому же его никто в общем-то и не знал, за исключением узкого круга лиц. Затем, когда ситуация накалилась до предела (в 1990 г. дела обстояли именно таким образом), демократическая общественность потребовала наказать членов данной организации. Учитывая, что негативная информация о деятельности «Памяти» стала известна далеко за пределами страны спускать раз за разом дело «на тормозах» в 1990 г. для власти уже не представлялось возможным. Указанное обстоятельство объясняется зависимостью от западного общественного мнения, так как нельзя было допустить ухудшения в целом положительного имиджа советского руководства и, прежде всего, М.С. Горбачёва. Нужен был показательный процесс над экстремистами, причём осудить следовало лидера. Возможно, осуждёнными могли стать Д.Д. Васильев, В.Н. Емельянов, И.С. Сычёв или кто-либо иной, возглавляющий организацию под названием «Память». Но в поле зрения попал именно В.К. Смирнов-Осташвили. Не исключено, что наказания за события в ЦДЛ в большей степени заслуживал кто-либо из боевиков [4, 18] (степень физической и иной подготовки боевиков также выходит за рам-

ки исследования, однако совсем не исключено, что таковые были куда как ниже, нежели у начинающих активно формироваться в то время многочисленных ОПГ), однако для наказания экстремистов и обуздания антисемитизма требовалось посадить на скамью подсудимых именно главу организации, а не рядового члена.

Как выяснилось, К.В. Смирнов-Осташвили оказался практически «идеальным» обвиняемым. Во-первых, он не был революционером-подпольщиком и не собирался уходить «в бега», да и вообще, судя по всему, был уверен в своей неуязвимости [9, 16]. Во-вторых, будучи человеком простодушным и открытым [7, 251], он активно продолжал тиражировать свои убеждения даже в зале суда, вызывая порою весьма неоднозначную реакцию своими требованиями сообщить национальность всех участников процесса, а также их родителей [4, 99]. В-третьих, лидер «Союза за национально-пропорциональное представительство «Память»», видимо, не до конца понимал, что ему грозит – в самом деле, антисемитские выступления он практиковал и раньше, до ЦДЛ, тайны из своих убеждений не делал, но наказания за них не нёс. Кроме того, потасовка была незначительной, и только за участие в ней вряд ли можно было получить срок, связанный с лишением свободы. Сам приговор – два года колонии – вряд ли соответствовал тяжести содеянного, однако и не являлся максимально строгим, предусмотренным статьёй 74 УК РСФСР. Таким образом, цепь имевших место ранее событий вместе с казусом, ставшим известным благодаря либеральным СМИ, привели к громкому судебному процессу, в котором подсудимый сыграл отнюдь не главную роль (скорее, он вообще, сам того не осознавая, являлся лишь статистом).

В целом же процесс Смирнова-Осташвили очень характерен для эпохи перестройки и схож с рядом важных её лозунгов (например, «новое политическое мышление», «больше демократии – больше социализма» и т. п.). Отметим также, что многие события конца 1980-х гг. в СССР, равно как и процесс

по делу К.В. Смирнова-Осташвили, оказались в реальности крупными информационными поводами в общемировом масштабе с крайне незначительными конечными результатами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барихновская, Е. Обзор правоприменительной практики Санкт-Петербурга по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 74 УК России / Е. Барихновская // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: НИПЦ «Мемориал», 1993.
2. В.П. // Панорама. 1990. № 8(20).
3. Васильев, Д.Д. Я русский и делаю русское дело / Д.Д. Васильев. Воронеж: ООО «Пресса ИПФ», 2009.
4. Дейч, М. «Память» как она есть / Марк Дейч, Леонид Журавлев. М.: МП «Цунами», 1991.
5. Дёмин, В. Вечные революционеры / В. Дёмин // Наш современник. 1990. № 9.
6. Ельцин, Б. Записки президента: [размышления, воспоминания, впечатления...] / Борис Ельцин. М.: РОССПЭН, 2008.
7. Кох, А. Ящик водки: [диалоги о жизни на фоне исторических реалий 80–90-х годов] / Альфред Кох, Игорь Свиноаренко. М.: АСТ, 2009.
8. Маркедонов, С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства / Сергей Маркедонов. М.: Московское бюро по правам человека, 2010.
9. Млечин, Л. Наш Хорст Вессель / Леонид Млечин // Новое время. 1991. № 19.
10. Московский дневник // Московские новости. 1990. 28 янв.
11. Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст. Т. V. СПб.: Сеанс, 2004.
12. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: Сборник материалов / Сост. О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2009.
13. «Осторожно: знакомый цвет». Интервью с одним из лидеров движения «Память» Константином Смирновым-Осташвили // Мегаполис-экспресс. 1990. 24 мая.
14. Программа Союза за национально-пропорциональное представительство «Память» // Память (Новосибирск). 1992. № 3(26).
15. Титов, А. Осташвили зовёт Новодворскую / Александр Титов // Завтра. 1996. 29 окт.
16. Хроника // Новое литературное обозрение. 2007. № 84.

УДК 615.8

Шевцова А.А.

Московский институт открытого образования

**НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА В СРЕДЕ АРМЯНСКИХ МИГРАНТОВ
В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ (К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)**

A. Shevtsova

Moscow Institute of Open Education

**ETHNIC MEDICINE WITH THE ARMENIAN IMMIGRANTS
IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA: TRADITIONAL REPRESENTATION
AND ITS TRANSFORMATION**

Аннотация. На основе полевых этнографических материалов, собранных в Республике Мордовия в 2008–2010 гг. под руководством проф. Л.И. Никоновой (г. Саранск) автор анализирует повседневную практику народной медицины и сохранения здоровья в семьях армянских мигрантов региона, а также трансформацию традиционных представлений в этой сфере. Установлено, что рациональные и иррациональные народные способы лечения и профилактики болезней могут выступать в роли этнического маркера в инокультурной среде многонациональной Мордовии. Способы сохранения здоровья армянских мигрантов обогащаются под влиянием народной медицины коренных этносов региона – мордвы и русских.

Ключевые слова: народная медицина, адаптация мигрантов, этнический маркер, армянская диаспора.

Abstract. The article is based on new ethnographic materials collected in Republic of Mordovia in 2008–2010 under the direction of prof. Ludmila Nikonova (Saransk). The author considers a daily practice of folk remedies and health preservation used by some families of the Armenian immigrants in the region as well as some transformation of traditional representations in this sphere. It has been established that rational and irrational ethnic ways of treatment and preventive maintenance of illnesses could play a role of an ethnic marker in foreign culture environment of multinational Mordovia. The ways of preserving health by the Armenian immigrants are enriched by local medical practices of the Mordvinians and Russians.

Key words: folk medicine, adaptation of immigrants, ethnic marker, the Armenian Diaspora.

*Лук, в твоих объятиях проходит всякая болезнь.
(Армянская поговорка)*

В основу данной статьи легли полевые материалы, собранные в 2008–2010 гг. в семьях армянских мигрантов в Мордовии в ходе комплексной этнографической экспедиции Отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (руководитель экспедиции – профессор, д.и.н. Л.И. Никонова). Интересующая информация была получена методом неконтролируемого включенного наблюдения и развернутых этнографических интервью. Всего было опрошено более 180 чел., как горожан, так и сельских жителей в разных районах Республики Мордовия (РМ) при официальной численности² армян в РМ, по данным переписи 2002 г., 1380 человек. Выборка формировалась на основе

© Шевцова А.А., 2011.

² Лидеры армянской общины оценивают численность армян в РМ значительно выше: свыше 5 тыс. чел. на декабрь 2010 г. [ПМА: Саргсян Л.Г.].

журналов учета и регистрации иностранных граждан, предоставленных местными органами МВД РМ, а также при использовании известной в этнологии методики «снежного кома».

При опросе информантов ключевыми вопросами из блока тем, посвященных народной медицине (этномедицине), были следующие: Используется ли в повседневной бытовой практике семей армянских мигрантов арсенал средств армянской народной медицины? Как оценивается польза от практического применения этих средств для лечения и профилактики различных заболеваний? Какова доля рационального и иррационального в этих средствах? Обогатились ли знания о народной медицине и арсенал используемых средств и методов лечения на новом месте жительства, в ином климате и условиях иного культурного и этнического окружения? Обобщению и анализу ответов информантов и посвящены данные заметки.

В современной этнологической науке этномедицина, иначе – народная (традиционная) медицина – понимается как совокупность методов и средств лечения, применяемая в повседневной бытовой практике того или иного этноса. «Жизнеобеспечивающая функция этномедицины, складывающаяся на протяжении столетий, отражена в социально-экономических, ритуально-культурных и других аспектах этнической культуры, как общих, так и специфических методах и средствах, применяемых для лечения и предупреждения заболеваний» [7, 3]. Изучение прикладных аспектов народных методов целительства может быть полезно как с точки зрения научной медицины, так и для расширения современного этнологического знания.

Подавляющее большинство (практически 100%) опрошенных информантов широко используют в повседневной жизни при лечении, профилактике и восстановительном периоде целого ряда заболеваний различные средства и методики народной медицины, принятые на родине. Мотивировки могут отличаться: «Так лечились наши деды, и

им всегда помогало», «Надежное средство, а не химия из таблеток», «Некогда ходить по врачам» (ПМА: Варданян, Саргсян, Гекчян). Можно отметить значимость и устойчивость этой составляющей этнической культуры, наряду с такой сферой, как традиционная система питания. Как известно, армянская диаспора, наряду с еврейской, «демонстрирует одни из самых красноречивых и устойчивых традиций питания в иноэтнической среде во всех регионах мира» [4, 7–8], в том числе и в России. При этом научная медицина и народные средства не отменяют, а взаимно дополняют друг друга. По сообщению многих информантов, при необходимости они ходят к врачу, сдают анализы, посещают процедуры в медицинском учреждении, но дома дополняют лечение или реабилитационный период народными средствами, усиливающими эффект лечения.

Обращает на себя внимание такой факт, что на вопросы относительно способов лечения «бабушкиными средствами» могут развернуто и подробно ответить как женщины, так и мужчины. Решающее значение имеет возраст и жизненный опыт. Размышляя об истоках болезни, женщины чаще склонны давать иррациональные объяснения («испортили», «позавидовал нехороший человек», «Бог наказал»), в то время как мужчины стремятся объяснить причину болезни рационально. Как и при этнографическом изучении традиционной системы питания переселенцев, в том числе и из Армении, «хранительницы очага», как правило, досконально знают технологию приготовления домашних лекарственных средств, мужчины более сведущи в объемах запасов, источниках их пополнения, периоде хранения и закупочных ценах, условиях заготовки и хранения продуктов, объеме трудозатрат [4, 37]. Многие информанты, особенно пожилого возраста, смотрят телепередачи и слушают радиопередачи о новых лекарственных средствах, обращают внимание на рекламируемые фармацевтические новинки, некоторые – выписывают популярную у российских пенсионеров газету «ЗОЖ», пробуют публикуемые средства.

Молодежи, особенно девочкам-подросткам и девушкам, мамы и бабушки передают знания о народной медицине как необходимые в жизни каждой семьи.

Среди наших информантов-армян популярно представление, что обычные продукты питания также могут являться лекарством. Рассмотрим применяемые в повседневной практике подобные народные средства.

В традиционной пище армян наиболее полно из всех видов материальной культуры сочетаются растительные (зерновые) и животные (мясомолочные) продукты. При этом первенство принадлежит зерновым продуктам, по-прежнему составляющим у армян основу питания [8, 110]. Сложные методы обработки молока и получения различных молочных продуктов в сочетании с умеренным потреблением мясных продуктов сложной обработки, большой долей свежей зелени и разнообразных овощей в рационе, характерные для современной армянской кулинарии, воспринимаются нашими респондентами как основа здорового питания: *«Если питаться как положено, ну, как наши бабушки готовят, будешь здоров, болеть не будешь»* (ПМА: Варданян).

Тесную связь здоровья и питания демонстрирует устойчивое представление о том, что участвовать в выпечке хлеба может только здоровая женщина, находящаяся в состоянии ритуальной чистоты, имеющая здорового мужа и здоровых детей: *«Предполагалось, что общая аура здоровья и благополучия ее семьи через хлеб, выпеченный с ее участием, передается всем, кто будет есть этот хлеб»* [3, 207].

Жительница с. Моревка Мельсида Марукян рассказала о том, что раньше в деревнях Армении для рожениц готовили калорийную сладкую кашу *хавиц* – из поджаренной на масле пшеничной муки с сахарным сиропом, медом и сливками [ПМА: Марукян]. Эта практика существует и сейчас: *«Когда женщина выходит из роддома, дома ей готовят яичницу с медом и хавиц. Это специальное блюдо, чтобы женщина могла восстановить силы. Пшеничную муку или манку жарим на*

топленом масле до золотистого цвета, потом добавляем сахарный сироп и мед и тщательно перемешиваем, варим до густоты, доливаем свежие жирные сливки и доводим до кипения» (ПМА: Саргсян Т.А.).

По данным Национальной статистической службы Армении, в рационе армян овощей гораздо больше, чем каких-либо других продуктов. В среднем граждане Армении ежедневно потребляют около 860 гр. овощей, из которых только 150 гр. приходится на картофель. На втором месте – молочные продукты (532 гр), на третьем – пшеница (хлеб, мука) – 403 гр, далее – фрукты (279 гр) и мясо (132 гр)» [2]. В рационе армян Мордовии, по оценкам наших информантов, это соотношение изменилось: выросло потребление мяса в связи с ростом материального благополучия их семей, в то время как потребление фруктов снизилось (*«климат не тот»*).

Особым почтением среди овощей пользуется лук, чьи полезные свойства воспела пословица, вынесенная в эпиграф. Во времена эпидемий у армян было принято развешивать связки репчатого лука в домах, из лука плели занавески на окна и двери, чтобы оградить себя от болезней [5, 222]. Лук считается природным регулятором пищеварения, помогающим при переваривании «тяжелых» мясных блюд, улучшающим аппетит (ПМА: Казарян). Еще один «уважаемый» овощ – фасоль, который, помимо вкусовых качеств и сытности, считается *«первым помощником, когда человек после тяжелой болезни поправляется»* (ПМА: Тутунджян).

Недостаток витаминов стремятся компенсировать ежедневным употреблением зелени (культурной и дикорастущей), в свежем и сушеном виде. Особенно распространены базилик (*рехан*), эстрагон (*тархун*), кинза, кориандр (*хамэм*), кресс-салат (*котэм*), укроп (*самит*), петрушка, мята, зеленый лук и т. д. Из дикорастущих трав (армяне знают не менее 100 видов) наиболее популярны щавель (*авелук*), крапива (*банджар*), портулак (*дандур*), конский фенхель (*бохи*), шпинат (*спанех*), мальва (*ниперт*), лебеда (*телук*). Дикую и специально выращенную зелень

отваривают, иногда жарят на масле с луком, заливают яйцами, кладут в пироги, солят, маринуют, добавляют во многие блюда, едят отдельно или заворачивают в лаваш вместе с сыром [8, 120]. Листья крапивы в сочетании с листьями инжира (в виде отвара) восстанавливают силы (ПМА: Симонян). Нам также рассказали об особом «весеннем лечении» от авитаминоза, которое практикуется и в РМ: *«из молодых листьев крапивы выжимаем сок, можно так пить, можно в мацун добавить»* (ПМА: Петросян).

«Вообще, к мясу мы подаем много зелени, маринованной и свежей, – рассказывает житель Саранска, уроженец Ташира Левон Саргсян. – Мы и в Мордовии солим зелень, причем такую, какую местные не очень-то и едят – черемшу, шушан (кервель). Бросаем черемшу или шушан в крутой кипяток, откидываем на дуршлаг, потом снова бросаем в кипяток, но уже подсоленный, на несколько минут, вынимаем из воды, остужаем и режем кусочками, заправляем уксусом, солью и перцем. Очень вкусно и полезно – для желудка, пищеварения, для общего тонуса. Еще засаливаем бохи с укропом – в деревянных кадках. Солим и готовим салаты из апузана (кипрея) и дандура (портулака), лебеды, шпината, крапивы, бохи, бамии, борани (свекольной ботвы)» (ПМА Саргсян Л.Г.).

Некоторые сорта душистых трав, например чабрец (*ури*), заваривают кипятком и пьют как чай от повышенного давления [9, 120], также используют отвар из сушеных ягод шиповника *масур*, обладающий укрепляющим и успокаивающим действием (ПМА: Айвазян). Черный чай с медом и мятой, как и кипяток с черным молотым перцем или корицей, пьют при простуде, переохлаждении (ПМА: Геделян). Заваренные как чай сушеные листья крапивы употребляют при лечении «женских болезней», например, нарушениях цикла, воспалениях (ПМА: Айвазян). Мятный чай пьют «от давления»; от малокровия, слабости помогает гранатовый сок, от диареи – отвар сушеной кожуры граната (ПМА: Марукян, Симонян).

Мед применяют при лечении многих бо-

лезней: наружно – при «лихорадке на губах» (герпетических высыпаниях), «медовые лепешки» (компрессы на мед) – в качестве средства, разжижающего мокроту при затяжном сухом кашле (ПМА: Марукян), внутренне – повсеместно при простуде. В качестве успокоительного средства, снимающего головную боль, пьют мед, разведенный водой – *меграджур* (ПМА: Айвазян) [9, 129]. Вообще, от головной боли «помогает съесть что-то сладкое – курагу, ложку меда, *чир* (сухофрукты)» (ПМА: Фиданян).

В семье наших информантов – уроженцев Авлабара (района в центре Тбилиси, исторически заселенного армянами), ныне жителей г. Рузаевки, нам рассказали о «самом вкусном лекарстве», которое очень любят дети. Готовят его зимой, в пору простуд и обострения легочных заболеваний, дают часто болеющим детям. *«Десять сушеных ягод инжира замачиваем на ночь в воде, утром воду сливаем и запекаем инжир в духовке до темно-коричневого цвета, потом заливаем инжир двумя стаканами молока, варим на слабом огне 15 минут, потом настаиваем два часа, даем пить теплым»* (ПМА: Камалян). Инжир, курага, чернослив, в том числе и в виде традиционного армянского фруктового десерта – *кайсабы*, – действенное средство профилактики запоров (ПМА: Мартинян). Из сливы, терна, туты, абрикоса, других ягод готовят витаминный *«тту лаваш»* («кислый лаваш») или *«тклапи»* – тонкую пастилу из ягодного пюре, которая может храниться длительное время. Свежие сырые яйца – еще одно противопростудное средство (ПМА: Когосян). Винным уксусом, смазывая им лоб и грудь больного, «сбивают температуру» (ПМА: Тутунджян).

По сравнению с другими народами Кавказа, армяне употребляют больше соли. По оценкам наших информантов, на новом месте жительства – в РМ, снизилось потребление ими соли по сравнению с Арменией. Соль – старинное обереговое средство, которому по сей день армяне придают огромное значение [10, 47]. Голову и тельце новорожденного принято посыпать солью, чтобы малыш рос

красивым и крепким [1, 195]. В наши дни в семьях армян Мордовии малыша, привезенного из роддома, обычно с той же целью купают в подсоленной воде (ПМА: Саргсян Т.А.). Прогретой в духовке солью в полотняном мешочке лечат ломоту в пояснице, боли в суставах [ПМА: Петросян, Симонян]. Аналогичный способ хорошо известен мордве и русским [7, 107].

Кипяченое цельное молоко в прошлом в Армении давали детям, больным, старикам [9, 128]. В РМ зимой горячее молоко с сахаром пьет вся семья – «для профилактики простуд, от кашля» [ПМА: Гекчян]. *Мацун* (кисломолочный напиток) с добавлением рубленого чеснока, зелени и кипяченой воды пьют в жару и во время застолья с горячими мясными блюдами – для улучшения пищеварения (ПМА: Ерицян).

Хаш – старинное армянское блюдо, похожее на горячий крепкий холодец, употребление которого обставляется множеством традиций. Готовят хаш обычно зимой, подают на утро после обильного застолья (например, свадьбы), оно считается отличным средством от похмельного синдрома, также полезным при ревматизме, ломоте в суставах, боли в спине (ПМА: Варданян, Петросян, Саргсян Л.Г.).

Среди других традиционных напитков армян, выступающих также в качестве лекарственных средств, необходимо назвать соки и компоты из ягод и фруктов, виноградное вино и домашнюю водку (*арак*). Из винограда, помимо вина и водки, а также из туты (шелковицы) и граната готовят уваренный сладкий сок – *дошаб*, помогающий при кашле [9, 140]. Домашнюю 60–70-градусную водку до сих пор сельские жители готовят из выжимок винограда, а также из кизила, туты, терна, абрикоса, яблок и других плодов. Лечебные свойства виноградной и тутовой водки, например, при простуде, общеизвестны [6, 82]. «Рюмка домашней тутовой водки способна сбить температуру, избавиться от боли в горле, кашля, после нее не бывает похмельного синдрома» [9, 135–137]. Компрессы из нее помогают при ушибах, затяж-

ном кашле (ПМА: Саргсян Т.А., Фиданян, Марукян). Армяне Мордовии обычно привозят тутовую водку из Армении и используют ее в лечебных целях. Для «улучшения крови», восстановления после тяжелых кровопотерь, при мастите, «чтобы не пропало молоко», дают размоченный в красном вине хлеб (ПМА: Тутунджян).

Прислушавшись к советам местного населения (мордвы, русских, татар), многие мигранты – сельские жители – стали возводить деревянные бани, почитаемые народами Поволжья средством от всех болезней [7, 100], париться вениками, заготавливать лесные ягоды, противопростудные сборы. Шире употребляются листья малины, брусники, земляники, ромашка аптечная, череда, калина, лопух, тысячелистник, почки березы, душица, зверобой, девясил, другие лекарственные травы, популярные среди местного населения.

Подводя итог, отметим, что терапевтический эффект большинства перечисленных выше «бабушкиных средств» подтверждается современной медициной, хотя рациональные объяснения «пользы» информанты часто принимают с оговорками: «помогает, если с молитвой», «помогает, потому что деды наши так лечились» (ПМА: Казарян, Тутунджян, Варданян).

В многонациональной Мордовии армяне проживают рядом с другими этносами, воспринимая от них в своем повседневном сосуществовании ряд черт, изменяющих традиционную систему жизнеобеспечения, в том числе народные средства лечения и профилактики болезней. Безусловно, в условиях иноэтнического окружения и под влиянием универсальной урбанистической культуры традиционная этническая культура переселенцев подверглась значительной трансформации. Однако сохранился ее основной стержень, позволяющий говорить о сохранении и репрезентации этнической идентичности армян, их национальных предпочтениях, позитивном восприятии собственных представлений о способах сохранения здоровья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990. 272 с.
 2. Армяне предпочитают овощи // «Ноев Ковчег», № 9(156), сентябрь 2010.
 3. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Вершина хлебопечения – лаваш // Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки. М.: Наука, 2004. С. 200-209.
 4. Григулевич Н.И. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.: Наука, 1996. 163 с.
 5. Лучшие рецепты армянской кухни / Сост. М. Аванесова. Ростов н/Д: Баро-Пресс, 2003. 432 с.
 6. Мартиросян А. Великий шелковый плод // «Ереван». Сентябрь №9 (26), 2007. С. 82-83.
 7. Никонова Л.И., Кандрин И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск: Ковылк. тип., 2005. 213 с.
 8. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне: История и этнокультурные традиции. М.: Наука, 1998. 397 с.
 9. Тер-Саркисянц А.Е. Напитки в армянской культуре // Хмельное и иное: напитки народов мира. М.: Наука, 2008. С. 126-148.
 10. Шевцова А.А. Сестра хлеба // «Этносфера», 2010. №12. С. 46-47.
- ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА (ПМА):
- Айвазян Арпинэ Амировна, 1954 г.р., пгт. Комсомольский Чамзинского района, зап. 2008 г.
- Варданян Шамхал Арамаисович, 1956 г.р., г. Саранск, зап. 2011 г.
- Геделян Давид Москвеевич, 1956 г.р., с. Семилей Кочкуровского р-на, зап. 2008 г.
- Гекчян Серёжа Левонович, 1947 г.р., пос. Умёт Зубово-Полянского р-на, зап. 2009 г.
- Ерицян Саак Тигранович, 1947 г.р., пгт Зубова Поляна Зубово-Полянского района, зап. 2009 г.
- Казарян Апет Хуршудович, 1938 г.р., с. Архангельское Голицыно Рузаевского р-на, зап. 2008 г.
- Камалян Яна Дмитриевна, 1975 г.р., г. Рузаевка, зап. 2011 г.
- Когосян Герасим Мкртычотович, 1960 г.р., г. Саранск, зап. 2011 г.
- Мартинян Арменуи Вачиковна, 1959 г.р., г. Саранск, зап. 2011 г.
- Марукян Мельсида Анушавановна, 1947 г.р., с. Моревка Большеигнатовского р-на, зап. 2009 г.
- Петросян Лева Гегамович, 1940 г.р., пос. ст. Ардатов Ардатовского р-на, зап. 2008 г.
- Симонян Мхитар Радикович, 1967 г.р., г. Ардатов, зап. 2008 г.
- Саргсян Левон Гарникович, 1964 г.р., г. Саранск, зап. 2010 г.
- Саргсян Тамара Ашотовна, 1966 г.р., г. Саранск, зап. 2010 г.
- Тутунджян Сирануш Оганесовна, 1946 г.р., ст. Ардатов Ардатовского р-на, зап. 2008 г.
- Фиданян Нина Андраниковна, 1954 г.р., пос. Атьма Ромодановского р-на, зап. 2008 г.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322(470)

Мухаметзянова-Дуггал Р.М.

*Институт этнологических исследований Уфимского научного
центра РАН (г.Уфа)*

МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

R. Mukhametzyanova-Duggal

*Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Centre
of Russian Academy of Sciences (the city of Ufa)*

THE MODEL OF RUSSIAN STATE POLICY IN THE SPHERE OF FREEDOM OF CONSCIENCE

Аннотация. В статье рассматривается модель государственной политики в сфере свободы совести, сложившаяся в современной России, для которой характерно сочетание элементов: четырех-уровневой градации вероисповеданий, существовавшей в Российской империи; советской модели государственного регулирования духовной жизни общества; кооперационной модели. Отмечается, что сложившаяся на сегодняшний день модель не оформлена концептуально. Определяется ряд факторов, который обуславливает сложность решения данной задачи. Формулируются рекомендации по совершенствованию российской модели государственной политики в сфере свободы совести.

Ключевые слова: государственная политика, сфера свободы совести, модель, концепция.

Abstract. The article considers the model of the state policy in the sphere of freedom of conscience established in modern Russia which combines the following characteristic elements: four-level gradation of religions which has survived since the Russian Empire, the Soviet model of state regulation of social spiritual life and cooperation model. The author stresses the fact that the existing model has not been conceptually formed yet and gives a number of factors which complicate the solution of the problem under study. The author also makes some recommendations on perfecting the model of state policy in the sphere of freedom of conscience.

Key words: state policy in the sphere of freedom of conscience, model, conception.

В настоящее время в России продолжается поиск оптимальной модели государственной политики в сфере свободы совести, адекватной современным реалиям. Диапазон точек зрения по данной проблеме, освещаемой в многочисленных публикациях, широк. Одни предлагают установить плюралистические отношения между государством и религиозными объединениями по типу американских, когда государство не отдает предпочтение какой-либо

© Мухаметзянова-Дуггал Р.М., 2011.

Статья подготовлена при поддержке гранта Республики Башкортостан молодым ученым и молодежным научным коллективам «Государственная политика в отношении религиозных меньшинств в современной России и зарубежный опыт в данной области».

религии и строит свои отношения с конфессиями на равных основаниях. Другими выдвигается позиция, отстаивающая приоритетное положение традиционных для России религий – православия, ислама, иудаизма и буддизма. Третьими предлагается закрепить за православием статус государственной религии. Такое расхождение мнений указывает на актуальность исследований по данной проблеме.

Под моделью государственной политики в сфере свободы совести нами понимается устойчивая система качеств и характеристик политики государства в отношении религиозных организаций применительно к определенным социально-экономическим этапам. Основными элементами модели являются: концептуально-методологические основы политики государства в области свободы совести; конституционно-правовая база государственно-религиозных отношений; организационно-правовые структуры, на практике реализующие первые два аспекта. Не отрицая определенной схематичности и относительности модели как таковой, доктор философских наук Е.М. Мирошникова подчеркивает, что «модель государственной политики, исходя из конституционных положений и, учитывая специфические особенности национального государства, вырабатывает определенные правила реализации того или иного закона, стремясь не исказить суть права» [4].

В России в ходе исторического развития сменилось несколько концепций и моделей политики в отношении религии. Так, к началу XX в. в России сложились две концепции государственной религиозной политики: 1) концепция «христианского государства», что применительно к России означало сохранение и развитие «союзнических» отношений с православной церковью, обеспечение ее господствующего и первенствующего положения, использование религиозно-церковного аппарата в системе правящего режима; 2) концепция светского государства. В XX столетии в рамках двух этих концепций последовательно сменились три модели го-

сударственной религиозной политики, соответствовавшие формам правления (монархии, буржуазной и советской республикам). Выделяются основные элементы данных моделей: традиционной, самодержавной – опора на православную церковь; буржуазной – проведение реформ, обеспечивших религиозную свободу; советской – преимущественное обеспечение прав атеизма как идеологии и сужение сферы действия и влияния религии и религиозных организаций в обществе [6, 53].

В современный период во взаимоотношениях российского государства и религиозных организаций выделяются три этапа. Первый этап охватывает 1986-1990 гг. В этот период начался рост количества зарегистрированных религиозных организаций. В структуре государственного аппарата был создан Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР, который стал проводить самостоятельную политику в сфере свободы совести на территории России.

Второй этап – октябрь 1990–декабрь 1993 гг. Основным содержанием этого периода стал распад унитарного государства, коренные изменения политического строя и, соответственно, советской модели государственно-религиозных отношений, а также реализация Закона РСФСР «О свободе вероисповедания» в практической деятельности федеральных и региональных органов власти. Третий этап в развитии государственной политики в сфере свободы совести (с декабря 1993 г.) связан с политическими событиями, развивавшимися в стране осенью 1993 г. и принятием в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации [7, 64-65].

Продолжая данную периодизацию, предложенную М.И. Одинцовым, на наш взгляд, можно выделить четвертый этап, который начался в 1997 г. и продолжается в настоящее время. С принятием в сентябре 1997 г. нового федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» кардинально изменилась правовая база в области свободы совести, обозначилась тенденция конфессиональных предпочтений со стороны государс-

тва. Так, в преамбуле закона делается ссылка на «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и на уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России» [9].

С принятием указанного закона государство законодательно закрепило приоритетное сотрудничество с «традиционными» для России религиозными объединениями, – православными, мусульманскими, иудаистскими и буддистскими и стало проводить протекционистскую политику по отношению к ним.

На основе этого закона стало складываться тесное сотрудничество государства с религиозными объединениями во многих сферах деятельности: в социальной, культурной, образовательной и других областях. Стали заключаться договоры и соглашения между государственными ведомствами и религиозными объединениями (например, Совместное заявление о сотрудничестве Вооруженных Сил РФ и Русской Православной церкви от 2 марта 1994 г., Договор «О сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской Патриархии Русской Православной церкви» от 2 августа 1999 г. и др.).

Таким образом, в начале 1990-х гг. политика российского государства в сфере свободы совести формально приближалась к сепарационной (отделительной) модели светского государства: были установлены плюралистические отношения между государством и религиозными организациями. Государство не отдавало предпочтение какой-либо религии и строило свои отношения с конфессиями на равных основаниях. В середине 1990-х гг. в России наметился процесс перехода от сепарационной модели государственной политики в сфере свободы совести к кооперационной. Суть последней модели состоит в том, что светское государство, гарантируя свободу совести, сотрудничает с религиозными объединениями в социально-экономической сфере, сохраняя при этом баланс между индифферентностью и идентификацией.

Можно согласиться с мнением, согласно которому в настоящее время модель государственной политики в сфере свободы совести, юридически закреплённая в принятом в 1997 г. Федеральном Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», представляет собой синтез: 1) рудиментов четырехуровневой градации вероисповеданий, существовавшей в Российской империи: с Русской Православной церковью (Московский патриархат) на конфессиональной вершине и далее вниз по степени убывания «традиционности»; 2) элементов советской модели государственного регулирования духовной жизни населения страны; 3) элементов кооперационной модели, для которой характерно взаимодействие государства, сохраняющего свой светский характер, с наиболее влиятельными религиозными организациями по ряду важнейших вопросов в жизни общества (национальная безопасность, культура, образование, благотворительность, пенитенциарная система и др.) [3, 7].

Элементы кооперационной модели содержит в себе политика в сфере свободы совести Президента РФ Д.А. Медведева (так же как и его предшественника В.В. Путина), которая фактически сводится к одной формуле – поддержка традиционных для России религий и конфессий. Государство опирается на авторитет лояльных ему религиозных организаций, которые считаются традиционными, и оказывает им материальную помощь.

Сложившаяся на сегодняшний день модель государственной политики в сфере свободы совести до сих пор не оформлена концептуально, несмотря на несколько опубликованных и предложенных проектов федеральных законов и концепций. Среди них выделяются следующие:

1) проект Федерального закона «О традиционных религиозных организациях России», предложенный депутатами Государственной Думы В.И. Шандыбиным, В.У. Корниенко и В.А. Лисичкиным в мае 1999 г.;

2) проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации

от 27.07.2001 г., разработанный Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве;

3) проект «Концептуальных основ государственно-церковных отношений в Российской Федерации» кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации (РАГС) от 8. 06. 2001г.;

4) проект Федерального закона «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации», предложенный депутатом Государственной Думы А. В. Чуевым в марте 2002 г.;

5) проект основных направлений политики России в сфере государственно-конфессиональных отношений, разработанный кафедрой религиоведения РАГС «Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания: опыт концептуального подхода».

Первый и четвертый проекты федеральных законов предусматривали законодательное установление особого приоритетного статуса для отдельных религиозных организаций (в первую очередь Русской Православной церкви), а также организация их более широкого взаимодействия с государством, что было признано экспертами не соответствующим федеральному законодательству.

Проекты концепций (второй и третий) также предусматривали введение термина «традиционных религиозных организаций» и приоритетную работу с ними. Так, в проекте «Концептуальных основ государственно-церковных отношений в Российской Федерации» отмечается, что «дополнительными законодательными нормами должен быть регламентирован порядок признания за конфессией статуса традиционной, предоставление ей льгот и государственной поддержки» [6]. При наличии своих положительных сторон оба проекта, вопреки Конституции РФ, фактически ставили в неравноправное положение верующих и неверующих, иностранных граждан и граждан России, «традиционные» конфессии и «нетрадиционные».

Последний (пятый) проект, напротив, носил характер светский, подчеркнуто нейтральный, за что критиковался уже конфессиональным духовенством. Все они не получили развития и одобрения и сошли на нет.

На наш взгляд, можно выделить ряд факторов, которые обуславливают сложность решения задачи выработки единой концепции государственной политики в сфере свободы совести. Во-первых, недостаточно разработана концепция политики Российской Федерации в целом, которая адекватно отражала бы содержание и характер политического процесса в ней, а главное – указывала бы перспективы эволюции ее политического процесса.

Во-вторых, политический режим при сложившихся взаимоотношениях государства и религиозных объединений просто не может официально (путем принятия Концепции или федерального закона) заявить, что то или иное вероисповедание является государственным, но готов быть в согласии с тем положением, что одно из них занимает особое место в их традициях.

В третьих, отметим еще один фактор – слабую законодательную базу в сфере свободы совести в современной России, так как закон РФ 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» не лишен серьезных недостатков, главными из которых являются наличие внутренних противоречий, несоответствие его отдельных положений Конституции РФ и международным правовым документам.

В-четвертых, имеет важное значение и исторический фактор. Отношения между Православной церковью и Российским государством строились в различные исторические периоды на разных принципах: союзничества и партнерства; соперничества и борьбы за верховенство в жизни страны; подчинения церковной власти светским властям, полного огосударствления самой Церкви и лишения ее возможности заниматься благотворительной, культурно-просветительской, воспитательной деятельностью и т. д. Весь этот исторический фон существенным обра-

зом влияет на современные попытки решить вопрос: какими же должны быть эти отношения, какие принципы и какая историческая модель могут (если вообще могут) лежать в основе новой концепции и модели государственной политики [6, 53].

И, наконец, среди ученых нет единого мнения не только по смысловому содержанию, но и по вопросу необходимости формирования концепции государственной политики в сфере свободы совести. Так, ряд авторов – С. Бурьянов и С. Мозговой – высказывают сомнения относительно корректности самой постановки проблемы формирования концепции государственно-религиозных отношений относительно к задачам реализации конституционных принципов в сфере свободы совести [2]. Отношения демократического правового государства, как считает С.А. Бурьянов, должны строиться с религиозными объединениями на единых с иными общественными некоммерческими объединениями правовых основаниях. У светского государства, тем более многонационального и поликонфессионального, вообще не должно быть никаких «специальных» отношений с религиозными организациями, а следовательно – и концепции этих отношений. То есть все отношения должны осуществляться на общих и с иными объединениями граждан основаниях [1].

Противоположную точку зрения высказывают Абдул и Александр Нуруллаевы. Они считают, что несмотря на то, что предложения ученых и религиозных деятелей о необходимости подготовки и утверждения на уровне Президента России Концепции государственно-конфессиональной политики Российской Федерации не находят поддержки во властных структурах, «она должна стать надежным ориентиром для государственных органов и общественных объединений в деле обеспечения строгой законности в сфере государственно-конфессиональных отношений» [5].

В заключение хотелось бы отметить следующее. Для совершенствования модели государственной политики в сфере свобо-

ды совести в современной России государственным органам, на наш взгляд, необходимо принять концепцию государственной политики в сфере свободы совести, с учетом мирового опыта, российских традиций, нынешних реальных возможностей. На основе разработанной, теоретически обоснованной концепции политики государства в области свободы совести необходимо совершенствование Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. Важно отказаться от идеи закрепления перечня «традиционных» для России религиозных организаций отдельным федеральным законом или в новой редакции Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Такое закрепление является шагом назад в развитии политики государства в сфере свободы совести.

В настоящее время в России государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями, действуют автономно друг от друга и не наделены исполнительно-распорядительными полномочиями. На наш взгляд, необходимо создание единого федерального органа, который мог бы координировать государственную политику в сфере свободы совести. Необходимо законодательное закрепление его конституционно-правового статуса, круга полномочий и основных функций. Следует отметить, что в большинстве субъектов РФ (в 23-х) органами регулирования государственно-конфессиональных отношений являются смешанные структуры с участием представителей органов государственной власти и различных религий. Представляется, что, в условиях строительства гражданского общества с правовым государством, наиболее оптимальным органом регулирования государственно-религиозных отношений должны стать согласительные комиссии при Президенте страны и при главах субъектов Российской Федерации. Это позволит оптимизировать систему взаимоотношений между государством и религиозными конфессиями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурьянов С.А. Свобода совести и государственно-конфессиональные отношения в России на современном этапе // URL: <http://www.rlinfo.ru/projects/seminar-10-let/freak2.html> (дата обращения 25.04.2002).
2. Бурьянов С., Мозговой С. Цели и методы религиозной политики. Нужна ли России концепция отношений государства и религиозных объединений? // URL: http://www.religion.ng.ru/caesar/2001-10-24/6_methods.html (дата обращения 12.01.2011).
3. Зверева В.А. Российское государство и религиозные конфессии: трансформация моделей взаимодействия: (федеральный и региональный уровни): Автореферат дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2006. 22 с.
4. Мирошникова Е.В. Кооперационная модель как средство оптимизации российской государственной политики в области свободы совести // URL: <http://www.rlinfo.ru/projects/seminar-10-let/miroshnikova.html> (дата обращения 25.04.2002).
5. Нуруллаев А.В., Нуруллаев А.А. Религиозно-политический экстремизм: понятие, сущность, пути преодоления // URL: <http://www.rlinfo.ru/projects/seminar-10-let/nurullaev.html> (дата обращения 25.04.2002).
6. Овсиенко Ф.Г., Трофимчук Н.А. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России. М., 1995. С. 53-76.
7. Одинцов М.И. Вероисповедная политика РФ: конституционно-правовые основы, содержание и приоритеты (1985–1995 гг.) // Государственно-церковные отношения в России. М., 1995. Ч. 1. С. 74-98.
8. Проект «Концептуальных основ государственно-церковных отношений в Российской Федерации» кафедры религиоведения РАГС от 8. 06. 2001 // Независимая газета-Религии. 27.06.2001. С. 23.
9. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

УДК 316.334.3

Джантуева Ф.Р.

*Отдел этнополитических исследований Кабардино-Балкарского
научного центра РАН (г. Нальчик)*

**ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ - ЛУЧШИЙ ИНДИКАТОР
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КБР»)**

F. Dzhantuyeva

Department Of Ethnic And Political Research KBSC RAS (Nalchik)

**ACCESS TO INFORMATION IS THE BEST INDICATOR OF CIVIL
SOCIETY DEVELOPMENT (E-GOVERNMENT OF KBR)**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития открытого информационного пространства для граждан КБР посредством создания «Электронного правительства» как составной части «электронной демократии». «Электронное правительство» способствует повышению открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширению возможности доступа к ней, т. е. непосредственному участию организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления.

Ключевые слова: гражданское общество, информационное общество, электронное правительство, демократия.

Abstract. The article is concerned with the problems of development of open information space in the KBR through the establishment of electronic government. E-government contributes to the transparency of information about the activity of governmental bodies and expanding access to them and possibility of direct participation of organizations, citizens and civil society institutions in the process of forming and examining the decisions taken at all levels of government.

Key words: civil society, information society, electronic government, democracy.

Россия является одной из стран, которые подписали в 2000 г. Окинавскую хартию глобального информационного общества. Лидеры этих государств взяли на себя обязательство «...полностью реализовать потенциал информационно-коммуникационных технологий в области укрепления демократии, ответственного управления» [4]. Страны признают, что «каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям», и обязуются действовать в практической реализации такой возможности для всех граждан. Во исполнение обязательств по Окинавской Хартии Россией в 2002 г. была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия 2002-2010» [7].

«Электронное правительство» является частью более широких понятий «электронная демократия» и «информационное общество». Оба эти понятия находятся в процессе быстрого становления, поэтому в настоящее время их содержание не совсем четко определено и постоянно изменяется.

Электронная демократия и связанное с ней электронное правительство включают две основные составляющие.

– Во-первых, возможность для всякого члена общества (гражданина государства, жителя муниципального образования) легко получить любую информацию, касающуюся его жиз-

ни и интересов в этом обществе, с помощью электронных средств (главным образом, посредством сети Интернет).

– Во-вторых, и это даже более принципиально, электронная демократия предусматривает возможность участия в принятии социально значимых решений при помощи интерактивных сетевых средств. То есть современные средства сетевого взаимодействия людей вполне позволяют организовывать совместное обсуждение проблем и принятие решений методом удаленного голосования (в том числе по сложным протоколам) большим количеством людей, вплоть до большинства членов данного сообщества.

В настоящее время программа «Электронная Россия» реализует, главным образом, задачи первого этапа построения электронной демократии – а именно повышение оперативности предоставления государственных услуг, расширение возможностей по доступу граждан к информации, упрощение предоставления гражданами и организациями данных государству, информирования о принятых органами власти решениях, обеспечение контроля за деятельностью органов государственной власти и так далее.

Переход к решению задач второго этапа (расширения участия населения в управлении) связан с решением проблемы идентификации и авторизации членов общества в интерактивном взаимодействии с информационными системами органов власти. Эти проблемы решаются введением электронной подписи, электронных паспортов и карт жителей. Электронная демократия обеспечивает не только удовлетворение абстрактных идеалов народовластия, гражданского достоинства, прав человека, но также создает механизм использования огромных ресурсов населения для повышения качества управления.

Члены общества в своей массе располагают огромным объемом знаний о своем регионе, своей стране, ее ресурсах, об инфраструктуре, технических, научных и разнообразных прочих сторонах социальной жизни. Создание «карт знаний», вовлечение

членов общества в общественную экспертизу и в принятие решений позволяет значительно повысить обоснованность решений [6].

Одним словом, «электронное правительство» представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для преобразования правительства с целью сделать его более доступным для граждан, более эффективным и более подотчетным. Из этого определения вовсе не следует, что переход к «электронному правительству» ознаменуется ростом числа компьютеров в кабинетах чиновников. Скорее всего, согласно определению, он будет касаться взаимоотношений между государственными служащими и остальными гражданами. «Электронное правительство» включает в себя:

- обеспечение более полного доступа к информации (законы, законопроекты, другие нормативно-правовые акты, формы необходимых документов, а также экономические или научные данные) через Интернет;

- содействие гражданскому участию в государственной жизни путем создания возможностей для более удобного взаимодействия с чиновниками через электронные каналы;

- повышение подотчетности правительства путем повышения прозрачности его операций, что снижает риски коррупции;

- поддержку выполнения целей развития путем уменьшения времени и материальных затрат, которые субъекты малого бизнеса несут в связи с общением с государственными структурами, а также путем обеспечения сельских и других периферийных общин информационно-коммуникационной инфраструктурой;

Целями формирования «электронного правительства» в РФ и субъектах страны являются:

- повышение качества и доступности предоставляемых организациям и гражданам государственных услуг, упрощение процедуры и сокращение сроков их оказания, снижение административных издержек со стороны граждан и организаций, связанных с получе-

нием государственных услуг, а также внедрение единых стандартов обслуживания граждан;

- повышение открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширение возможности доступа к ней и непосредственного участия организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления;

- повышение эффективного межведомственного и межрегионального информационного взаимодействия;

- повышение эффективности государственного управления;

- формирование единого информационного пространства, в том числе для решения задач обеспечения национальной безопасности;

- снижение коррупционной емкости деятельности органов государственной власти и местного самоуправления;

- совершенствование системы информационно-аналитического обеспечения принимаемых решений на всех уровнях государственного управления, обеспечение оперативности и полноты контроля за результативностью деятельности органов государственной власти и обеспечение требуемого уровня информационной безопасности инфраструктуры «электронного правительства» при его функционировании.

Веб-сайты, как бы они ни были обильны по своему содержанию, являются первым шагом. Интернет превращается в гражданский рупор, действительно влияющий на работу представителей власти. Сегодня власть вынуждена учитывать общественное мнение. Благодаря Интернету чиновники уже не могут проигнорировать ни одно из событий в стране и вынуждены реагировать на выступления и публикации.

В настоящее время главной проблемой взаимодействия гражданского общества и власти является отсутствие стремления муниципальных властей вести диалог с гражданами. По мнению экспертов, здесь необ-

ходимо решать вопрос на законодательном уровне.

«Электронное правительство» обладает потенциалом вовлечения граждан в процесс управления государством путем обеспечения их взаимодействия с политиками на протяжении всего цикла выработки государственной политики и на всех уровнях власти.

Повышение степени гражданского участия помогает строить общественное доверие к правительству. Интерактивное электронное правительство предполагает двусторонние коммуникации, начиная с таких базовых действий, как публикация адресов электронной почты государственных служащих или форм для обратной связи, позволяющих гражданам давать свои комментарии по проектам законодательных актов или другим предложениям в области государственной политики. К примеру, один из таких веб-сайтов имеется у парламента Намибии, там граждане могут оставлять свои комментарии по поводу законодательных инициатив.

Данная стадия электронного правления может также включать в себя создание форумов с участием граждан и представителей правительства, где люди могут обмениваться своими идеями, повышать свою осведомленность в тех или иных вопросах и создавать возможности для активной деятельности, которая не имеет дистанционных ограничений [3].

В рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ в феврале 2008 г., в регионах должны быть созданы «электронные правительства», одна из главных задач которых – перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид. Это позволит снизить бюрократические издержки, ликвидировать очереди в различных инстанциях, уменьшить сроки предоставления государственных услуг. Одним словом, сделать их прозрачными и доступными для населения.

В Кабардино-Балкарии, по информации Министерства транспорта и связи КБР, все городские и сельские поселения республики

имеют доступ в Интернет. В республике зарегистрировано 30 тысяч пользователей, число их будет расти, в том числе и благодаря тому, что Кабардино-Балкарский филиал ЮТК с 1 марта 2010 г. при прежних тарифах увеличил скорость передачи данных в 3 - 5 раз, а также ввел новую линейку тарифных планов с неограниченным потреблением трафика.

На сегодня в республике действует портал правительства КБР (pravitelstvokbr.ru), на котором размещена информация о более чем 260 госуслугах, 21 из которых доступна в электронном виде. По словам министра экономического развития КБР Али Мусукова, количество предоставляемых гражданам электронных услуг будет расти, у них появится возможность отслеживать ход исполнения, на каком этапе рассмотрения и в каком ведомстве находится заявление или жалоба.

По уровню внедрения «электронного правительства», опубликованному в электронном журнале «Госменеджмент», Кабардино-Балкария занимает вторую строчку, уступая лидерство Татарстану [5]. Переход к электронному предоставлению госуслуг предполагает также размещение в населенных пунктах так называемых инфоматов – аппаратов по типу банкомата, но оказывающих не банковские услуги, а государственные [1].

Подытоживая сказанное выше, отметим, что «Электронное правительство» в Кабардино-Балкарии создается с целью обеспечения свободного доступа граждан ко всей необходимой государственной информации, выдачи необходимой информации, заключения соглашений и оформления поставок необходимых государственным аппаратам материалов и оснащения. Это может привести к увеличению открытости и прозрачности деятельности органов управления [8].

Информационное общество возводит в ранг приоритетов такие несомненные общественные блага, как правосудие, включение граждан в общественную жизнь, права человека, прозрачность, подотчетность, равенство и участие в жизни государства. ИКТ усиливают эффект качественного государственного управления путем усиления пози-

ций партнерств между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Развитая система политического информирования граждан, несомненно, способствует увеличению капитала общественного доверия, так необходимого для эффективного функционирования власти. Для формирования устойчивой обратной связи важно и то, что Интернет предоставляет возможность интерактивного взаимодействия. Не только граждане получают достаточно полную информацию о деятельности правительства, но и у правительства появляется дополнительный канал получения информации, добровольно предоставляемой гражданами, что ведет к наращиванию той формы социального капитала, которую некоторые исследователи называют «моральными ресурсами» – т. е. ресурсами, объемы которых в процессе использования не столько сокращаются, сколько нарастают, а исчерпание наступает только в том случае, если ими не пользуются. Чем больше люди и власть узнают о деятельности и нуждах друг друга, тем выше степень взаимного доверия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В населенных пунктах Кабардино-Балкарии появятся инфоматы // Новости: официальный сайт Президента Кабардино-Балкарской республики. 3.07.2010. URL: <http://president-kbr.ru/kbr/news/society/2552-2010-11-03-08-31-51.html> (дата обращения 16 ноября 2010 года)
2. Данилова В.Е. Электронные технологии в борьбе с коррупцией // Развитие информационного общества в России: состояние, проблемы и перспективы. № 16 (402), 2010. С. 42-50.
3. Лодин В.Г. Практическая реализация концепции «Электронного правительства (e-government)» в рамках проекта «E-Europe». М., 2004. С. 27-36.
4. Окинавская Хартия Глобального Информационного Общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 49-53.
5. Оразаева Л. Жители Кабардино-Балкарии получили доступ к госуслугам через интернет // Политика: Кавказский узел. 03.07.2010. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/56498/> (дата обращения 23.07.2010 года).
6. Сухарев М. В. Распределенные когнитивные модели в региональном планировании // Рыночные преобразования в России и Карелии: опыт

- первого десятилетия и взгляд в будущее / Под ред. Шишкина А. И. КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2003. С. 66-76.
7. Сухарев М.В. «Электронное правительство» и эволюционное управление // «Электронное правительство» – информационный ресурс развития системы государственного управления и институтов гражданского общества: Материалы международной конференции (15 марта 2007 года) Петрозаводск, С. 124-129.
8. Чугунов А.В. «Электронное правительство»: формирование его правовой базы в России // Вестник ФГУ «Государственная регистрационная палата» при Министерстве юстиции Российской Федерации. Научно-практический журнал. 2009. № 4. С. 34-46.

УДК 37.035.6

Кудрявцев М.М.

Военный университет (г. Москва)

МЕСТО МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН

M. Kudryavtsev

Military University, Moscow

THE PLACE OF YOUTH POLITICAL MOVEMENTS IN THE PATRIOTIC MILITARY EDUCATION

Аннотация. В статье рассматриваются молодежные провластные организации, в частности движение «Наши», как яркий пример участия молодых людей в работе общественных политических движений и формирования у них высокого уровня патриотического сознания. Приводятся и анализируются результаты опроса активистов движения «Наши», проведенного автором с целью определить уровень их военно-патриотического сознания. Доказывается, что активисты движения «Наши» имеют более высокий уровень военно-патриотического сознания по сравнению с молодыми людьми из групп сравнения.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, молодежные движения, молодежная политика.

Abstract. The article is about youth pro-governmental movements, particularly «Nashi» as a bright example of youth participation in the socio-political movements and formation of their high-level patriotic military awareness. The results of the poll among «Nashi» activists are presented to estimate the level of their patriotic military awareness. It has been proved that «Nashi» has higher level of patriotic military awareness than other young people from the compared groups.

Key words: patriotism, patriotic consciousness, youth movements, youth policy.

Смена общественно-экономической формации, начавшаяся в 90-х гг. XX в. в России затронула все сферы жизнедеятельности общества. Трансформация политической системы обусловила не просто смену, а резкое обесценивание ранее принятых в Советском Союзе ценностей и норм. В результате одной из глобальных проблем постсоветского российского общества стало кризисное состояние военно-патриотического сознания граждан страны, широкое распространение националистических и экстремистских идей, прежде всего, среди российской молодежи [1, 31].

© Кудрявцев М.М., 2011.

Понимание этой проблемы существует сегодня на самом высоком государственном уровне. Со стороны государства попыткой её решения стало формирование системы военно-патриотического воспитания в соответствии с Государственными программами «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы»[8], «...2006-2010 годы»[2] и «...2011-2015 годы».

Особое место в комплексе проблем, связанных с военно-патриотическим сознанием граждан, занимает вопрос его формирования у российской молодежи. На сегодняшний день это один из ведущих вопросов внутренней политики, и в частности, молодежной политики страны. «...Результатом реализации Программы предполагается положительная динамика роста патриотизма в стране, возрастание социальной и трудовой активности граждан, *особенно молодежи* (курсив автора)...» – подчеркнуто в тексте последней Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 - 2015 годы»[3].

Процесс формирования военно-патриотического сознания у современной российской молодежи осложнен рядом специфических социально-политических условий, исторически сложившихся в нашей стране. С одной стороны, граждане, особенно молодежь и пожилое поколение, позитивно относятся к участию молодых людей в политической жизни страны, с другой, социологи констатируют равнодушное отношение молодежи к политике и политическим событиям в стране и мире, низкую политическую активность современной молодежи. Отрицание большей частью молодых людей политической и патриотической позиции, навязанной «извне» [6, 168], рост популярности в молодежной среде националистических идей, ксенофобии и экстремизма, характерный для постперестроечного времени, на фоне низкого уровня доверия граждан к государственным и политическим институтам страны [7, 97-99] осложняют гражданское и военно-патриотическое воспитание молодых людей привычными методами. Ярким примером являются

события, произошедшие на Манежной площади 18-20 декабря 2010 г., когда многотысячная толпа, состоящая в основном из молодых людей, вышла на незаконный митинг под националистическими лозунгами и оказывала неповиновение сотрудникам милиции.

Формирование военно-патриотического сознания молодежи происходит стихийно в процессе политической социализации и целенаправленно посредством системы военно-патриотического воспитания. Преодоление кризиса военно-патриотического сознания в нашей стране происходит не только в условиях становления такой системы, но и при снижении роли традиционных институтов политической социализации (семьи, государственных учреждений, религии, системы образования), они заменяются новыми институтами и агентами: электронными СМИ, ресурсами глобальной сети Интернет, кругом друзей [4, 50-52; 10, 87].

В этих условиях молодежные общественные объединения являются особым институтом социализации, т. к. именно общественная деятельность для молодых людей является самой эффективной школой воспитания гражданственности, патриотизма, высоких морально-нравственных качеств [9, 13].

В связи с вышесказанным влияние деятельности молодежных организаций и движений на военно-патриотическое сознание граждан имеет особое значение – молодежные организации и движения, являясь особым институтом политической социализации, могут стать одновременно эффективным инструментом формирующейся системы военно-патриотического воспитания.

Государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2001-2015 гг.» предусматривают широкое участие общественных молодежных организации и объединений в работе системы военно-патриотического воспитания. Согласно приложениям к программам «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 и 2011-2015 гг.» прямое финансирование выделяется в основном на встречи и мероприятия, связанные с

общественными молодежными и детскими организациями очевидно патриотической направленности – военно-патриотическими клубами. Программа, рассчитанная на 2006-2010 гг., предполагала финансирование, направленное на создание, организацию и поддержание работы таких клубов и объединений, на воссоздание тимуровского движения. В 2011-2015 гг. отдельный пункт приложения 1 «Проведение мероприятий по совершенствованию работы с молодежными организациями» также предполагает работу в основном с военно-патриотическими молодежными и детскими общественными объединениями.

Между тем современный патриотизм в демократическом обществе немыслим без высокого уровня правового сознания и активной гражданской позиции человека. Военно-патриотическое воспитание должно проходить согласованно с такими направлениями воспитания, как воспитание демократической и правовой культуры личности, формирование активной гражданской и политической позиции. Общественные события полноценно проходят в процессе активной политической социализации личности, одним из наиболее значимых институтов этого процесса сегодня являются молодежные политические движения и объединения. Именно через участие в работе общественных политических движений молодые люди получают наиболее полный опыт гражданско-правового поведения.

Интересно, что молодежные политические движения провластной направленности (например, антифашистское движение «Наши») активно принимают участие в патриотических проектах, финансируемых государством. На практике активисты движения являются участниками программ Федерального агентства по делам молодежи, которые почти полностью совпадают с проектными направлениями упомянутого объединения.

Что касается патриотического направления работы, то оно довольно успешно развивается участниками движения в рамках действующего проекта «Наша общая победа», курируемого Федеральным агентством по делам молодежи.

Активисты движения являются одновременно субъектами и объектами работы по патриотическому и гражданскому воспитанию. Опрос, проведенный среди участников движения «Наши», выявил, что уровень патриотического сознания активистов объединения выше, чем в группах сравнения, включающих молодых людей, не имеющих опыта участия в каком-либо политическом молодежном объединении. Количество респондентов-активистов движения составило 111 человек, респондентов двух групп сравнения составило 118 и 140 человек. Условия проведения исследования среди активистов движения были таковы, что анкета опроса должна была состоять из небольшого количества вопросов (не более 20), а сам опрос проводился в глобальной сети Интернет (анкета была размещена на интернет-портале <http://moyopros.ru>, информация о нем соответствующей ссылкой распространялась по внутренней закрытой рассылке движения «Наши»). В соответствии с этими же условиями были сформированы две группы сравнения – группа интернет-пользователей с окончанным высшим образованием или студенты вузов (информация о соответствующем опросе распространялась на студенческих и научных порталах) и группа представителей неформального движения «байкеров» (информация о соответствующем опросе распространялась на центральных форумах и чатах сообщества байкеров). Обе группы обладали также высокой интернет-включенностью. Основное требование при выборе респондентов для групп сравнения было отсутствие членства (как текущего, так и бывшего) в каких-либо других общественных молодежных объединениях и организациях. Таким образом, уровень военно-патриотического сознания представителей провластного движения «Наши» оценивался в сравнении с таковым у молодых людей, никогда не состоявших в каких-либо подобных движениях и организациях.

Опрос содержал 20 вопросов, которые были ориентированы на выявление особенностей рациональной, эмоциональной и

мотивационно-волевой сферы патриотического сознания молодых людей, включая готовность и осуществление какой-либо патриотической деятельности. При составлении анкеты опросника мы ориентировались на рекомендации пособия В.И. Лутовинова «Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию» [5, 68]. При оценке результатов опроса мы считали, что уровень патриотического сознания молодых людей тем выше, чем более респондент обладает патриотическими знаниями, осведомлен о ключевых современных событиях в стране, прямо связанных с проблемами патриотизма, чем более позитивно его отношение к ведущим государственным образованием, связанным с военно-патриотическими идеями и понятиями. И, наконец, тем более высоким считался уровень патриотического сознания, чем более респонденты осознают Отечество как наивысшую ценность и готовы руководствоваться в своей деятельности, прежде всего, интересами страны, чем больше их заинтересованность в патриотической деятельности, в особенности той, которая занимает собственное время, требует личных усилий и умственного напряжения. Распределение ответов в исследуемой группе и группах сравнения достоверно отличались.

В ходе опроса активисты «Наших» демонстрировали более высокий уровень военно-патриотического сознания. Среди активистов «Наших» больше респондентов осознают себя в качестве патриотов России (78,4%), гордятся историей и культурой своей страны (80,2%). Большой процент респондентов-представителей «Наших» руководствуется в своей деятельности патриотическими ценностями и готов их учитывать при долгосрочном планировании своей жизни. Среди «Наших» больший процент респондентов относится в позитивном ключе к вооруженным силам и их представителям (73,8%), они также демонстрируют большую осведомленность о происходящих в Российской армии изменениях. Таким образом, на основании результатов опроса можно утверждать о бо-

лее высоком уровне военно-патриотического сознания активистов движения «Наши» по сравнению с молодыми людьми из групп сравнения, не имеющими опыт участия в каких-либо молодежных политических объединениях и организациях.

Успешная деятельность провластных молодежных политических движений в области распространения и популяризации военно-патриотической идеологии при поддержке на государственном уровне, а также среди собственного актива доказывает эффективность привлечения политических молодежных объединений к подобной работе. Работа государственных структур с различными политическими молодежными движениями и организациями может в рамках развития системы военно-патриотического воспитания стать перспективным направлением совершенствования последней.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герасимова А.А. Формирование патриотизма современной молодежи как условие политической стабилизации российского общества: Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2007.
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 - 2010 годы». М.: Росвоенцентр, 2005.
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 - 2015 годы». М.: Росвоенцентр, 2010.
4. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4.
5. Лутовинов В.И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию: методическое пособие. М.: Росвоенцентр, 2006.
6. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 2.
7. Рабочая группа Института социологии РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Ч. 2. // Полит. 2008. № 2.
8. Собр. законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 822.
9. Хохлова Н.А. Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009.
10. Уильямс К., Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001.

УДК 321.01

Орлинская О.М.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

БЕЛЬГИЙСКИЙ И ШВЕЙЦАРСКИЙ ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

O. Orlinskaya

Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevsky

BELGIAN AND SWISS RELATIONS BUILDING EXPERIENCE: COMPARATIVE ANALYSES

Аннотация. Данная статья посвящена бельгийскому и швейцарскому опыту строительства федеративных отношений. Их модели федерализма подвергнуты сравнительному анализу в контексте европейской интеграции. Делается вывод, что российская модель федерализма типологически ближе к бельгийской, но необходимо в большей мере применять швейцарский опыт «прямой демократии».

Ключевые слова: федеративные отношения, Бельгия; Швейцария, регионы, лингвистические сообщества, кантоны.

Abstract. The article is devoted to Federative Relations Building Experience of Belgium and Switzerland. Their models of federalism are under comparative analyses in the context of European integration. There is the conclusion that Russian model of federalism is typologically closer to the Belgian one, but it's necessary to use Swiss experience of 'right democracy' much more.

Key words: Federative Relations, Belgium, Switzerland, regions, linguistic communities, cantons.

Европейский опыт строительства федеративных государств, в разной степени успешный, несомненно, полезен для современной России. Особенно интересен пример Швейцарии, где федерализм формировался в течение столетий с опорой на прямую демократию. Бельгия не имеет столь длительного периода федеративного развития, она находится на стадии поиска приемлемых форм, и исход этого дела во многом важен для всего Евросоюза. Обе страны, Бельгия и Швейцария, объединяют в себе романское и германское начала, решая связанные с этим лингвистические и культурологические проблемы.

Бельгия обрела независимость от Нидерландов в результате революционных действий в 1830 г. В следующем году была принята первая и единственная Конституция Бельгии, в первоначальной редакции которой она была унитарным государством. Унитаризм, предусматривающий наличие сильной центральной власти, являлся наиболее приемлемой формой государственного устройства для молодого бельгийского государства, освободившегося от голландского господства, поскольку отвечал целям сохранения и упрочения независимости, объединения бельгийской нации. На данном историческом этапе можно было говорить о развитии бельгийской нации, поскольку самобытность фламандцев и валлонов стала проявляться позже – в ходе активного отстаивания ими своих культурно-лингвистических прав. Переход от унитарного государственного устройства к федеративному происходил в Бельгии эволюционным путем. Острые и продолжительные конфликты в культурно-лингвистической, социальной, экономической и политической областях между фламандской и валлонской общинами сделали неизбежным глобальное преобразование структуры государства [1].

С 70-х годов XX в. в Бельгии проводились важные реформы. В ее составе было образовано шесть накладывающихся друг на друга субъектов двух типов: три региона (Валлон-

© Орлинская О.М., 2011.

ский, Фламандский и Брюссельский) и три лингвистических сообщества (Франкоязычное, Фламандскоязычное и Германоязычное). Были также введены лингвистические регионы: французского, нидерландского, немецкого языков и двуязычный – Брюссель. С этого времени постепенно расширялись полномочия регионов в законодательной и других сферах, а также сообществ в областях культуры и социальной политики. В Конституцию 1831 года был внесен целый ряд поправок, и 17 февраля 1994 г. был подписан Консолидированный текст Конституции, в котором официально закреплено федеративное государственное устройство Бельгии [7, 134-136].

В Бельгии и многих других странах субъекты федерации возникли в результате отделения автономных районов от государственного центра. Образование Швейцарской Конфедерации в составе 26 кантонов, наоборот, шло в процессе постепенной интеграции все новых государств. Швейцарская историческая модель федерализма отличалась асимметрией. Наряду с полноправными кантонами в нее входили союзные земли с ограниченной автономией и зависимые территории без автономии. Кроме того, в швейцарской модели долгое время не было предусмотрено жесткое общегосударственное управление, т. е. конфедеративные начала преобладали над федеративными. Развитая и укорененная региональная идентичность затрудняла интеграцию в единое государство. Федеративное устройство закреплено в Швейцарии после Венского конгресса 1815 г. Тогда государство получило полную независимость, кантоны подписали союзный договор, была практически ликвидирована асимметрия территорий, и прежние земли с пониженным статусом стали полноправными кантонами. Полная верховная власть была передана центральному правительству Конфедерации [10, 179].

Интересен опыт Швейцарии в сфере разделения полномочий между федеральным центром и кантонами. Кантоны Швейцарии суверенны настолько, насколько их сувере-

нитет не ограничен Федеральной Конституцией; они осуществляют все права, которые не делегированы Конфедерации [Федерализм в России и в мире, 2004. С. 143], то есть имеют остаточную компетенцию. К сфере полномочий федерального правительства относятся оборона, внешняя политика, социальное страхование, транспорт, энергетика, экономика и торговля. Конституции кантонов могут получить законную силу только после того, как их одобрит Федеральный парламент. Кантоны отвечают за полицию, здравоохранение, образование, культуру, жилищное хозяйство, районирование и планирование, а также за выполнение федеральных стандартов в области экологии.

Судебная система на всем поле страны едина, недопустимо существование конкурирующих органов. Поэтому считается, что для приведения законов в действие нет необходимости в федеральных органах власти в кантонах. Для этого служат кантональные судебные органы [13, 123]. Регионы Бельгии, напротив, не имеют собственной судебной системы.

В Бельгии федеральные власти обладают остаточной компетенцией, хотя стремление регионов расширить сферу ответственности сохраняется. Сейчас фламандцы принимают меры, чтобы отобрать у федерального центра такие сферы ведения, как юстиция, здравоохранение и социальное обеспечение¹. Следует обратить внимание на отсутствие в Бельгии принципа верховенства федерального права, существующего почти во всех федерациях. Полномочия субъектов федерации в какой-либо области автоматически исключают наличие таких же полномочий у Федерации. Это не мешает центру сохранять свои полномочия в тех областях, где компетенция сообществ и регионов является неполной. Так, например, регионы Бельгии обладают самостоятельностью в проведении экономической политики, но центр имеет право тре-

¹ В Бельгии на внеочередных выборах во Фландрии победили националисты, а в Валлонии – социалисты, 14.06.2010 // <http://rus.newsru.ua/world/14jun2010/belgium.html>

бовать обеспечения экономического и валютного единства страны. То же можно сказать и по отношению к энергетической политике. Снабжение газом и электричеством входит в полномочия регионов, но за федеральным центром осталось установление тарифов на энергоносители. Что касается сообществ, то хотя они и автономны в вопросах образования, но минимальные требования на получение документа об образовании устанавливают центральные власти [9].

Компетенции регионов являются исключительными в таких сферах, как: экономика, проблемы занятости, сельское хозяйство, водоснабжение, обеспечение нуждающихся жилым фондом, общественные работы, транспорт, охрана окружающей среды, обустройство территории, градостроительство, контроль над деятельностью провинций и коммун. Центральное правительство сохраняет за собой основные полномочия, связанные с суверенитетом и солидарностью: финансовую политику, организацию армии, охрану королевской семьи, налогообложение, правосудие, помощь развивающимся странам, надзор над полицией, законодательство в отношении провинций и общин, социальную защиту, выполнение обязательств в рамках Европейского Союза и НАТО. Как федеральный центр, так и регионы и сообщества обладают компетенцией в сфере научных исследований или международных отношений [2].

Хотя Конституция Бельгии провозглашает равенство регионов, федерация является асимметричной: одни субъекты наделяются полномочиями, привязанными к конкретной территории, главным образом, в сфере экономики (регионы), другие - в сфере культуры, образования, а также по вопросам, жизненно важным для населения, но не связанным с конкретной территорией (сообщества). Четыре языковые области определяют границы территориальных полномочий сообществ и регионов. Вместе с тем это не означает невозможности их пересечения именно по причине экстерриториального характера полномочий сообществ. В частности, пол-

номочия Фламандскоязычного и Французскоязычного сообществ распространяются на учреждения и организации двуязычного Брюсселя (имеющего статус отдельного региона). Асимметричность проявляется также и в том, что только советы двух сообществ – Французскоязычного, Фламандскоязычного и Валлонского региона наделены правом учредительной автономии [8].

Эта непростая схема бельгийского федерализма усложняется тем, что институты регионов и сообществ частично срослись. Еще в 1980 г. полномочия органов Фламандского региона были полностью переданы органам Фламандскоязычного сообщества. Органы Германоязычного сообщества частично осуществляют в области немецкого языка компетенцию Валлонского региона и могут в дальнейшем воспользоваться этим механизмом для передачи всех своих полномочий. Подобная передача функций осуществлена между Французским сообществом и Валлонским регионом. То есть бельгийские регионы получают возможность осуществлять помимо своих собственных функций полномочия сообществ – и наоборот [9].

Швейцарские кантоны, напротив, поставлены в одинаковые условия, они принимают свои независимые законы, которые предусматривают соответствие федеральным актам, и делят ответственность за их выполнение между кантональными и муниципальными органами. Подобно тому, как это осуществляется в бельгийской модели, центр и регионы в Швейцарии разделяют компетенции в некоторых областях. Например, в социальном обеспечении, которое является сильно централизованным, кантональный уровень управления играет большую роль. Под контролем кантональных органов, которые взаимодействуют в федеральной клиринговой системе, находятся вклады граждан в социальное обеспечение, распределение выплат пожилым и управление кантональными фондами.

Кантоны пользуются большей финансовой автономией, чем субъекты других федеративных государств, и финансируют

проводимую политику за счет собственных средств и налогов [12, 89]. Их полномочия настолько широки, что они походят на суверенные государства. Это позволяет им быть самобытными, учитывать интересы даже маленьких групп населения. При такой модели политическая жизнь кантона в значительной степени открыта для влияния демократических сил. Она выстраивается именно снизу, опираясь на гражданское общество. Если кантональное правительство нарушает федеральный закон, оно несет политическую ответственность перед гражданами кантона, а не перед федеральным правительством.

Фактическое влияние кантонов Швейцарии на процесс принятия решений на уровне законодательного органа не ограничивается только Советом Кантонов, но происходит и через палату представителей, Национальный Совет [4, 267]. Так как границы избирательных округов при выборах в Национальный Совет совпадают с границами кантонов, отбор кандидатов осуществляют кантональные партии. Так, член Национального Совета всегда нуждается в поддержке своей кантональной партии, чтобы быть переизбранным. Законодательные акты и другие решения парламента получают законную силу только после одобрения обеими палатами. Особенным является то, что в совете кантонов каждый кантон независимо от его размера имеет два представителя, и меньшие по размерам приобретают в этой процедуре больший вес по сравнению с голосованием [15, 112].

Сама политическая власть в Швейцарии, оказывается, принадлежит не федеральным, но кантональным партиям. Это делает Швейцарию политически децентрализованной страной не только юридически, но и практически. Порядок функционирования политической системы Швейцарии поддерживается большим количеством исторически сформированных неофициальных отношений между центром и кантонами, кантонами и муниципалитетами и даже федеральным центром и муниципалитетами. Между тем соответствие действий региональных правительств федеральным законам обязательно.

Итак, субъекты федерации в Бельгии и Швейцарии имеют очень широкие полномочия в законодательной и исполнительной ветвях власти. При этом в Швейцарии закреплён приоритет общегосударственного права, а в Бельгии такого правила нет. Регионы Швейцарии имеют собственные судебные органы, исполняющие общегосударственное законодательство, регионы Бельгии, наоборот, не имеют своих судебных органов. Обе федерации уделяют большое внимание преодолению национально-культурных противоречий. В Швейцарии они в большой степени регулируются многовековыми традициями совместного проживания и решаются в пользу предоставления даже маленьким общностям права на развитие культуры. Такая опора на демократические методы регулирования позволяет находить инновационные решения. Модели обеих стран могут быть реализованы лишь в государствах с демократической политической культурой.

В Бельгии попытка реализовать культурную политику, опираясь на органы власти трех национальных общностей без привязки к территории, была откорректирована временем. Национально-культурный фактор вышел в политике Бельгии на первое место по значимости. Не исключено, что два региона Бельгии даже в рамках федеративного устройства не смогут сформировать добрососедские отношения. Возможный распад Бельгии имеет большое значение для жизни Европы, так как это государство участвовало в процессе рождения Европейского Союза, а Брюссель является также столицей ЕС. Сепаратистские настроения противоречат устремлениям стран-членов ЕС. Крах Бельгии может спровоцировать если не развал, то, по меньшей мере, глубокую трансформацию действующих сегодня общеевропейских институтов и властно-управленческих механизмов.

Россия, подобно Бельгии, пытается строить федеративное государство “сверху вниз”, что приводит к определенным сложностям и конфликтам. Знаменитый русский философ И.А. Ильин именвал подобные федерации

“псевдо-федерациями” и предрекал их неминуемый распад: «Типичное возникновение федеративного государства: снизу – вверх, от малого – к большому, от множества – к единству, это есть процесс политического сращения, т.е. целесообразное движение от разрозненности ко взаимопитающему единству... Идея “федерализма” получает помимо своего главного, объединяющего и центростремительного значения – еще и обратный оттенок: неугасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самодеятельности в недрах большого союза... Наряду с юридически прочными и политически жизнеспособными союзами государств, история знает еще и мнимые, фиктивные “федерации”, не возникающие в органическом порядке – снизу, а искусственно и подражательно насаждавшиеся сверху» [5, 324].

В отличие от бельгийской модели, российский федерализм не использует «лингвистические сообщества», что на практике привело бы к еще большей сложности государственного устройства, но отнюдь не к стабильности федерации. Если когда-либо крупная этнолингвистическая группа (например, татары) захотят применить бельгийский опыт в России, обосновывая это тем, что многие ее представители проживают за пределами автономной республики, следует, по нашему мнению, проявить твердость и не допустить подобного развития ситуации. Напротив, необходимо всячески использовать в России швейцарский опыт «прямой демократии», который, несомненно, служит укреплению истинно федеративного начала и способствует стабильности государственного устройства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бегаева А.Х. Некоторые особенности бельгийской модели федеративного государства / А.Х. Бегаева // Азербайджано-российский журнал международного и сравнительного права. 2006. № 3.
2. Бегаева А.Х. Характерные черты бельгийского федерализма / А.Х. Бегаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2008. №3.
3. Бирюков С. Барт де Вевер: новое лицо фламандского национализма. Конец Бельгии? // <http://www.apn.ru/publications/article22906.htm>
4. Весь мир: Страны и столицы / Авт.-сост.: Т.Л. Шереметьева, Т.О. Рагозина. Мн.: ООО «Харвест», 2004. С. 267.
5. Ильин И.А. Основы христианской культуры // И.А. Ильин. Собр. Соч. в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 324.
6. Лагасс Н. Практический анализ институциональной эволюции бельгийского государства // <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/10/>
7. Ливанова И. Международное сотрудничество сообществ и регионов (бельгийская модель) // Власть. 2009. №11. С. 134-136.
8. Насырова Л.Ф. Особенности государственного устройства и правового статуса субъектов федерации в Бельгии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Специальность 12.00.02 - Конституционное право; Муниципальное право /Л. Ф. Насырова; Науч. рук. С.А. Авакьян. М., 2005. 21 с. // <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1210004>
9. Ормонбеков Ж. Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы // Казанский федералист. 2004. №1 (9). <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/9/>
10. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 178.
11. Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации // Федерализм в России и в мире. Под ред. Р.С. Хакимова, Б.Л. Железнова. Казань, 2004. С. 143.
12. Фляйнер Т. Швейцария: Конституция федеративного государства и кантонов // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). Под ред. Р. Хакимова. Казань, 2004.
13. Швайцер Р.Дж. Судебная система федеративного государства: взгляд из Швейцарии / Р.Дж. Швайцер // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). Под ред. Р.С. Хакимова. Казань, 2004.
14. Шмитт Н. Швейцарская муниципальная система: гетерогенность, комплексность, актуальность / Н. Шмитт // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). Под ред. Р. Хакимова. Казань, 2004.
15. Штауфер Т. Фискальный федерализм в Швейцарии / Т. Штауфер // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). Под ред. Р. Хакимова. Казань, 2004.
16. Dessers D. When the governors no longer know how to govern // International viewpoint. February 2008. P. 12-13.

УДК 327.5

Сидорова Г.М.

Институт Африки РАН (г. Москва)

**ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ (НА ПРИМЕРЕ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО – ДРК)**

G. Sidorova

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**CONFLICTS IN CENTRAL AFRICA IN THE CONTEXT
OF THE FIGHT FOR NATURAL RESOURCES (BY THE EXAMPLE
OF THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF CONGO)**

Аннотация. В статье анализируется экономический аспект одного из конфликтов в Центральной Африке – борьба за природные ресурсы. Исследуя период с колониальных времен до сегодняшних дней, автор устанавливает взаимосвязь между деятельностью крупных западных компаний на Африканском континенте и конфликтами, выявляет закономерности между присутствием иностранных военных группировок на территории ДРК с расхищением природных ресурсов ДРК, а также раскрывает суть возникающих очагов дестабилизации в районах ДРК, наиболее богатых таким ценным сырьем, как золото, алмазы, колтан, медь, касситерит и другие. В результате исследования делается вывод о том, что «теневая» экономика ДРК тесно связана с транснациональными мировыми корпорациями, для которых нестабильная ситуация является условием их успешной деятельности. Таким образом, конфликты в Центральной Африке имеют прямое отношение к эксплуатации природных ресурсов.

Ключевые слова: Африка, природные ресурсы, конфликты, незаконная эксплуатация природного сырья, дестабилизация, гуманитарные катастрофы.

Abstract: The article analyses an economic aspect of conflicts in Central Africa – the fight for natural resources. Focusing on a long period of history, starting from the colonial years till today, the author defines the dependence between the activities of large western companies on the African continent and the conflicts, depicts the relationships between the presence of foreign military forces in the DRC with the plundering of natural resources of the DRC, and discloses the reasons of the rising conflicts in the areas of the DRC, which are mostly rich in such raw materials as gold, diamonds, coltan, copper, tin ore and others. As a result, the research concludes that the “shadow” economy of the DRC is intrinsically connected with the multinational corporations, for which an unstable climate is a must-have condition of activity. Therefore, conflicts in Central Africa are directly connected with the use of natural resources.

Key words: Africa, natural resources, conflicts, illegal use of natural resources, destabilization, humanitarian disasters.

Конфликты в Африке имеют различные причины, среди них – этнические, социальные, религиозные, политические и многие другие. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать суть одного из аспектов, а именно экономической причины конфликта – борьбы за природные ресурсы. В связи с этим автор поставил перед собой такие задачи, как выявление закономерностей между конфликтами в Центральной Африке и эксплуатацией природных ресурсов, установление связей между деятельностью западных стран на Африканском континенте и очагами напряженности, возникновение других проблем экономической политики.

Данная тема интересует сейчас многих западных ученых, а также самих африканцев, которые подходят к ней, исходя из своего собственного опыта. За рубежом каждый год появляется достаточно много работ относительно конфликтов в Африке, чего нельзя сказать об отечественной литературе. Среди фундаментальных работ на русском языке можно назвать лишь две: П.В. Кукушкин, Д.В. Поликанов. Кризис в районе Великих озер: Руанда, Бурунди, Заир. М., 1997; Д.В. Поликанов. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. – М., 1998. В течение последующих десяти лет состав тематически близкой литературы по африканистике пополнялся лишь публикациями отдельных статей, новых монографий не выходило.

При написании статьи автор опирался, прежде всего, на полевые исследования, которые она проводила в ДРК в течение трех лет (2004- 2007), работу в библиотеке Архива Генри Стенли в Королевском Музее Центральной Африки в Тервюрене (Бельгия), а также другие зарубежные и отечественные источники и сочинения.

Богатейшие наземные и подземные природные богатства Африки издавна служили предметом раздора и конкуренции различных социальных и общественных групп людей. Сначала к их числу относились племенные вожди, с открытием континента – торговцы из других частей света, затем западные монополии. В современную эпоху природные ресурсы становятся источником обогащения не только мультинациональных корпораций, но и узкого круга африканской политической элиты и высокопоставленных военных. Борьба за контроль над сырьевыми ресурсами часто сопровождается локальными конфликтами и опустошительными войнами, приводит к гибели миллионов людей и гуманитарным катастрофам. Только в 1996 г. вооруженными конфликтами были затронуты 14 из 53 стран Африки. На долю этих воюющих африканских стран пришлось более половины всех погибших людей в ходе войн в современном мире, появилось более 8 миллионов беженцев [4, 3].

Демократическая Республика Конго находится в самом центре Африки и концентрирует весь комплекс проблем, связанных с происхождением конфликтов в Центральной Африке. Ее история, вне зависимости от находящегося у власти режима, представляет собой историю безудержной эксплуатации природных и людских ресурсов, которая всегда сопровождалась жестким применением силы. Однако, несмотря на продолжительную эксплуатацию природных ресурсов (ПР), эта страна и сегодня обладает мощным потенциалом полезных ископаемых. ДРК занимает одно из ведущих мест в мире не только по добыче и экспорту ценных минералов, но и их потенциальным запасам. По данным ОАО «Зарубежгеология» за 2009 г., ресурсы меди в ДРК оцениваются в 46851,0 тыс. т, кобальта – 4140,0 тыс. т, золота – в 260 т, алмазов – 300 млн. карат [1, 14].

Чтобы лучше понять взаимосвязь между ПР и конфликтами, обратимся к недавней истории ДРК. В конце XIX в. промышленная революция в Европе, развитие энергетики, химической промышленности, коммуникаций, машиностроения требовали поиска новых источников сырья. Именно в это время европейские политики и предприниматели обратили свои взоры к Африканскому континенту. В 1879 г. предприимчивый король Бельгии Леопольд II под гуманитарным предлогом организовал ряд экспедиций в бассейн реки Конго. Реальная же его цель – вторжение в глубь Африканского континента – заключалась в открытии новых земель и эксплуатации ПР и людской силы. Выступая в 1883 г. перед миссионерами, отправлявшимися в Конго, Леопольд II обратился к ним со следующим напутствием: «Цель вашей миссии в Африке состоит не в обучении негров богословию, они и без вас это хорошо знают и поклоняются своим богам. ... Главная ваша роль – облегчить задачу чиновников и предпринимателей. И еще: никоим образом не возбуждать интерес наших дикарей к богатствам, которыми переполнены их леса и недра во избежание смертельной схватки с ними» [10, 22]. В информационный «аппарат» ко-

роля Леопольда II входили люди различных профессий. Среди них были геологи, топографы, медицинские работники, военные, ученые. Все они снабжали короля важной информацией о природных богатствах Конго. Так, личный советник и партнер Леопольда II по торговым обменам между Бельгией и Конго Эдуард Бунж посылал в метрополию постоянные сводки о состоянии дел в колонии. Они касались финансового рынка, продажи злаковых культур, хлопка, каучука, пальмового масла и другого колониального товара [9, 8]. Но особое место среди советников бельгийского монарха занимали, по всей видимости, геологоразведчики, такие, как, например, Жюль Корне, который оставил после себя много документального материала, хранящегося в архиве Генри Стенли в Музее Центральной Африки в Бельгии.

После Берлинской конференции 1885 г. началась интенсивная эксплуатация территории Конго, словно в насмешку названного Независимым государством Конго (НГК). С 1885 по 1960 гг. ПР Конго оставались в центре бельгийской стратегии. Вначале колониальные чиновники сосредоточивали внимание на добыче слоновой кости, затем на добыче каучука наряду с хлопком, кофе и пальмовым маслом. С 1887 г. колониальные власти НГК начали сдавать в аренду концессии и продавать земельные участки частным компаниям, которые отчисляли государству значительную долю доходов, полученных от продажи каучука в Антверпене (Бельгия).

На приобретенных землях использовался принудительный труд местного населения, которое подвергалось жестокому обращению со стороны наемных надсмотрщиков. Бунты и восстания становились не редкостью в НГК. Так, в 1895 г. протесты против насилия были отмечены в г. Лулуабурге, в 1900 г. – на шахте Шинколомбе в провинции Шаба и других местах. Для подавления восстаний бельгийская администрация прибегала к наемным военным, которых Леопольд II потом щедро одаривал. Одному из своих любимцев, офицеру Данису после успешных военных действий в 1893 г. он пожаловал даже титул барона [3, 279].

Распространяя свое влияние, бельгийские колонизаторы стремились вытеснить с конголезской территории арабских и суахильских торговцев, которые в течение многих лет поддерживали связи с племенами Конго. Бельгийцы не хотели покупать слоновую кость у местных вождей, тем более, у перекупщиков-арабов, а стремились завладеть ценным сырьем с минимальными потерями, силой устраняя своих соперников. Это создавало очаги напряженности в отдельных районах Конго, особенно на востоке страны. «Обстановка в восточной части бассейна Конго была настолько накаленной, что любое из многочисленных столкновений, происходивших между агентами государства и местными торговцами, могло стать предлогом для начала военных действий», – отмечал отечественный африканист А.З. Зусманович [3, 271].

В результате безудержного разграбления ПР на рубеже XIX – XX вв. в Конго появилась так называемая параллельная экономика. Чтобы избежать налогов, люди переходили границы других государств и создавали там нелегальные сети добычи и продажи полезных ископаемых. По мере того, как ресурсы страны расхищались, неформальный сектор экономики, основанный на контрабанде и мошеннической торговле сырьем, процветал и превратился в единственный способ выживания большей части населения. Этот подпольный бизнес укрепил ранее существовавшие связи, основанные на родственных отношениях, между приграничными районами Конго и соседними государствами, включая Уганду, Руанду, Бурунди, Кению, Замбию, Танзанию и Анголу. По мнению французского ученого Самюэля Сольвита, параллельная экономика всегда вела к ослаблению государства, подрывала его основы и служила одним из факторов подпитки конфликтов [10, 30].

Однако конфликты колониальных времен не были чисто военными как таковыми. Местные племена оказывали сопротивление лишь колонизаторам, которые жестоко их эксплуатировали. Колониальная админист-

рация следила за этим и по мере сил и возможностей не допускала их разрастания. С. Сольвит относит эти конфликты к категории низкой интенсивности или революционным, обусловленным классовой борьбой. Он отмечает также еще один важный момент, связанный с колониальной эпохой. Устройство административно-территориального аппарата НГК было подчинено одной-единственной цели – удобной эксплуатации наземных и подземных ресурсов страны, поскольку бельгийские чиновники на местах находились в прямой зависимости от крупных предприятий Бельгии. В то же время никто из них не заботился о развитии и дальнейшей судьбе этой колонии. Политическая и интеллектуальная жизнь там отсутствовала, а непосильный труд, нищета и болезни становились причиной гибели тысяч людей.

С распадом колониальной системы роль Африки как сырьевой базы Запада усилилась, поскольку не стало многих барьеров, которыми метрополии ограничивали доступ других стран к «своим» источникам обогащения. Несмотря на слабую геологическую изученность Африканского континента, некоторые страны уже были известны своими «кладовыми» минерального сырья. В Ливии, Алжире и Нигерии были найдены запасы нефти и газа, в Гвинее – бокситы, в Габоне, Нигере и ЦАР – уран, в Замбии и Конго (Киншаса) – медь, в Сьерра Леоне – алмазы [5, 154]. Экономическая отсталость большинства африканских стран, отсутствие собственной промышленности облегчили внедрение иностранных компаний в сферу ПР континента. Вместе с тем борьба за контроль над источниками сырья обострила местные конфликты, а в ряде случаев спровоцировала новые инциденты. Ярким примером служат события 1961 г. в Конго в провинции Катанга, когда сторонник политической оппозиции Моиз Чомбе стремился к отделению этой богатой ценным сырьем провинции при поддержке США, Бельгии и Франции.

В конце 80-х гг. XX в. роль ПР в возникновении конфликтов значительно эволюционировала. Этому способствовала смена

национальной и международной обстановки. Биполярная система времен «холодной войны» стала заметно разрушаться. Вместе с ней ломались политические стереотипы, расширялись экономические возможности частных предпринимателей, формировался новый мировой порядок, диктовавший свои законы мирохозяйственных связей.

Новая мировая конфигурация повлияла и на ситуацию в ДРК, которая, по словам бельгийской журналистки Колет Брэкман, открыла двери для «новых грабителей», включая криминальные международные сети, вооруженные группировки и частных предпринимателей. Изобилие природных ресурсов страны в контексте меняющегося мира, новые действующие лица и потребности в новом сырье обусловили другие формы конфликтов, стимулировавших расхищения ПР. В период с 1996 по 1997 гг. страна находилась в состоянии войны, которую вел подпольный лидер Лоран Дезире Кабила против власти Мобуту Сесе Секо.

В этом конфликте промышленные предприятия и их иностранные лобби играли не последнюю роль. Чтобы защитить свои интересы, многие предприниматели, занятые в горнодобывающей промышленности, договаривались с теми, кто мог лучше обеспечить их интересы в богатых провинциях Киву, Катанге и Касаи. Кабила, возглавлявший политическое объединение «Альянс демократических сил за освобождение Конго /Заира (АКСОДЗ)», стал выполнять роль их посредника. В 1997 г. АКСОДЗ контролировал большую часть природных ресурсов, включая Южное Киву (золото, колтан и олово); Касаи (алмазы); Катангу (колтан, медь, марганец). Не будучи еще президентом, Кабила совершал сделки с иностранными предприятиями. Так, в апреле 1997 г. он подписал контракт с компанией «Америкэн минерал филдс» на сумму в 1 млрд долл. США, который давал ей право заниматься добычей цинка, меди и кобальта. Заинтересованные компании способствовали легитимизации власти Кабилы. Они финансировали повстанцев, чтобы обеспечить свои интересы и

поддержать лояльно настроенного к ним Кабилу. Экономические интересы, связанные с природными ресурсами, стали главным «мотором» в свержении Мобуту.

С первых дней возникновения оппозиции в лице АКСОДЗ Л.-Д. Кабила по существу действовал так же, как и его свергнутый предшественник. Он установил в высшей степени личный контроль над государственными ресурсами, исключавший какую-либо прозрачность и наличие отчетности. Центральная власть над государственными предприятиями практически отсутствовала, концессии раздавались без ограничения, коррупция проникала во все сферы общества.

К. Брэкман назвала этот период «карнавальным представлением» [6, 12–13], поскольку ситуация в промышленном секторе, особенно в горнодобывающей отрасли, и впрямь напоминала театральное зрелище. Оно выражалось в бурной приватизации государственных предприятий с появлением множества частных компаний и перекупщиков из различных стран мира. Среди них – Энвил мининг (Австралия), Банро (Канада), Барейк-Голд (Бельгия/Канада), Дженсор (ЮАР), Лендин (Канада) и другие. К ним присоединились различного рода нелегалы как из Заира (именно так называлась страна в период с 1965 по 1997 гг. – Г.С.), так и соседних стран, которые также были не прочь обогатиться. По незаконному вывозу кофе страна в 1970-х гг. была «чемпионом» среди лимитрофных стран. Об этом писал в своих отчетах региональный директор службы госпредприятий Заира Ифоли Инсило [7, 26].

В 1998 г. либеральная политика Кабилы спровоцировала кризис, приведший к разделу страны между внутренними и иностранными вооруженными группировками. Вслед за ним последовал вооруженный конфликт с непосредственным участием семи государств, включая ДРК, Руанду, Уганду, Бурунди, Анголу, Зимбабве и Намибию, и косвенным – Судана, Замбии и Чада. Каждая страна, вовлеченная в конфликт, преследовала цель завоевания властных позиций в добыче при-

родных ресурсов. Началась «коммерциализация военного присутствия»¹ в ДРК, и в связи с этим природные ресурсы стали играть новую роль внутри конфликтов. Сложность взаимосвязей между государствами-участниками конфликта, криминальными группами и многочисленными национальными объединениями в ходе войны стала иллюстрацией их повышенного интереса к ПР ДРК. Конфликты в зоне разработок полезных ископаемых становятся рентабельными для их владельцев, а дестабилизация обстановки – выгодной для действующих лиц и компаний. Суть проблемы заключается в том, что в этой налаженной системе ПР стимулируют конфликты. Изобилие военных группировок, недостаточная прозрачность их деятельности, а также туманность связей промышленных предприятий и отдельных политиков лишь укрепляют идею рентабельности конфликта.

Военные как местного, так и иностранного происхождения стремились к расширению сфер контроля над сырьевыми ресурсами, что приводило к военным столкновениям. Как правило, от этого страдало гражданское население, которое было вынуждено скрываться в лесах или переходить границы соседних государств, что, в свою очередь, приводило к масштабным миграциям и гуманитарным катастрофам.

В результате подписания в Сан-Сити (ЮАР) в 2002 г. соглашения о перемирии между участниками конфликта, война в ДРК де-юре была окончена. Однако так называемые микроконфликты продолжались [2]. Их причина была все та же – борьба за полезные ископаемые, сельскохозяйственную продукцию и поступление налогов. Эксперты ООН, занимавшиеся проблемой ПР ДРК, пришли к выводу о том, что добровольно военные группировки не прекратят своей деятельности, даже если произойдет окончательный вывод иностранных вооруженных сил с территории ДРК. Более того, эти группировки

¹ Этот термин ввел Кристиан Дитрих. Dietrich, Christiane. Monnaie forte: l'économie criminalisée des diamants dans la République démocratique du Congo et les pays voisins. Ottawa (Canada): Partenariat Afrique Canada, 2002. 80 p.

«создали самофинансирующуюся военную экономику, центральное место в которой занимает эксплуатация полезных ископаемых» [2, 5]. Ооновские эксперты также установили, что конечными пользователями конголезских минералов были 17 стран мира, среди них: Бельгия, Германия, Израиль, Индия, Казахстан, Китай, Россия, США, Англия, Франция, Швейцария и Япония. Было также отмечено, что на Африканском континенте основные транзитные маршруты товаров из ДРК проходят через Замбию, Кению, Мозамбик, Танзанию, Республику Конго, ЦАР и ЮАР. Причем часть транзита осуществляется тайно, а основной оборот – под видом законной торговли. В результате мировые компании, защищающие экономические интересы своих государств, закрывали глаза на нелегальный бизнес в чужой стране.

Сейчас ситуация в ДРК складывается таким образом, что как компании, так и отдельные предприниматели, занятые в горнодобывающем бизнесе, сохраняя и оберегая свои интересы, становятся одновременно и политическими действующими лицами. Поддержание конфликтов в зонах добычи и разработок полезных ископаемых является непереносимым условием их деятельности. Среди них – мультинациональные американские, бельгийские, канадские, английские, южноафриканские компании, которые не соблюдают линию Международной организации по сотрудничеству и развитию (ОСДР). В результате они косвенно поощряют присутствие в провинции Киву одной из наиболее проблемных военных группировок руандийского происхождения – «Демократического фронта освобождения Руанды» (ДФОР) и способствуют подпитке вялотекущего там конфликта [8, 13-15].

В итоге в районах концентрации полезных ископаемых сохраняется нестабильная обстановка, негативно влияющая на созидательные процессы не только в стране, но и во всей Центральной Африке. В то же время ПР продолжают эксплуатироваться, принося определенным группам людей баснословные прибыли. По оценкам экспертов, более 80%

экономики ДРК остается «теневой», и выхода из этой драматической ситуации пока никто не знает, несмотря на постоянное внимание к этой проблеме со стороны ООН, других международных организаций и отдельных государств. Причина тупиковой ситуации, по мнению автора, в том, что слишком тесно сплетены невиданные нити доходного бизнеса в ДРК, начиная от обездоленных старателей до богатейших компаний Африки, Европы и Америки.

Какими бы ни были причины конфликтов, а, помимо борьбы за ресурсы, имеется много других, их отрицательные экономические последствия огромны. Наносится невосполнимый ущерб экономике, санитарии, культуре, образованию, политической и гуманитарной сфере, деградирует экологическая система, растет беспризорность и преступность. Еще труднее оценить человеческие потери.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврилов И.Т., Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база стран Африки и возможные направления сотрудничества с Россией // Африка: моделирование нового мира. Ежегодник. 2009. М.: РУДН, 2009. С. 14-89.
2. Заключительный доклад Группы экспертов по вопросу о незаконной эксплуатации природных ресурсов и других богатств Демократической Республики Конго // Документ ООН № S/2002/1146. 16 октября 2002.
3. Зусманович А.З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876-1894 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 271, 279. 355 с.
4. Причины конфликтов и содействие обеспечению прочного мира и устойчивого развития в Африке // Документ СБ ООН № A/52/871-S/1998/318. 13 апреля 1998 года.
5. Тарабрин Е.А. Новая схватка за Африку. М.: Международные отношения, 1972. С. 154-319 с.
6. Braeckman, C. Le Congo transformé en libre-service minier // Le Monde Diplomatique. P. Juillet 2006. P. 12-13.
7. Ifoly Insilo. Le Kivu // Sept ans après. Agence Zaire Presse. 1972. № 1. P. 26. 39 с.
8. Mercier, Brune. RD Congo. Ressources naturelles et violence. Le Cas de FDLR // GRIP, 2009. № 7. P. 13 et 15.; Stefen Jackson. Nos richesses sont pillées ! Economie de guerre et rumeurs de crime au Kivu // Politique africaine 2004. № 84. P. 14 et 117.

9. Schuylenbergh, Patricia van. La mémoire des Belges en Afrique Centrale. Inventaire des Archives historiques privées du. Vol. 8. Tervuren (Belgique): Musée Royal de l'Afrique Centrale, 1997. P.8. – 149 p.
10. Solvit Samuel. RDC: Rêve ou illusion. Conflits et ressources naturelles en République Démocratique du Congo. P.: L'Harmattan, 2009. P. 22, 30. 110 p.

УДК 620.9.001.12/18

Танайлов С.В.

Московский государственный областной университет

ГЕОПОЛИТИКА И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

S. Tanaylov

Moscow State Regional University

GEOPOLITICS AND ENERGY SECURITY

Аннотация. В статье дан анализ современных условий, в которых резко возрастает значение фактора энергетической обеспеченности общества с точки зрения гарантий его дальнейшего выживания. Показано, что проблемы энергетической безопасности вышли на первый план для стран мира, в частности, и для России. Раскрывается связь между «энергетической войной» на мировом рынке энергоносителей и геополитическим статусом стран, в нее втянутых или так или иначе от нее зависящих. Характеризуются позиции России, США, Евросоюза, Китая, Японии в проведении энергетической дипломатии в связи с энергоресурсными регионами.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, энергетические ресурсы, энергетическая война.

Abstract. The article analyzes the modern conditions, in which the significance of the factor of society energy provision from the point of view of its further survival guarantee rises sharply. The problems of energy security for any country in the world, especially for Russia, take the leading position. The connection is revealed between “energy war” on the world market of energy resources and geopolitical status of the countries involved in it or dependent on it. The author also characterizes the attitudes of Russia, the USA, EU, China and Japan towards conducting energy diplomacy regarding energy resource regions.

Key words: energy diplomacy, energy resources, energy war.

Перевод темы энергетических ресурсов в плоскость стратегии новой «энергетической войны» дает понимание множества труднообъяснимых на первый взгляд закономерностей: почему трассы нефте- или газопроводов прокладываются там, где, казалось бы (с экономической точки зрения), они не должны проходить; почему вдруг начинают осваивать месторождения, расположенные в экономически недоступных районах, и оставляют без внимания другие, более перспективные (с точки зрения себестоимости добычи)? Какая взаимосвязь между энергоресурсным потенциалом страны и ее геополитическим статусом в современном мире?[6]

Мировой кризис, нестабильность мирового порядка, вызванная ломкой прежней системы геополитических координат и появлением новых центров сил различного масштаба, тесно связывает решение вопросов государственного и общественного развития с определением геополитической стратегии и внешнеполитического курса.

В хозяйственной практике промышленно развитых стран, в условиях объективно существующей ограниченности природных ресурсов, задача обеспечения сырьем производства и жизнедеятельности населения уже давно является вопросом первостепенной важности. Энергия – не только и не столько благо, данное нам природой, но, прежде всего, – экономический продукт, первичное экономическое благо. Она является по существу главной, системообразующей ценностью любого производящего общества, и перед ее полезностью, в конце концов, может отступить на второй план полезность таких традиционных ценностей общества потребления, как золото, предметы роскоши и тому подобные, производимых с помощью энергии, являющихся производными, вторичными экономическими благами.

Таким образом, в современных условиях резко возрастает значение фактора энергетической обеспеченности общества с точки зрения гарантий его дальнейшего выживания.

В свою очередь, научно-технический прогресс, являясь одним из важных факторов развития человеческого общества, также существенным образом способствует актуализации руководством каждого государства вопроса о доступе своих хозяйствующих субъектов, прежде всего, к энергоресурсам.

Всезрастающий спрос на энергетические ресурсы обострил конкуренцию на мировом рынке энергоносителей до состояния «энергетической войны» между основными его участниками. Каждый из них старается в наибольшей степени обезопасить свое энергетическое будущее за счет навязывания своих правил игры, развития своих конкурентных преимуществ, контролирования если не всего, то хотя бы части мирового рынка энергоресурсов.

В кратком обзоре Международного энергетического агентства (МЭА, Париж, ноябрь 1992 г.) отмечается следующее:

- энергетическая политика, ориентированная на рынок, предусматривающая снятие контроля над энергетической промыш-

ленностью и ценами, привела к конкуренции между источниками энергии и к менее ограниченной торговле энергией;

- энергетические рынки приобрели глобальный характер, появилось много новых участников и новых форм торговли, при этом выгоду получил потребитель энергии;

- потребление энергии в развивающихся странах равно потреблению в развитых странах.

Рост производства и потребления энергии в том виде, как он осуществляется в наше время, ведет, как показывают многочисленные расчеты и исследования, к экологической катастрофе и сопровождается межрегиональными конфликтами. Этот процесс одинаково опасен для всех стран и народов, для богатых и бедных. Актуальнейшей проблемой стало такое осмысление протекающих глобальных процессов, которое позволило бы определить адекватные принципы разумного производства, распределения и использования энергии в различных регионах мира для обеспечения устойчивого развития человечества.

По прогнозам, мировая потребность в первичных энергоресурсах увеличится в 2008-2030 гг. на 55%; среднегодовые темпы роста составят 1,8%. Спрос достигнет 17,7 млрд. т нефтяного эквивалента, по сравнению с 11,4 млрд. т в 2007 г. Ископаемое топливо останется основным источником первичной энергии; на его долю придется 84% от суммарного роста спроса в 2008-2030 гг. Нефть сохранит свою роль в качестве основного вида топлива, хотя ее доля в мировом спросе сократится с 35% до 32%. Спрос на нефть достигнет 116 млн. баррелей в день в 2030 году, что на 32 млн. баррелей в день (или на 37%) больше, чем в 2007 г. [6].

На развивающиеся страны, экономика и население которых растут очень быстрыми темпами, будет приходиться 74% роста мирового потребления первичной энергии. На Китай и Индию – 45% этого роста, на страны ОЭСР – одна пятая часть, на страны с переходной экономикой – оставшиеся 6%. В целом развивающиеся страны обеспечат 47% роста мирового спроса в 2015 г. и более

половины – в 2030 г., по сравнению с 41% на сегодняшний день [4].

В течение последнего десятилетия существенным образом изменилось соотношение сил на мировом рынке энергоресурсов. Если еще до конца прошлого столетия этот рынок оставался во многом дуопсоничным, теперь же ситуация в корне изменилась и можно говорить о ярко выраженной тенденции его дуаполизации.

Абсолютное большинство аналитиков [3] склонны считать, что причины, вызвавшие коренное изменение ситуации, следующие.

1. У России в настоящее время достаточно сил и средств выстраивать свою ресурсную и энергетическую политику не только внутри страны, но и за рубежом, исходя из интересов собственной безопасности и для противостояния конкурентам.

2. Объединенная Европа все откровеннее демонстрирует свое намерение освободиться от «услуг» США по обеспечению ее (Европы) энергетической безопасности, что является необходимым условием для обретения Европейским Союзом статуса доминанты геополитики. В связи с этим трудно не согласиться с мнением ряда экспертов, что Европа фундаментально заинтересована как в прямом взаимодействии с ближневосточными регионами и проведением в них своей, независимой от США ресурсодобывающей политики, так и в развитии евразийских месторождений и соответственно, в транспортировке ресурсов по безопасным с ее точки зрения маршрутам.

3. Интересы России и энергетические приоритеты современного Евросоюза близки. Россия и страны Европы заинтересованы в реорганизации транснационального механизма ресурсо- и энергообеспечения на всем Евразийском континенте (от Европы до Ирана и Центральной Азии). США же, напротив, заинтересованы в сохранении статус-кво.

4. Китай и Индия представляют собой формирующихся гигантов мировой экономики и международных энергетических рынков. Развитие энергетики в Китае и Индии приводит к трансформации глобальной

энергетической системы за счет огромных размеров этих стран и их возрастающей роли в международной торговле ископаемым топливом. Стремительное развитие экономики привело к резкому увеличению энергетических потребностей данных стран, растущая доля которых обеспечивается за счет импорта энергоресурсов, что делает их все более уязвимыми по отношению к изменениям, происходящим на мировых энергетических рынках.

5. В дальневосточном секторе евразийского рынка энергоресурсов объем потребительского спроса вполне сопоставим с потребностями Евросоюза. Речь идет, в первую очередь, о Японии и Южной Корее и их энергетических перспективах. Своих ресурсов в этих странах нет, и это притом, что они представляют собой колоссальный рынок их потребления. Этим странам так же, как Европе и США жизненно необходимы альтернативные способы поставки энергии. Вполне очевидно, что энергетические перспективы этих стран не могут быть реализованы без участия России.

Прогноз развития мировой экономики показывает, что XXI в. будет характеризоваться интенсивным развитием стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Тихий океан окаймляют три группы стран (или регионов):

- с низкой плотностью населения и с большими запасами природных ресурсов (Россия, Австралия, Латинская Америка, Канада);
- густонаселенные (Китай, Индия, Япония, Корея, Вьетнам и другие);
- со сверхвысокой технологией производства (Япония, США, Канада, Австралия, Южная Корея).

О роли энергоресурсов в определении вектора геополитики в современном мире свидетельствует анализ, проведенный по основным направлениям геополитического соперничества.

Обратимся к временам «холодной войны». Важнейший внешнеполитический документ того времени – директива президента США NSDD-66, в которой фактически была объ-

явлена экономическая война с СССР. Ее задачами были: сокращение советской способности продавать энергоносители по высоким ценам; сокращение способности СССР покупать западные технологии. Реализация этой директивы известна.

Позже отработанные методы и способы экономического противоборства нашли свою реализацию в государственной доктрине США «Соперничество».

Сделаем далее небольшой экскурс по современным важнейшим энергетическим узлам, определяющим региональную или глобальную геополитику.

Начнем с энергетики и геополитики в регионе Каспия. Весь прикаспийский регион и Каспий объявлены зоной национальных интересов США. Именно здесь отмечается наибольшая активность крупнейших американских нефтяных корпораций, добывающих доминирующих позиций в регионе. Используется неурегулированность статуса Каспийского моря.

В обозримом будущем Каспий по запасам энергоносителей не сможет конкурировать с нефтяными ресурсами Персидского залива, но может стать наиболее значимым новым игроком на мировом нефтяном рынке в следующем десятилетии. По имеющимся оценкам, экспорт нефти из Каспийского региона может к 2015 г. достичь около 100-200 млн. т. в год – это от 3,5% до 7% нынешней мировой добычи нефти.

Важно, что Каспийский регион может стать одним из основных поставщиков газа в Европу. Экспорт нефти и газа к началу будущего десятилетия может оказаться сопоставимым по объему с российским.

Небезынтересен проект, подготовленный американскими специалистами, по глобальному освоению Прикаспия, получившего в конгрессе США название «Стратегия шелкового пути-97». Цель проекта – обеспечить монополиям США доступ к запасам нефти и газа. Согласно проекту, предлагается строительство магистральных трубопроводов от Каспия на юго-запад и юго-восток, то есть через Закавказье в Турцию к Средиземному

морю, а в перспективе – через Афганистан и Пакистан к Индийскому океану. Транспортировка «основной» нефти должна идти, по замыслу авторов проекта, в обход России.

Здесь пересекаются интересы России, Турции и Ирана. Интересы России здесь – это не только участие российских нефтяных компаний в освоении и добычи нефти, но и контроль над транспортировкой добываемых там углеводородных ресурсов, чтобы возможно большая их часть поступила на европейские рынки через российскую территорию – прежде всего через Новороссийск. Москва готова к серьезным компромиссам ради стратегической цели – направить основной поток нефти через Россию. Здесь просматривается увязка разрешения каспийского узла с урегулированием конфликта по Нагорному Карабаху. Ведь сегодня понятна позиция Азербайджана, допускающая компромисс – нефть на безоговорочную поддержку Запада в конфликте с Арменией и освобождение оккупированной территории [8].

Другим регионом являются Балканы. Через страны Балканского полуострова проходит самый короткий путь из Европы к ресурсам Юго-Западной Азии и Ближнего Востока, поэтому-то здесь самая высокая региональная плотность транснациональных трубопроводов на единицу площади на всем Евразийском континенте. Это обстоятельство во многом объясняет современную конфликтность Балкан. Основными стратегическими транснациональными нефтепроводами, пронизывающими полуостров, являются энергетические коридоры № 4, 5, 8, 10 [7].

Балканский энергетический коридор еще долго будет оставаться источником геополитических конфликтов на территории современной Европы. И вполне очевидно, что «здесь кроются разгадки» альянсов «старой» и «новой» Европы с Вашингтоном и политикой Запада в отношениях с Россией [1].

США, навязав Европе автономию Косово, не только обзавелись базой, откуда можно блокировать морскую торговлю в Средиземном море и осуществлять «миротворческие» операции против Средиземноморских стран,

но и заимели мощный рычаг воздействия на объединенную Европу [6].

Нельзя упускать из вида основную составляющую Косовского вопроса – богатство Косово природными ресурсами, по их запасам у этого региона нет, пожалуй, равных на Балканах, а возможно, и во всей Европе. Особенно недра этого края богаты на месторождения свинца, цинка, никеля, кадмия, бокситов, марганца, галлузита, селена и кварца. По данным Всемирного банка, стоимость минеральных ресурсов Косово составляет более 19 млрд. долларов [5].

Рассмотрим проблемы: энергетику и геополитику в регионе Ближнего Востока. Российские нефтяники отдают себе отчет, что нынешнее состояние отрасли в целом и отдельных компаний (даже крупнейших, таких, как «ЛУКОЙЛ») не позволяют им надеяться на то, чтобы потеснить западные компании с месторождений Саудовской Аравии и Кувейта. Российские компании могут только получить право на участие в освоении ближневосточных нефтяных месторождений.

Во влиятельных политических кругах большинства ближневосточных государств превалирует мнение, что необходимо найти противовес безраздельной гегемонии США. При этом роль такого противовеса отводится Москве.

Потери СССР и России от введения эмбарго против Ирака с учетом упущенной выгоды составили не менее 23 млрд. долларов.

Следует отметить, что крупнейшие западноевропейские и, опосредованно, американские корпорации проявляют активность по обустройству крупнейших месторождений нефти в Ираке. Не исключено, что эмбарго будет снято после того, как американские фирмы займут стартовые позиции и сумеют создать условия для размещения значительных объемов иракской нефти на мировом рынке.

В энергетике и геополитике Азиатско-Тихоокеанского региона выделим два узла:

1. Россия – Китай.
2. Россия – Япония.

Рациональная внешняя политика госу-

дарства в этих условиях – балансирование интересов, «энергетическая дипломатия». Основные направления ее: развитие Дальнего Востока и Сибири с привлечением частных российских и иностранных (западных, японских) капиталов, рабочей силы (из стран СНГ, Китая, Кореи), создание системы экономической и научно-технической взаимозависимости с КНР, всестороннее развитие отношений со всеми странами АТР. Реализация нефтяных, газовых и электроэнергетических проектов в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в Центральной Азии позволила бы России приобрести весомый региональный геополитический потенциал.

В свою очередь, японская сторона после красноярской встречи в верхах (в ноябре 1997 г.) предложила России осуществить в общей сложности 39 совместных проектов на 2,2 млрд. долларов.

Основные предложенные проекты:

1. освоение шельфа Охотского моря (стоимость 100 млн. долларов);
2. строительство энергомоста Южная Якутия – Сахалин – Япония. Проект предполагает строительство каскада ГЭС на реке Алдан и ТЭЦ на Сахалине. Эта трасса позволит транспортировать в год до 30 млрд. кВт/ч электроэнергии;
3. экспорт природного газа из Нижнего Приангарья. Стоимость проекта - 1 млрд. 400 млн. долларов;
4. строительство термоплана-дирижабля грузоподъемностью до 600 тонн для освоения малонаселенных труднодоступных районов.

Успешная реализация этих и им подобных проектов могла бы демпфировать территориальные претензии японской стороны.

Нельзя забывать про энергетические интересы США к нефтяным месторождениям России. Здесь следует отметить стремление американских компаний к участию в разработке нефтяных месторождений на территории России.

Рассматриваются, например, различные варианты эксплуатации Тимано-Печорской нефтяной провинции. Это уже 75 разведан-

ных месторождений с суммарными извлекаемыми запасами свыше 1 млрд. т. нефти. Для их разработки создан консорциум Timan Pechora Company, в который входят Техасо, Тихон, Amoco, Norsk Hydro.

Рациональная государственная политика по отношению к естественным монополиям могла бы способствовать, в частности, принятию решений руководством компании «ЛУКОЙЛ» о северном маршруте транспортировки нефти, о строительстве специального терминала в Латвии и, как результат, продвижению национального интереса России, провозглашенного в «Концепции национальной безопасности России», по защите русскоязычного населения за пределами национальной территории государства [8].

Северная Арктика также становится геополитической проблемой, связанной с энергоресурсами, по мере того, как страны-соперницы включаются в гонку за контроль над Северным полюсом и теми богатствами, которые скрыты в океаническом дне. Как отмечает А.Н. Дмитриевский (директор Института проблем нефти и газа РАН, академик РАН), Северный Ледовитый океан богаче, чем Индийский, Атлантический океаны, и в пять раз богаче Тихого океана. Подо льдами Северного Ледовитого океана находятся гигантские месторождения, ресурсы. Это будущее России [2]. По прогнозам, ресурсы шельфа Карского моря составляют приблизительно 22 триллиона т. При этом Обская губа – 5 триллионов т. В недрах арктического шельфа сосредоточено как минимум 113 млрд. т углеводородного топлива – нефти и природного газа. Для сравнения: одна из самых богатых ресурсами стран – Саудовская Аравия – обладает примерно 43 миллиардами т такого сырья, Россия – 51 млрд. (в основном за счет газа), Иран – 33 млрд. т. Всего в недрах ведущих государств, владеющих запасами углеводородного сырья, находится не более 160 млрд. т. Поэтому важность арктических запасов трудно переоценить [6].

Но на современном этапе возникла опасность – война за ресурсы данного региона. Об этом заявил Хавьер Солана, верховный

представитель ЕС по внешней политике и безопасности, в прошлом генеральный секретарь НАТО [9]. На арктические территории претендуют чуть ли не все ведущие страны. Но больше всего претензий на эту территорию у стран, побережье которых выходит к Северному Ледовитому океану: США, Канада, Норвегия, Дания (ее провинцией является Гренландия) и Россия. Хавьер Солана представил доклад, в котором предрек столкновение Запада с Россией из-за «огромных минеральных богатств Арктики». По его словам, грядут «энергетические войны», и странам Европы надо к ним готовиться заранее. В США была опубликована программа развития военно-морского флота на XXI в. В ней особое внимание обращено на «возможность конфликта вокруг природных ресурсов Арктики, о своих притязаниях на которые заявляли некоторые государства региона». Еще чуть ранее премьер-министр Канады Стивен Харпер заявил о планах построить в Заполярье две военные базы «для защиты интересов страны». В то же время произошло слияние двух крупнейших нефтяных компаний Норвегии. Предполагается, что они объединили ресурсы для более эффективного освоения Северного Ледовитого океана. Даже Китай счел необходимым претендовать на свое влияние в данном регионе. Поднебесная империя открыла исследовательскую станцию на Шпицбергене, и уже в третий раз в Арктику снаряжается ледокол «Сюелун» («Снежный дракон»). С его помощью китайцы якобы оценивают «арктическое влияние на климат Китая» [9].

Спор за Арктику обострился в связи с тем, что в конце июля 2007 г. российская научно-исследовательская экспедиция отправилась из Мурманска к Северному полюсу с целью доказать, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева, которые тянутся в направлении Гренландии, в геологическом отношении являются продолжением Сибирской платформы.

Канада и Дания также проводят замеры в Арктике и пытаются доказать, что хребет Ломоносова, на который претендует Россия,

состыкован с канадским островом Эллсмер (Ellesmere) и с контролируемой Данией Гренландией.

Канада рассчитывает присоединить к своей территории 310 тысяч квадратных миль арктического морского дна с его запасами углеводородов и других полезных ископаемых. Дания претендует на 62 тысячи квадратных миль. Норвегия тоже провела сонарные исследования и надеется обрести 96 тысяч квадратных миль Арктики, зарезервировав право на дальнейшее расширение этой площади впоследствии.

В Северном Ледовитом океане Россия вне своей двухсотмильной экономической зоны может претендовать на 1,2 млн. квадратных километров континентального шельфа, где потенциальные запасы углеводородного сырья, по некоторым оценкам, составляют около 10 млрд. т условного топлива.

Но Конвенция ООН по морскому праву определяет экономическую границу государства – по двухсотмильной зоне. Расширение экономической зоны допускается лишь в случае, если границы континентального шельфа простираются за пределы 200-мильной экономической зоны. Поэтому в битве за энергетические ресурсы Арктики у России должны быть веские, научно обоснованные доводы, что шельф Северного Ледовитого океана есть продолжение Сибирской континентальной платформы.

С учетом данных обстоятельств России необходимо всячески содействовать усилению позиций национальных энергетических и транспортных компаний, рассматривая их как экономический механизм восстано-

вления и закрепления своего влияния на восточную периферию расширенного ЕС, СНГ и Центрально-Азиатского региона.

Таким образом, в современных условиях проблемы энергетической безопасности для стран мира, в частности для России, вышли на первый план.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев П. Коридоры смерти [электронный ресурс] // форум: Art Of War. Военно-исторический литературный портал. [2007]. URL: <http://forum.artofwar.net.ru/viewtopic.php?p=3609> (дата обращения: 21.11.2008).
2. Дмитриевский А.Н. Богатство, величие и мощь России будут прирастать арктическим шельфом // Наука и техника. 2008. № 30. С. 11-21.
3. Дугин А. Метафизика и геополитика // Наша власть: дела и лица. 2004. № 10. С. 20.
4. Олеарник П. Растущие аппетиты молодых гигантов [электронный ресурс] // Независимая газета. 2008. 15 янв. URL: http://www.ng.ru/energy/2008-01-15/17_appetity.html (дата обращения: 21.11.2010).
5. Пономарева Е. Зачем Вашингтону Косово? // Красная звезда. 2009. № 188. С. 3.
6. Порунов А. Намерения – ничто, возможности – всё. Энергетические войны XXI века // Политический класс. Журнал политической мысли России. 2008. № 42. С. 20-28.
7. Порунов А. Мировая энергетическая круговая экспансия, круговая оборона // Мировая энергетика. 2008. С. 6-13.
8. Ангелов В.Д. Турко Н.И. Энергетика и геополитика // Дипломатический ежегодник. 1999. С.93-94
9. Моисеенко А. Третья мировая война может начаться на Северном полюсе [электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2008. 08 мая. URL: www.kp.ru/daily/24091/322082/ (дата обращения: 11.05.2008).

НАШИ АВТОРЫ

Базанова Елена Алексеевна, магистр истории, аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов; e-mail: ealeenab@gmail.com

Базаркина Дарья Юрьевна, кандидат исторических наук докторант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Баранова Наталия Сергеевна, аспирант кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета; e-mail: arshan20@mail.ru

Безобразова Олеся Станиславовна, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, учитель истории СОШ №11 «с углублённым изучением отдельных предметов» (г. Балашиха); e-mail: bezobrazovao@mail.ru

Бочан Светлана Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт), e-mail: bochan800@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета; e-mail: comer01@yandex.ru

Волобуева Татьяна Олеговна, кандидат исторических наук, специалист первой категории Российского государственного архива социальной и политической истории; e-mail: comer01@yandex.ru

Волосов Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Усть-Илимского филиала Восточно-Сибирской государственной академии образования; e-mail: volosov@rambler.ru

Глухарев Николай Николаевич, аспирант кафедры истории Московского педагогического государственного университета; e-mail: GluharevN@yandex.ru

Гранков Дмитрий Александрович, аспирант кафедры новейшей истории России факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: violinblues@bk.ru

Джантуева Фатима Рашитовна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела этнополитических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН; e-mail: kob-dfr@mail.ru

Ефремов Сергей Игоревич, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: Nordic_man@mail.ru

Качан Георгий Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Дальневосточного высшего военного командного училища; e-mail: g_kachan@mail.ru

Клишина Ольга Семеновна, кандидат исторических наук, доцент Московской Финансово-Юридической Академии; e-mail: Olga-klishina@yandex.ru

Ковылин Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, докторант кафедры Отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; e-mail: dakov77@rambler.ru

Колемасов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского института предпринимательства и права (филиал в г. Пенза); e-mail: kolemasov@penza-gorod.ru;

Кудрявцев Максим Михайлович, адъюнкт кафедры информатики и управления Военного университета; e-mail: ambermax@rambler.ru

Кузнецов Павел Федорович, кандидат исторических наук, директор музея археологии Поволжья Поволжской государственной социально-гуманитарной академии; e-mail: kpf58@sama.ru

Мочалов Олег Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии; e-mail: Oleg-mochalov00@rambler.ru

Хохлов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры анатомии и физиологии человека Поволжской государственной социально-гуманитарной академии; e-mail: kpf58@sama.ru

Лавриненко Наталья Александровна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: tatali85@mail.ru

Лебедев Евгений Николаевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры общественных наук Российского государственного университета туризма и сервиса; e-mail: Lebedev55@mail.ru

Лушников Александр Александрович, аспирант Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского; e-mail: lushnikov1@mail.ru

Мельникова Ксения Геннадьевна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений

Московского государственного лингвистического университета; e-mail: melnikova-kseniya@rambler.ru

Меркулова Анастасия Михайловна, аспирант кафедры политической истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: scorulus@mail.ru

Мухаметзянова-Дутгал Регина Массаровна, кандидат политических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН; e-mail: mdregm@yandex.ru

Наумов Андрей Владимирович, аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: andnau@mail.ru

Невзоров Денис Алексеевич, аспирант кафедры политической истории факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-Mail: chebotarew.mpgu@mail.ru

Никитина Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Московского института экономических преобразований; e-mail: mindliny@mail.ru

Николаева Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета, e-mail: nikolaeva 3145@yandex.ru

Панкратова Елена Владиславовна, старший преподаватель кафедры менеджмента и экономических теорий Пензенского педагогического университета им. В.Г. Белинского, e-mail: Volodinanatalya@mail.ru

Володина Наталья Анатольевна, доктор исторических наук, доцент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства; e-mail: Volodinanatalya@mail.ru

Поляков Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного индустриального университета (Филиал в г. Киров); e-mail: agp17@rambler.ru

Поспелова Юлия Алексеевна, аспирант Московского государственного областного университета; e-mail:julia.pospelova@gmail.com

Реутов Павел Павлович, аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: folkvald@gmail.ru

Самсоненко Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и курортного дела Сочинского государственного университета туризма и курортного дела; e-mail: Samsonenko1962@mail.ru

Сандалов Игорь Александрович, аспирант кафедры Новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: sandman201187@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков факультета истории, политологии и права Московского Государственного Областного университета; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Семенова Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета; e-mail: dashka129k@yandex.ru

Сергеев Сергей Леонидович, ассистент кафедры философии, истории и права Чувашской государственной сельскохозяйственной академии; e-mail: mr.sansi@mail.ru

Сидорова Галина Михайловна, кандидат исторических наук, заведующая Центром научной информации и международных связей Института Африки РАН; e-mail: gal_sid@mail.ru

Старкин Сергей Валерьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского; e-mail: starkinserge@mail.ru

Танайлов Сергей Валерьевич, Московский государственный областной университет, Министерство Обороны РФ, тел. 8-903-164-35-20

Филатова Ольга Ивановна, доцент кафедры молодежной политики факультета искусств, социальных и гуманитарных наук Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого; e-mail: LFVT@rambler.ru

Фоменков Артём Александрович, к.и.н., доцент кафедры общественных наук филиала Сочинского университета туризма и курортного дела в г. Нижний Новгород; e-mail: artjom2310@inbox.ru

Цветков Владимир Сергеевич, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: tsvetkov-vs@yandex.ru

Шевцова Анна Александровна, кандидат исторических наук, докторант, отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск), старший научный сотрудник Центра международных образовательных программ Московского института открытого образования, e-mail: ash@inbox.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБ- ЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *Т.О. Волобуева*
переводчик *Е.А. Кытманова*
корректор *Н.Л. Борисова*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 420 экз. Уч.-изд. л. 20,25, усл. п.л. 16.

Подписано в печать 25.05.2011. Заказ № 419.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik.mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Потаповой Ирине Александровне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru